

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Scan Kreyder - 14.01.2016
STERLITAMAK

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

**МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”
1986**

ББК 84Ук7
В 68

В $\frac{4702010200-287}{078(02)-86}$ 201—86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателям сборник смело можно бы назвать «Украинский детектив-86». А что значит — украинский? Отличается ли он от других чем-нибудь, кроме имен и фамилий действующих лиц? Пожалуй, читатель и сам убедится в этом...

Отличительная черта произведений украинских мастеров приключенческого жанра — повышенная «лирическая температура» повествования, о каких бы трагических событиях ни шла речь. И дело не только в том, что роман, давший общее название книге, начинается... с пения ночных соловьев на берегу Днепра, которых звукорежиссер областного радио Ярош успевает записать перед самым отъездом в отпуск. Нет, лиризм пронизывает всю ткань повествования, и мы не можем не сочувствовать безнадежно влюбленному сотруднику угрозыска Ванже, рыжеусому украинскому хлопцу с чувствительной душой, или Рахиму Гафурову, по-юношески влюбленному в жену и мать своего многочисленного потомства Зинаиду — осиротевшую дочь его фронтового товарища, или даже службисту-сухарю Очеретному, который тоже, оказывается, способен страстно любить. Именно лирическая атмосфера романа и усиливает справедливый гнев читателя против тех, кто ради наживы запутывает в свои сети хороших и милых девчат с трикотажной фабрики, коверкает им жизнь, а то и безжалостно обрывает ее в самом расцвете, чтобы замести следы преступлений. Именно лирический настрой помогает автору показать каждого из действующих лиц *живым* человеком — в горе или радости, в душевных тревогах и волнениях.

Любовь к мужу и боязнь потерять его, любовь к детям, ставшим родными, пусть и не по крови, и страх — неужели холодные руки подлеца безжалостно разрушат это теперь уже не только личное счастье! — вот движущие пружины действия в повести «Дело Ирины Гай».

Обманутые надежды и жгучая ревность, переплетение мелких, «полудетских» обид с более глубокими, пакостно эгоистическими мотивами в основе конфликтов другой повести — «Мечь».

И сквозь все эти роковые страсти, вполне в духе раннего украинского романтизма, все явственнее звучит очень важная для воспитания именно юных, неокрепших душой тема: лучше не оступаться в

жизни даже случайно, преступный мир крепко держит свои жертвы... Так, в первой повести, при всем понимании благородных побудительных мотивов поступков Ирины Гай, автор суров и безжалостен в главном — непрочно счастье, построенное на обмане, человек, вступающий в любой конфликт с законом, рано или поздно понесет наказание...

Авторы сборника — не новички в литературе. Немало книг вышло из-под пера Леонида Залаты и Ивана Кирия; известен не только детективными повестями, но и очерками, фельетонами, юморесками, сборниками стихов и Василий Кохан. Произведения их, включенные в этот сборник, — не головоломные упражнения на детективные сюжеты. Живая сегодняшняя жизнь украинских сел и городов встает с их страниц острыми современными проблемами, которые коротко можно определить одним словом — потребление. Жажда «красивой» жизни, без особого приложения сил, толкает сообщницу одесского гримера на шантаж несчастной женщины, многолетнее вымогательство у нее денег — как расплату за ее же благое дело. Жажда наживы движет «героями» романа Залаты в их отнюдь не социалистической «предприимчивости».

И закономерный крах всех этих трутней, а также привлекаемых ими для палаческих целей «недобитков», сумевших было укрыться от справедливого возмездия после войны (тоже характерная примета именно украинского детектива), снова и снова напоминает читателю: красива лишь та жизнь, где есть простор истинно человеческому в человеке, где гармонично проявляются труд и любовь, где счастье, говоря словами поэта, — это «соучастье в добрых человеческих делах»...

В а л е н т и н С В И Н И Н Н И К О В

Леонид ЗАЛАТА

**ВОЛЧЬИ
ЯГОДЫ**

СОЛОВЬИ ДЛЯ ФОНОТЕКИ

1

В среду звукорежиссер областного радио Ярослав Ярош уходил в отпуск. В кармане лежали путевка в пансионат «Мисхор» и билет на симферопольский поезд. Так уж получилось, что в свои двадцать пять лет он видел море лишь в кино, а между тем оно всегда волновало Яроша неразгаданной тайной. Он вынашивал мечту создать звукофильм — ни одного дикторского вмешательства, говорить должно само море. Воображение Яроша рисовало яркие картины: грозные удары волн о гранитные скалы, шуршанье гальки, едва слышный шепот песка. Он уже заранее предвкушал, как отыщет на берегу дикий уголок, чтобы побыть с морем наедине, послушать, как оно сердится, как радуется.

В воскресенье они вдвоем с Ниной Сосновской бродили по аллеям городского парка, кормили в пруду почти ручных карпов. Ярослав поделился с девушкой своим замыслом, и она, похоже, поняла его, по крайней мере в ее глазах он увидел неподдельное восхищение. А в понедельник Нину словно подменили. Была она необычно напряжена, слушала его и как будто не слышала.

— А может, мне не ехать? Шут с ним, с этим морем! Когда-нибудь выберемся вдвоем.

Наверное, если бы Нина согласилась, он бы обиделся, ведь в конце концов путевки в Мисхор не валяются под ногами, да и звукофильм...

— Нет, Яро, — сказала она, — ты поедешь. От мечты так просто не отказываются. Ты не можешь не поехать.

И тут его словно муха укусила.

— Поеду, — сказал он, — непременно поеду. А тот пучеглазый лейтенант будет тебе ежедневно носить цветы.

— Совсем он не пучеглазый! — возразила Нина. — Славный парень. И очень честный. — Она вздохнула, прижалась плечом к Ярославу. — Не нужно, Яро. И о

лейтенанте, и вообще... Ты верь мне, слышишь! Что бы ни случилось, верь! Я прошу тебя.

Они постояли над прудом. От заходящего солнца по воде протянулась блестящая дорожка. Шелестели ивы.

— А что может случиться? Ты что-то скрываешь от меня?

Нина посмотрела на него почти испуганно.

— С чего ты взял? Это я так, просто так... Пойдем домой. «Да над волнами, да над синими, да над скалами, между тучами, вьются чайки сизокрылые да над ивами, ох, плакучими...» Ты запиши их там, Яро.

— Зачем?

— А я послушаю и поплачу.

— Вот тебе и на! Тогда не запишу.

— Не все слезы с горя. Отец служил на флоте и вот с тех пор не мог спокойно слушать голоса чаек. Поведет меня, бывало, на днепровские кручи и слушает, слушает... Нет, говорит, у морской чайки сердце богаче.

Они уже подошли к дому Нины.

— А вон и твой воздыхатель, — сказал Ярош. — Тут как тут. Видимо, не зря уговариваешь меня ехать.

По улице прохаживался рыжеусый лейтенант милиции. В руке ветка персидской сирени.

— Что вы тут делаете, уважаемый товарищ э-э... страж общественного порядка? Вышли подышать вечерним воздухом в квадрате Н-26? Не угадал? Этот квадрат, этот участок тротуара значится у вас под другим шифром?

— Яро! — воскликнула Нина.

— Впрочем, я, конечно, ошибся. Вы проводите ответственную операцию под кодовым названием «Сирень». Желаю успеха!.. Честь имею!

Ярослав церемонно раскланялся и пошел не оглядываясь.

Эта ночь и следующий день, последний перед отпуском, тянулись невероятно долго. А тут еще Савчук, главный редактор, снял передачу «Природа и мы», даже не дослушав ее до конца. Полистал календарь на столе, качнул костлявым плечом:

— Чудеса! Праздник вон когда отшумел, а соловьи до сих пор хрипят, сорвали, видно, голоса.

Главный смотрел на Яроша поверх очков, в глазах ни тени улыбки, сама невинность. Ох уж эти Савчуковы штучки! Лучше бы выругал. Возражать, однако, было нечего. Соловьи и в самом деле не отличались чи-

стотой голосов. Ярослав давно собирался обновить записи, да все руки не доходили.

Вечером во вторник Нина не пришла на свидание. Впервые за время их знакомства Ярослав сидел на скамейке под ивами и от нечего делать бросал камешки в воду. Корил себя за вчерашнее. Обиделась Нина, не пришла даже попрощаться. Сам виноват, если операция «Сирень» завершится успешно. Может, и сейчас бродят они с тем лейтенантом, смеются над ним, а он сидит тут, как верный рыцарь. Во все времена верность ценилась прежде всего, но что, как не она, чаще всего приносилось в жертву?

Придя к такой мысли, Ярош почувствовал себя обиженным. Захотелось с кем-нибудь поделиться своими горестями. С кем? У отца слишком аналитический ум, как начнет все раскладывать по полочкам, рад не будешь. Вот мать умеет и посочувствовать, и утешить, иногда диву даешься, откуда у нее берутся нужные слова...

Стемнело. Утомленное за день высокое майское небо припало к земле, стало густым и синим, как днепровская вода. Ярослав сел в трамвай и, задумавшись, чуть не проехал свою остановку. Во дворе в зеленой беседке играли в шахматы. В другой раз он не утерпел бы, хоть на несколько минут подошел, постоял за спинами игроков, оценил бы положение на доске, а теперь только скользнул взглядом по игрокам и болельщикам.

— А мы ждали тебя с Ниной, — сказала мать. — Что же ты без нее?

И вдруг он понял, что ничего не скажет матери. Прошло время, когда вместе и радовались и горевали. Вырос — отдалился. Почему так? Куда девалась откровенность?

— Что-то там дома у нее. Торопилась...

Услышал свой голос и поспешил к умывальнику, плеснул водой в разгоревшееся лицо. Впервые в жизни он лгал матери.

Ужинали втроем. В последнее время это случалось не часто. То старшему Ярошу в ночную к своему металлу, то младший задерживался. Зато когда садились за стол вместе, мать чувствовала себя как на празднике.

Около полуночи, разбудив в радиокомитете сторожа, Ярош взял в гараже свою «Яву» и выехал с портативным магнитофоном за город.

Дубовая балка у излучины Днепра начиналась за пе-

реездом через линию пригородной электрички, террасами сбегала к берегу, к самой воде. Густой бурьян был наполнен дремотными голосами цикад, в черной низине за камышом лениво квакали лягушки. Путаясь ногами в зеленых плетях дикого клевера, Ярош шел к старому дубу на поляне. Деревья и кусты словно отшатнулись в стороны в страхе перед мощью его узловатого ствола, а может, наоборот, он и вырос потому таким большим и величественным, поскольку ничто не мешало ему пить вдоволь земные соки.

Ярослав лег на землю лицом вверх, искал хоть какую-нибудь прогалину между тучами, через которую на него глянуло бы ночное небо, ждал соловьев. Он был уверен, что они там, в листве дуба, маленькие серые птички, которым природа так щедро компенсировала голосом неказистый вид. Еще сухой, не увлажненный утренней росой пырей вперемешку с опавшими прошлогодними листьями оказался мягким, покойным ложем, убаюкивал.

Почему же не пришла Нина? Неужели на самом деле махнула на него рукой? А лейтенант — парень действительно симпатичный, и милицейская форма ему идет. Спокойный, уверенный, а это импонирует девушкам... Но как же тогда клятва? Разве слова кидают на ветер, разве их спешат вычеркнуть из памяти, словно их и не было, словно никогда не слетали они с горячих зацелованных губ? И этот шепот: «Ты верь мне, слышишь? Что бы ни случилось, верь!»

Ярослав вздохнул, вырвал с корнем какую-то былинку, принялся жевать ее. Была она горькой и пахла мятой.

Край неба на востоке закрывали кусты, но над ними уже занималась еще не оранжевая, а фиолетовая заря. В конце мая светает рано. Протарахтела моторная лодка, внизу за лозняком на берег накатилась волна, пошумела, затихла. И сразу в кроне дуба запели соловьи. Тенькнул один, заспешил спросонья, захлебнулся, тогда другой начал длинной руладой: «Тьех-тьех, где-ты-там, хватит-спать, все-все-проспишь!»

Ярош успел включить магнитофон, кинул взгляд на микрофон, пожалел, что не догадался раньше повесить его на ветку, и притих, замер очарованный, боясь неосторожным движением выдать свое присутствие, напугать певцов. А соловьи тенькали, высвистывали, заливались. Мелькнула мысль: «Савчука бы сюда!» И сразу

послышалось: «Савчук-Савчук, побил Яроша, побил Яроша!» Ярослав усмехнулся и неожиданно задремал.

Показалось, лишь на миг закрыл глаза. На самом же деле прошло много времени: вокруг все выплыло из темноты, как из тумана, приобрело четкие очертания — деревья, кусты, камыш; соловьи еще пели, хотя не так задорно, с перерывами; тихо скрипел кассетами магнитофон — пленка давно кончилась. Ярослав выключил его, обескураженно глянул на часы. Ну что ж, прощайте, соловьи! Петь вам отныне звонкими голосами в радиопередаче «Природа и мы»...

Ровно в девять утра перрон беззвучно поплыл перед окнами симферопольского поезда. Под осуждающим взглядом пожилой проводницы Ярослав вскочил на подножку в последнюю минуту. Не пришла Нина и на вокзал, а он так надеялся. Заглянул бы в синие глаза и все понял. А теперь впереди три недели одиночества, болезненных раздумий, тревоги. Ярош обиделся и дал себе слово, что первым не напишет ей.

2

Было время, когда Ванжа, недавний выпускник школы милиции, с нетерпением ждал звонков, срочных сообщений. И не сразу понял истину, что наилучший телефон на столе дежурного по отделу тот, что молчит, так как его безмолвие свидетельствует о спокойствии и порядке на улицах большого рабочего города. Нет, горячее сердце лейтенанта милиции Ванжи не охладело, просто оно научилось прислушиваться к голосу разума.

Образцом сдержанности, умения владеть собой он считал капитана Панина, о котором слышался еще тогда, когда проходил стажировку в районном городке в двадцати километрах от областного центра. О его феноменальной выдержке, храбрости и умении безошибочно ориентироваться в сложнейших ситуациях. Прошлой весной, получив назначение в отдел уголовного розыска, возглавляемый Паниным, Василь почувствовал себя на седьмом небе.

Идя на представление к капитану, Ванжа так волновался, что зацепился за порог. Со стороны могло показаться, что лейтенант упирался и его силком втолкнули в кабинет начальника.

Неизвестно, что подумал Панин, однако на его худощавом, от природы смуглом лице не отразилось ни улыбки

ки, ни раздражения, разве что в карих, несколько глубоко посаженных глазах мелькнули искорки.

Сперва Ванже показалось, что он попал не в ту дверь. Слишком не похож был человек за столом на грозу уголовных преступников, по крайней мере совсем не таким рисовало его воображение. Думал, увидит широкоплечего гиганта, с орлиным взглядом и вообще что-то впечатляющее, неординарное, а тут и плечи как плечи, и во взгляде ничего особенного. Был капитан в штатском. Неужели этот интеллигент и есть тот самый знаменитый Панин?

Ванжа собрался с духом, чтобы доложить о своем прибытии по всей форме, но тут зазвонил телефон и Панин снял трубку.

— Вот что, — сказал он, уже обращаясь к лейтенанту, который так и не успел слова вымолвить, — придется нам отложить знакомство. Что-то там случилось, а у дежурного под рукой ни души. Выручайте...

Ванжа скатился вниз по лестнице в комнату дежурного, не чувствуя под собою ног. Еще бы: сразу ответственное задание! В таком деле иногда решают секунды.

— Тут недалеко одной старушке сирень обрывают, сходите разберитесь, — сказал дежурный офицер.

— Сирень? — оторопело посмотрел на него Ванжа. — Какая сирень?

— Обыкновеннейшая, товарищ лейтенант! Та, что растет, цветет и пахнет... Куда же вы? А адрес?

Глубоко обиженный на Панина, он чуть было не прошел нужный двор, но тут за забором послышался шум, и оттуда под ноги лейтенанта плюхнулся растрепанный мальчишка с охапкой сиреневых веток под мышкой.

— С удачным приземлением! — сказал Ванжа. — Я как раз тебя ищу.

— Меня?

Мальчик смерил его взглядом и, похоже, прикидывал, как улизнуть, пока не поздно.

— Мало шансов, — сказал Ванжа.

— Чего мало?

— Шансов, говорю, мало. Что такое стайер, знаешь?

— Это тот, что на длинные дистанции?

— Точно. Имею первый разряд. А ты? То-то же. Ну, пойдем вон к той скамейке. Как зовут?

— Василек.

— Значит, мой тезка. Садись, Василек, поговорим.

Ванжа заметил, что чувство обиды на Панина проходит. Чем-то привлек его этот мальчишка. Захотелось не по долгу службы, а просто так, для себя, узнать, зачем он ломал чужую сирень, да еще выбирал самые лучшие ветки.

— Пахнет.

— Что?

— Сирень, говорю, пахнет. — Ванжа вспомнил дежурного по отделу и улыбнулся. — Растет, цветет и пахнет, а ты ее, значит... Ну-ну, рассказывай, а я слушаю. Ты, конечно, уже придумал подходящее объяснение. Например, у мамы день рождения, а у тебя денег нет. Правда, я где-то слышал, будто краденое дарить неприлично, даже если это цветы. Ты как думаешь?

Мальчишка вздохнул.

— Не умею врать.

— О, это уже что-то! — подбодрил Ванжа. — Слушаю, я весь внимание!

— В кино хотел, а деньги проел на мороженое.

— Ясно. И на правду похоже. Давай договоримся: я тебя отпускаю, а ты даешь слово отныне не трогать чужих цветов и вообще...

Мальчик просиял.

— И в милицию не заберете?

— И в милицию не заберу. Согласен? Ну, давай пять, Василек. Но по-честному. Сам сказал, что врать не умеешь.

Ванжа поднялся, окинул взглядом малолюдную улицу.

— Сирень мы, конечно, могли бы вернуть старушке, да зачем она теперь ей? Осчастливим вон ту красавицу, как ты думаешь?

Лейтенант пошел навстречу незнакомой девушке, и в мыслях не имея, какое прочное место займет она отныне в его жизни.

— Позвольте преподнести вам эти цветы. Не отказывайтесь, пожалуйста.

На него глянули большие синие глаза.

— Не пришла? Та, кому они предназначались.

— А-а... Нет, они никому не предназначались.

Девушка улыбнулась в фиолетовые кисти сирени и пошла, ни разу не оглянувшись.

— Вот такая, Василек, ситуация. — Лейтенант вздохнул. — Ага, а тебя, оказывается, уже и след простыл!

— Тут я, тут. — Из-под скамейки высунулась лохматая голова. — Ушла?

— А чего это ты сюда нырнул?

— А как же? То ж моя сестра, Нинка!

— Сестра? — удивился Ванжа. — Родная?

— Роднее не может быть. Как схватит за ухо... Реакция молниеносная! Возьмите в помощницы, не пожалеете.

— Над твоим предложением я подумаю. А сейчас пойдем, покажешь свой дом.

— Зачем? — встревожился мальчик. — Вы же обещали?

— Не бойся. Должен же я знать, где живет... мой приятель. Гляди, когда-нибудь расщедришься да и в гости пригласишь.

— В гости — это можно, — обрадовался Василек.

Мальчик нравился Ванже все больше. Мысленно лейтенант отметил, что глаза у него точно такие же густосиние. Как у нее... Обида на Панина уже улетучилась. Потом Ванжа узнал, что дежурный офицер вполне мог обойтись без Ванжи, люди под рукой у него были, но капитан Панин имел привычку знакомиться с новичками, давая им с ходу задание, пусть даже такое.

3

Ночь прошла без особых приключений, если не принимать во внимание, что уже с вечера неожиданно заболел дежурный офицер и его заменил начальник отделения БХСС майор милиции Гафуров. Время от времени звонили постовые. На Матросской какой-то озорник разбил камнем окно галантерейного магазина. Под акведуком на набережной обнаружен вполне исправный велосипед. Влюбленная парочка додумалась разжечь костер прямо на Тополиной аллее.

Помощник дежурного по Петровскому райотделу милиции лейтенант Ванжа листал изрядно потрепанную книжку. В открытое настежь окно было слышно, как дворник чиркает метлой по асфальту. Прогрохотал первый трамвай.

Рахим Гафуров сидел за селектором, маленький, вертлявый, прицелившись черными глазами в журнал, записывал сообщения и одновременно бормотал, что настоящая любовь не нуждается в каком-то там вульгарном огне из кучки хвороста.

— Да вы поэт, товарищ майор! Стихов случайно не пишете? — спросил Ванжа, сдерживая улыбку. Ему доводилось видеть жену Гафурова Зинаиду, и, на его взгляд, она была далека от совершенства. Маленький майор, однако, боготворил ее — возможно, и за то, что она чуть ли не ежегодно рожала ему по девочке. Было их уже шесть, и похоже, что в скором времени должен был появиться на свет седьмой ребенок. Гафуров ждал «джигита», и, хотя в этом никому не признавался, все знали его мечту и каждый раз переживали за него, ожидая вестей из родильного дома.

— Не каждый тот поэт, кто сочиняет стихи, — ответил Гафуров. — Рифма в наше время многим доступна, даже тем, у кого сердце холодное.

— Насос, — сказал Ванжа. — Наш медэксперт Куманько говорит: сердце — всего-навсего насос, который перекачивает по жилам жидкость...

Зазвонил телефон, и по тому, как тихо и лаконично ответил майор, Ванжа догадался, что на проводе начальник райотдела. Каждое утро, только открыв глаза, полковник Журавко имел привычку звонить дежурному — конечно, если его самого не поднимали ночью телефонным звонком.

Вскоре начнут приходить сотрудники. Ванжа научился распознавать их не только по голосу, а даже по шагам. Мог заранее сказать, кто явился еще до начала рабочего дня, а кто минута в минуту. По заместителю Панина старшему лейтенанту Очеретному можно проверять часы; а вот сам Панин... Впрочем, Панина сегодня не будет, он в командировке и неизвестно, когда возвратится. Что-то там случилось в Павлополе, и, видимо, серьезное, иначе не послали бы капитана на помощь местному уголовному розыску. Вообще, подумал Ванжа, последнее время областное управление слишком часто обращается к его услугам, похоже, кто-то присмотрелся к капитану. С кем же тогда придется работать? Пришлют нового начальника или повысят в должности Очеретного?

Очеретного Ванжа не любил. Если бы его спросили, что он имеет против него, наверное, растерялся бы. По крайней мере не нашел бы, что сказать в ответ, даже при всем желании. Поставить в вину заместителю Панина пунктуальность было бы несерьезно. И в служебной исполнительности ему не откажешь. Не замечались за ним и заискиванья перед начальством, пожалуй,

даже наоборот, — на оперативках старший лейтенант не очень-то оглядывался на погоны.

«Жаль, если Панина заберут», — думал сейчас Ванжа, сдавая дежурство.

Гафуров уже освободился. Поблескивая глазами, в которых, несмотря на бессонную ночь, не было ни капли усталости, он говорил:

— Заглянул бы в гости, а? Моей Галии шестнадцать стукнуло. Чем не невеста? «Ты почему, — говорит, — папа, не отпустишь усы?» Усы! А у тебя они вон какие!

4

Ванжа шел напрямик через площадь Гагарина, пугая голубей, которые вертелись под ногами. Из-под ротонды на крыше старой гостиницы «Аврора» выглядывало в светлой дымке солнце. Небо пронизывала длинная дымовая стрела, оставленная самолетом.

Ванжа купил два пирожка с творогом, один покрошил голубям, второй зажал в ладони, сожалея, что не оказалось хотя бы клочка бумаги под рукой. В общежитии, где он обитал, была столовая, но такими пирожками там и не пахло. Ванжа любил пирожки с детства, может, потому, что мать умела печь их, как никто, будто знала некий никому не доступный секрет. Наведываясь во время отпуска к родителям в Песчаное, Василь радостно говорил: «Здравствуйте! Приехал на пирожки».

Сразу за площадью начинался городской парк; если перейти его наискосок по посыпанной желтым днепровским песком дорожке, то за южными воротами открывалось глазу белокаменное здание общежития. Ноги, однако, по привычке свернули налево, на Чапаевскую. Ванжа знал, что не может сейчас встретить Нину на улице, ведь первая смена на трикотажной фабрике, где она работала, начинается в восемь, а эту неделю она с утра. Но все же хотелось взглянуть на окно девичьей комнаты.

Василек дважды приводил Ванжу к себе в дом, угощал домашним квасом и вообще гордился знакомством с лейтенантом милиции, особенно после того, как Ванжа помог ему записаться в секцию самбо во Дворце железнодорожников. Случилось так, что оба раза дома была только мать, Елена Дмитриевна. Самой же Нины в это время не было, и напрасно Ванжа умышленно долго смаковал квас, надеясь, что вот-вот скрипнет

дверь и войдет она, синеглазая, улыбчивая, «с молниеносной реакцией». Только какой будет эта реакция, думал он, когда девушка увидит его в своем доме?

Выходя из дома после недавнего посещения, невзначай услышал за дверью:

— Это тот, что Нине цветы дарит?

— Ага, — таинственным шепотом отозвался Вася.

— Вот я ей дам! Чтоб не морочила голову сразу двоим.

— Ма, да он вот такой дяденька, во! То Нинка, глупая, не разобралась. Хи-хи-хи да ха-ха-ха...

— А ну цыц! Мал еще в таком деле!..

Ванжа зарделся. Больше не приходил к Сосновским, как ни приглашал Василек. Но по-прежнему не упускал случая встретить Нину на улице.

Он как раз поравнялся с домом Сосновских, когда на крыльце появилась Елена Дмитриевна.

— А я к вам! — сказала она, увидев оперуполномоченного.

Ванжа удивился:

— Ко мне?

— Нина не пришла домой. Я всю ночь глаз не сомкнула, ждала...

Елена Дмитриевна заплакала. Ванжа смотрел на ее сразу постаревшее лицо, видел, как она силится и никак не может застегнуть пуговицы наспех накинутой кофточки. Перед глазами возник Ярош — статный, кудрявый, с холодной улыбкой на устах: «Вы проводите ответственную операцию под названием «Сирень»?.. Честь имею!» Так вот как далеко зашел он в своих ухаживаниях! Нина даже ночевать не пришла домой.

— Успокойтесь, Елена Дмитриевна, — угрюмо сказал он. — Загулялась девушка, бывает... Вот и пошла прямо на фабрику.

— Я звонила. На работе ее нет... Скажите, вы же в милиции служите, — красные от слез глаза Елены Дмитриевны смотрели на Ванжу умоляюще, — с нею что-то случилось? Я боюсь...

— Пойдемте в райотдел, напишите заявление. Такой порядок... И пожалуйста, не плачьте, на нас уже люди смотрят.

Елена Дмитриевна наконец застегнула пуговицы.

— Я не буду. Знаете, как вас увидела, сразу стало легче. Мне же самой на работу, я в типографии работаю, а тут... Вы уж простите, что я к вам так. У вас

своих дел хватает. Но верю, вы поможете. Дружбой с вами Вася не нахвалится. А он у меня такой, к кому попало не припадет...

Казалось, она боится молчания, потому-то и говорит, говорит, глотая слова, и никак не может или не желает остановиться.

5

Выпросив у дежурного по райотделу мотоцикл, Ванжа поехал на улицу Котовского. Дверь открыла маленькая круглолицая женщина.

— Вам кого?

— Тут живет Ярош? Ярослав Ярош, — уточнил Ванжа, заглядывая в чистую бумажку.

— Я его мать. А что случилось?

— Не волнуйтесь, ничего особенного. Оперативный уполномоченный Ванжа. Мы разыскиваем один мотоцикл...

— Слава в отпуске. Как раз сегодня поехал. Поездом, понятно. Путевка у него в Мисхор. А мотоцикл — в радиокомитете. У нас, видите, пятый этаж...

— Кстати, у вашего сына какой мотоцикл?

— «Ява».

— Ну а нас интересует Иж. Выходит, я напрасно вас потревожил.

— Ничего, я понимаю, служба у вас такая. А у меня сердце екнуло. Славик пришел вчера какой-то нервный.

— С работы?

— Не знаю, было уже восемь часов. Может, ходил на свидание да поссорился с девушкой. Кто их разберет... А потом подался на запись на той проклятущей «Яве». Зачем только отец купил ее? Носится где-то, а у матери сердце ноет.

— Какая запись?

— Я не спрашивала.

— А почему вы думаете, что он поехал на мотоцикле?

— За ужином сказал: на запись еду. На мотоцикле.

— Так-так... Ну, я пошел, заговорился, а это мне, сами понимаете, ни к чему. Моя забота — найти мотоцикл. Проводили, значит, сына?

— Где там! Не позволил. Возвратился на рассвете, торопился. Весь в отца, тот тоже не любит, чтоб его провожали.

В радиокомитет Ванжа входил уже сильно встревоженный. Слишком загадочно выглядело ночное путешествие Яроша. Человеку через несколько часов на поезд, а он садится на мотоцикл и мчится на какую-то запись. Что может записывать звукорежиссер среди ночи и какая в этом нужда?..

Главный редактор оторвался от бумаг, разложенных на столе, положил шариковую ручку.

— Месячник безопасности движения?

— Нет, товарищ...

— Савчук Андрей Андреевич. Так вы не из ГАИ?

— Оперуполномоченный уголовного розыска Ванжа. Лейтенант вынул из кармана удостоверение.

— Любопытно! С ГАИ поддерживаем постоянную связь, а с вашим братом не было случая. Приземляйтесь.

— У вас работает Ярош?

— Звукорежиссер? А в чем дело?

— Что вы можете о нем сказать?

— В Киев переманивали. Не захотел. А туда кого попало не приглашают. Вы, товарищ лейтенант, берите, как говорят, быка за рога. Минут через десять у меня совещание. Ярош что-то натворил?

— Нет, — сказал Ванжа. — Во всяком случае, мне хотелось бы так думать. Но он, возможно, последний, кто видел девушку, которая прошлой ночью исчезла.

— Исчезла? Не Нина ли?

— Вы ее знаете?

— Слышал, что именно так зовут его невесту.

— Невесту?

— Кто-то говорил, что дело идет к свадьбе.

— Где сейчас Ярош?

— В отпуске. С сегодняшнего дня. Должен был ехать в Крым. Могу уточнить, куда именно.

— Не надо. В Мисхор. В последнее время вы давали ему какие-либо поручения? Я имею в виду — записать что-нибудь? Скажем, вчера.

— Нет. А почему это вас интересует?

— Прошлой ночью, за несколько часов до отхода симферопольского поезда, Ярош ездил на мотоцикле делать запись.

— Понятия не имею.

— Значит, не поручали. Скажите, Андрей Андреевич, а что можно записывать ночью?

Савчук пожал плечами.

— Все. Конечно, ночь не очень подходящее время...

— Как вы записываете?

— Смотря что. В распоряжении радиокомитета есть специальный автобус с надлежащей аппаратурой. Он сейчас в ремонте. Но вы же сами сказали, что Ярош воспользовался мотоциклом. Следовательно, записывал он на портативном магнитофоне Р-5, других у нас нет.

— А мне можно его посмотреть?

— Именно тот? Нет. Я разрешил ему взять магнитофон с собой. Ярошу давно хотелось создать звукофильм о море.

— Я хотел бы еще узнать, почему личный мотоцикл Яроша содержится в служебном помещении?

Савчук нахмурился.

— А вам, извините за неучтивость, что до этого? Уход и бензин — за Ярошем, а места «Ява» занимает немного. Не вижу криминала.

— Мотоцикл сейчас в гараже?

— Не знаю, но это можно выяснить.

— Да не обижайтесь, Андрей Андреевич, к вам у меня претензий нет. Просто я сам должен осмотреть «Яву». Судя по всему, Ярош брал мотоцикл ночью. У него есть ключи от гаража?

— Ни в коем случае! Днем ключи у завхоза, ночью — у сторожа.

— У сторожа? Вот и прекрасно. Мне необходимо с ним встретиться.

— Он сейчас дома. — Савчук вызвал секретаршу. — Надюша, домашний адрес сторожа. Только побыстрее. И приглашайте редакторов. С квартальными планами. Вы поняли?

Главный поднялся, направился к столику, где стоял графин с водой, но на полпути остановился.

— Товарищ лейтенант, вы уверены, что с этой девушкой, Ниной, случилось что-то такое... одним словом, плохое?

— Как вам сказать... Мы знаем только, что ни дома, ни на работе ее нет.

— А не могла она поехать с Ярошем?

— Бросив работу? Не предупредив мать?

— Вы правы. Да и он бы этого не позволил. М-да.. В таком случае... Ярослав тут ни при чем, его я знаю как облупленного!

— Будем надеяться. Я прошу вас, товарищ Савчук, не разглашать нашего разговора. В интересах дела.

А сейчас распорядитесь, пожалуйста, чтоб меня провели в гараж...

Почти новенькая «Ява» стояла в углу. Ванжа заглянул в бензобак, отметил, что горючего осталось на доннышке, но тут же подумал, что это ничего не дает, так как неизвестно, сколько его было перед ночной поездкой Яроша. Решив, что, возможно, потребуется экспертиза, он пригласил в качестве понятых обеспокоенно вертевшегося невдалеке завхоза и одного из работников гаража. Затем смел с подфарника на платочек слой пыли, вынул из спиц увядший, но еще зеленый стебель, как видно, обрывок значительно большего, и совсем голый — ни листьев, ни корня, ни верхушки.

Оформив протокол, Ванжа подумал, что час назад, поднимаясь по лестнице на пятый этаж в квартиру Яроша, он желал одного — услышать из его уст, где же сейчас Нина, был почти уверен, что вот-вот все выяснится. Возможно, дверь откроет сама Нина, и как это ни будет горько ему, Василию Ванже, зато он определенно будет знать, что не случилось ничего страшного, непоправимого. Час назад... А теперь собирает доказательства. Доказательства чего? Причастности Яроша к преступлению? Но какому преступлению? И что за это время изменилось? Что он узнал? Прежде всего ночная запись. Воспользоваться ею он может, только вернувшись из отпуска. Тогда зачем Ярошу было так спешить?

Проспектом Ворошилова, радуясь, что здесь мало светофоров и можно не терять времени, Ванжа спустился вниз, почти до Днепра, и свернул налево на улицу Розы Люксембург, где за высокой стеной виднелись крыши трикотажной фабрики.

В проходной сторожке ругались два человека.

— Не выйдет! — хриплым басом кричал один, одновременно выпуская из толстого, в красных прожилках носа струи табачного дыма. — Не на того напали, уважаемый Григорий Семенович! Все, по-вашему, — ферзи, а Локотун, видите, пешка.

Второй стоял около столика, склонив большую круглую голову на плечо, говорил презрительно, почти не открывая рта:

— Чего разорался? Меня горлом не возьмешь.

Заметив Ванжу, оба замолчали.

Лейтенант спросил, можно ли позвонить на склад.

— Милиции все можно, — сказал тот, что называл себя Локотуном, прицеливаясь окурком сигареты в ур-

ну. — Но можно и не звонить. Так как перед вами собственной персоной завскладом Григорий Семенович.

Завскладом бросил на него недовольный взгляд.

— Поляков, — представился он. — Чем могу служить милиции?

— А я сейчас не милиция, — Ванжа смущенно улыбнулся, — у меня чисто личное дело. Девушка у вас там работает, хотел, чтобы позвали.

— Кто?

— Сосновская. Нина Сосновская, учились в одной школе.

— Не повезло вам, лейтенант. — Поляков сощурился, глаза превратились в узенькие щелочки. — Нет Сосновской. Как раз сегодня не вышла на работу.

— Не вышла? А что с нею?

— Откуда мне знать? Может, заболела. — Поляков замолчал, пожевал губами и направился к выходу. Уже в дверях добавил: — А может, загуляла где, теперь такая молодежь... Кстати, она не у меня на складе работает, а в цехе ширпотреба. Кладовщицей.

Ванжа проводил его взглядом. Заведующий складом, одетый в модную финскую куртку, шел не спеша, вразвалочку.

— А вы домой к ней заскочите, — посоветовал Локотун. — Чапаевская, 26, это тут недалеко.

— Удобно ли? — Лейтенант сделал вид, что колеблется. — Девушка больная, а я...

— Удобно, еще как удобно! Вас увидит — сразу выздоровеет, — подмигнул Локотун. — Был у меня в молодости такой случай...

Ванжу меньше всего интересовало разглагольствование вахтера о собственной молодости. Он и так знал, что Нина на работу не вышла, и на фабрику приехал лишь потому, что капитан Панин учил его не полагаться на чужие глаза и уши. Завскладом ничего нового не сообщил, и все же было в его словах нечто такое, что заставило лейтенанта лихорадочно перебирать в памяти весь разговор.

«Как раз сегодня не вышла на работу». Как раз сегодня... Следовательно, вчера, то есть во вторник, Нина на работе была. Что из этого вытекает? А ничего. Далее Поляков сказал: «Откуда мне знать? Может, заболела. А может, загуляла где, теперь такая молодежь». Не хотел ли этим сказать, что у Сосновской и раньше случа-

лись прогулы? Надо проверить. Хотя это больше похоже на обычное ворчание.

Нужная мысль, которая мелькнула во время разговора с Поляковым и казалась важной, заслуживающей внимания, теперь не давалась Ванже, ускользала.

ЗА РУСАЛОЧЬЕЙ СКАЛОЙ

I

Ванжа докладывал сдержанно, скрывая волнение:

— Сосновская Нина Павловна, девятнадцати лет, член ВЛКСМ. Прошлой весной закончила среднюю школу, работает кладовщицей на трикотажной фабрике. Живет с матерью и малолетним братом — Чапаевская, 26. Отец несколько лет как умер...

Очеретный слушал молча, попыхивая сигаретой, щурил красивые, под высоким надбровьем глаза.

— ...Встречалась со звукорежиссером областного радио Ярошем. Последнее, зафиксированное свидетелями свидание, — Ванжа почувствовал, что краснеет, — понедельник, 23 мая. Родителям Ярош сказал, что виделся с Сосновской и во вторник, то есть вчера. До восьми вечера. Так ли на самом деле — неизвестно. Ночью поехал на запись, возвратился на рассвете. Главный редактор Савчук утверждает, что не давал Ярошу никакого задания. В среду утром, 25 мая, то есть сегодня, сразу же после ночной записи Ярош отбыл симферопольским поездом в отпуск. Путевка в Мисхор выдана месткомом.

— Все?

— Все. Разве что...

— Я слушаю.

Букву «л» старший лейтенант выговаривал странно, она словно двоилась, прежде чем слететь с губ. Шутники из следственного отделения даже намекали на давнее и пока безрезультатное ухаживание Очеретного за Людмилой Яремчук из научно-технического отдела городского управления.

«Невесть что лезет в голову», — подумал Ванжа, а вслух сказал:

— Ярош брал и ставил мотоцикл «Ява» в присутствии сторожа радиокомитета. Сторож может уточнить время. С ним я еще не говорил...

— Обязательно поговорите. Ночная поездка подозрительна. Разве не странно, что человек, которому следовало бы выспаться перед дорогой, берет мотоцикл и мчится неизвестно куда на запись?

Ванжу мучила та же мысль, но сейчас, услышав ее из уст Очеретного, он не мог преодолеть желания возразить. Ярош любил Нину, а для Ванжи этим было сказано многое, если не все. Служба в уголовном розыске кое-чему научила его, он уже понял, что человеческие отношения и поступки не всегда укладываются в обычные понятия. Всех мерить на свой лад по меньшей мере наивно, но все же, когда речь идет о любимой девушке...

— На работе Ярош характеризуется положительно, — дополнил Ванжа.

— Вам не приходилось читать положительные характеристики на лиц, переставших считаться с Уголовным кодексом? — Очеретный саркастически засмеялся. — Иногда добрые дядечки нарисуют такое, что хоть прекраснейшее дело — не преступник, а ангелочек.

— Допустим, Ярош торопился записать человека, который был тут проездом или должен вскоре покинуть город.

— Допустим, хотя это и маловероятно. Тогда где эта запись?

— Возможно, забрал с собой. Савчук разрешил ему взять в Мисхор магнитофон. Насколько я понял, Ярош хочет записать голос моря.

— Чей голос? Моря? — Очеретный сбил щелчком пепел с сигареты. — Радио всеми голосами говорит, даже Кощей Бессмертного и Бабы Яги. Но мы же, товарищ лейтенант, живем не в сказке, а в реальном мире. Если Ярош и записал кого-то в ту ночь, то везти кассету в Крым надобности не было. Видимо, она у него дома. Надо бы ее найти.

— Попросить об этом Савчука? — предположил Ванжа. — Он родителям может сказать, что запись срочно понадобилась, а Ярош забыл или не успел занести пленку.

Старший лейтенант поднялся из-за стола, с хрустом размял атлетические плечи.

— Следовательно, Савчук и сторож. Действуйте!

Ванжа поспешил к себе в маленькую комнатку, которую с легкой руки следователя Ремеза все почему-то называли «теремком», и позвонил Сосновским. В глубине души тайлась надежда, что произошло недоразу-

мение, пока он бегал туда-сюда, Нина возвратилась домой, сейчас в трубке послышится знакомый певучий голос и мир сразу же примет обычные очертания и краски.

Телефон долго не отвечал. Ванже пришло в голову, что, ограничившись разговором с Поляковым, он допустил ошибку. Звонить во все колокола, может, и преждевременно, а осторожно поговорить с подружками Нины не мешало бы. Девушки любят делиться между собой секретами, глядишь, и нашлась бы зацепка. И тут наконец оперативник понял, что именно в словах Полякова показалось ему заслуживающим внимания, а потом ускользнуло из памяти, затерялось. Елена Дмитриевна звонила утром на фабрику, разыскивая дочь, а завскладом сказал Ванже, что Нина заболела. Какая-то неувязка. Не знал Поляков об исчезновении Сосновской или не захотел об этом говорить случайному ухажеру, пусть даже в милицейской форме?

Ванжа уже решил, что Елена Дмитриевна ушла в типографию, когда на другом конце провода послышалось взволнованное дыхание, и он словно увидел, как мать Нины только что открыла дверь с улицы, стремглав бросилась к телефону и теперь обеими руками прижимает трубку к уху — вся надежда и ожидание.

— Елена Дмитриевна?

— Это вы? Вы что-нибудь узнали? Ради бога, почему вы молчите?..

Ванже с трудом удалось повернуть разговор в нужном направлении. Нет, с Поляковым она не разговаривала, к телефону подходила Юля Полищук. Елена Дмитриевна узнала ее по голосу. Пока Нина не познакомилась с Ярошем, девушек было водой не разлить. Теперь Юля редко заходит. Но какое это имеет значение?

Лейтенант положил трубку с тяжелым сердцем. Мать места не находит, ожидая вестей о дочке, а он расспрашивает про какую-то Юлю, словно у него, работника уголовного розыска, только и забот, что знакомиться с фабричными девушками.

В прямоугольнике окна было видно, как барахталось солнце в клочьях рваных туч, за ними с юга надвигалась сизая, почти черная завеса, и где-то там, дальше, за этой завесой, угрожающе гремело и сверкало. Налетел шквал, сыпанул в стекла пылью, во дворе закружилось веретено, зашуршало напрямик через клумбу, через выцветший на солнце штакетник и растворилось

на сером асфальте улицы. Ванжа на цыпочках дотянулся до форточки и закрыл ее на крючок.

2

Сторож радиокомитета, костистый, худой мужчина в соломенной шляпе, долго не мог понять, чего от него хотят.

Брал Ярош мотоцикл, а как же, брал. «Рубль-пять» через плечо и поехал. Магнитофон Р-5, марка такая, вот его и прозвали «рубль-пять». Смешно, правда?.. Нет, не говорил — куда, но предупредил, что вернется не скоро. И правда, аж в шесть, это точно, по радио Киев как раз позывные передавал. Ну, еще попрощался Ярош, был не в настроении, хотя парень он учтивый, веселый. Может, устал... Подписать? А чего ж, подписать можно. Нет, нет, он не из тех, у кого язык чешется, товарищ лейтенант вполне может положиться.

Савчук смотрел на Ванжу почти враждебно:

— Не в то окошко заглядываете, лейтенант. Не в то, это я говорю вам точно. За Яроша я ручаюсь. Есть у вас право — идите, ищите, а моими руками...

— Да поймите вы наконец! — убеждал Ванжа, в волнении дергая себя за ус. — Я тоже, если хотите знать, не верю в виновность Яроша, но он же встречался с Сосновской, возможно, он последний, кто видел ее... Потому-то подозрение и падает на него. Найдем пленку — выяснится, где он был!

— Конечно. Если найдем. — Савчук снял очки, подслеповато щурился на окно, по стеклу барабанили большие дождевые капли.

— Вы сомневаетесь в существовании пленки?

— Я не сомневаюсь в невиновности Яроша! — вспыхнул Савчук. — Далась вам эта пленка. Может, он по какому-то другому делу ездил, мало чего! А родителям сказал: на запись.

— Сторож утверждает, что Ярош был с магнитофоном.

Главный не торопясь нацепил очки на нос, вздохнул.

— Хорошо, я pošлю оператора. Оставьте мне свой телефон.

Дождь выпал щедрый и короткий. Небо отгремело, отсверкало, висело над городом чистое и безмерно вы-

сокое. От земли поднимался легкий пар, в низинах мерцал туман. Пахло белой акацией.

По дороге в райотдел Ванжа заскочил в столовую. На скорую руку, не чувствуя вкуса, уничтожал взятые блюда. Мелькнула мысль, что пока он насыщается за столом, Нина находится неизвестно где, не исключено, что ей грозит опасность, а время идет, и никто не знает, где та черта, за которой уже ничем нельзя помочь. Чувствуя к себе полное презрение, одним глотком он допил мутный компот и выбежал на улицу.

В «теремке» сидел оперуполномоченный уголовного розыска Григорий Гринько, знаменитый тем, что одежду и обувь для него приходилось шить на заказ, и говорил по телефону. Мембрана трубки звенела и потрескивала под воздействием его баса, а широкая спина закрывала половину окна.

— Ты что тут делаешь, Гриня? — спросил Ванжа.

Как и все богатырского сложения люди, был Гринько на редкость добродушным, не горячился в спорах, не хмурился, когда над ним посмеивались, может, еще потому, что и сам больше всего на свете ценил острое слово.

— А меня к тебе подпрягли, — сказал Гринько, показывая красивый ряд зубов, белоснежных, словно у юной кинозвезды. — Замнач товарищ Очеретный велели не есть и не пить, а побыстрее седлать телефон, ибо Вася Ванжа, сказали они, копытами землю роет.

— Оседлал?

— Ага. Битый час не слезаю. В морг, в больницы... даже в вытрезвитель. Нигде нет твоей Сосновской.

У Ванжи защемило в груди, запекло, как будто внезапно глотнул горячего. Что в морге нет, это хорошо, а вот в больнице... Лучше бы Нина оказалась в больнице.

— Больше звонить вроде некуда, — невозмутимо гудел Гринько. — Ба! А про госпиталь я все-таки забыл!

— Звони, — сказал Ванжа, — а я немного подремлю. Мне, знаешь, по пять минут на каждый глаз, а потом хоть краковяк.

— Баю-бай, — сказал Гринько и вздохнул. — Между прочим, к Лариону какая-то тужурка на четыре пуговицы пришла. С заявлением о Сосновской.

Ванжа подскочил.

— Какого же дьявола? С этого бы и начинал!

— Тебя жалея, — хмыкнул Гринько. — Усы вон

уже обвисли. А глаза? Были сливы, а стал терн. Что девушки скажут?

Ванжа его уже не слушал. Он шел гулким коридором, сдерживая себя, чтоб не побежать, только перед дверью с табличкой «Зам. начальника ОУР» сбавил ход, помня, что не любит Очеретный, когда к нему врываются как на пожар.

У Очеретного и в самом деле сидел незнакомый человек. Лысая голова на короткой морщинистой шее, пепельно-серого цвета тужурка, из кармана торчит небрежно свернутая газета.

Лысый медленно обернулся, на свету сверкнули стеклышки пенсне.

— Тут вот Виталий Гаврилович Квач пожелал сделать заявление. Займитесь им, потом зайдите ко мне.

Очеретный вежливо, словно почетных гостей, провел их к двери.

— В первый раз вижу вас, лейтенант, небритым, — вполголоса сказал он. — И надеюсь — в последний.

— Я же с ночи!..

— Никаких причин не признаю. Идите.

Ванже обидой перехватило дыхание. На один лишь миг, ибо сразу же подумал, что обижаться на Очеретного не стоит. В уголовный розыск пришел посетитель, и откуда ему знать, что сотрудник не успел побриться потому, что закрутился после ночного дежурства? В конце концов, и тут, в «теремке», в ящике письменного стола лежит исправная «Нева», мог бы выбрить щеки, пока точил с Гринько ляды.

Когда Ванжа вернулся в «теремок», младший лейтенант Гринько все еще сидел здесь и, прижав плечом к уху телефонную трубку, ковырял перочинным ножом ивовую ветку, в которой уже угадывались очертания сопелки. Сколько таких сопелок раздарил он мальчишкам — не сосчитать.

В трубке зашуршало, Гринько сдвинул нож и ветку на край стола, прислушался:

— Когда?.. Два месяца назад? Нет, нет, это нас не интересуется... Нет? На нет и суда нет. Бывайте здоровы! В случае чего — звоните немедленно. Звоните, говорю, немедленно.

Он обернулся к Ванже, развел руками. И снова Ванжа подумал, что, наверное, обрадовался бы, если бы из госпиталя хоть что-то сообщили о Сосновской.

— Вы сквозняков не боитесь, Виталий Гаврилович? — спросил он. — У нас тут немного продувает.

— Ничего, ничего, — заспешил Квач, — я тоже не кисейная барышня, всю зиму сплю с открытым окном.

Гринько вопрошающе посмотрел на Квача, на Ванжу и нехотя придвинул к себе стопку чистой бумаги.

Квач заерзал на стуле:

— Собственно, я все уже рассказал вашему начальнику, но если надо...

— Надо, Виталий Гаврилович, надо, — сказал Ванжа, сдерживая нетерпение. — Рассказывайте, а мы запишем.

— Оно, может, и нечего записывать и напрасно я вам морочу голову, да уж, как говорят, если взялся за гуж... Одним словом, иду я сегодня по Чапаевской, гуляю себе с собачкой... А навстречу — Сосновская, покойного Павла жена, прямо тебе черная, не узнать.

— Вы с нею знакомы?

— Соседи. Общались, пока Павел был жив. А как умер, Нину, дочку его, на работу устраивал. На трикотажную фабрику. Девушка с образованием, как раз десятилетку окончила, вот и взяли ее кладовщицей... Известное дело, спрашиваю Елену, чего она как с креста снятая. Говорит: дочка пропала. Как пропала? Вот так, говорит, и пропала, домой, значит, не вернулась. И в слезы. Думаю: тут дело нечистое. Вчера Нина в слезах, а сегодня...

— Так вы и Нину видели?

— Ну да. Потому и пришел к вам.

— Где и когда вы ее видели?

— Я же говорю — вчера. С работы шла, а я, как всегда, песика веду на поводочке, значит...

Ванжа теперь вспомнил, что и сам не раз видел этого человека на Чапаевской. Квач прогуливал огромную овчарку черной масти. Однажды даже столкнулись на тротуаре, Ванжа еще подумал: «Ну и зверь! Хоть в воз запрягай». Интересно, запомнил ли его Квач?

Виталий Гаврилович словно угадал его мысли, чуть-чуть усмехнулся и, бросив взгляд на Гринько, понизил голос:

— И вы там, извините, бывали, товарищ лейтенант. С цветочками. По молодому, видать, делу.

— Наблюдательный у вас глаз, Виталий Гаврило-

вич, — смутился Ванжа. — Но мы с вами, кажется, отклонились в сторону.

— Ну да, ну да, — охотно согласился Квач. — Я о том, что и правда отклонились. А что касается глаза... не принимаю комплимента, он у меня издавна подслеповат. Если бы не ваши усы...

Гринько прыснул и сделал вид, что закашлялся. Ванжа показал ему за спиной кулак, угрюмо кивнул Квачу:

— Пошутили и довольно.

И Квач сразу тоже посуровел.

— Ваша правда, — сказал он. — Грех смеяться, когда у людей горе. Плакала Нина, и я так понял, что радист, или кто он там, давненько зачастил к ней, принуждал ее, значит... Матери боялась признаться, а мне, вишь, открылась. Как теперь на свете жить, спрашивает? Поженитесь, говорю, так все утрясется. «Нет, — кричит, — ни за что на свете!» И побежала.

— Домой?

— Не знаю. Не обратил внимания. У меня сразу сердце заболело, я и поплелся домой. Не чужая мне дочь Павла. Намеревался было сам набить морду тому выродку, — Виталий Гаврилович положил на стол большие, в синих жилах кулаки, — а как услышал от Елены, что Нина исчезла, сразу, значит, к вам подался...

За Квачом давно закрылась дверь, а Ванжа все еще сидел неподвижно, смотрел в окно, за которым подкрадывались сумерки. На ветке, как раз против открытой форточки, сидел воробей, ветка качалась, похоже было, что серый озорник умышленно раскачивает ее.

Гринько проследил за взглядом Ванжи.

— У одного мужика горит дом, — сказал он. — Его спрашивают: «Иван, что ты себе думаешь? Дом же догорает!» — «Как раз об этом, дурень, и думаю, — отвечает мужик. — Не будет стрехи, где ж воробьи от дождя станут прятаться?»

— Иди ты, Гриня, к чертям! — устало сказал Ванжа. — Ты когда-нибудь бываешь серьезным?

Широкая спина младшего лейтенанта застряла между косяками двери.

— Бываю, Вася, бываю. И сейчас серьезный, как никогда, — Гринько обернулся. — Просто мне не нравится, что ты скис. Хочешь, я с тобой останусь?

Ванжа молчал. В голове гудело. От усталости, от мыслей — путаных, навязчивых, болезненных.

Солнце еще не успело заглянуть в окна, когда майор Гафуров повез жену в родильный дом. Всю дорогу, пока машина спускалась с Казачьей горы, где жили Гафуровы, вниз к Днепру, придерживал жену за плечи, ворчал в стриженный затылок сержанту Савицкому:

— Да не гони так, чертов сын! Всю душу вытрянешь.

В приемном покое Зинаиду встретили как старую знакомую и сразу куда-то повели. Гафуров только и успел махнуть вслед рукой, потоптался немного и вышел на улицу. Как всегда в таких случаях, ему казалось, что он забыл сказать жене что-то важное.

— Все будет ол райт, товарищ майор! — весело крикнул Савицкий, нажимая на стартер. — Зинаиде Федоровне не впервой...

— Зеленый ты еще, — сказал Гафуров. — Такое дело всегда как впервые. Поезжай в райотдел!

Всходило солнце. Ослепительно вспыхнули в его лучах окна домов, будто кто-то одним махом на всех улицах включил свет. Промчался навстречу транзитный автобус, мелькнули за стеклом сонные лица. На железнодорожном мосту через Днепр, невидимый отсюда, гремел поезд. По тротуару в том же направлении, куда они ехали, шел офицер милиции.

— Еще одному нынче не спится, — сказал Савицкий, ловко, одной рукой прикуривая сигарету. — Утренний моцион укрепляет ноги, обостряет нюх. Товарищи, берите пример с лейтенанта Ванжи!

— Ну, ну, — недовольно буркнул Гафуров. — Останови. Куда так рано, лейтенант?

Ванжа козырнул.

— А вы откуда, товарищ майор, если не секрет?

— Секрет. Женишься — будешь знать, куда мужья жен возят. Садись, подброшу.

— Поздравляю, — сказал Ванжа.

— Не говори гоп, пока не перескочишь. Да и не меня поздравлять. Нам никогда не понять ни мук, ни счастья материнского. — Гафуров был переполнен нежностью к Зинаиде и охотно бы рассказал, какая она необыкновенная женщина, работающая да ласковая, но стеснялся. — Ты давай, давай, Савицкий, некогда нам судачить. Или задремал?

— Такое скажете, — обиделся сержант. — Ну что

ж, поехали — так поехали. Только куда спешить? В райотделе, кроме дежурного, разве что тетя Прися.

— Мне бы твои нервы, — сказал Гафуров. — Долго будешь жить.

Улицы просыпались. На трамвайных остановках толпились рабочие первой смены; около магазина «Дары полей» с тракторного прицепа выгружали свежие овощи; по Парамоновской топала сапогами колонна курсантов военного училища.

— Панин скоро вернется?

Ванжа пожал плечами.

— Застрял капитан, — сказал Гафуров. — Ты вот что... Мне доложили, что ты вертелся около трикотажной. Не перебегай дорогу, у меня там свои интересы.

— Но, товарищ майор...

— Никаких «но». Пока что ни шагу на фабрику без моего согласия. С Очеретным я договорюсь.

4

Тетя Прися обладала незаурядным талантом создавать в служебных кабинетах домашний уют. Казалось, она была рождена для того, чтоб размещать телефоны, календари, пепельницы, корзинки именно так, чтоб и глазу было приятно, и рукам удобно.

Следователь Ремез, искренне ценя способность уборщицы, однажды сделал ей комплимент:

— Вы, тетя Прися, прирожденный дизайнер.

— И чего бы ругался, — обиделась тетя Прися. — А еще офицер!

К Ванже она относилась с особым дружелюбием, может, потому что он не курил, а цветы, которые тетя Прися приносила с собственного огородика, в его комнате не вяли по нескольку дней. Сегодня в «теремке» рядом с телефонами сияли желтыми глазками ромашки.

Лейтенант наклонился, касаясь усами белых лепестков, понюхал. Ромашки не пахли. Достал из ящика папку, в которой только и было, что несколько бумажек, перечитал показания Квача, записанные почти каллиграфическим, буква к букве, почерком Гринько, в поисках не замеченной ранее мелочи. Бывает, что брошенное в разговоре слово минует ухо и только потом, зафиксированное на бумаге и сопоставленное с другими, вдруг привлечет внимание. Оно не торопится открыть свой тайный смысл, но нередко становится от-

правной точкой для создания рабочей версии. «Для человека с аналитическим складом ума, — говорил капитан Панин, — одна-единственная зацепка — ключ к шифру».

Нет, не было в показаниях Виталия Гавриловича Квача никакой загадки, и все, что он рассказал вчера вот здесь, за этим столом, взволнованно поблескивая стеклышками пенсне, лишний раз указывало на Яроша. Следовательно...

«Ты заинтересованное лицо, боишься потерять объективность. А кто еще не так давно утверждал, что перед истиной должно отступать все? Хочешь умыть руки? Тогда беги к Очеретному, скажи: я люблю Нину, эмоции затуманивают разум, поручите вести расследование кому-нибудь другому. Самая безопасная позиция — в стороне!»

Ванжа гневно бросил коричневую папку в ящик, в который раз посмотрел на часы. Заставил себя выждать, пока стрелки покажут ровно девять, и поднял трубку:

— Товарищ Савчук? Лейтенант Ванжа.

— Вы пунктуальны. Но порадовать вас не могу. Оператор ходил к Ярошам. Пленки нет. Впрочем, — голос в трубке дышал холодком, — возможно, именно это вас и обрадует.

— Может, плохо искали?

— Не знаю, не присутствовал. И вообще, знаете, рыться в чужих вещах...

— Жаль, — сказал Ванжа. — Извините за беспокойство.

Не хотелось вешать трубку, но и говорить с Савчуком больше было не о чем. Пленки нет. Так была ночная запись или это выдумка Яроша?

В коридорах звонко отдавались шаги, звенели ключи, скрипели двери — в райотделе милиции начинался рабочий день. Через час пришел Гринько, сверкнул белоснежными зубами:

— Ты что, Вася, тут и ночевал? Ну, ну, не хмурься!.. А я только что из НТО от очаровательной Людмилки. Вот и заключение экспертов, можешь приобщить к делу. В заботливо собранной тобой пыли нуль информации. Вполне пригодна, чтоб развеять по ветру. Зато стебелек — плеть дикого клевера, а это уже вещь реальная, товарищ Ванжа! Стоит поинтересоваться, где растет сей представитель родной флоры.

— Поинтересуйся, — угрюмо сказал Ванжа. — Се-

годня же побывай у ботаников. И еще одно... Гафуров просил не маячить на трикотажной, у него там какие-то свои дела, а мне нужна Юля Полищук.

— Это кто?

— Подруга Сосновской. Узнай у Елены Дмитриевны адрес. Я, знаешь, не хотел бы сейчас попадаться ей на глаза. Что скажу? Ведь мы топчемся на месте.

Гринько притворно бодро кивнул головой.

— Будет сделано, товарищ лейтенант! — И после паузы добавил: — Ты не отчаивайся, Василь. Оно ж как иногда бывает: все версии проверишь, все уголки обшаришь, а человек возвратится домой, да еще и посмеивается: чего паниковали? У него, видите ли, обстоятельства так сложились.

— Нет, Гриня, не тот случай, и ты сам это хорошо понимаешь. — Ванжа поднялся, машинально пробежал пальцем по пуговицам кителя. — Пошел к Очеретному. Елену Дмитриевну сюда не вызывай. Сходи к ней сам, так будет лучше.

Гринько проводил его невеселым взглядом. Вчера Ванжа не выдержал, рассказал ему, как ходил на Чапаевскую, казнил себя за непорядочность, так как не раз видел Нину с Ярошем. И все же ходил чуть ли не каждое утро как на службу, наслаждался ее звонким смехом, когда она, кокетливо склонив голову, брала цветы из его рук. Что это было — обыкновенная вежливость или поощрение? Об одном умолчал Ванжа — не вспомнил о случайно подслушанном разговоре Елены Дмитриевны с Васильком.

— Классический треугольник, — сказал тогда Гринько и прикусил язык. Волна нежности к товарищу внезапно охватила его, даже удивился, ведь до сих пор не замечал за собой подобных сантиментов. — Ты того... не очень, — пробормотал он, — расслабься... И вообще, мы еще доберемся до того, кто ее обидел, можешь на меня положиться, Вася...

Такой разговор состоялся между ними вчера, а сегодня Гринько смотрел вслед Ванже, любуясь, как он, высокий, стройный, в хорошо подогнанной офицерской форме без единой складочки, направляется к двери, и печально думал: «Переживает, ох как переживает, но виду не подает. С характером парень, а таким особенно тяжело».

Очеретный сухо кивнул в ответ на приветствие Ванжи.

— Есть что-то новое?

— Пленки не нашли.

— Я вижу, вас загипнотизировала эта пленка. А может, ее и в природе не существует? Как вы думаете?.. Я только что от Журавко. Полковник недоволен нашей неповоротливостью.

Ванжа молчал. Очеретный зашагал по комнате, сцепив за спиной тонкие и длинные, как у пианиста, пальцы.

— Попробуем подвести итоги. Квач показывает, что Сосновская была в отчаянии. Слезы и так далее... Причина — Ярош. А где был Ярош, когда она исчезла? Неизвестно. Версия о ночной записи весьма сомнительна. Так кто может и должен ответить нам на этот вопрос?

— Если я правильно вас понял...

— Вы правильно поняли, товарищ лейтенант. — Очеретный прикурил сигарету, затянулся, раздувая ноздри. — Позвоните в аэропорт и закажите билет на ближайший рейс до Симферополя.

У Ванжи пересохло в горле.

— Вы хотите, чтоб я...

— Привезете его — разберемся.

— А если он не захочет?

— Принуждать Яроша мы, известное дело, пока не имеем права. Убедите, что уклоняться от помощи следствию не в его интересах. Тем паче Сосновская — Савчук даже говорил — его невеста. Узнав о ее исчезновении, должен сам все бросить и как можно быстрее лететь сюда. Так что оформляйте командировку. — Очеретный глянул на Ванжу и усмехнулся. — Заодно подышите крымским воздухом, это иногда бывает полезно. Дело передадите Гринько.

— Гринько в курсе, — сказал Ванжа. — Я считаю, что мы выпустили из поля зрения фабрику. В конце концов. Сосновская там работает. Но майор Гафуров...

— Он был у меня, — поморщился Очеретный. — Разберемся.

Похоже было, что старший лейтенант еще не определил собственного отношения к просьбе Гафурова, а признаться в этом Ванже ему не хотелось.

На следующий день около двенадцати, когда у Очеретного сидел инспектор Гринько и настойчиво дока-

зывал, что вопреки всем соображениям Гафурова на фабрику хочешь не хочешь, а идти надо, позвонил капитан Яновский из речного отдела милиции.

— Слушай, Ларион, насколько мне известно, вы там разыскиваете девушку, — сказал он. — Так вот... Рыб-инспекция утром браконьеров задержала. Сеть вынимали. Нашли тело...

— Ясно. — Очеретный переложил трубку из руки в руку, посмотрел на часы. — Яснее некуда. А почему так поздно звонишь?

— Русалочью скалу знаешь? Это у нас с тобой телефон под носом, а там...

— Ладно, — перебил Очеретный. — Что предлагаешь?

— Катер наготове. Поднимай свою гвардию. — Яновский закашлялся, прохрипел: — Не забудь прихватить кого-нибудь для опознания.

Очеретный положил трубку, искоса посмотрел на Гринько:

— Все понял? Прокуратуру беру на себя, а ты звони Куманько. По дороге заскочим к Сосновским... Фабрика? Не до нее сейчас, не теряй времени.

— Не надо, товарищ старший лейтенант, к Сосновским. Лучше потом. Подготовить бы Елену Дмитриевну. Да и девушка... Может, какая-то другая?

— Какая еще другая? — угрюмо отозвался Очеретный. — Две беды лучше, чем одна? Хорошо, опознание проведем потом. Фотокарточка в деле есть? Возьми ее с собой.

Гранитная скала нависала над водой, обветренная, облизанная у подножия волнами; в верхней части между расщелинами, где любят гнездиться чайки, пробивался реденький бурьян. Именно тут Днепр словно из любопытства — а что там дальше, за этой гордой скалой? — делал поворот и разделялся зелеными островками на два рукава. К одному из этих островов и держал курс катер Яновского. Сам капитан, длиннотелый мужчина средних лет, всю дорогу кашлял и тихо поругивался.

— Полежать бы тебе, — сказал Очеретный. — Молочка горяченького попить...

— Полежишь тут. Каждый день обещаю жене схо-

дить к врачу и — не то, так это. Нам, речникам, только и передышки, что зимой, а началась навигация...

— Напрасно жалуетесь, товарищ капитан, — вмешался следователь Ремез. — Это мы — среди камней, по горячему асфальту, в заводских дымах, а у вас тут нетронутая природа — река, лес, воздух. Одним словом, красота!

Рядом с Ремезом, опершись локтями на колени, шурился следователь прокуратуры Котов, который принял к своему производству это дело. Он что-то буркнул, услышав эти слова, и покосился на коллегу. Белолицый судебно-медицинский эксперт Куманько, как всегда одетый так, словно собрался в гости, придерживал одной рукой кожаный чемоданчик и всматривался в пену за кормой. Молчал и Гринько; он думал о Ванже, радовался, что лейтенанта сейчас нет на катере. Пока вернется из Крыма, Нину, если это она, успеют похоронить. Но ох как инспектор Гринько надеялся, что девушка, найденная в рыбацкой сети, не Нина. Он понимал, что желать смерти еще какому-то, пусть даже совсем незнакомому человеку по меньшей мере жестоко и аморально. Именно это, видимо, имел в виду и старший лейтенант Очеретный, когда спросил: «Две беды лучше, чем одна?» «Но я же не желаю смерти живому человеку! — думал Гринько. — Эта девушка все равно мертва, и тут ничего не поделаешь».

Высокий мужчина в форменной фуражке рыбинспекции встретил милицейский катер с нескрываемым облегчением.

— Здравствуйте, гроза браконьеров, — сказал Яновский, первым прыгая на влажный, прилизанный волнами песок. — Ну что тут у тебя, показывай. А это кто?

В стороне, на трухлявом бревне, к которому была привязана лодка, сидели двое, понутив головы, поглядывали на прибывших.

— Известно кто. Субчики!

— Как же ты... к телефону? С собой брал?

— Нужны они мне там! Велел замереть, вот они и сидели как миленькие.

Капитан толкнул локтем Очеретного:

— Видал героя? Хоть в штат зачисляй. А если бы драпанули?

— Куда они денутся, товарищ капитан? — пренебрежительно сказал рыбинспектор. — Знаю обоих как облупленных. Да и ситуация не та.

Они шли не торопясь — впереди Куманько, за ним цепочкой вся оперативно-следственная группа.

Кто-то из рыбаков соорудил в ивняке курень, заботливо выстелив пол камышом. Около входа лежала кучка хвороста, торчали над потухшим костром обгоревшие рогульки. Казалось, хозяин куреня только что снял с огня котелок и теперь ждет где-то там, в глубине своего жилища, чтобы попотчевать гостей горячей ухой.

Внутри курень был будто соткан из солнечных полосок, пробивавшихся сверху в щели. Крохотный паучок деловито ткал паутину. Гринько заглянул через плечо Котова, который целился тусклым глазом фотообъектива в угол, справа от входа, и тут же выскочил из куреня.

— Ты что? — спросил Очеретный.

— Она, — тихо сказал Гринько.

Яновский закашлялся.

— Вот тебе и красота, — проворчал он сквозь кашель, ни к кому не обращаясь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАНИНА

1

Гринько и Юля Полищук сидели рядом на вытертой до блеска брюками и юбками деревянной скамейке в городском парке. Не так близко, как сидят влюбленные, но и не так далеко, чтобы между ними мог примоститься кто-нибудь третий. Помня гафуровское предостережение, Гринько назначил свидание, так сказать, на нейтральной территории и теперь немного жалел об этом. Ему казалось, что в «теремке» он с бóльшим успехом склонил бы эту остроглазую девушку к откровенности. По крайней мере, там можно было надеть форму, а она всегда придает официально строгий вид. Ведь для легковверных натур — а именно такой показалась ему Юля — немаловажное значение имеет антураж. Одно дело, когда перед ними сидит офицер уголовного розыска, и совсем другое — парень в гражданской одежде.

Прижав к коленям крохотную сумочку, Юля устави-

лась себе под ноги, а Гринько смотрел на нее, будто надеялся увидеть то, что не удавалось услышать. «Если смыть с лица косметику да застывшее выражение страха... — подумал он. — Стоп! Она боится. Как же это я не заметил раньше!» Вспомнились слова Ремеза: «Не такой страшный Гриня, как его малюют». Так кого же она боится?

— Сидим мы с вами, разговариваем. Деревья шумят. А Нины нет в живых, — сказал он, надеясь, что это известие будет для Юли полной неожиданностью и произведет надлежащее впечатление.

Желаемого эффекта, однако, не было, если не принимать во внимание слезы, которые Юля поскорее промокнула платочком, чтобы не потекли крашенные ресницы.

— Вы знаете о смерти Нины?

— Кто же не знает.

«И правда, — подумал Гринько. — Этого не скроешь. Да мы, собственно, и не делали тайны».

— А причины? Что говорят о причинах?

— Известно, что, мол, от радости девушки руки на себя не накладывают.

— А что думаете вы?

Едва ли не впервые за время разговора они встретились взглядами. Гринько снова увидел в глазах девушки неприкрытый страх.

— Чего вы от меня хотите? Не знаю я! Ничего не знаю. Мертвому не поможешь...

Юля заплакала.

— Любили они друг друга. Нина и Славка... Хорошая была пара. Но я давно — слышите? — давно перестала к ней ходить. Виделись только на работе.

— Успокойтесь, — сказал Гринько. — Я понимаю — подруга, но слезами, и правда, не поможешь. Вы кем работаете на фабрике?

— Кладовщицей. Так же, как и Нина. Правда, я в круглом цехе, а она в другом — в цехе ширпотреба.

— Круглом?

— Да, круглый, потому что производит круглые изделия. А что?

— Ничего, пусть хоть квадратные — мне безразлично, — пошутил Гринько. — А почему вы перестали ходить к Сосновским?

Юля вздрогнула, сказала почти злобно:

— И это вам надо?

— Не хотите говорить — не принуждаю, — вздохнул Гринько, уже потерявший надежду услышать что-то существенное. Теперь ему хотелось остаться одному, прокрутить в мыслях весь разговор, анализируя свои вопросы и ее ответы, чтобы учесть возможные пробелы при следующей встрече. А что такая встреча будет необходима, он не сомневался.

— Я скажу. — Юля завозилась над сумочкой. — Можно, я закурю?

— Вы курите?

Гринько тошнило от одного вида сигареты в девичьих губах, однако он щелкнул зажигалкой и мысленно отметил, что это у него вышло ловко и непринужденно. Сам он не употреблял табак, а зажигалкой подпаливал сопелки, придавая им благородную окраску.

— Иногда, — сказала Юля. — Так вот, вы третьим лишним когда-нибудь были? А я была... Славика я знала давно. Потом он поехал учиться в Харьков, а я... я пошла на фабрику. Смешно было бы говорить о каком-то призвании. Романтика кладовщицы! Звучит?

Юля умолкла, словно выжидая, что скажет Гринько, но тот все молчал, и она заговорила снова:

— Я думала, вы заметите, что кладовщицей тоже надо кому-то работать. Это правда. А только не таким, как я или Нина. В юные годы на первом плане — мечты. О чем-то таком, что и сам толком не поймешь. А уйдут такие мечты — можно и кладовщицей. Работа как работа... Славик возвратился, и мы иногда встречались. Как друзья. По крайней мере он так думал, а что думала я, не знаю... Однажды мы шли по Чапаевской в парк на танцы. А тут откуда ни возьмись — Нина... Как я потом казнилась! Больше всего меня угнетало, что я сама их познакомила. Смешно?

— Нисколько, — заверил Гринько.

Юля молчала. Было похоже, что она перебирает в памяти давние события, может, вспоминает подробности — слова и взгляды, которым когда-то не было придано надлежащего значения. Мы любим копаться в прошлом, но даже если искать там радости — напрасное занятие. Наверное, потому, что его не вернешь. Время необратимо, а вместе с ним все, что оно унесло с собой.

— Я тут задержусь, — сказал Гринько. — А вы идите. Если что-то вспомните — вот мой телефон.

Юля послушно положила бумажку в сумочку, стала

прихорашиваться, заглядывая в круглое крохотное зеркальце, и поднялась.

— Знаете, я раньше думала, что в милиции... Спасибо вам, товарищ...

— Гринько, — подсказал он.

— Вы очень вежливый человек. Вот и фамилия у вас, как у известного киноартиста. Правда, внешне вы не похожи. — Юля вымученно улыбнулась. — Вы о Нине ничего плохого не думайте. Она честная, слышите? Она всегда была такая честная...

Юля снова всхлипнула и, круто повернувшись, почти побежала вдоль аллеи.

Гринько машинально, как всегда в тех случаях, когда ему хотелось сосредоточиться, вынул из кармана ивовую палочку и перочинный нож.

2

Был полдень. Кисейные шторы прикрывали окно в кабинете Журавко. На столе дребезжал вентилятор.

Начальник райотдела размеренным шагом ходил по комнате, в моложавых глазах поблескивали гневные искорки.

— Завтра депутат Журавко отчитывается перед избирателями, — говорил он, и в голосе его прорывалось раздражение. — Где бы вы думали? На трикотажной фабрике. Что я скажу людям, если меня спросят о смерти Сосновской? Что расследование топчется на месте? Нечего будет ответить ни депутату Журавко, ни полковнику милиции Журавко. Позор!

Ремез прокашлялся.

— А если перенести отчет на более поздний срок, товарищ полковник? На неделю, на две...

— Блестящая идея! Это же самое, слово в слово, я предложил председателю райисполкома Лубенцу. Хотите знать его ответ? «Где гарантия, — сказал он, — что через неделю сотрудники вашего угрозыска распутают это дело?»

— Ну, знаете... — заерзал на стуле Очеретный.

— Лубенец вспомнил и о краже телевизора прямо из кабинета председателя областного комитета ДОСААФ. С тех пор, говорит, не две недели прошло, а два года.

— Ну и память! — удивился Гринько.

— Этим делом занимался сам Панин, — не без ехидства подбросил Очеретный.

Полковник нахмурился.

— Люди не знают Панина, Журавко, Очеретного. Они знают милицию. И хотят верить, что ей под силу раскрыть любое преступление. Однако мы собрались сюда не для дискуссии. Прошу!

— Разрешите? — Очеретный потянулся к столу начальника, где стояла мраморная пепельница. — Видимо, произошло самоубийство. Куманько — а квалификация его общеизвестна — засвидетельствовал отсутствие каких-либо признаков насилия. Смерть наступила в результате удушья со всеми характерными изменениями в организме.

— Значит — самоубийство?

Очеретный развел руками.

— Еще недавно вы были уверены, что это преступление, и подозревали звукорежиссера...

— Яроша.

— Именно так, Яроша. Ванжа не возвратился?

— Жду завтра. А что касается Яроша... Разрабатывалась и такая версия. До сих пор неизвестно, где он был в ту ночь, когда покончила с собой Сосновская. Родители утверждают — ездил на ночную запись. Однако пленка не найдена. А тут еще показания Квача, я вам докладывал. Согласитесь, что это давало основания... Я и сейчас не снял бы с Яроша подозрения в причастности. Определенными действиями или поведением человека можно довести до самоубийства. Особенно девушку.

Полковник в задумчивости пожевал губами.

— А вы что скажете, Ремез?

Краснощекий Ремез поднялся и спокойно заговорил:

— Прежде всего, Сергей Антонович, я не хочу быть таким категоричным. — Ремез посмотрел искоса на Очеретного. — В конце концов, Куманько констатирует лишь физическую, так сказать, причину смерти и отсутствие признаков насилия. Ни один судебно-медицинский эксперт не позволит себе в официальном выводе утверждать — самоубийство. Это не его забота.

— Что ты нам лекции читаешь? — вспыхнул Очеретный. — Ты следователь — ты и доказывай!

— Товарищ старший лейтенант! — повысил голос Журавко.

Вслепую открыл ящик и принялся ощупывать его в

поисках своих любимых «Шахтерских», хотя они лежали на столе. — Продолжайте, Ремез.

— Если и в самом деле самоубийство, — следовательно сделал паузу и воспользовался ею, чтобы потерев себя за раздвоенный подбородок, — то это еще надо доказать. Ясное дело, и тут я согласен с товарищем Очеретным, даже хорошенькие девушки не лишают себя жизни из прихоти или от большой радости. Нужно выяснить причины, а они бывают иногда совсем неожиданными. Я бы сказал, что следствие только начинается.

— И как долго оно будет продолжаться? — раздраженно спросил начальник райотдела. Поскольку Ремез молчал, Журавко перевел взгляд на Гринько.

Тот рассказал о вчерашней встрече с Юлей.

— У меня сложилось впечатление, что она чего-то боится, — закончил он.

— Такого громилу кто угодно испугается, — неудачно пошутил Очеретный. — Ну, любила Яроша, ну, потеряла его. Не думаешь ли ты, что она из ревности посоветовала Сосновской утопиться?

— Не доводите до абсурда, — поморщился Журавко. — А вы, Гринько, повстречайтесь-ка с этой Полищук еще раз. Стоит поинтересоваться, откуда страх. Повстречайтесь, но не сегодня и не завтра. Если это тот страх, который может нас заинтересовать, дайте ему созреть. Когда похороны?

Ремез посмотрел на часы.

— В пять, — сказал он. — Все формальности соблюдены.

Журавко обратился к Очеретному.

— Ваши люди там будут? Нелишне послушать, что будут говорить родные, товарищи по работе.

В дверь постучали, и в кабинет начальника райотдела влетел капитан Панин.

— Разрешите принять участие в совещании, товарищ полковник?

— А, блудный сын, возвратился? Наконец-то! — воскликнул Журавко, не скрывая радости, что видит Панина. Выпрямившись во весь свой высоченный рост, он поспешил навстречу капитану. — Разрешаю. Но совещание уже закончилось. Вы свободны, товарищи!

Был Панин, как всегда, по-спортивному подтянут — сухощавый сгусток тренированных мускулов, глаза смеялись. Умел он при желании прикинуться простачком или же предстать перед вами рафинированным интеллигентом.

том. Наблюдательные люди сокрушались, что в его лице гибнет незаурядная артистическая натура, не подозревая, как они близки к истине. Дело в том, что капитан Панин начинал свою самостоятельную жизнь на сцене областного драматического театра. И как начинал! Бывало, молодежь ходила не на спектакль, а «на Панина». Но вдруг грянул гром: артист Панин блестяще сыграл роль инспектора уголовного розыска и потерял интерес к театру. Как известно, человеческая судьба — особа хитроумная, а нередко и каверзная, но Олекса Панин на нее не жаловался.

— Ну, что там у павлопольцев? — нетерпеливо спросил полковник, как только они остались вдвоем. — Долгонько они тебя держали. Что-то запутанное?

— Распутали, — сказал Панин. — Сложить все вместе, так в Павлополе я и недели не сидел. Пришлось с самолета на самолет...

Журавко не сводил с капитана глаз. Дома он избегал разговоров о служебных делах и своих сотрудниках, однако о Панине вспоминал часто, чем немало заинтриговал жену. Когда же она намекнула, что хотела бы увидеть современного Холмса, Журавко фыркнул:

«Старая ты для него, Фрося. У Панина знаешь кто? Шумейко, театральная прима!»

«Но он же — Панин, а она — Шумейко».

«Актрисы редко берут фамилии мужей, — терпеливо объяснил он, удивляясь наивности жены. — Актрисы заботятся о собственном театральном имени».

«Знаешь, — сказала она, — я, может, ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что он похож на Юру».

«Ничуть», — возразил полковник, недовольный тем, что разговор приобретает нежелательное направление. В позапрошлом году пограничник Н-ской заставы Юрий Журавко «погиб смертью храбрых при выполнении служебных обязанностей». Иногда такие сообщения почта приносит и в мирное время. Единственный сын, его и Фроси. Не проходило дня, чтоб она не вспоминала Юрия, и за каждым воспоминанием были слезы.

«Ничуть», — сказал он тогда. Теперь же, сидя рядом с Паниным, подумал: «А Фрося попала в точку: он таки напоминает Юру, хотя немного старше. В лице сходства мало, тут другое. Жизнь словно не вмещается в нем, плещет через край самыми неожиданными проявлениями, и это притягивает как магнит. Именно таким

был Юрий. Но Фрося же никогда не видела Панина! Воистину материнская душа полна загадок».

— А как тут у вас? То есть, я хотел сказать, у нас? Журавко встрепенулся.

— Зашились мы, — неохотно произнес он. — Не по всем, известно, параметрам, но одно дело...

3

В глубине души супруги Гафуровы были согласны, что им давно пришло время остановиться, и не безрассудство, а мечта о сыне приумножала их семью. По правде, Зинаиде было безразлично, мальчика или девочку она прижмет к груди, — все равно ее кровинка, но вот Рахим...

С тех пор как увидела впервые в душевной, неизвестно когда убиравшейся комнате его внимательные, такие черные, что даже жутко стало, глаза, он несколько не изменился. Ни морщинки, ни седины. Годы летели над ним, не оставляя печати. По крайней мере, так казалось Зинаиде, хотя она и понимала, что это самообман, но пусть бы он не кончался, ибо за ним стояло счастье. Она была благодарна судьбе за случай, который привел Рахима к ней в вечерние сумерки далекого сорок пятого года. Кто-то другой назвал бы это не случаем, а течением обстоятельств, к тому же весьма трагических, да разве это не то же самое?

Позднее Зинаида узнала, что выпускник пехотного училища Рахим Гафуров был тяжело ранен под Рюдесдорфом по дороге в действующую часть. Пока лежал в госпитале, война кончилась, лейтенант так и не успел выпустить ни одной пули по фашистам. Рана была из тех, о которых госпитальный хирург в присутствии пациентов говорил «фифти-фифти». Гафуров английского языка не знал, но его кавказский организм безошибочно выбрал именно ту половину, что означала жизнь. В конце лета его комиссовали, а перед самым отъездом Рахима подозвал к себе пожилой капитан-артиллерист.

«Дочка у меня дома, одна, без матери. А я... Может, заскочишь? Считай, по пути. Гостинец передашь и мое доброе слово».

Не мог Гафуров отказать, да и домой не слишком торопился. К кому? Было ему восемь лет, когда родители погибли под снежным обвалом в горах. Жила в Баку родственница, добрые люди повезли сироту в город.

Да не зря сказано, что беда не ходит одна, родственница к тому времени выехала, куда — никто не знал. Вырос Рахим в детдоме, были у него друзья, да где они теперь?

Часа через два, когда Рахим, поскрипывая новенькой офицерской портупеей, прощался с медперсоналом, молоденькая сестричка всхлипнула:

«А тот, ну, вы знаете, капитан... умер».

Сколько ехал — столько мучился мыслью о неминуемой встрече с дочерью артиллериста. Как произнести страшное слово, глядя в глаза, наверное же, радостные, потому как вот сидит человек, который еще недавно говорил с отцом, живым, больным, раненым, да что поделаешь — война кончилась, а врачам работать еще и работать. Миновать бы станцию — и пусть колеса стучат, ничего не изменишь, рано или поздно она вычитает свое горе из похоронки. Желанный гость — кто приносит в дом радость, а он?..

Но на верхней полке лежал чемодан капитана из рыжей оленьей шкуры, гостинец, на самом же деле — отцовское прощание, а еще было слово, данное им, Гафуровым, фронтовику, теперь уже мертвому, потому дважды святое. И он подумал, что судьбе угодно испытать его мужество таким жестоким способом.

Никто не открыл дверь Рахиму, да она и не была заперта, невыразительно серая, как пятно в сумеречном свете. Он толкнул дверь, она подалась, и первое, что Гафуров увидел, была кровать, на ней — девушка, такая истощенная, что от нее остались одни глаза, а в тех глазах — ни страха, ни удивления.

«Кто вы?» — спросила.

Не было силы сказать всю правду. Притворно бодрым голосом говорил о госпитале — вылежался, теперь вот домой, в Баку, хороший город, на берегу моря. А капитан, сосед по палате, попросил гостинец завезти. Вот... симпатичный чемодан, трофейный. Раз нездоровится, то надо в больницу. Ага, отец в дом, а дом пустой, куда же это годится. Ясное дело! Соседка забегает? Мир не без добрых людей, он как раз на добрых людях и держится, как земной шар на трех китах. Где тут свет? Оно, знаете, веселее — волки по углам разбегутся. Нет, он поужинал, еще в вагоне. Жаль, посидел бы дольше, да через полчаса поезд. Выздоровливайте... Зина? Нехорошо в такие юные годы болеть, Зина! А он — Рахим,

Рахим Гафуров. Ишь ты, только познакомились, а уже и прощаться.

В последний миг, на перроне, что-то удержало его. Вагоны поплыли, а он возвратился в гулкий вокзал и всю ночь просидел на скамейке, думал, а что думал — перепуталось, ни конца, ни края. Утром пришел к ней, виновато сказал:

«Н-не могу...»

Сегодня врач разрешил Зинаиде спуститься вниз. Они сидели в приемном покое. Гафуров угощал жену черешней, был разговорчив, и она понимала, что за этой разговорчивостью Рахим скрывает разочарование. Не было на свете ничего такого, чего бы она не смогла сделать ради него, а тут оказалась бессильной. Природа не вняла ее страстной мольбе.

— Знаешь, — сказал Гафуров, — какую смешную сказку прочитала мне вчера Галия? У одного царя было семь сыновей. А в этой стране существовал древний обычай: царские сыновья имели право жениться только на сестрах. Вот и разбрелись они по свету в поисках семи сестер. Ходили, ходили и возвратились ни с чем. Упал царь на колени. Смилуйся, говорит, господи, сотвори чудо, ибо захиреет мой род на веки вечные. И повелел господь быть царевичам молодыми до тех пор, пока не найдут для себя семь сестер, семь невест.

Гафуров сделал паузу, подмигнул.

— Ешь черешню, Зина. Чудо ты сотворила, семь царевичей где-то на подходе.

— Рахим...

В глазах Зинаиды блестели слезы.

4

Известие о смерти Нины ошеломило Ванжу.

В «теремке» пахло бархатцами. Оранжевые головки выглядывали из простенькой зеленоватой вазы, было их немного, но и немало, как раз в меру, природа наделила тетю Присю безошибочным чувством гармонии. Ванжа смотрел, как в вазе всплывают на поверхность пузырьки, — не столь серьезное занятие, однако на иное не было сейчас ни сил, ни желания. Пузырьки лопались, и каждый раз это причиняло ему почти физическую боль. «Вот так и человеческая жизнь. — думал он. —

Как в песне: есть только миг между прошлым и будущим...»

— Ты был там?

— Был.

— А я вот... опоздал.

— Оно, может, и лучше. — Гринько сидел напротив, мельницей вертел пальцами карандаш, говорил тихо: — Елена Дмитриевна... Ты сейчас не ходи к ней. Она... Ну, одним словом, страшно глянуть.

— Т-так, — глухо сказал Ванжа — А мы с тобой...

— Что — мы с тобой?

— Грош нам цена в базарный день, Гриня. Не уберегли девушку.

— Это ты напрасно, — нахмурился Гринько. — У нас что — были причины оберегать ее? Какие-то сигналы?

— Я видел ее за день до этого... Она смеялась. — Ванжа вздохнул. — Как всегда. И ничего не заметил. А Ярош говорит, что она была встревожена.

— Ясное дело, перед разлукой.

— И он так подумал. А еще Нина просила его верить ей. Мол, что бы ни случилось. Ты понимаешь, Гриня? Выходит, было что-то такое, чего она боялась, а Ярош не обратил внимания. Теперь бьет себя в грудь: я виноват.

— Где он?

— У Ремеза.

— А не хитрит?

— То есть?

— Виноват в большем, вот и придумал разговор с Ниной, ее тревожное состояние. Знает, что теперь не проверишь.

Ванжа налил из графина стакан нагретой солнцем воды, попробовал и скривился.

— Очеретный заладил: Ярош, Ярош — и ты вслед за ним. А доказательства? Он любил ее, понимаешь? Любил!

— И на этом основании ты делаешь вывод о его непричастности?

— Хотя бы и так! А впрочем, нет, по крайней мере, не только. Я, Гриня, видел, как воспринял он известие о... о Нине. Надо быть великим актером, чтобы так сыграть. Да и раньше я все же знал его. а ты исходишь из каких-то абстракций.

Гринько покачал головой.

— Если бы так! В том и сложность, что имеем дело не с абстракциями, а с живыми людьми. Открыть бы дверцу, заглянуть — что там в душе, но, дудки, не открывается. Варианты и на ЭВМ не просчитать.

— О чем спор, орлы? — остановился в дверях капитан Панин. — Правда, эти орлы сейчас похожи на индюков. В гневе покраснелись или от духоты?

— Нам бы, товарищ капитан, вентиляторы. Сколько говорим...

— Самый лучший вентилятор, товарищ Гринько, — окно, а вы его на все задвижки. Перейдем в новый дом — и вентиляторы будут, и еще кое-что. Этот хлам заменим. — Капитан ткнул ботинком ножку стола Ванжи. — Ишь! Как корова на льду. Справим, ребята, новоселье и заживем не то что тут.

Ванжа видел этот дом, строили его в нагорной части района, на Щорсовской. Весной они ходили с Гринько посмотреть, и, правду говоря, дом ему не понравился — слишком строгий четырехугольник, даже фасад без малейших украшений.

«А вертолет не предвидится? — спросил тогда Гринько. — Очень подходящая крыша».

«Нет, — без тени улыбки сказал Панин, — там мы устроим солярий для переутомленных работников уголовного розыска».

— Что будем делать с Ярошем, товарищ капитан?

Начальник отделения уголовного розыска смерил Ванжу взглядом, осуждающе усмехнулся.

— Я понимаю, лейтенант, вы с дороги, и все же ваш вид... Возьмите себя в руки, у нас нет права даже на минутное расслабление. По крайней мере, показывать его на людях не стоит. Что касается Яроша... Возьмите у Ремеза пленку и позаботьтесь, чтобы на радио сделали копию. В пятнадцать ноль-ноль жду вас у себя.

Капитан склонился над бархатцами, понюхал, потом повернулся к Гринько.

— А вам надлежит сделать два дела. Во-первых, открыть все-таки окно. Советы начальника иногда не мешает воспринимать как приказ. Вот так... А во-вторых, сядьте за этот скрипучий стол и старательно обдумайте свою предстоящую встречу с Полищук. Расположите ее к искренности, полюбезничайте наконец, в меру, конечно. Иногда это помогает. Она как — ничего девушка?

Гринько проворчал что-то невыразительное.

— Вот и прекрасно, — сказал Панин. — Действуйте.

5

— Вы не могли бы остановить машину подальше от дома?

— Компания неподходящая? Напрасно боитесь нас, Ярослав.

— Не вас я боюсь, — сказал Ярош. — Злых языков. Да и не обо мне разговор. Родители...

— Они знают?

— Вряд ли. Разве что вы...

Ванжа поморщился, кивнул Савицкому:

— Останови.

Солнце плавилось в оконных стеклах. У павильона «Ягодка» толпилась очередь за черешней. За высоким забором вгрызался в землю железными челюстями экскаватор, над котлованом дымилась серая пыль.

«Ничего не изменилось, — думал Ванжа. — Все, как раньше, как тогда, когда она была жива. Но этого не может быть! Если бы ничего не менялось, тогда чего стоит человеческая жизнь?»

Ванжа посмотрел вслед Ярошу, который шел, слегка склонив левое плечо под тяжестью чемодана, и почувствовал, что ему по-настоящему жаль парня.

— Слушай, Савицкий, у тебя девушка есть?

— А у кого ее нет? — Савицкий щелкнул пальцем по носу плюшевую обезьянку, подвешенную в кабине на резинке, и засмеялся: — Только моя еще в школу бегают.

— Я серьезно.

— И я серьезно. — Сержант подмигнул Ванже. — В десятый класс. Как только получит аттестат — приглашаю на свадьбу.

— Спасибо. И давно вы?

— Что давно?

— Ну, решили пожениться?

— Давно. Как в восьмой перешла. Я тогда как раз школу закончил. На выпускном и договорились.

— А родные знают?

— Конечно! Я, товарищ лейтенант, люблю, чтоб была ясность. Везде и во всем.

Ванжа вспомнил Нину. Знал ли он ее? Сколько раз

видел, ловил взгляд синих глаз, радовался ее смеху. Но все это внешние приметы. Изредка перекидывался с нею несколькими словами, малозначащими.

— Ясность. Это, видимо, скучно, — тихо сказал Ванжа скорее себе, чем Савицкому, но тот услышал, и его коротенькие брови удивленно подскочили вверх.

— Такое выдумаете, товарищ лейтенант! Ясность — это, если хотите, уверенность, что тебе ножку не подставят, никаких каверз... Только психи копаются в душе, как пальцем в носу, потому что нет у них ни ясности, ни уверенности.

Ванже захотелось сказать в ответ что-то язвительное, колючее, но тут пришел Ярош, угрюмо забился в угол на заднем сиденье, пробормотал:

— Где уж вам верить мне, если родной отец сомневается.

— Куда? — спросил Савицкий, отодвигая обезьянку, болтавшуюся перед глазами.

— В радиокомитет.

Савчук не удивился, увидев Яроша рядом с работником уголовного розыска, но и радости не выказал.

— Как там Черное море? — спросил. — Смеется? Плачет?

— Мы к вам по делу, — сказал Ванжа.

— Да уж не на посиделки, — проворчал Савчук. — Нашлась пленка? Где она была?

Лейтенант взглянул на Яроша — тот смотрел куда-то в окно, в глазах стояла тоска.

— В спешке с собой прихватил.

— Я так и думал. — Савчук снял очки, подслеповато сощурился на Ванжу. — Хотите послушать? Пошли в звукооператорскую.

Ярош радовался, что как раз был обеденный перерыв. Ему не хотелось ни с кем встречаться. Рано или поздно придется объяснять причину досрочного возвращения из Мисхора, но пусть лучше потом, тем более что сейчас рядом был Ванжа. Он не испытывал враждебности к лейтенанту, но не было у него к нему и симпатии. «Кто знает, — думал Ярош, — если бы не этот усач, быть может, и не тянула бы Нина со свадьбой и все сложилось бы по-другому. Колебалась? Возможно, возможно... Какой смысл теперь гадать?»

Мигнул зеленый глаз «мага», и Ярош вдруг почув-

ствовал, что соскучился по работе. Мир звуков таится в рулонах магнитной пленки, в стандартных коробках на полках фонотеки, в ожидании своего часа, чтобы вырваться из плена. И он властен дать им волю, радость голоса, ибо звуки не могут молчать, это для них несчастье, наверное, так чувствует себя обреченный на немоту человек.

Динамик зашипел, как разгневанный гусак. Рука Яроша упала на микшер, шипение затихло, слышался тихий звон, и чей-то голос зазвенел и залился длинной руладой.

Ванжа поймал себя на желании закрыть глаза и хотя бы в воображении перенестись в гущу леса, под зеленые кроны.

Пели соловьи. Слишком неестественным казалось ему это пение в заставленной громоздкой аппаратурой комнате, среди металла и портретов улыбающихся эстрадных звезд на стенах. Еще в Мисхоре Ярош сказал лейтенанту, что в ту ночь он записывал соловьев.

«Соловьев?» — недоверчиво переспросил Ванжа.

«Как-то ездил в село, чтобы записать корову».

Тогда этот разговор вызвал у Ванжи раздражение, сейчас, вспоминая его, он испытывал неловкость.

А соловьи все пели. Им не было дела до человеческих забот и переживаний. Они не имели и представления, что их кто-то слушает, упивались собственным мастерством, не ведая, что это такое. Если бы соловьи и сознавали, что в чрезмерном упоении, не выдерживая неистового напряжения, иногда разрывается их маленькое птичье сердце, то и это бы их не остановило, потому что не петь для них было все равно что не жить.

И вдруг все затихло. Изумрудным глазом смотрел на людей «маг», в его взгляде Ванже почему-то виделся укор.

— Все? — спросил лейтенант и сразу же понял бессмысленность своего вопроса, ибо что можно было сказать в ответ? И Ярош ничего не сказал, не обернулся, привычными, почти машинальными движениями клеил ракорды, перематывал пленку, а Савчук сидел расстроженный, протирал платком стекла очков и вздыхал:

— Ах, разбойники! Ах, артисты! Рапсодия, скажу я вам, хоть на государственную премию выдвигай. Ей-ей, заслужили...

— Я хотел бы получить копию.

— Разумеется, разумеется, — покачал головой Сав-

чук и спохватился: — Извините, я, собственно, забыл, для чего вы здесь. Как-то, знаете, не вяжется, но что поделаешь, что поделаешь... Пойдемте ко мне, Ярослав занесет копию.

У себя в кабинете Савчук подставил разгоряченное лицо под струю вентилятора, минуту так постоял, а когда обернулся к Ванже, в глазах уже не было восхищения, были колючки:

— Ну вот, пленку, в существовании которой вы сомневались, прослушали. Это внесло какую-то ясность?

— Во всяком случае, мы теперь знаем, что в ту ночь Ярош в самом деле был на записи. Кстати, он утверждает, что именно перед этим вы сняли передачу, в которой соловьи пели хриплыми голосами. Потому, мол, и помчался в Дубовую балку. Это правда?

— Было такое, — обрадовался Савчук. — Как же, было. Передача «Природа и мы». Так вот в чем дело! Я же говорил вам, что Ярош добросовестный работник, другой на его месте плюнул бы и баста — в отпуске же, а он...

— Так-то оно так, — сказал Ванжа. — Но Сосновскую нашли мертвой.

У Савчука вытянулось лицо.

— Мертвой? Как это... мертвой? И он, то есть Ярош, имеет к этому отношение?

— Спросить легче, чем ответить, — сухо произнес Ванжа. — Идет следствие.

6

В пятнадцать ноль-ноль Ванжа положил на стол начальника отделения уголовного розыска кассету с пленкой. Напротив Панина сидел Очеретный, и, похоже, они спорили, ибо у Очеретного был возбужденный вид, и он недовольно оглянулся на лейтенанта.

— Это чего-то стоит? — спросил Панин.

— В час досуга. Соловьи, товарищ капитан.

— Интересно послушать. Вы, лейтенант, давно были в лесу?

— Прошлым летом. Когда к матери ездил... А что?

— А вы, Ларион Григорьевич?

Очеретный пожал плечами.

— Вот-вот, — Панин вздохнул. — Стали горожанами до того, что где уж там соловья, обычного сельско-

го петуха не видим. Разве что в борще. У Ремеза, кажется, есть магнитофон?

— «Весна».

— Прекрасно: «Весна», соловьи... Пусть послушает. Выходит, правду сказал Ярош. Тем лучше. Для него, конечно.

— Жаль только, что соловьи координаты не поставили, — сказал Очеретный. — Так и так, мол, записывал нас гражданин Ярош в Дубовой балке, а не там, где нашли тело Сосновской. — Он вскочил, забежал по кабинету. — Каждый преступник, если у него на плечах не пустой котелок, прежде всего заботится об алиби. Вот вам и соловьи! Ярош записывает их на южной окраине города, а тем временем на северной, обратите внимание, совсем в противоположной стороне, любимая девушка кончает жизнь самоубийством. Чем не алиби?

Сделав паузу, Очеретный продолжал:

— Удивительно другое. Человек решил распрощаться с белым светом. От Чапаевской до Днепра — рукой подать. Нет, он едет за десять километров, ищет малолюдное место, словно заранее заботясь, как бы заморочить нам голову. Кстати, туда ходит городской транспорт?

— Автобус номер 14, — сказал Ванжа. — До высоковольтной подстанции. А может, тело снесло течением, товарищ капитан?

— Специалисты возражают. — Панин помолчал. — Между прочим, товарищ лейтенант, во время розыска вы допустили промах, я бы сказал, непростительный. Благодарите Ремеза, который исправил вашу ошибку. Список лиц для опроса по делу Сосновской составляли вы?

— Так точно.

— А почему в нем не было Василия Сосновского?

— Василий Сосновский? Это кто? — спросил Ванжа, но тут же сообразил, что речь идет о Васильке, брате Нины, и покраснел. — Виноват, товарищ капитан. Опрашивал Елену Дмитриевну, его не было. А потом... потом подумал: что может знать мальчик?

— Тем временем этот мальчик сообщил нам сегодня интересные вещи. — Панин пододвинул к себе телефон. — Ремез? Мальчик у тебя еще? Давай его сюда.

Капитан положил трубку, внимательно посмотрел на Ванжу:

— Тем более, что вы с ним, как оказалось, хорошо знакомы. Знаю — командировка и прочее, но времени у вас было достаточно.

Вошел Ремез, мягко подталкивая впереди себя мальчика. Василек заметил Ванжу, радостно улыбнулся, но тут же синие глаза помрачнели, он скривился и прикусил губу, чтобы не заплакать. На мгновение Ванже показалось, что на него посмотрела Нина, и к горлу подступил горячий ком.

— Садись, — сказал Панин. — Садись, дружище, и перескажи нам еще раз все, что ты рассказывал старшему лейтенанту.

Василек оглянулся на Ремеза.

— Во вторник это было, в тот самый... вечером. Зазвонил телефон. Мамы дома не было, а был я и Нина. Взял трубку, спрашивают Нину, я, значит, позвал ее и пошел, мне надо было на самбо. А она выскочила вслед за мной из дому и говорит так, словно плачет: «Славка разбился, Славка разбился...» — И побежала.

— Может, это было не во вторник, а в другой день? — спросил Очеретный. — Ты хорошо помнишь?

— А что тут помнить? Я на тренировки хожу по вторникам.

— Интересно! — Очеретный потер руки. — И ты узнал голос того, кто просил позвать Нину?

Василек отрицательно покачал головой:

— Нет, не узнал. Чужой голос.

— Как это — чужой? — Очеретный не скрывал разочарования. — Совсем незнакомый?

— Ага. Я всех знаю, кто Нине звонил, а этот... Глухой такой, хриплый голос.

— Почему же ты сразу не пришел ко мне, не сказал? — забыв о сдержанности, закричал Ванжа.

— Забыл. — Василек виновато опустил голову. — Это я уже потом вспомнил, когда меня начали расспрашивать. — Мальчик посмотрел на Ремеза. — А тогда забыл.

— Ну что же, ты нам очень помог, — сказал Панин. — Можешь идти домой. И знаешь что? Не надо говорить об этом маме. Разволнуется, заплачет... Договорились? Вот и хорошо. Проводите мальчика, Ванжа.

Как только дверь закрылась, лицо начальника уголовного розыска стало сосредоточенным.

— Дело, товарищи, как видите, приобретает более или менее определенные очертания. Следовательно, кто-

то, назовем его условно Хриплый, вызвал Сосновскую из дому под предлогом того, что Ярош разбился.

— Ну, это еще вилами по воде, — возразил Очеретный. — Извините, товарищ капитан, мальчик уверяет, что не узнал голоса, но при желании голос можно изменить.

— И кого же вы подозреваете?

— А хотя бы Яроша!

— Нелогично, — вмешался Ремез. — Голос изменить, конечно, можно, однако Ярошу, если бы он решил вызвать к себе Сосновскую, надобности в этом не было. Скорее наоборот, именно на его голос она поехала бы куда угодно.

— Не забывайте, что трубку снял брат! А это уже лишний свидетель.

— Пусть так. Тогда объясните: зачем Ярошу разыгрывать сцену с аварией, когда он мог просто пригласить ее покататься на мотоцикле, как не раз делал это и раньше?

— Разрешите?

В дверях стоял Гринько.

— Бьюсь об заклад, младший лейтенант Гринько только что вернулся со свидания, — сказал Ремез. — Но почему так рано? Еще и солнышко не село.

Гринько угрюмо взглянул на него, налил стакан воды, выпил, только потом шагнул к Панину и протянул конверт.

— Вот, товарищ капитан. Познакомьтесь с шедевром. Буквы вырезаны из газеты.

— «Хочешь жить, держи язык за зубами», — прочитал Панин. — Это Полищук получила такое послание?

— Она. Встретились мы, как и первый раз, в парке. Я и так и этак — молчит. По глазам вижу — порывается что-то сказать, а не может. Совсем было отчаялся, как вдруг она в слезы и достает из сумочки эту записку.

— Когда и как она ее получила?

— Сегодня утром обнаружила в почтовом ящике. Штемпеля на конверте нет, кто-то не поленился доставить лично.

— Конверт и письмо — немедленно на экспертизу, — приказал Панин. — Боюсь, правда, что тут отпечатков пальцев больше, чем надо. Где Юля?

— Плачет. Ничего вы, говорит, не знаете, а еще милиция. Нину убили и меня убьют.

— Я спрашиваю, где она?

— В «теремке», товарищ капитан. Извините, в кабинете лейтенанта Ванжи.

— Т-так, — Панин обвел взглядом присутствующих. — Как вам это нравится, Ларион Григорьевич? Выходит, свет клином на Яроше не сошелся. Теперь закрутятся колесики, только поспевай.

— Что касается клевера ползучего, то ботаники сказали, будто растет он вдоль всего днепровского берега, на песках.

— Какой клевер?

— Тот, что Ванжа обнаружил в спицах мотоцикла Яроша. Был я в университете. — Гринько смущенно улыбнулся, вспомнив что-то смешное. — Повели меня к профессору, в наивысшую, так сказать, инстанцию. Встречает меня кудрявый юноша. Ну, не юноша, а так где-то за тридцать, не больше. Приглашает сесть. Спасибо, говорю, а что — профессор скоро будет? Он руку подает: «Давайте знакомиться — профессор Голубицкий». Я, товарищ капитан, сквозь землю готов был провалиться. Думал, профессор — значит, борода, очки...

— Благородная седина, — подхватил Ремез.

— А хотя бы и так! И седина. Профессор же, не кто-нибудь. Потом мне лаборантка сказала, что этому Голубицкому в позапрошлом году международную премию дали за монографию. О клевере он мне целую лекцию прочитал. Никогда б не подумал, что о каком-то сорняке...

— О клевере достаточно. Ремез, займитесь Юлей вдвоем с Гринько. Можете идти. — Капитан снял телефонную трубку. — Рахим? Панин говорит. Ты не хотел бы заглянуть ко мне? Есть разговор. Чует моя душа, что вновь скрестились наши стежки-дорожки. Минут через пять? Жду.

Панин поднялся из-за стола, насвистывая популярную «Песенку веселого барабанщика», подошел к окну.

— Ванжа — способный оперативник, — сказал он, — но ему недостает опыта. И понимаете... У парня голова пошла кругом, он влюбился в эту девушку. Вы знаете об этом, Очеретный?

— Впервые слышу. Это имеет значение?

— О загадочном телефонном звонке к Сосновским мы должны были знать в первый же день розыска. Ошибка Ванжи — это и ваш просчет, товарищ старший лейтенант.

Очеретный молчал, насупив густые брови.

— Самое опасное в нашем деле, — продолжал Панин, — попасть в плен удобной версии. Это все равно, что на раздорожье избрать путь только в силу его привлекательности. Куда-то он ведет, но куда?

Начальник уголовного розыска стоял, опершись ладонями на подоконник. Заходящее солнце было красным. К ветру. И он уже начинался, набирал силу, стучал по крыше отставшим железом. Снизу, от клумбы, волнами поднимался запах маттиолы.

ВОДОЛАЗКИ

1

За несколько месяцев до описанных событий по дороге из областного центра на Самарск потерпел аварию фургон. Была гололедица, над трассой плавали клочья тумана. Фургон с такой силой занесло на повороте на полосатые каменные столбики, что он перевернулся вверх колесами. В последний миг водитель выскочил из кабины, чуть не попал под легковую, которая шла следом за фургоном, но отделался легким испугом. Когда на место события прибыла автоинспекция, он сидел на обочине на собственной шапке, по-турецки скрестив ноги, и цокал зубами.

Инспектор ГАИ Чубук изрядно повозился, пока выяснил, что товароведы трикотажной фабрики забраковали партию шерстяной пряжи, прибывшей из Донецка, и водитель получил задание вместе с актом возвратить ее на тамошнее камвольно-прядильное предприятие. Путевка подтвердила слова шофера, однако было непонятно, почему он ехал через Самарск, хотя существует значительно более короткая дорога через Красноновку. По этому поводу между автоинспектором Чубуком и водителем фургона Валиевым состоялся такой разговор:

— Вы что — заблудились в тумане?

— Туман как туман. Гололедица вот, едва нажмешь на тормоза — и повело. Разве я виноват?

— В вашей вине мы еще успеем разобраться. Я о другом спрашиваю: почему вы поехали кружным путем, а не через Красноновку?

— Красноновку? — Шофер на минуту замялся. — Верно, так ближе, но перекрыто же там! Авария на мо-

сту. Сказали: возвращает всех в объезд ваш товарищ.

— Кто сказал?

— Какой-то водитель «Жигулей». Страшно ругался... А кроме того, товарищ лейтенант, девушка у меня в Самарске, думаю, не было счастья, так несчастье помогло, заскочу на минутку к Тamarке. А оно вишь как получилось...

Шофер принялся доказывать, что если бы подоспел кран, то тут и дела-то всего ничего: машина почти не повреждена, немного, правда, помяло. Но до Самарска рукой подать, а там он уж сам управится, за свой счет починит и очень быстро. Поскольку конец месяца, наряд не успеешь закрыть, да еще и авария — прогрессивка тю-тю.

Автоинспектор угрюмо взглянул на шофера, велел ему отойти в сторону, а сам занялся протоколом. К вечеру фургон отбуксировали назад в город, на фабрику, и там неожиданно оказалось, что в Донецк отправили не забракованную пряжу, а первосортную японскую, к тому же очень дефицитную.

Завскладом сырья Поляков всю вину свалил на молоденькую кладовщицу, которая, мол, в спешке указала грузчикам не на те мешки.

«Это что же получается? — кричал он, вернувшись к себе от директора фабрики Гальченко. — Понабирали зеленых девиц, а я за них отвечаю? Грамотные, извольте, десятилетки поокончали, а в голове — тряпки да... как их... шейки-твисты. Вот-вот, целый день тринды-ринды, а спецификацию... Где спецификация на черниговскую партию, я вас спрашиваю? — размахивал Поляков указательным пальцем перед носом кладовщицы. — Где?»

Чубук оставил работников фабрики разбираться в возникшей ситуации, однако счел необходимым упомянуть об этом факте в рапорте своему начальству. Поскольку же трикотажная фабрика расположена в Петровском районе, случай с пряжей стал известен начальнику отделения БХСС майору Гафурову.

Администрация фабрики объявила строгий выговор кладовщице и заведующему складом за недобросовестное выполнение служебных обязанностей, о чем Гафуров сразу узнал лично от директора фабрики Николая Артемьевича Гальченко. Вероятно, на этом майор и поставил бы точку, но ему пришла мысль поинтересоваться

ся, не ускользнуло ли что-нибудь от внимания автоинспектора Чубука.

Через час на столе Гафурова лежала сводка дорожных происшествий на территории области за прошлые сутки. Об аварии на Красноновском мосту не упоминалось ни словом.

«Выходит, Валиев соврал. С какой стати?» — спросил сам себя майор и принялся пальцами тереть горбатый нос. Затем он вызвал сотрудника своего отделения старшего лейтенанта Павелко и велел уточнить, во-первых, не вкралась ли в сводку ошибка и, во-вторых, в самом ли деле у шофера Валиева есть в Самарске девушка.

Через несколько дней Павелко доложил, что сводке ГАИ целиком можно доверять. Что касается Валиева, то в Самарске, на Матросской, 22, живет женщина, которую он часто навещает. Проживает с мальчиком, очень похожим на Валиева, по крайней мере так говорят ее соседи. Но фамилия...

Гафуров дал понять старшему лейтенанту, что эти подробности мало его интересуют. Важен сам факт, что такая женщина существует, следовательно, шофер фургона мог сделать крюк ради нее, а затор на мосту придумал для оправдания.

История с японской пряжей всплыла в памяти вновь накануне Международного женского праздника. И вот в связи с какими обстоятельствами.

Кроме центрального Красного рынка, который старожилы иногда называют Маврикиевским, потому что когда-то тут стояли лабазы знаменитого купца Маврикиева, в Петровском районе областного города существовал еще и базарчик, называемый Клинчиком. Этот Клинчик был известен милиции как место тайных сделок маклеров и жуликов черного рынка. Гафурову он даже во сне снился. Внешне это был обычный базар, где торговали красивыми певчими птицами, фантастическими представителями аквариумного мира, а также разнообразным кормом для этой фауны. Но при желании тут можно было купить что угодно, например, партию дефицитной керамической плитки или, скажем, осциллограф, в зависимости от спроса. Нет, этот товар на Клинчике не продавали, тут только заключали «джентльменские» соглашения, обменивались адресами, в тайну которых иногда удавалось проникнуть и майору

Гафурову. И тогда он проводил операции, в шутку названные Павелко «Здравствуйте, я ваш дядя!».

В начале марта на Клинчике была задержана вертялая молодая женщина, которая из-под полы торговала так называемыми водолазками. Для Гафурова это была вообще-то мелочь, если бы он не обратил внимания на два обстоятельства. Водолазки были изготовлены из розовой японской шерсти, а таких изделий давно не водилось ни в магазинах, ни на торговых базах города. Этикеток на водолазках не было, женщина клялась, что не было их и тогда, когда она «брала товар у какого-то бродяги, чтоб ему галушка в глотку не полезла! Плакали ее денежки, да еще и стыда теперь не оберешься...»

Сама она рыдала в кабинете старшего лейтенанта милиции Павелко, а он тем временем перебирал бумаги на столе и удивлялся, что в человеческом организме таятся такие неисчерпаемые запасы жидкости. Подвигая стакан с водой, иронически думал: «Может, она ее сразу перельет в слезы? Так сказать, по законам соединяющихся сосудов».

Павелко улыбнулся, не подозревая, что эта улыбка подействует на его собеседницу лучше всякой воды. Слезы у молодой женщины сразу высохли.

— Вам смешно! — воскликнула она с видом человека, оскорбленного в наилучших чувствах. — А как я мужу в глаза посмотрю? Да он у меня знаете какой? Сам директор с ним за ручку, портрет на Доске почета... — И перешла на жалобный шепот: — Выгонит, ей-богу, выгонит из дому. Вы не говорите ему, а?

«Вот этого не обещаю, — подумал старший лейтенант, — а даже совсем наоборот. Головойка дома тебе, голубушка, не помешает, не повредит».

Павелко решительно пододвинул к себе стопку бумаги и взял ручку.

— А теперь, гражданка Костюк, давайте все по порядку. Следовательно, в четверг, 7 марта, на Клинчике к вам подошел незнакомый человек и сказал... Что он вам сказал? Постарайтесь вспомнить как можно точнее. Напоминаю, что это в ваших же интересах.

2

Майор милиции Гафуров позвонил Гальченко.

— Это ты, Рахим? — загудела трубка басом ди-

ректора трикотажной фабрики. — Давненько мы с тобой не виделись. А может, оно и лучше? — Гальченко засмеялся.

С Николаем Артемьевичем Гафуров встретился на рыбалке. Их лодки нередко можно было видеть рядом против Заячьего острова. Почему этот кусочек земли среди Днепра назывался Заячьим, напрасно гадать — зайцев на нем не водилось, как не водилось лисиц, медведей и волков. Зато росла там ива, в стороне от диких зарослей, одна-единственная на весь островок, своего рода зеленый зонтик, под которым в нестерпимую жару, когда, наверное, и рыба изнемогает, так как перестает клевать, можно отдохнуть, оставив лодки на плаву. Вот тут они и познакомились — Гафуров и Гальченко, а поскольку были большими поклонниками рыбалки, то очень скоро нашли общий язык, и случайное знакомство переросло в дружбу.

Николай Артемьевич встретил майора в дверях своего просторного кабинета приветливой улыбкой, за которой все же скрывалась тревога, и велел секретарше никого не впускать.

— Доброго здоровьица, Рахим! — сказал он, гостеприимным жестом хозяина приглашая Гафурова в мягкое кресло у зашторенного окна. — Если б ты знал, какую леску я достал! Высший класс!

Рядом они составляли классическую пару — маленький, сухощавый Гафуров и румянощекий здоровяк Гальченко, под которым, казалось, прогибался пол. Майор взглянул на него снизу вверх, подмигнул и, блаженно закрыв глаза, потонул в кресле.

— Богато живешь, Артемьевич, — сказал он то ли с осуждением, то ли с завистью. — Не кабинет — хоромы.

— Это еще до меня. — Гальченко достал из холодильника бутылку минеральной воды и, на ходу откупоривая ее, искал глазами стаканы. — Матяков оборудовал. Любил показуху, ох как любил... Кое-что пришлось убрать, все остальное осталось в наследство.

— Боржомчик попиваешь?

Николай Артемьевич ткнул пальцем в пуговицу на животе.

— Жжет... У Матякова был свой стиль. Скажем, на прием к нему записывались за три дня вперед. Никто не мог понять, зачем введен такой порядок. Если, конечно, вообще можно назвать это порядком. Но и не

роптали, и знаешь, почему? Это уже потом секретарша призналась. Заходит, например, Иванова, Матяков встречает ее около дверей: «Мария Петровна? Здравствуйте, здравствуйте! Как здоровье вашего сына?» Мария Петровна, ясное дело, растрогана — еще бы, сам директор знает, что у нее болен сын. Такой занятой человек, а вишь... И никогда ей не догадаться, что секретарша заранее собирает сведения о всех, кто записался на прием. Забыла уже Мария Петровна, с чем и пришла, удовлетворил Матяков ее просьбу или отказал. Следует сказать, что он никогда не отказывал. На приемах говорил: «Разберемся», на производственных совещаниях: «К этому вопросу мы еще вернемся». Так и крутился.

Гальченко налил себе еще стакан боржома.

— Представь себе, долгое время слыл демократом. Магия!

Гафуров лично не знал Матякова, но слышал, что работники фабричного управления называли его между собой Матюковым, так как в минуты гнева бывший директор пользовался далеко не интеллигентными словами.

— Рассказываешь ты интересно, — сказал он, — а хозяин из тебя никудышный. Сам выдул бутылку целебной. Матяков этого себе, наверное, не позволил бы.

Гальченко посмотрел на пустую бутылку, которую за время разговора так и не выпустил из рук.

— И в самом деле, — растерянно проговорил он. — Тем более, что это последняя. Извини, Рахим.

Гафуров беззвучно смеялся, ухватившись жилистыми руками за подлокотники кресла.

— Обойдусь и без боржома, — сказал он. — Не за тем я пришел. Пряжа меня интересует, причем японская.

Гальченко поставил пустую бутылку на столик и сразу помрачнел.

— Наконец, — сказал он. — А я ломаю голову... Ну, давай, давай, что там у тебя?

Гафуров вынул из кармана сверток.

— Что скажешь об этом товаре?

Николай Артемьевич развернул сверток и облегченно, не скрывая этого, вздохнул.

— Хорошая водолазка, — сказал он. — Шерсть японская, пряжа номер пятьдесят дробь два. Но произ-

водство не наше, планируем освоить только в следующем году.

— Как видишь, кто-то опередил вас, товарищ директор, — прервал его Гафуров. — Ты не мог бы сказать — кто? Потому как этикетки тут...

— Водолазок из японской пряжи до сего времени никто не выпускал. По крайней мере, у нас на Украине. А за пределами... Это можно выяснить в Министерстве легпрома.

— А сама шерсть тебе ничего не напоминает?

— Японскую пряжу получает много фабрик, — сказал Гальченко. — Если ты намекаешь на случай с фургоном, то виновники наказаны, и вообще. Заведующий складом Поляков даже заявление подал об увольнении. Пришлось уговаривать.

— Обиделся?

— Слушай, Рахим, а к чему это ты все ведешь? Допустим, пряжа... Хотя тут и экспертиза бессильна. Но не в том дело. Можешь верить мне как специалисту — это не ручная работа, понимаешь?

— Тем хуже.

— Как? Ты предполагаешь...

— Предполагают, товарищ директор, гадалки, а я всего лишь начальник отделения, название которого, по мнению твоего главбуха, не вызывает позитивных эмоций.

— Детективов пачитался?

— Эх, Артемьевич, чистая ты душа! Да, читаю, нашему брату иногда полезно... Ты тут не наделай переполоха, никаких внеочередных инвентаризаций и все такое прочее. Мы сами потянем ниточку, если след приведет в твои владения. — Гафуров поднялся, хрустнул плечами. — Дремотное у тебя кресло, в сон клонит. Так я могу рассчитывать на заморскую леску? Не обделишь?

— Тебя обделишь. Ты с руками вырвешь! — пошутил Гальченко. — Да и в долгу я теперь. За боржом.

— Давненько не были мы на Заячьем острове, Николай Артемьевич. На иве нашей небось почки раскрылись.

— Весна нынче ранняя. И знаешь, на какой день падает открытие сезона?

— Неужели на воскресенье?

— Точно, на воскресенье. С календарем сверялся... Жаль — не скоро еще.

— В наших заботах три месяца и не заметишь, как

пролетят. Фью-фью — и нет, — сказал Гафуров, не подозревая, как много за эти три месяца произойдет событий.

Возвратившись в райотдел, он послал запрос в Министерство легкой промышленности и вызвал к себе Павелко.

3

Марина Костюк все-таки уговорила старшего лейтенанта Павелко не сообщать ее мужу об истории с водолазками.

Работая с Гафуровым не первый год, Павелко приобрел опыт общения со спекулянтами разного масштаба и рода и научился разбираться в людях, которые попадали в его поле зрения. Что Костюк впервые ступила на кривую дорожку, позарившись на легкий заработок, и теперь искренне раскаивается, он не сомневался. Правда, не помнил старший лейтенант и такого случая, когда человек, пойманный, как говорят, на горячем, не казнил себя в этом кабинете, не клялся раз и навсегда распрощаться со спекуляцией. Каких только клятв не наслушался Павелко за эти годы!..

Нельзя сказать, что все эти люди совершенно лишены актерского таланта, встречались среди них и незаурядные мастера втирать очки, да, к их несчастью, природа наделила Павелко редкостным чутьем на фальшь, что давало старшему лейтенанту большое преимущество в словесных поединках. Конечно, формулируя свои выводы и обвинения, Павелко опирался на факты, но этому предшествовала кропотливая работа, в которой нередко — и тут он мог бы, в свою очередь, поклясться — заметную роль играла его собственная интуиция.

Павелко очень хотелось встретиться с мужем Марины Костюк, литейщиком машиностроительного завода. Не без основания полагал, что тот сумеет прочитать своей чернобровой жене более убедительную лекцию на моральные темы, чем он, пусть даже наделенный служебными полномочиями работник милиции. Был уверен, что это пойдет на пользу Марине, и все же что-то удерживало его от этого шага. Поразмыслив, старший лейтенант пришел к выводу, что ему жаль не слезливую молодую женщину, а ее мужа.

— Пусть так, — сказал наконец Павелко. — Одним

словом, не скажу я. При условии, что вы, гражданка Костюк, больше никогда не вздумаете...

— Скажите, ну что мне такое сделать, чтобы искупить свою вину? Поверьте, мне стыдно... Может, я чем-то помогу вам?

— Вы? Нам? — в голове Павелко замелькали мысли, но он никак не мог решить, имеет ли право воспользоваться неожиданным предложением Костюк.

В припухших от слез глазах Марины отразились и удивление и обида:

— А что — не доверяете? Думаете, если соблазнилась этими проклятыми водолазками, то уж ни на что и не годна?

«В конце концов, — рассуждал Павелко, — я ее не принуждал, она сама. Ну, выругает шеф... А вдруг удача? Победителей не судят».

— Не знаю, не знаю, — все еще колеблясь, сказал он. — Какой из вас помощник? Еще расплатитесь...

Трамвай довез их до завода железобетонных конструкций. Еще несколько лет назад это была северовосточная окраина города, сам завод только строился, и сразу же за его корпусами начиналась степь. Теперь же Павелко, которому не выпадало случая побывать в Левобережном районе, увидел по обе стороны шоссе на Самарск целый ряд многоэтажных домов, окруженных зелеными, в большинстве только что высаженными деревцами. Вспомнил сетования своего приятеля, архитектора Поплавского: «Разрастаемся вширь, растягиваем коммуникации... Конечно, сегодня это дешевле, чем реконструкция дореволюционных клоповников. Сегодня. А завтра?.. Существуют же оптимальные границы, за которыми начинается коммунальная анархия...»

Павелко не согласился тогда с архитектором, но и не возразил ему, полагая себя недостаточно компетентным, чтоб занять в этом вопросе более или менее обоснованную позицию. Он вообще не любил людей, которые торопятся с выводами, чего бы это ни касалось. Кое-кто из работников отдела посмеивался над осторожностью старшего лейтенанта — мол, за ней стоит обыкновеннейшая неспособность самостоятельно мыслить. Гафуров, однако, ценил своего помощника, потому что черный рынок Павелко знал как никто другой, а его феноменальная память могла посоревноваться с картотекой. Если к этому прибавить еще и редкостную способность отличать фальшь, что особенно важно

на допросах, то станет понятно, почему майор забрал к себе в отделение мало кому известного участкового инспектора.

Выйдя из трамвая против деревянной арки с ажурными буквами ЗЖК, Павелко отметил, что ночью тут не сразу и поймешь, с какой стороны собственно город, а с какой окраина. Все больше вспыхивало огней в окнах жилых домов, а в заводском управлении, наоборот, гасли, и только во дворе, на столбах за оградой, ярко светились фонари с жестяными абажурами.

Под дождевым навесом, вокруг которого трамвай разворачивался в город, было сумрачно. Павелко сидел на скамье, притворно безразлично наблюдал, как Марина Костюк направляется через дорогу к аккуратненькому домику за высоким, окрашенным в зеленый цвет забором, и думал о том, что в случае неудачи майор Гафуров не похвалит его за эту инициативу. Мужчина, у которого Марина Костюк взяла водолазки, дал ей адрес и велел спросить Горлача. На всякий случай старший лейтенант навел справки и несколько не удивился, что в доме № 118 по улице Хабаровской человек по фамилии Горлач не числится. Может, это вообще не фамилия, а кличка или же просто пароль для встречи, думал он.

Павелко не спускал глаз с Костюк. Сейчас все зависело от нее, от ее умения держать себя в руках. В райотделе он долго и терпеливо инструктировал Марину, а в трамвае держался поодаль, дабы никто и подумать не мог, что они знакомы. Шанс, что именно в это время и в этом вагоне едет домой Горлач, был минимальный, но и с ним нельзя было не считаться. Поэтому вышли они тоже врозь. Павелко вынул из кармана пачку сигарет и пристроился на скамейке, а Костюк, ни разу не оглянувшись, заспешила через дорогу. Он мысленно похвалил ее, но насторожился, когда какой-то мужчина пошел вслед за нею, хотел было уже и себя похвалить за осмотрительность, однако незнакомец выбрался на тротуар и повернул в другую сторону.

Отсюда, из-под навеса, было хорошо видно, как Костюк приближается к калитке, размахивая хозяйственной сумкой. За забором повизгивала и звенела цепью собака. Кто-то вышел к калитке, Павелко напряг зрение и увидел женщину. Разглядеть ее на таком расстоянии не было возможности. Пока там продолжался раз-

говор, он лихорадочно думал: откроется калитка или не откроется? Калитка не открылась.

Марина переходила дорогу, пропуская перед собой машины, а старший лейтенант успел перебрать в голове все возможные предположения, ни на одном не остановился и в конце концов оставил это занятие.

Как раз подошел трамвай. Марина, в глазах которой он заметил растерянность, встретила с ним взглядом. Павелко кивнул, и оба сели в вагон. Несмотря на охватившее его нетерпение, старший лейтенант подсел к Костюк только через несколько остановок.

— Рассказывайте, — сказал он.

— Нет там никакого Горлача, — тихо сообщила она.

— Возможно. Расскажите все как было, весь разговор.

— Женщина вышла, молодая, прикрикнула на собаку. Ошиблись вы, говорит, не слыхала о таком.

— А вы?

Костюк пожала плечами.

— Что — я? Извинилась. Сам, говорю, дал этот адрес. Может, в сто семнадцатом?.. Нет, качает головой, и там нет такого... Я знаю, — Костюк заторопилась, — вы теперь не верите, думаете, я все выдумала, а я правду...

Гафуров, выслушав старшего лейтенанта, особого разочарования не выказал:

— Костюк, может, и правду сказала, а вот тот, Горлач, мог назвать какой угодно адрес. Скажем, сто семнадцатого номера на улице Хабаровской могло не быть вообще.

— Но существует же!

— Попросим коллег из Левобережного района присмотреться к жильцам этого дома. — Гафуров сощурил глаз. — Я, товарищ старший лейтенант, как вы знаете, ценю инициативу. Когда работник в силу обстоятельств вынужден самостоятельно решать какой-то вопрос — одно дело. И совсем другое... Словом, вы могли бы и со мной посоветоваться. Представим на минутку, что этот Горлач — опытный, выдавший виды хищник. А мы ему подсовываем элементарную наживку, как глупому ершику. Не возьмет он, тем паче с первого раза... Я тут собрал данные. Оказывается, такими водолазками торговала не только Костюк. Довольно много случаев зафиксировано в сельских районах, больше всего в Млын-

ках. Задержанные спекулянты ссылаются на разных людей, как правило, неизвестных им, но чаще всего вырисовывается фигура, знакомая нам из рассказа Костюк. Между прочим, это аргумент в ее пользу. Интеллигентного вида мужчина, блондин, среднего роста, с ямочкой на подбородке. Никому адреса не давал, случай с Костюк — первый. Надо думать, тому была какая-то причина.

Павелко задвигался на стуле.

— Водолазки — из разной шерсти, — продолжал далее Гафуров, — японской, бразильской, черниговской, кустанайской... Будем думать, как выйти на этого Горлача. Розыск будет протекать по многим каналам, но нам отведена особая роль. И вот почему...

4

Сейчас, поднимаясь по обшарпанным ступенькам на третий этаж к Панину, Гафуров тревожно думал, что за последнее время дело с водолазками не продвинулось ни на шаг. Майор тщательно перечитывал доклады, которые теперь концентрировались в его руках, в поисках хоть намек на таинственного Горлача, но тот словно сквозь землю провалился. В городе проживало почти двести человек с такой фамилией. Несколько сотрудников потратили на их проверку не один день, и напрасно...

На некоторое время сообщения о спекуляции водолазками перестали поступать, и Гафуров обрадовался. Это не давало права прекратить не доведенное до конца дело, однако ему хотелось думать, что водолазки были откуда-то завезены и наконец кончились. Но тут прибыл ответ из Министерства легкой промышленности. В нем перечислялись отечественные фабрики, которые изготовляют женские водолазки из шерсти, а также те, которым в ближайшее время надлежит освоить выпуск новых товаров. Интересней же всего был приложенный к письму вывод техэксперта: «Выяснить, какому предприятию принадлежит присланный вами образец, не удалось».

В тот же день полковник Журавко вызвал начальника ОБХСС и сообщил, что в областное управление МВД звонили из Полтавы: в Решетиловском районе задержана спекулянтка, у которой конфисковано двадцать водолазок.

— Как тебе это нравится?

— Может, концы туда ведут? — высказал надежду Гафуров.

— А ты был бы и рад?

— Не очень опечалился бы, — признался майор. — Тут и без этих водолазок...

В глазах Журавко он увидел нескрываемое удивление и умолк на полуслове.

— Не замечал я за вами такого до сих пор, не замечал, — тихо сказал полковник, но это спокойствие не могло обмануть Гафурова. Если начальник райотдела переходил на «вы», это означало, что он сдерживает себя, чтобы не вспыхнуть. Крика Журавко не любил.

— Пусть соседи ломают голову, — продолжал тем временем полковник так же тихо, почти шепотом, словно соглашаясь. — Удобная позиция. А если концы все-таки у нас, можно сказать, под носом? Кажется, была какая-то версия о трикотажной фабрике?

— Не версия, так... Некоторые предположения, — сказал Гафуров, виновато глядя в глаза разгневанного Журавко. — Только и всего. Наблюдение, которое мы установили, пока ничего не дало.

— Вот-вот, «некоторые», «пока»... Прекрасная терминология для людей нашей с вами профессии. Люди Панина жалуются, что вы мешаете им расследовать обстоятельства смерти Сосновской.

— Я просил их не крутиться на фабрике. Если в моих предположениях есть какой-то смысл, это могло бы помешать.

— Вам. А им?.. Вот что, товарищ майор, вы там поищите общий язык. Это одно. А второе... — Начальник райотдела выпрямился и посмотрел на Гафурова сверху вниз. — Вам поручено заниматься поисками Горлача или как там его. И никто этого приказа не отменял.

— Разрешите идти, товарищ полковник?

Журавко, который, несмотря на духоту, почему-то был в фуражке, наконец снял ее. На лбу, как рубец, розовела полоска.

— Зинаиду забрал? Как она?.. Привет ей от меня.

Прошло два дня. Гафуров с утра до вечера находился на заводе «Стройматериалы» и так и не сумел встре-

таться с Паниным. Зато на этом предприятии расследование приближалось к концу. Основным расхитителем здесь был начальник отдела сбыта. Майор даже чувствовал некоторое удовольствие, наблюдая, как его лицо, при первом знакомстве высокомерное, пренебрежительное, в ходе следствия постепенно теряло спесь. На смену властному тону пришел льстивый, а в глазах меж тяжелых век нет-нет да и мелькал откровенный страх. Подобных людишек Гафуров ненавидел и называл «пиявками на теле общества».

Когда-то давно, занимаясь своим первым делом, Гафуров дал себе слово: в тот день, когда его сердце не почувствует гнева, ненависти или презрения к расхитителям социалистической собственности, он немедленно подает в отставку. Это, однако, не мешало ему быть объективным, и он настойчиво учил своих подчиненных отличать «большую рыбу от мелкой». «В хищной стае, — говорил Гафуров, — всегда есть вожак. По известным причинам он никогда не афиширует собственной персоны. Наша задача — отыскать его».

...Много может вспомнить человек за короткое время, пока поднимается по лестнице на третий этаж. Гафуров открыл обитые вытертым дерматином двери панинского кабинета: в кабинете не было никого. Гибкая фигура капитана возникла перед ним неизвестно откуда, может, из дверей напротив по коридору. Гафуров знал эту профессиональную привычку Панина — ходить быстро и бесшумно, но каждый раз ворчал: «Рецидивистов своих пугай!»

Панин приветствовал Гафурова нетерпеливым жестом. Помня разговор с Журавко, майор приготовился выслушать недовольство тем «вето», которое он наложил на трикотажную фабрику, однако Панин был настроен миролюбиво или, может, не располагал временем для спора.

— У Ремеза сидит девушка, которая может тебя заинтересовать, — сказал Панин. Несмотря на заметную возрастную разницу, они давно были на «ты». — Но прежде полистай эти бумаги.

Капитан вынул из ящика папку и положил на стол перед Гафуровым.

— Это материалы о смерти кладовщицы трикотажной фабрики Сосновской, — сказал он. — Ты почитай, а я на несколько минут отлучусь.

Яроша было не узнать. Под глазами залегли синие тени, а сами глаза ввалились и горели болезненным блеском. Мать жалобно вздыхала, а отец избегал сына. У него иногда появлялась мысль: нет ли Славкиной вины в самоубийстве Нины? Девичья душа — нежная и уязвимая, а этот болван... Сказать правду, легкомыслия за сыном старший Ярош не замечал. Но не бывает же дыма без огня? Должна быть причина, в результате которой и свет становится немил.

Отец как раз собирался в ночную, когда Ярослав спросил его:

— Неужели ты думаешь, что я виноват в смерти Нины? Если бы так, то милиция...

Исподлобья посмотрел на сына:

— Милиция... А совесть?

Дверь закрылась, было слышно, как затихают на лестнице отцовские шаги. У Ярослава побелели губы:

— Это... жестоко. Почему он мне не верит, мама? Если бы ты знала, как мне сейчас тяжело.

Снова и снова вспоминал последнюю встречу с Ниной, доискивался таинственного смысла чуть ли не в каждом ее слове, проникался тогдашним ее настроением.

— Нельзя было мне ехать в Мисхор, — сказал он Ремезу и молчание следователя воспринял как согласие. — Я не придавал значения ее словам, думал... Не знаю, что и думал. Переспросил для порядка и успокоился.

Ремез и на это не отреагировал. Он был весь какой-то непредсказуемый, этот краснощекий старший лейтенант с крутым лбом, на который падали волнистые волосы. Видимо, прокуратура не случайно остановила свой выбор на нем, когда потребовалась помощь угрозыска. Ставил вопросы Ремез, казалось, нескладно, иногда такие, что и не поймешь, какое они имеют отношение к делу. Со всем, что говорил Ярош, соглашался, одобрительно кивал головой, однако позже снова возвращался к прежней теме разговора.

Постепенно Ярослав начал понимать, что следователь не такой простак, как казалось ему на первый взгляд. И, похоже, знает о смерти Нины что-то такое, чего не знает он, Ярош.

Подчеркнутая вежливость следователя стала раздражать Яроша. «Что за нею кроется? Не презрение ли? — думал он. — Может, Ремез считает, что меня волнует не столько смерть Нины, сколько степень моей причастности, и поэтому я выворачиваю перед ним душу?» Ванжа казался ему проще, прозрачней в чувствах и поступках. Только раз, по дороге из Мисхора в Симферополь, мелькнула мысль о возможной предвзятости оперативника к нему, Ярошу, но он сразу отбросил ее. Был уверен, что лейтенант Ванжа не способен на обман, хотя и не мог объяснить, почему воспринимал это как факт, который не требует доказательств.

Следователь Ремез такого доверия у Яроша не вызывал. Слишком придирчиво копался в самых незначительных подробностях. Вдруг пожелал, чтобы Ярош повез его в Дубовую балку. Среди ночи, непременно на «Яве», чтобы все было именно так, как тогда, когда записаны соловьи.

— Я тут как-то крутил вашу пленку, — сказал Ремез. — И знаете, давненько не испытывал такого наслаждения. Захотелось послушать этих чародеев не из железной коробки, а вдохнуть звуки вместе с запахами природы. Кажется, Брамс говорил, что восприятие музыки зависит от трех факторов: мастерства исполнителя, эмоционального уровня слушателя и условий среды. Так как — согласны?

— А вам в самом деле необходимо мое согласие? — спросил Ярош.

Ремез улыбнулся, округлив и без того круглые, по-девичьи румяные щеки:

— Значит, договорились.

Дубовая балка встретила их дремлющей тишиной. Только неутомимые цикады нежно стрекотали в травах, а в овраге квакали лягушки. На какой-то миг Ярошу показалось, что это выдумка: его пребывание в Крыму, путешествие на Ай-Петри, неожиданное появление Ванжи, смерть Нины, этот уж слишком вежливый следователь — все это порождение чьей-то болезненной и жестокой фантазии. Разве не вчера он продирался сквозь эти заросли за соловьиным концертом на радость Савчуку и всем слушателям популярной передачи «Природа и мы»? Завтра впервые в жизни он увидит море и

начнет работать над выношенным в мечтах звукофильмом, а еще запишет голоса чаек.

Треснула ветка. Сзади, жадно вдыхая полной грудью ночные запахи, стоял Ремез.

Ярош вздохнул.

— Тут спуск, — сказал он. — Будьте осторожны.

Они сидели под дубом, слушали соловьев, а внизу, почти невидимый за прибрежным кустарником, бесшумно катил воды Днепр.

— Хорошо, ох как хорошо, — тихо говорил Ремез. — Честное слово, хочется забыть о всех хлопотах, раствориться в этой красоте.

— Как в песне: «Ночь стоит лунная, ясная, звездная...» — не удержался Ярослав. — Можно иголки собирать, можно — доказательства. Или вы не для этого сюда приехали?

Ремез бросил на него насмешливый взгляд.

— Разумеется, — сказал он. — Человек создает обстоятельства, но и сам от них зависит.

— Ну и как? Прояснились обстоятельства? Теперь вы уже можете сформулировать обвинение?

— Кому?

— Мне. Кому же еще. А впрочем, извините, я забыл, что на вопросы не имею права.

Ремез поднялся, зябко повел плечами.

— Нарву ромашек, — сказал он. — Моя Лиза пойдет в атаку: где был? А я ей букет ромашек...

Соловьи приумолкли. Ударила крыльями сова. Ярош лежал на увлажненной росой траве, смотрел, как меркнут, растворяются в вышине звезды. Вспомнил, что дома не знают, где он, и, наверное, мать не спит, прислушивается, когда скрипнет дверь. Мог бы и предупредить.

Зашелестели кусты. Из сумрака вынырнул Ремез, на ходу связывая букет ромашек коричневым стеблем дикого клевера.

— Вы тут не заснули?.. А я панских насобираю, душистых...

«Ява» стояла за бугром под шиповником. Ярош вывел ее на дорожку, неизвестно кем, возможно рыболовами, протоптанную от электрички до заросшего камышами берега, протер тряпкой сиденья.

— Я не ответил на ваш вопрос, — сказал Ремез. — Да пока что и рано. Скажу лишь, что у вас слишком

туманное представление о работе следственных органов. Вам кажется, что у следователя одна задача: во что бы то ни стало доказать виновность. А невиновность? Кто будет доказывать ее?

Ярош молчал.

— Поехали, — сказал Ремез и улыбнулся: — Попадет мне от жены. Одна надежда на ромашки.

Ремез жил на улице Алхимова, кратчайший путь к ней лежал через Чапаевскую, но Ярош умышленно дал круг и какими-то темными переулками за элеватором выскочил на набережную. Тихая, всегда немного сонная, может, потому что утопала в вишневых садах, Чапаевская отныне пугала его. Он знал ее вдоль и поперек, там на каждом шагу остались ее следы, и осознавать это было страшно.

«Знаешь, — сказал он как-то Нине, — твоя улица заблудилась. Приехала в город из какого-то села и заблудилась».

«А зачем она приехала?» — спросила Нина, принимая новую игру.

«Известно зачем — на базар! Пока вишни продала, ночь наступила. А к утру новые созрели. Так и прижилась...»

«И хорошо сделала, что прижилась, — сказала Нина. — Хорошая улица, уютная. «Хрущи над вишнями гудят...»

«Влюбленные домой спешат», — подхватил он.

Впервые за время их знакомства было произнесено слово, которого до сего времени стыдливо избегали. Нина зарделась.

«Ты все перепутал, — сказала она. — У Шевченко там совсем иначе. Классиков, Яро, надо знать. — И она звонко, явно стараясь скрыть волнение, декламировала: — «С плугами пахари идут, поют дорогою девчата, а матери вечерять ждут».

Вот тогда он и осмелел.

«Ничего я не перепутал, — сказал вдруг охрипшим голосом. — Я люблю тебя... Вот».

И поцеловал девушку. Было это прошлой осенью. Давно было. Так давно, будто в какой-то другой жизни...

— Тпру, — сказал за спиной Ремез. — Приехали.

— Тут?

— Да. Вон мое окно... Ну, я пошел.

Ярош кивнул Ремезу и взглядом проводил старшего лейтенанта до ворот. Что-то изменилось в его отношении к следователю после этой ночи; он еще не успел понять, что именно, но смотрел, как тот идет, прижав под мышкой ромашки, с неожиданной для себя теплотой.

Политый ночью асфальт поблескивал лужами и стремительно падал под колеса. Ярош представил хитрые, как у лисы, глаза сторожа и передумал ехать в гараж. Последнее время он начал бояться людских взглядов, чуть ли не в каждом виделся немой вопрос. Но больше всего обидела его Елена Дмитриевна. По приезде из Мисхора Ярослав побежал к Сосновским, готовясь к слезам, к тяжкому разговору. Не было ни слез, ни разговора, ибо Елена Дмитриевна закрыла перед ним дверь. Сначала Ярослав подумал, что виновата старуха Кириллиха, которая как раз вертелась около нее, льстиво заглядывая в глаза, но тут появился из школы Василек.

«Шел бы ты отсюда, — грубо сказал он. — Мама знать тебя не хочет».

Это было так неожиданно и несправедливо, что судорога перехватила горло...

Из ворот хлебозавода выезжали фургоны. Ярош нажал на тормоза, пропуская машины перед собой, и почувствовал, что проголодался.

На кухню он прошмыгнул на цыпочках, надеясь, что его возвращение осталось незамеченным. Потихоньку позавтракал и так же тайком выскользнул из дома. Идти ему, собственно, было некуда, но спать не хотелось, а еще больше не хотелось слушать материнские вздохи, видеть, как отец придумывает себе всякие заботы, лишь бы избежать разговора с сыном.

Ярослав шел по улицам без определенной цели, но ноги как-то сами собой, автоматически привели его к белой колоннаде, за которой шумел городской парк.

Те же самые ивы стояли над водой, касаясь ветвями зеленоватого плеса, а когда налетал ветер, трепетали тихо и печально. Пожалуй, впервые Ярошу пришло на ум, что эти ивы недаром в народе называют плакучими, они и правда напоминают застывших в горе женщин с распущенными косами. И шепот под ветром — то их думы, а может, и стоны.

Человек воспринимает окружающий мир в зависимости от настроения. Еще недавно Ярослав говорил Нине, что эти ивы мучит жажда — со всего парка сбежались к пруду на водопой.

Так же, как и тогда, зеркально чистый плес пересекала золотая дорожка, в глубине плыли белые облака, а дорожка лежала на поверхности, и казалось, что по ней можно добраться к другому берегу. На том берегу высилась деревянная постройка шахматного клуба. По обеим сторонам входа стояли грубо вырезанные из бревна кони, а крышу украшали инкрустированные цветным стеклом зубчатые лады. Ярослав не раз ходил туда с Ниной, надеясь прирастить ее к шахматам, потому как сам любил эту игру до самозабвения и даже создавал этюды...

Под ивами стояла чугунная скамья, такая знакомая, что Ярош мог, закрыв глаза, нарисовать ее до малейшей трещинки. Тут они сидели, словно под шатром, отгороженные от всего мира, бросали в воду крошки хлеба. Нина называла это «кормлением хищников». Карпы никак не напоминали хищников; солнечно поблескивая чешуей, словно позолоченным панцирем, они всплывали на поверхность, ловко всасывали крошки через удлиненные трубочкой бледно-розовые губы и, грациозно взмахнув хвостом, исчезали в глубине. Нина уверяла, что научилась их различать, и наделила именами: «Это Хитрый, тот Осторожный, а вон Нахал — съел три куса и еще канючит». Для Ярослава все карпы были одинаковы, но он делал вид, что верит утверждениям Нины.

Наверное, это были лучшие часы Ярослава Яроша — на этой чугунной скамье около пруда в городском парке. Много было тут сказано и услышано, а каждое слово наполнялось теперь не отмеченным ранее смыслом и казалось неповторимым. Казалось?

Всплеснула вода. Золотую дорожку пересекала лодка. В лодке было двое. Он сидел на веслах, упруго выгибая плечи, она — на корме, опершись подбородком на ладони. «Наверное, всю ночь просидели под липами, — подумал Ярослав. — Счастливые». Проследив за лодкой, пока она не скрылась за ажурным мостиком, погладил ладонью шершавую спинку скамьи. Металл еще сохранял утреннюю прохладу.

Ярош подошел к телефонному автомату и позвонил в радиокомитет Савчуку.

— Андрей Андреевич, это вы?

— Не знаю. Может, я, а может, тень моя, — сердито задребезжала трубка. — Ярош? Какого дьявола тебе не спится? Ты откуда узнал, что я тут? Домой звонил?

— Никуда я не звонил. А где же вы должны быть?

— У жены под боком! — гаркнул Савчук. — Как и все порядочные мужья в субботу. Ты что — в календарь не заглядываешь? Оно, известно, в отпуске каждый день если не суббота, то воскресенье.

— И правда, — растерялся Ярош. — Извините, я в другой раз.

— Какой там еще другой! Позвонил — так говори. Что стряслось?

— Ничего не стряслось. Просто я больше не могу бить баклуши. На работу хочу выйти, Андрей Андреевич. Вы как на это?

— Вот так всю жизнь. — Было слышно, как главный прикуривает сигарету. — Один без работы мается, другому дыхнуть некогда. Сижу вот, справку строчу. Ныне уж слишком в почете жанр справки. Давай и давай... во все инстанции. Так я в субботу, когда никто не дергает. Моя эскулапиха ворчит, скоро, говорит, ночевать будешь там... — Савчук помолчал. — У тебя сколько еще? Неделя? Даже больше? Понимаешь, я не против, но главбух на дыбы станет.

— Не надо денег. Я — так.

— Тоже мне богач нашелся. Он так... Ну хорошо, выходи в понедельник, что-нибудь придумаем.

Ярош повесил трубку.

Тревожно зашумели липы. Ярош посмотрел на еще недавно чистое небо, в котором теперь собирались грозовые тучи, и пошел домой.

6

— Что скажешь, Рахим?

Гафуров невесело посмотрел на Панина.

— А что тут говорить? Завязался узелок. Если это не глупая шутка...

— С Полищук? Не похоже.

— Фактически она ничего не рассказала такого, что дало бы нам след. Берем первый вариант: Полищук не знает причин смерти Сосновской и вообще ни в какой махинации не замешана. Зачем же тогда подбрасывать

письмо? Нелогично. Напрашивается вариант номер два: она что-то знает или сама... ну, словом, рыльце в пушку. Тогда все становится на свои места.

— Хочешь сказать, Полищук что-то скрывает? — переспросил Панин. — А письмо? Думаешь, она не понимает, что это письмо заставит нас заинтересоваться ее личностью?

— Может, и понимает. Наверное, понимает, но страх перед его автором сильнее.

— Существует третий вариант. — Панин пощупал подбородок и, казалось, остался доволен, что он тверд и чисто выбрит. — Юля Полищук ничего не знает, а те, кто подбросил письмо, думают, что знает. Гринько...

— Надо иметь серьезные основания, чтоб решиться на такой рискованный шаг, как письмо с угрозами. Я не собираюсь вмешиваться в дела уголовного розыска, но твой Гринько поступил неосмотрительно. Зачем ему было приводить Полищук в райотдел?

— Ну, знаешь, это ты уже загнул, — улыбнулся Панин, хотя в душе и сам был недоволен неосторожностью молодого оперуполномоченного. — Думаешь, могли проследить?

— Журавко сказал, что твои люди жалуются на меня. По поводу фабрики. Вижу, нам и в самом деле пришлось время запрячься в одну упряжку. Признаться, не ждал я такого оборота.

Майор рассказал Панину историю с водолазками, о неудавшихся поисках таинственного Горлача, вспомнил и аварию фургона с пряжей на Самарском шоссе.

— Хотел бы ошибиться, но все говорит за то, что имеем дело не с простой спекуляцией дефицитными товарами. Сбыт водолазок из-под полы — само по себе преступление, но главное — кто и где в частном порядке изготавливает их?

Гафуров задумался, собираясь с мыслями, а капитан воспользовался паузой, чтобы позвонить Ванже:

— Где Гринько?.. Возвратится — пришлите его ко мне.

— Теперь ты понимаешь, — сказал Гафуров, — почему я не хотел, чтобы твои люди бросались в глаза на фабрике. Конечно, окончательные выводы делать рано, но общие контуры вырисовываются.

Они засиделись до фиолетовых сумерек, разрабатывая план совместных действий, и чуть не поссорились.

Панин доказывал, что чрезмерная осторожность начальника отделения БХСС лишь поможет преступникам замести следы; Гафуров возражал против поспешности:

— Они должны поверить, что мы не сомневаемся в самоубийстве Сосновской, это раз. Мы должны также убедить их, что водолазки интересуют нас не больше, чем любая рядовая спекуляция, это два. Никакой фабрики, никакой пряжи!.. Ты боишься, что преступники заметут следы. Мелкие спекулянты так и сделали бы. Но если наша версия не мыльный пузырь, мы столкнулись с серьезным противником.

Майор несколькими размашистыми движениями нарисовал на бумаге чертика, полюбовался им и продолжил:

— Поверь моему опыту — обычный спекулянт на убийство не пойдет. Потому-то, если мы только не вяжем вместе разные дела... Словом, убийство — не лучший способ замести следы, нужны веские причины. Ты хотел бы форсировать расследование, а чем, собственно, мы на сегодня располагаем? С одной стороны, звонок Хриплого Сосновской и анонимка...

— Я отдал ее на экспертизу, — сказал Панин.

— И хорошо сделал, — кивнул Гафуров. — Возможно, эксперты и найдут отпечатки, но с чем ты их сверишь? С картотекой? Разве что для очистки совести. Уверен: автора анонимки там нет.

Майор вынул из кармана крохотный блокнот, что-то черкнул в нем и улыбнулся:

— Этой Юлей займется мой Павелко. Он у нас знаток женской психологии. Со следственным отделом прокуратуры я договарюсь. Так вот, звонок и анонимка — с одной стороны. С другой — история с фургоном, водолазки, Горлач. Вроде бы и много, а зацепиться не за что. Давай, Олекса, в две головы еще подумаем...

В дверь протиснулась широкоплечая фигура Гринько.

— Вызывали, товарищ капитан?

— Вызывал. Вот что. Понаблюдайте за Полищук, но так, чтобы она не заметила. Да и не только она. Не думаю, чтобы ей угрожала опасность, а все же... Не мешало бы нам также знать круг ее знакомств.

Когда Гринько вышел, Гафуров поднялся, мягко положил руку на плечо капитана.

— Мы с тобой обо всем, собственно, уже договорились. Детали завтра. Складывай бумаги и пошагаем к моим «амазонкам».

Как ни упирался Панин, а не мог отвертеться. И просидел у Гафуровых допоздна, очарованный гостеприимством Зинаиды и удивительным уютом, слишком неожиданным в такой большой семье. Не было тут ни шума, ни беспорядка, все лежало на своем месте и каждый занимался своими делами, в зависимости от возраста и, как видно, раз и навсегда определенных обязанностей. Цвет глаз «амазонки» унаследовали от отца, и поскольку было их все-таки многовато и все они проявляли хоть и сдержанный, но нескрываемый интерес к гостю, то Панин не мог избавиться от впечатления, что отовсюду, из всех углов, со стульев и стульчиков на него смотрит сам Гафуров. «Амазонок» по очереди подвели к капитану с церемониями светского этикета; их имена звучали необычно, от них веяло вычитанной из книг восточной экзотикой. Однако Панин понимал, что это не дань последней моде и не прихоть, а глубоко спрятанная тоска человека по родному краю. Судьба привела Рахима на Украину, он воспринял это как положено и полюбил город на берегах Днепра. И все же в памяти осталось щемящее воспоминание о горах, где он вырос, об орлином клекоте на отвесных скалах и нежном журчании ручьев в заросших кустарником ущельях. «Имена «амазонок» — эхо далеких гор», — подумал Панин.

— Давно был в родном краю?

— Давно, — вздохнул Гафуров. — Ты скажи мне, Олекса, почему человека как магнитом тянет в детство? Ничего, кажется, хорошего и не было в том детстве, по крайней мере у меня. А вишь! Не признак ли это старости?

— Ну, тебе, Рахим, еще до старости...

— Не говори. Галия вон уже на парней заглядывается. Не заметишь, как дедом станешь. Пролетели года. Вода течет себе, исходит паром, снова на землю выпадает, чтоб во второй раз, в третий, и бесчисленное количество раз бежать к морю. Человеку этого не дано...

Они еще долго сидели втроем: Панин, Гафуров и Зинаида. «Амазонки» смотрели первые сны, а за столом продолжалась беседа.

ПРОИСШЕСТВИЕ У ВИАДУКА

1

Елена Дмитриевна не то что похудела, а как-то высохла. Еще недавно молодое и привлекательное лицо покрылось морщинами, скулы заострились, только глаза, как и прежде, светились синью.

С самого утра за окном хмурилось, стекла сверкали прозрачными каплями дождя. За Днепром лениво перекатывался гром. Пришел Семен Иванович Костыря, седой мужчина с посеченным оспой лицом. Прошлую осень настало время идти ему на пенсию, а тут — очередное отчетно-выборное профсоюзное собрание, и печатники избрали его председателем месткома. Семен Иванович заподозрил в этом хитрость дирекции, которая не хотела терять опытного цинкографа, был недалек от истины и потому рассердился. Сердился он, правду говоря, для порядка, на самом же деле обрадовался возможности не спешить с выходом на пенсию. От одной мысли остаться без работы, которую он любил и которой отдал почти тридцать лет жизни, становилось жутко.

Костыря взлохматил русую копну на голове Василька, подмигнул:

— Дождя не боишься? И правильно делаешь. Под дождем такие ребята растут, как грибы в лесу. Нам с матерью надо побеседовать, понимаешь? Ну вот и хорошо.

Семен Иванович проводил мальчика взглядом до двери.

— Как думаешь жить дальше, Лена?

— Жить, — прошептала она, — жить... Не знаю. Раньше знала, а теперь не знаю.

— Тяжко тебе, но ведь горю только дай волю, затопит, оно так и ждет нашей слабости.

Костыря махнул рукой, нахмурился.

— В зеркало давно заглядывала? А ты посмотри. Была б одна, а то ведь сын у тебя, сын! А это большое счастье, Лена.

Семен Иванович принялся рассказывать о своей семье, как в первый же день войны погиб старший брат, а сам он дошел до Эльбы, и ни одной царапины. Возвратился в родное село — ни отца, ни матери, ни

жены брата. Сожгли фашисты живьем в хате. Посмотрел на пепелище — в глазах потемнело. Человеческая судьба непостижима: к одним она благосклонна, к другим — наоборот. И надо иметь силу, чтобы не упасть.

Что-то живое просыпалось в синих глазах Елены Дмитриевны. Не утешал этот человек, и слова его были тяжелые, отрывистые. Казалось, не ее утешать пришел Костыря, а использовал возможность выплеснуть личное горе, ибо оно такое большое, что в одном сердце ему тесно. И Елена Дмитриевна всхлипнула, у нее перехватило дыхание. Нет ничего страшнее чувства одиночества, когда все скручено в болезненный клубок, ноги ходят, а душа стреноженная.

— И как же вы?

— Живу, как видишь. Было у брата два мальчика, в лихую годину люди от немцев спрятали, забрал их с собой, вырастил... Разлетелись. А своих так и не заимел. До старости дожил в одиночестве.

Семен Иванович поднялся, посмотрел в окно, уже щедро вызолоченное солнцем.

— Не обо мне, однако, разговор. Мое горе оттанцевалось. Ты, Лена, почему на работу не выходишь? На пенсию за Павла не проживешь. Завтра чтоб была в типографии, слышишь? И никаких там... Мальчонка у тебя хороший, о нем думай.

Ушел Костыря, а Василек возвратился домой с миской увлажненной дождем черешни. Елена Дмитриевна стояла около зеркала, перебирала пальцами распущенные волосы, и в них непривычно серебрились седые пряди.

2

Ромашки, собранные на склонах Дубовой балки, следовательно Ремез подарил молодой жене, а плетть клевера ползучего положил в прозрачный полиэтиленовый пакет. В рыжей папке, что за последние дни заметно пополнила, уже лежал один такой пакет с обрывком стебля, обнаруженного лейтенантом Ванжой в спицах «Явы», принадлежащей Ярошу. У Ремеза не было ни малейшего сомнения в идентичности образцов. Будучи, однако, человеком пунктуальным, привыкшим подтверждать свое мнение фактами, он все же решил направить их экспертам НТО. Расследованию причин гибели Сосновской клевер помочь не мог, зато он был хоть и ма-

леньким, но объективным доказательством в пользу Яроша.

Пятиэтажный дом Управления внутренних дел стоял на мощеной площади как раз против старинного Успенского собора и состязался с его колокольнями четырьмя ротондами на плоской крыше. Во времена гражданской войны в этих ротондах стояли пулеметы, теперь там облюбовали место голуби.

Научно-технический отдел занимал угловые комнаты в левом крыле. Ремез поднялся по винтовой лестнице на третий этаж и встретил в коридоре Очеретного. Заместитель Панина был сегодня свободен после дежурства. Как всегда элегантный, надушенный, он стоял у окна, курил сигарету и небрежно покачивался на носках отполированных до блеска ботинок. «Караулит Людочку», — догадался Ремез и, делая вид, что не заметил Очеретного, проскользнул в дверь.

— Здравия желаю, товарищ младший лейтенант! — весело сказал он.

Людочка Яремчук сидела, склонившись над микроскопом.

— Птичка прилетела, — певуче произнесла Людочка, не поднимая головы, — Что-то срочное?

— Не очень.

— Раз не очень, то посиди, я скоро освобожусь.

— Можно и посидеть, — сказал Ремез. — Кое-кто вон за дверью стоит. На своих собственных, не казенных.

Людочка прыснула.

— Это я его выгнала, чтоб не мешал. Представляешь, у меня новая прическа, а он и глазом не повел. А еще из уголовного розыска!

— А при чем тут это? — удивился Ремез.

— Работник уголовного розыска должен быть наблюдательным, — объяснила Людочка. — Неужели не ясно?

— Ага, — проворчал Ремез. — Теперь ясно. И долго ты будешь его мучить?

— За дверью или вообще?

— Вообще.

— А ты за Лизой сколько бегал?

— Во всяком случае, она меня за дверь не выставляла.

— И зря. Я, Ремезик, сказала ему: выйду замуж

только за капитана. Ты не знаешь, когда ему дадут звездочку?

— При чем тут звездочка! — сказал Ремез. — Не любишь ты его, девонька.

— Любишь, не любишь. — Людочка оторвала наконец от микроскопа подсиненные по последней моде глаза. — Может, люблю, а может, и нет. Разве я знаю?.. Слушай, а как это, когда любишь? Ну, что чувствуешь? Вот ты, например?

Ремез фыркнул.

— Взгляни лучше на этот сорнячок. У меня тут кое-какие дела, минут через пять забегу.

Никаких дел, собственно говоря, у Ремеза не было, но ему не хотелось продолжать разговор, который сам затеял, тем паче что за дверью напрасно тратил время Очеретный. Людочка Яремчук была красивая девушка и, похоже, слишком хорошо знала это, а Ремез считал, что ничто так не портит женщину, как сознание собственной красоты. С красотой, рассуждал он, надо обращаться осторожно, как с ножом, — недолго и порезаться.

Очеретного за дверью уже не было, остался только пепел в кадучке с олеандром да облачко дыма. Ремез втянул носом воздух. «Ага, — мысленно сказал он. — «БТ» — визитная карточка Лариона. Обиделся, и правильно сделал. Уж очень она привередничает. Но хороша чертовка на редкость!» Ремез еще немного потоптался в коридоре и возвратился в НТО.

— Забирай свой сорнячок, — сказала Людочка. — Совершенно одинаковые, если это тебя интересовало. Названия не знаю.

— Дикий клевер, — сказал Ремез, засовывая пакеты в карман. — Растет на песчаных берегах Днепра, семейство бобовых, существует почти триста разновидностей.

— Исчерпывающие сведения, — улыбнулась Людочка. — А теперь говори, как ты чувствуешь, что любишь?

Ремез разозлился:

— Ну что ты заладила! Такие вещи не объяснишь. Любишь — и все! Тут ни микроскоп не поможет, ни микроанализ. Любовь не раскладывается на элементы. И Ларион уже ушел. Не захотел дверь подпирать, вот!

— А ты, оказывается, злой, товарищ следовательно, —

тихо сказала Людочка. — У тебя еще есть ко мне дела? Нет? В таком случае кланяйся Лизе.

Ремез удивленно посмотрел в бездонные Людочкины глаза. «Кто их разберет, этих девчат, — думал он. — Может, за капризами кроется причина, которую мне не дано знать. В конце концов, Очеретный тоже не пряник».

3

Полищуки жили в высотном доме на улице Постышева, которая начиналась на горе около планетария, а другим концом выходила на набережную. Высотный дом соседствовал с госпиталем для инвалидов Великой Отечественной войны и отхватил у него кусок сквера, где стояли деревянные скамьи. Заняв удобную позицию, Гринько мог видеть не только вход в угловой подъезд, где жила Юля, но и окна Полищук на седьмом этаже. На таком расстоянии в окне невозможно было что-либо рассмотреть, зато каждый, кто приближался внизу к двери или выходил из нее, не миновал глаз оперативника.

От нечего делать мастерил сопелочки, вскоре их накопилось изрядное количество, можно было раздать их ребятишкам, которые шумной стайкой бегали во дворе, но он не решался выйти на видное место.

Вечерело. Гринько подумал, что завтра Юле на работу в первую смену, следовательно, необходимо еще на рассвете занять наблюдательный пункт, и недовольно поморщился. Не потому, что придется вставать рано. К этому он давно привык и даже любил предрассветные часы, когда город только-только просыпается, чем-то напоминая неуклюжего после сна человека, но постепенно ускоряет ритм, и вот уже под ним дрожит земля, напряжение возрастает — великан двинулся в путь. Младший лейтенант считал, что рассудительный Панин на этот раз ошибся, ибо если Юле Полищук что-то и угрожало, так это справедливая кара правосудия. «Родители — инженеры, люди интеллигентные, единственная дочка в семье, — думал Гринько, — чего ж тебе не хватало? Парфюмерии? И ради этого пошла на преступление?»

Он понимал, что профессия вынуждает его общаться не с лучшими представителями общества. «Забыв об

этом, — сказал однажды полковник Журавко, — можно проникнуться презрением ко всему человечеству. Жизнь — это океан, но и у океана есть свое дно. Нам выпало заботиться, чтобы оно было чистое». Тогда эти слова показались Гринько высокопарными, но потом не раз вспоминал их и пришел к выводу, что не даром существует грубое слово «подонок»: оно наилучшим образом характеризует тех, кто опустился на дно.

Тут мысли оперуполномоченного снова переметнулись к Юле. Гринько не мог бы сказать, что больше поразило его: анонимное письмо или ее заявление. Сперва не мог понять слова девушки: «Мы создавали». Кто мы? Выходит, и она, Юля... Может, и Нина? Ванжа словно перехватил мысль:

«А Сосновская?» — глухо спросил он.

В глазах девушки затаился страх, сигарета, которую она достала из пачки длинными ярко-красными ногтями, танцевала в губах.

«Я спрашиваю о Нине! — почти закричал Ванжа. — Она тоже?»

На него было страшно смотреть, каким он стал смертельно-бледным.

Юля замахала руками:

«Она была святая! Нина скорее умерла бы...»

«И умерла, — сказал Гринько, наблюдая, как на лицо Ванжи возвращается румянец. Он понимал, какой сокрушительный удар могла нанести Юля его другу, если бы назвала Сосновскую среди своих соучастников. — Умерла, — повторил он. — А мы обязаны выяснить — почему? И вы нам поможете».

Так в раздумьях оперативник сидел в сквере, пока в окнах Полищукон не загорелся свет. На асфальт легли нарядные тени каштанов. За кустом желтой акации блеснули кошачьи глаза. «Кис-кис», — позвал Гринько. Кошка высунула голову, но с места не двинулась. «Не довольно ли мне напрасно тратить время, как ты думаешь? — спросил он кошку и решительно поднялся. — Довольно. Будем считать, что сегодняшнее задание выполнено. Ты согласна?»

Сопелочки гремели в карманах, и он пожалел, что не оставил их на скамье: кому-то была бы находка, у инвалидов тоже есть внуки, глядишь, его поделки и попали бы по назначению.

К трамвайной остановке вел переулок, над которым висел виадук. Гринько свернул напрямик и... обомлел.

Прямо на него шла Юля. В переулке было темно, но не настолько, чтобы он не узнал девушку. Оперуполномоченный почти физически почувствовал на себе насмешливый взгляд Панина. Капитан посоветовал Юле без особой надобности не выходить из дому, она обещала, и этого оказалось достаточно, чтобы Гринько несколько часов просидел под ее окнами. Это был промах.

Ему бы надо отойти в сторону, чтобы не встретиться с Юлей, а он застыл на месте, допустив тем самым еще одну ошибку. Но, как известно, в жизни хотя и редко, а все же бывают случаи, когда ошибки становятся полезными.

Именно в тот миг, когда Гринько наконец сообразил, что ему следует шагнуть в тень, из-под виадука выскочила машина.

Из рапорта младшего лейтенанта Гринько начальнику уголовного розыска капитану Панину:

«...Я успел потянуть Полищук на себя, и мы упали. «Жигули» выскочили на улицу Постышева и свернули налево. Часы показывали 22 часа 18 минут. Я доставил Полищук с переломом бедра в больницу. Номер машины — ТНК 48—04».

Из доклада лейтенанта Ванжи начальнику уголовного розыска капитану Панину:

«ВАЗ-2101 «Жигули», номер ТНК 48—04, принадлежит гражданину Юмасову П. А., домашний адрес: ул. Орджоникидзе, № 77, кв. 15. Проверкой установлено, что Юмасов Петр Алексеевич, начальник цеха метизного завода, до 18.00 был на работе, а с 18.00 до 20.35 — на районном совещании партактива во Дворце культуры металлургов. Машина ТНК 48—04 стояла в гараже (Глиняный спуск, № 31), никаких повреждений на корпусе не обнаружено. Проверка проведена мною вместе с инспектором ГАИ лейтенантом Чубуком».

4

Полковник Журавко обвел взглядом присутствующих.

— Надеюсь, — сказал он, — теперь уже никто не сомневается, что версия о самоубийстве Сосновской отпала. Ниточка потянулась на трикотажную фабрику. Следовательно, можно допустить, что Сосновской стало

известно о преступниках или же... или она сама была одним из них.

— В таком случае не исключено и самоубийство, — подал голос Очеретный. — Мучила совесть, отсюда замеченное. Ярошем тревожное состояние, покаяться не хватало смелости. Для неуравновешенных натур иногда достаточно какого-то импульса.

— А телефонный звонок? — не удержался Ванжа. — Его вы не принимаете во внимание?

— Мальчик мог и напутать.

— Вы, Ларион Григорьевич, строите свои заключения на причастности Сосновской к махинациям на фабрике, — вмешался Панин. — А если это не так?

— Нельзя упускать из виду все возможные версии, — буркнул Очеретный.

— Согласен. Но давайте еще раз обратимся к фактам. Причины смерти Сосновской мы не знаем. Достаточно, однако, было Гринько встретиться с Полищук, которая работала вместе с Сосновской, как на свет божий появилось подметное письмо. Кто-то очень заинтересован в том, чтобы Полищук молчала. Ее стремились напугать, цели достигли, но перестарались — она пришла к нам. В тот же день на Полищук было совершено покушение, и если бы не Гринько, неизвестно, чем бы это кончилось. Как видим, складывается вполне логичная цепочка.

— А если это случайный наезд? — возразил Очеретный. — Обычное дорожное происшествие, каких, к сожалению, еще немало. Переулок темный, водитель, возможно, был подвыпивши, сбил девушку и с перепугу дал стрекача, лишь бы замести следы.

— Скажите уж, что я сам толкнул Полищук под колеса, — сказал Гринько.

Журавко нахмурился.

— В чем дело, товарищ капитан? Вы не ознакомили своего заместителя с результатами расследования?

— Старший лейтенант Очеретный только что возвратился из Казацкой слободки, — объяснил Панин. — Как вы знаете, прошлой ночью там совершена кража из промтоварного магазина. Я просто не успел ввести его в курс событий.

Начальник райотдела потянулся за «Шахтерскими».

— Потому и разговор у нас, как у немого с глухим... Версия с пьяным водителем, товарищ Очеретный, отпадает, поскольку проверка установила, что «Жигу-

ли» ТНК 48—04 весь вчерашний день стояли в гараже на Глиняном спуске. Следовательно, номер был фальшивый.

— Это другое дело, — смутился Очеретный.

— Водителя вы не разглядели, — сказал Журавко, обращаясь к Гринько, — а как же номер?..

— Темно было. Я только заметил низко надвинутую кепку, дальше все произошло молниеносно. Когда я упал, машина проскочила буквально в нескольких сантиметрах, и номер было видно четко. Водитель, видно, забыл выключить задние огни.

— Не забыл, а намеренно не выключил, — заметил Панин.

— Что ж, это похоже на правду, — сказал Журавко. — Преступники хотели отвлечь наше внимание на поиски именно этой машины, и это им удалось.

— Полищук утверждает, что она встретила взглядом с водителем, и его глаза показались ей знакомыми, — сказал Ремез. — Плачет: «Я уже видела эти глаза раньше».

— Можно допустить, что за рулем был кто-то из фабричных шоферов.

Гафуров, который пока лишь вслушивался в разговор, сдержанно кашлянул.

— Павелко предъявил Полищук несколько фотографий, — сказал он, — и она уверенно показала на водителя автофургона Валиева. С нею там была истерика, Павелко получил взбучку от врачей. Конечно, я должен извиниться перед следователем прокуратуры Котовым, но Павелко побывал в больнице уже после него.

— Старший лейтенант Павелко мог бы сделать это в моем присутствии, — обиженно сказал приглашенный на совещание и молчавший до сих пор Котов. — В конце концов, дело веду я.

— Согласен! — кивнул полковник. — Обращаю ваше внимание, товарищ майор, на недопустимость процессуальных нарушений... Но тут, как вы все понимаете, ведомственные интересы скрестились. Уже не разберешь, где кончается одно дело, а где начинается другое. Есть над чем поразмыслить. Все свободны. Майора Гафурова и капитана Панина прошу остаться.

Последним вышел, чуть задержавшись перед дверью, старший лейтенант Очеретный.

— Давно присматриваюсь к Очеретному и никак не могу понять, что он за человек. Дисциплинирован-

ный, пунктуальный, но есть в нем что-то такое, — Журавко поморщился, щелкнул пальцами, — от показухи. Иногда кажется, что он спешит не до сути добраться, а поскорее доложить, что дело закончено. Любой ценой, лишь бы в срок.

— Кстати, пора аттестовать его на присвоение очередного офицерского звания, — сказал Панин. — Из отдела кадров уже звонили, напоминали.

— И что ты об этом думаешь?

Капитан шевельнул бровью.

— Задерживать не вижу явных причин. Но присвоение звания может потянуть за собой вопрос о должности. Очеретный давно мечтает о повышении по служебной лестнице.

«И прекрасно, — подумал Журавко. — Пусть забирают. Только бы не вышло так, что заберут Панина, а мне оставят Очеретного».

— Ну, это еще не горит, — сказал он и пожаловался: — В жару ноги стали отекают. Сбросить бы ботинки да под холодный кран... Блаженство! Раньше такого не замечалось. Старею.

Журавко нацедил из сифона стакан газированной воды, выпил залпом.

— Имеем, товарищи, дело с серьезным противником. У кого-то там не выдержали нервы, иначе мы и поныне бродили бы в потемках. Полищук назвала пять человек. Не исключено, что это только верхушка айсберга. Во всяком случае, среди них нет вашего, майор, Горлача, не проливают они свет и на существование гипотетического «левого цеха». И все же мы не можем дальше тянуть. После неудачного покушения на Полищук преступники начнут прятать концы в воду. Кстати, позаботьтесь, чтобы Полищук была в полной безопасности.

Панин поднялся.

— Уже сделано, товарищ полковник. В больнице дежурят наши люди. Медперсонал предупрежден.

— Вы, майор, заготовьте надлежащие бумаги и сегодня же получите санкции у прокурора. Операцию «Пряжа» проведем завтра.

— Завтра ничего не выйдет, товарищ полковник, — Гафуров улыбнулся одними губами, подмигнул Панину. — Завтра воскресенье! Фабрика не работает, а нам одновременно с арестом расхитителей необходимо опе-

чатать склады, чтобы немедленно началась инвентаризация.

— А, черт! — начальник райотдела потянул к себе настольный календарь, словно не поверил Гафурову на слово. — Кажется, только вчера был понедельник! Чего хохочете? Рады, что начальство зарапортовалось?

Журавко не выдержал и сам засмеялся, поблескивая сощуренными глазами.

— Что ж, — подытожил он, — придется на день отложить.

5

Панин завтракал в уютной кухоньке и искоса поглядывал в окно. Кусок неба за окном был грозосиним и, хотя стекло еще сохраняло сухую прозрачность, через открытую форточку уже пахнуло дождем.

Когда в передней раздался звонок, Панин подумал, что это жена вернулась за зонтиком и ленится воспользоваться собственным ключом, потому что ключ пребывает где-то в недрах до отказа наполненной женскими мелочами сумочки. Но когда открыл дверь, увидел Яроша. Вид у того был взволнованный, видно было, что парень одним махом одолел четыре этажа и теперь тяжело дышал, опершись рукой о косяк двери.

— Прошу, — сказал Панин, ничем не выдавая удивления. — Я собирался вызвать вас именно сегодня. На лицо проявление загадочной индукции. Чашечку кофе? Холодного. Я знаете, люблю по утрам холодный кофе.

Они прошли на кухню, Панин все-таки вынудил гостя выпить кофе, поставил посуду в раковину и обернулся к Ярошу.

— Что же вы молчите? Я же вижу, как вас распирает нетерпение. Что-нибудь случилось?

— Случилось, Олекса Николаевич. Я и сам бы пришел к вам, в райотдел, но ваш сотрудник, белобрысый такой здоровяк...

— Гринько?

— Вот-вот, он самый... Немедленно, говорит, беги к капитану Панину.

— Где же вы виделись с ним, с Гринько, спозаранку?

— В больнице.

Глаза Панина сузились.

— Это уже интересно. Вот как, вы были в больнице?

— Да. В семнадцатой. Ну, вы знаете, на Щорсовской, это как раз около института растениеводства.

А дело было так. Только я к двери — подскакивает ко мне человек. Мол, в девятой палате лежит девушка, Юля Полищук, передайте ей букетик, потому что я на работу опаздываю. Ну, я взял, значит, и пошел.

— То есть как пошел? Там что — как на улице? Иди куда хочешь?

— Не знаю. Только иду я в выданном халате по коридору, ищу девятую палату, а тут кого-то везут на коляске. Отступил в сторону и слышу: «Славка, здравствуй!» Глядь, а это она.

— Кто она?

— Да Юля же. Полищук.

— Что же было дальше? Вы говорили с нею?

— Дальше? — Ярош посмотрел на следователя отсутствующим взглядом. — Я хотел спросить, почему она оказалась в больнице, но не успел. Не успел и розы отдать, потому что откуда-то появился ваш Гринько и забрал у меня цветы. Это потом я уже узнал, что он — ваш сотрудник, а тогда подумал—санитар... Юлю повезли, а мы остались вдвоем.

— Вы сказали ему, что цветы не ваши?

— Сказал, но он сразу не поверил. А может, и до сих пор не верит. Так вцепился в меня... — Ярош нервно передернул плечом, и Панин почти зримо увидел на нем тяжелую ладонь Гринько. — Учинил допрос, словно я не цветы принес, а бомбу. Хотел сам вести в милицию, потом передумал и велел явиться к вам.

— Хорошо. Ваш рассказ мы запротоколируем. Конечно, не тут. А пока что объясните, что вам было нужно в больнице?

— Разве я не говорил? — искренне удивился Ярош. — Голова кругом. Там работает жена Савчука, нашего главного редактора. Она хирург. Я как раз собирался на работу, когда позвонил Андрей Андреевич.

— Это кто?

— Да Савчук же. Моя, говорит, жена, уходя на дежурство, схватила вместо своих очков мои. Так ты заскочи, забери. Ну я и заскочил, мне по дороге. Андрей Андреевич без очков как дитя.

— Отвезли?

— Когда же? Гринько велел немедленно быть у вас.

— Придется отвезти. — Панин уже направлялся к двери. — Вы на «Яве»?.. Сделаем так. Отдадите очки, отпроситесь с работы. О том, что было в больнице, — ни звука. Потом в райотдел ко мне. Очки у вас?

Ярош хмуро полез в карман.

— Не доверяете? Вот они... Можете позвонить Савчуку. Гринько не верил и вы вслед за ним. Выходит, я все выдумал? Сам принес розы? Да у меня и мысли не было, что Юля в больнице! А в самом деле, почему она там? Кажется, нога была в бинтах, под простыней не очень разглядишь. И откуда к ней такой интерес у милиции?

Панин поморщился.

— Слишком много вопросов, — сказал он. — Мы с вами, Ярослав, насчет этого как-то договаривались, разве не так? К девяти в райотдел успеете? Вот и чудесно. А насчет недоверия — это вы напрасно. Гринько мог бы и не отпустить вас одного, а вот отпустил.

— Знает, что никуда не денусь.

— Может, и так, — Панин внимательно посмотрел на Яроша. — А может, иначе. Во всяком случае, у него есть причины для сомнений. И виноваты в том вы сами, потому что часто путаетесь у нас под ногами. Чего вас понесло к высоковольтной?

— Когда?

— А сколько раз вы там были?

— Один... один раз.

— Так почему переспрашиваете?

— Выходит, все-таки следите за мной, — сумрачно сказал Ярош. — Играете, как кошка с мышью, а говорите о доверии.

Панин кашлянул с досады.

— Никто за вами не следит! Вы расспрашивали бабенщика о той фатальной майской ночи?.. Ну вот, и мы интересовались. А он обмолвился и о вашем визите. Как видите, все просто. Кроме того, Васю Сосновского подстерегаете около калитки, устраиваете ему допрос. А я же просил вас не вмешиваться в расследование. Просил или не просил?.. Теперь больница, хоть тут не ваша вина, я верю, что это случайное стечение обстоятельств... Пошли, Ярош, мы теряем время.

Они вышли во двор. Дождь шел на город с Левобережья. Там, за заводскими трубами, из грозовых туч спускались на землю черно-синие хвосты.

Что-то мучило Яроша на протяжении всего разговора на квартире начальника уголовного розыска и еще там, в больнице, но он никак не мог понять, в чем дело. Когда оно появилось, это чувство? Когда увидел Юлю? Нет, раньше, наверное, еще тогда, когда незнакомец,

который словно подстерегал его за кустами сирени, сунул в руки букет. Да, он, Ярош, в эту минуту подумал: неужели Юля успела выйти замуж? Впрочем, он сказал: в девятой лежит девушка. Не жена, а девушка...

— Олекса Николаевич, я вспомнил. Слышите? Вспомнил!

— Что вспомнил?

— Вспомнил того человека, что букет передавал... Не знаю имени, но видел его раньше. Я иногда встречал Нину около проходной, так вот, он тоже выходил из фабричных ворот. Усики у него. Не такие, как у Ванжи, а узенькой полосочкой и черные... Т-точно, он.

— Обрисовали его Гринько?

— А как же! Только тогда я не вспомнил про фабрику. Это сейчас...

— Ну и отлично! А теперь, как говорит наш общий знакомый из уголовного розыска Гринько, шевелитесь, дядя! Потому что вот-вот начнется дождь.

Тучи и на самом деле уже нависли рядом над Днепром, на асфальт падали первые капли, большие, как горох. Тревожно и одновременно весело защелкали ласточки.

Ярош уехал разочарованный. Казалось, что Панин равнодушно отнесся к его сообщению. Почему же тогда Гринько цеплялся к каждому слову: что да как, откуда да куда? Не разберешь эту милицию. А все-таки чего они крутятся вокруг Юли? Неужели она что-то натворила? Шевельнулась жалость к девушке, которая, он это хорошо знал, искренне любила его, а потом, когда они расстались, не упрекнула ни словом, тихо и незаметно ушла из его жизни. Может, были и слезы, но наедине с собой. Раньше Ярош об этом не думал и почувствовал сейчас вину перед Юлей.

Панина тем временем волновало другое. Слушая рассказ звукорежиссера, он догадался, что цветы принес Валиев. Чудеса да и только! Сперва сбил девушку машиной, а теперь дарит розы. Какая-то бессмыслица. Он проводил глазами мотоцикл Яроша и остановил такси.

Этот июньский понедельник принес сразу несколько неожиданностей. Именно в то время, когда Панин у себя дома разговаривал с Ярошем, старший лейтенант

Павелко в своем кабинете слушал путаный рассказ Марины Костюк. Марина так волновалась, что ему, чтобы успокоить ее, пришлось прибегнуть к испытанному средству.

— Вы успели загореть, — сказал Павелко, — и это вам очень идет. На Черном были или на Азовском?

Давно известно, что женщине трудно устоять перед столь безыскусным комплиментом. Какое-то мгновение Марина смотрела на него растерянню, затем ее хорошенькие глазки блеснули, а полные губы расплылись в улыбке.

— В самом деле? Но вы ошибаетесь, на море я не была.

— Неужели на нашем, днепровском песочке? Показать бы вас моей жене, а то она все к морю да к морю!.. — сказал Павелко и, увидев, что Костюк настроилась развивать эту тему дальше, поспешил повернуть разговор в нужное русло. — Итак, вы пришли на Клиничик, когда вдруг Горлач...

— Ага, смотрю — он. Искоса поглядывает на меня, видать, ждет, когда я отойду от прилавка. Узнал же! Я тогда была совсем иначе одета.

— Но ведь и вы узнали? — подкинул Павелко.

— Волосы белесые, а глаза черные. Это не так часто бывает... Приметный мужчина.

Марина уже успокоилась и принялась подробно рассказывать, как она вчера зашла на Клиничик за кормом для цейлонских барбусов, а тут, значит, Горлач. Спрашивает: ну, как — водолазки не залежались? Не тот, говорю, товар, чтобы залежаться. А что же не пришла, как договаривались? Приходила, да меня хозяйка и на порог не пустила. Смеется: это Валька. Вот дура! Ревнивая — не приведи господь. Всех женщин выпроваживает, а вы к тому же такая хорошенькая... Ну, это дело поправимое. В следующую пятницу буду ждать, в первой половине дня. Кивнула я, а ноги дрожат мелкой дрожью. Вроде и симпатичный человек, а в глазах что-то такое... неприятное.

— Он не заметил, что вы испугались?

— Вряд ли. Говорили мы тихо, спокойно... Да, он еще спросил: приварок большой? Ну, сколько я имела сверх цены. Это уж, отвечаю, не ваша забота. О вашем приварке я же не спрашиваю! Он снова засмеялся: «О твой язычок можно порезаться...» Пришла домой —

вся трясусь. Зачем мне это? Решила никуда не ходить — ни к нему, ни к вам. А ночью страшно стало, едва утра дождалась. Лучше уж, думаю, в милицию...

Гафурова старший лейтенант нашел в кабинете начальника райотдела. Был там и Панин. Капитан шелестел разложенными на столе бумагами, делая карандашом какие-то пометки.

— Разрешите, товарищ полковник?

Журавко недовольно обернулся.

— Что-то срочное?

— В городе появился Горлач, — сказал прямо с порога Павелко, уверенный, что самое большое впечатление эта новость окажет на Гафурова. И не ошибся. Майор даже подскочил.

— Подробности! — воскликнул он и виновато посмотрел на Журавко. — Извините, Сергей Антонович, но вы же знаете, этот Горлач — моя болячка.

— Твоя, конечно, твоя, — с иронией пробурчал начальник райотдела. — Нам с Паниным они ни к чему.

Павелко рассказал все, что узнал от Марины Костюк. Не успели, однако, участники совещания обмениваться мыслями по этому поводу, как зазвонил телефон. Из Левобережного райотдела сообщали, что сержант Шарий видел человека, который вышел из дома № 118 на улице Хабаровской и сел в такси «Волга» ТНЗ 14—75. Приметы совпадали с указанными в ориентировке на так называемого Горлача. Проследить за ним сержант не смог, поскольку вел в милицию двух юных лоботрясов, затеявших драку на трамвайной остановке.

— М-да, — проговорил Журавко, положив трубку. — Не зря говорят, что понедельник — день тяжелый. Посыпалось на нас... Вчера Горлач был на Клиничке, сегодня катается на такси. Валиев приносит Полищук розы. Что-то эта братия слишком уж обнаглела, ничего не боится. Не наша ли бездеятельность тому причиной, товарищи офицеры?

Офицеры молчали. Обвинение было несправедливое, они это знали. Знал это и Журавко. Просто ему вспомнился недавний разговор с председателем райисполкома Лубенцом. На прошлой неделе Лубенец позвонил полковнику и вкисливо сказал:

«Выходит, дутая слава у твоего Панина?»

«Мало на его счету раскрытых преступлений? — обиделся за начальника угрозыска Журавко. — Да и

в Павлополе, знаешь, какое дело он распутал? К ордену представили».

«Не знаю, что там в Павлополе, а с Сосновской топчется на месте. Ты же сам, Сергей Антонович, говорил мне, что там пахнет чем-то бóльшим, чем самоубийство! Говорил или не говорил?»

«И сейчас говорю».

«Так в чем же дело? Зайди, тут у меня жалоба. Правда, анонимная. Автор советует поинтересоваться, почему милиция взяла под защиту любовника Сосновской Яроша. Слышал о таком? Даже версия разрабатывалась...»

Журавко обещал зайти в райисполком, но, готовя операцию «Пряжа», так закрутился, что разговор с Лубенцом вылетел напрочь из головы. «Сейчас Рахим потребует отложить операцию», — подумал полковник, и, словно подслушав его мысль, Гафуров сказал:

— Горлач назначил аудиенцию Костюк на пятницу. Сергей Антонович, думаю, операцию необходимо отложить. По крайней мере до пятницы. Этого дельца нужно брать с поличным, иначе выскользнет: я не я, и хата не моя.

На какое-то мгновение Журавко растерялся. Он понимал, что начальник отделения БХСС прав, делом Горлача интересовался сам генерал Колодяжный, но и операцию с пряжей откладывать не хотелось. Все продумано до мелочей, оперативные группы сформированы и ожидают только сигнала. Полковник обвел взглядом присутствующих и потянулся к графину с водой.

— Возможно, возможно, — сказал он неуверенно. — Хотя... Ты как думаешь, Олекса Николаевич?

Панин поднял глаза.

— Можно и отложить. Но тогда мы снова не продвинемся ни на шаг в деле Сосновской. Эта пряжа третью неделю поперек дороги!

— Операцию придется все-таки отложить. Распорядись, Панин! А заодно пошли кого-нибудь из своих хлопцев, пусть разыщут такси... — Журавко наклонился к календарю. — Где-то я тут записывал.

— ТНЗ 14—75, — сухо сказал Панин, собирая на столе свои бумаги.

— Мне бы твою память, — Журавко нехотя усмехнулся. — Вызубрил бы я все приказы начальства, как стихи. Жаль только, что они не в рифму пишутся.

ОПЕРАЦИЯ «ПРЯЖА»

1

Диспетчер центральной службы такси заглянула в удостоверение Ванжи, и тоненькие брови девушки подпрыгнули двумя стрелочками вверх.

— Что-нибудь натворил?

— Не волнуйтесь, ничего он не натворил. Помогите встретиться с ним, только и дела.

Диспетчер щелкнула тумблером.

— Дунай-9! Дунай-9! Я — Днепр! Сообщите, когда освободитесь. Для вас есть сообщение.

Динамик напротив откликнулся немедленно:

— Дунай-9 свободен.

Девушка обернулась к Ванже, приглашая его к микрофону. Ванжа замахал руками. Он знал, что по крайней мере полтора десятка таксистов поддерживает связь с диспетчерской на одной волне. Для чего же посвящать их в милицейские хлопоты? Да и где гарантия, что рядом с каким-нибудь другим «Дунаем» не сидит сейчас Горлач?

— Дунай-9! Я — Днепр! Приезжайте в диспетчерскую.

— Что там, ближе никого нет? — захрипел динамик. — Ты меня слышишь, Наденька?

— Дунай-9! Выполняйте распоряжение! Конеч.

Диспетчер вопросительно посмотрела на Ванжу.

— Гениально, — сказал Ванжа. — Язык жестов вы понимаете, а это уже немало. Может, смените профессию? Нам нужны сообразительные девчата.

И сразу вспомнились слова Василька: «Реакция молниеносная. Возьмите в милицию, не пожалеете».

«Ох, Нина, неужели ты будешь мучить меня всю жизнь?»

Диспетчер испуганно смотрела на Ванжу.

— Что с вами? Вы так побледнели!

— Душно, — сказал Ванжа. — Наверное, перед дождем. Как фамилия водителя такси?

— Варнава... Иван Петрович Варнава. А почему вы в штатском?

— Я же говорю: душно. А в милицейской форме воротнички тугие.

Над городом клубились дождевые тучи. Невидимое

отсюда солнце нашло щель в сизой завесе и прицелилось в стекло высотного дома на Казачьей горе. Скрипнув тормозами, остановилось такси. Водитель хлопнул дверцей и решительным шагом направился к диспетчерской.

— Иван Петрович? Вижу, вам не терпится поругаться с Наденькой. Разрядитесь на мне. Это я вас вызвал.

— А вы кто будете?

— Сядем в машину, там и побеседуем... Оперуполномоченный Ванжа из Петровского отдела милиции. Вы сегодня брали пассажира на Хабаровской?

— Брал. А что?

— Где он сошел?

— На Чапаевской, — шофер сплюнул под ноги. — Сукин сын! Сам не взял сдачу, а теперь пожаловался?

— Не жаловался он, Иван Петрович. Меня интересуют не деньги его, а облик. Возраст? Внешность?

Варнава пожевал губами.

— Двадцать пять — двадцать семь. Белобрысый, глаза черные. Больше ничего припомнить не могу. Не присматривался.

— А куда он пошел, не заметили?

— Не имею привычки следить за пассажирами. Привез — и будь здоров! А впрочем, подождите. Вышел он, говорю: сдачу возьмите! Махнул рукой — и через дорогу. Там как раз напротив магазин «Готовая одежда». Ага, одежда... Джинсы на нем были в обтяжку, из тех, что сейчас в моде.

— Ну что ж, портрет — хоть в рамку, — сказал Ванжа. — А теперь, Иван Петрович, отвезите меня туда, где вы его высадили.

— Это можно. — Варнаву распирало любопытство. — А я думаю, чего это Наденька меня вызывает? Не близкий свет, аж с Пушкинской. А он, этот пассажир, ваш клиент, или как вы их там называете?

— Жену у меня отбил, — сказал Ванжа. — Хорошая была женщина, на Наденьку похожа. А он отбил. Ну я, значит, разыскиваю, чтобы поблагодарить.

Варнава хохотнул:

— Вы разве скажете правду!

— Поехали, Иван Петрович, поехали. А наш разговор забудьте. Не было его...

Ванжа и сам не знал, на что он рассчитывал, прогуливаясь по Чапаевской. Выдавал себя за человека,

которому только бы убить время. Прошло почти два часа с того момента, как таксист высадил тут утреннего пассажира, так что шансы увидеть Горлача были у Ванжи мизерные. Если бы еще другая улица, не Чапаевская, он, наверно, сразу вернулся бы в райотдел.

За магазином радовали глаз оранжевыми лоджиями несколько недавно возведенных многоэтажных великанов, а с левой стороны, будто в пропасти за кручею, начиналось вишневое царство, из которого выглядывали крыши обычных домиков. Если вдоль заборов пройти до приметного телеграфного столба, можно разглядеть знакомую зеленую калитку усадьбы Сосновских. Навестить бы Елену Дмитриевну, поговорить с Васильком, да что им скажешь?..

Каждая фигура в джинсах заставляла Ванжу напрягать зрение. Столько их развелось, что в шеренги строй. Прямо униформа!

Преподаватель криминалистики в милицейской школе полковник Воронин как-то пошутил: «Было бы идеальным, если бы преступник внешне чем-то отличался от нормальных людей. Идешь улицей, глядь — он, голубчик, шагает. Ага, милости просим, мы тут истосковались, тебя ожидая. К сожалению, внешне он такой же, как мы с вами». Разговаривая, Воронин имел привычку теребить бороду, которая прикрывала глубокий шрам. Сам полковник не любил говорить о его происхождении, но курсанты все же узнали, что это след бандитской финки. С тех пор профессорская борода Воронина стала предметом особой почтительности всего личного состава милицейской школы.

Ванжа давно успел убедиться в справедливости соображений своего наставника. Но как-то не укладывалось в голове, что у подобных людишек могут быть любимая, семья, дети, а преступные руки способны на искреннюю ласку. Или, может, у них все иное: и радость, и любовь? Имитация, которую они принимают за чистую монету? В конце концов, и бенгальский огонь светит, да куда ему до солнца.

В детстве Ванжа читал сказку про племя анагуров. Никто в этом племени не мог ничего делать против человеческой совести, потому что ноги преступника под тяжестью вины погружались в землю. «Жаль, что это всего лишь красивая сказка, — подумалось сейчас. — Земля держит всех одинаково. Ей все равно, кто по ней

топчется: овца или волк. Тем временем у уголовного розыска хлопот полон рот, а Панин, наверное, уже названивает в «теремок».

Лейтенант усмехнулся, глянул на прояснившееся небо, на кудлатого пса, который перебегал дорогу, ловко маневрируя между автомашинами, и почувствовал, как екнуло в груди. По тротуару, прямо навстречу ему, помахивая зажатой в руке газетой, шел Горлач, красивый, спортивного склада человек в джинсах и клетчатой шведке. Шел, насвистывая песенку из популярной кинокомедии; смуглое лицо его было беззаботным.

«Так вот ты какой! — думал Ванжа, делая вид, что его ничего не интересует, кроме живописной витрины фотоателье. — Встретил бы тебя вчера и глазом не повел». — «А нам все равно...» — «Может, и правду ты насвистываешь. Но, как говорит Гринько, это с одной стороны. Зато нам не все равно».

Приблизительно через час лейтенант Ванжа сидел в кабинете начальника уголовного розыска, понуро склонив голову.

— Значит, Горлач вернулся на Хабаровскую?

— Так точно, товарищ капитан... Трамваем. Я сопровождал его до конечной остановки.

— Ценность этой информации, лейтенант, равна нулю. — Панин помолчал. — Больше того, вы могли испугнуть Горлача.

— Я был максимально осторожен.

— Достаточно того, что он мог видеть вас на Чапаевской, а затем в трамвае. Да и до трамвая вы шли за ним следом. А у таких людей, будьте уверены, глаз наметан. Вам что было поручено? Убедиться, что таксист вез Горлача, а не кого-то другого. Сержант мог и ошибиться. Это все, что от вас требовалось.

Панин пружинистым шагом подошел к окну.

— А дождь так и не собрался, — сокрушенно сказал он. — Опять припекает... Все же мы теперь знаем, что этот красавчик посещал кого-то на Чапаевской. И пробыл там почти два часа. Глядишь, и это пригодится, а, лейтенант?

У Ванжи отлегло от сердца.

— Олекса Николаевич, — сказал он, сдерживая дыхание. — А как вы думаете, этот Горлач причастен к гибели Нины... то есть, я хотел сказать, Сосновской?

Капитан обернулся, положил руку на плечо Ванжи.
— Василь, я знаю, вам особенно тяжело. Но такая уж у нас профессия, и мы сами выбрали ее. Сожмите сердце в кулак.

2

Для тысяч жителей большого приднепровского города пятница 17 июня была обычным последним днем рабочей недели. В утреннем выпуске областных известий радио сообщало об успехах металлургических предприятий. Утвержден проект строительства нового железнодорожного моста. Рабочие комбайнового завода празднуют новоселья. Сельские механизаторы готовятся к жатве. В клубе госторговли собираются на совещание работники народного контроля. Филармония приглашала на концерт известной ленинградской певицы. Спортивный обозреватель анализировал причины вчерашнего поражения местной футбольной команды. Синоптики обещали пасмурную с прояснениями погоду, без осадков.

Слушая известия, Журавко подумал, что Петровскому райотделу милиции пора бы также справить новоселье, но что-то там со строительством здания застопорилось, несмотря на все старания его заместителя майора Сирокона. Гафуров пожалел, что не может присутствовать на совещании народных контролеров. Очеретный вынул из кармана записную книжку и сделал пометку: «Два билета на субботу», рассчитывая пригласить на концерт Людочку Яремчук. Ванжа почти зримо представил фигуру отца на комбайне и пообещал себе обязательно съездить в воскресенье в Песчаное. Панин сокрушенно вздохнул: «Не видать нам высшей лиги, как своего носа». Только Павелко и Гринько никак не отреагировали на утренние известия. Они их не слышали, потому что в это время уже были на улице Хабаровской, поджидая появления Марины Костюк.

Марина не без страха переступила порог дома Валентины. Сени были загромаждены домашним скарбом, но комната показалась ей уютной, со вкусом обставленной. Мебель, коврики, кружевные занавески на окнах, цветы на треножных подставках — все тут сохраняло следы заботливых женских рук.

— Ты чего трясешься? — спросил Горлач. — Меня боишься или Вальки? Так ее нет. Я отослал.

— А она, эта Валька, кто тебе будет? Жена?

— Я дикий. Не приручаюсь. Разве что ты поставишься? — Он засмеялся, остановившись перед вправленным в пластмассовую рамку трюмо. — А что? Чем не пара? Посиди, я товар принесу.

Горлач загремел в сенях крышкой погребка и вскоре возвратился в комнату с кожаным чемоданом. Небрежно бросил на диван пачку розовых водолазок.

— Наши или импортные?

— Тебе не все равно?

— Спрашивают, — сказала Марина. — А ярлыков нет.

— У любопытных язык быстро сохнет. Соври что-нибудь. Или не умеешь?

— Сколько их тут?.. Товар, конечно, ходкий, да берешь дорого. Скинул бы хоть по трешке...

— Трешник, конечно, скинуть можно. Ха-ха! — голос Горлача как-то удалился, словно заложило уши. — Трешник... А хочешь — даром? Забирай свои деньги. И водолазки твои... — Горлач поднялся из-за стола и вперевалку двинулся к Марине. — Только не бойся меня...

— Не подходи! Ты что? Как закричу — вся улица сбежится!

У Марины стучали зубы. Светлая комната уже не казалась ей уютной. О стекло билась и жужжала большая сизая муха. От этого жужжания стало еще более жутко. Горлач в нерешительности остановился, словно раздумывая, как ответить на ее угрозы.

— Тю, дура! — сказал он обиженно. — Я же по хорошему... Понравилась ты мне. Еще тогда, когда впервые увидел на Клиничке. Ты совсем не знаешь меня, а жаль. Я все могу. А для тебя — что захочешь...

Казалось, он и сам верил в то, что говорил. Но тут в дверь сеней постучали, и Марина увидела, как в одно мгновение изменилось его лицо. Черные, под густыми белесыми бровями, глаза, которые только что смотрели на нее ласково, вспыхнули злым огнем.

— Это ты навела? — прошипел Горлач.

Одним прыжком он оказался у окна, выглянул во двор и облегченно вздохнул:

— Электрики. Не сидится им на месте! А я уж подумал... Сейчас я, сейчас! Не глухой!.. — Горлач повернулся к Марине: — Ну, что замерла, как засвтан-

ная? Спрячь водолазки! Кому говорю? Выйдешь вместе с ними, раз уж ты такая... Да не забудь язык узлом завязать, иначе...

Костюк сидела ни жива ни мертва.

3

По улице Ворошилова вниз к Днепру спускался милицейский «газик». В кабине прыгала на резинке плюшевая обезьянка. Рядом с водителем сидел Журавко. Время от времени он переговаривался по радиотелефону с Гафуровым, группа которого сидела в сквере напротив фабричной проходной. По плану действий Гафуров должен был появиться на фабрике только после того, как Павелко и Гринько задержат Горлача.

— «Триста третий»! Почему не отвечаете? «Триста третий»! Прием.

Павелко молчал.

— Подскочим на Хабаровскую, товарищ полковник? — предложил Савицкий. — Я мигом.

Запищал зуммер. Полковник схватил трубку и услышал гортанный голос Гафурова:

— «Триста второй»? Говорит «триста шестой». Из фабричных ворот вышла машина ТНД 49—86, зеленый фургон. За рулем Валиев.

— Я — «триста второй». Машину задержите где-нибудь подальше от фабрики.

— Задержать успеем, — после некоторой паузы возразил Гафуров. — А что, если удача сама просится нам в руки? Сейчас меня интересует не столько Валиев, сколько его груз. Может, пропустим?

— Снова ты все усложняешь. Девяносто шансов из ста, что это обычный рабочий рейс.

— Хоть десять, а мои. Мы теряем время... Ну, так как?

— Сам хочешь?.. Хорошо, двигай за фургоном. Твои ребята пусть дождутся Павелко. Держи меня в курсе.

«Газик» выкатился на набережную, за ажурной балюстрадой поблескивал синевой Днепр. Подпрыгивая на волнах, мчались по воде лодки. С теплохода, вошедшего под своды моста, долетала музыка. Журавко вспомнил, что последний раз, кажется, был на пляже несколько лет назад, после Первомайских праздников.

Вода была еще холодной, и он ограничился тем, что понежился на песке, подставив тело солнцу...

— Товарищ полковник! Кажется, Павелко!

Журавко, все еще в плену своих мыслей, перехватил у водителя трубку.

— «Триста второй»! Я — «триста третий». Задание выполнено. Жду указаний.

— Я — «триста второй». Почему так долго молчали?

— С понятыми вышла задержка. Потом хозяйку пришлось разыскивать. Ну и этот тип...

— Что с ним?

— Прыгнул в закрытое окно. Пока йод нашли, то да се...

— Допрыгался, субчик. Твой шеф давно мечтает увидаться с ним. Как там Костюк?

— На высоте. Хотя страху натерпелась. Он тут...

— Подробности потом. Задержанного доставьте в ИВС. Если нужно, вызовите врача. И сразу на фабрику.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Павелко.

— Ничего. Не перебивайте. Группа ждет вас в сквере против проходной. А теперь дайте мне Гринько.

Инструктируя инспектора, полковник помимо воли находился под влиянием рассуждений Гафурова. Если у фабричного фургона «левый» груз, то не исключено, что машина выедет за границы города по Самарскому шоссе. С другой стороны, вполне возможно, что у Валиева обычный рейс, а предположения Гафурова — мыльный пузырь. Все же полковник приказал Гринько взять у коллег из Левобережного райотдела милиции — это в двух шагах от Хабаровской — мотоцикл и быть наготове. Если Валиев выедет за город, надо будет следовать за ним, не выпуская его из виду, но не чинить никаких препятствий.

— Найдите способ связаться с Гафуровым, — сказал Журавко. — Обождите минутку. «Триста шестой»! Я — «триста второй». Сообщите обстановку.

— Я — «триста шестой»! Миновали мост. Сворачиваем на улицу Чубаря.

— «Триста шестой»! У ЗЖК к вам присоединится Гринько. Он будет на мотоцикле... «Триста третий»! Вы все слышали? Мотоцикл просите от моего имени. Конец.

Журавко прислушался к сухому потрескиванию мембраны, положил трубку и повернулся к водителю:

— Водички бы сейчас холодненькой, а, сержант? Заверните к киоску.

— Можно и без киоска обойтись. По щучьему велению, по моему хотению... — Савицкий пошарил рукой за сиденьем и жестом фокусника выхватил оттуда термос с обезьянкой на корпусе.

— И тут мартышка, — с удивлением констатировал Журавко. — Может, у вас найдется и живая?

— Найдется, — невозмутимо сказал Савицкий. — Братуха из Индии привез. Величиной с кошку. Любимица Светланы.

— Свадьба в воскресенье? Пригласите Ванжу. Он парень компанейский.

— Приглашал. Говорит, собирается к родителям.

— И к родителям когда-нибудь нужно, — согласился полковник. — Крутите колеса, сержант, к райотделу.

Опять ожил зуммер. Гафуров сообщил, что фургон выехал на Хабаровскую, и на полуслове замолк.

— Алло, «триста шестой»? Ты что притих?

— Думаю, — сказал майор. — А думаю я, что Валиеву захочется по дороге заскочить к Горлачу.

Журавко даже в жар бросило:

— Сто чертей!

— Распорядитесь, чтобы Гринько покрутился там, словом, пусть помешает Валиеву зайти в дом.

— С Гринько теперь нет связи, — хмуро сказал Журавко. — Не предвидели мы такой ситуации, майор. Попробую через ГАИ.

— Поздно. Фургон тормозит... Так и есть, Валиев направляется к усадьбе... Вижу инспектора, возится с мотоциклом. Эх, Гриня, мог бы и сам сообразить.

— Не мог. Я сам приказал ему не трогать Валиева... Вот что, майор, обстановка усложняется. Трудно сказать, как поведет себя Валиев, узнав об аресте Горлача. Независимо от того — есть в фургоне «начинка» или нет. Возможно, бросит машину и сбежит. Не думаю, чтобы он отважился на это тут, но в дороге имей в виду и такой вариант.

Савицкий, прислушиваясь к каждому слову начальника райотдела, разворачивал «газик».

— Ну, что там? — не терпелось Журавко.

— Похоже, дом на замке, Валиев возвращается. Считайте, что тут нам повезло. Фургон выруливает на Самарское шоссе. В этом мы не ошиблись. Гринько на мотоцикле двинулся за ним. Думаю, моя милицмейская «канарейка» теперь не годится, буду ловить такси...

Послышалось невыразительное бормотанье, что-то щелкнуло, но мембрана продолжала потрескивать, похоже, трубку положили мимо рычага. Журавко напряженно слушал далекие шумы, мысленно представляя себя на месте Гафурова. Междугородное шоссе — не улица, где транспорт движется сплошным потоком. Там Валиев сразу заметит милицмейскую машину. Но пока Гафуров поймает такси — фургон успеет далековато оторваться, хорошо, если Гринько сел ему на хвост. Только бы не перестарался...

Труба тяжело задышала голосом Гафурова:

— Я — «триста шестой». Прием.

— «Триста второй» слушает.

— Пересаживаюсь в такси. «Волга» ТНВ 12—96. Начинаю преследование.

В райотделе Журавко связался с областным ГАИ и попросил, чтобы посты автоинспекции «не замечали» машину Валиева, разве что майор Гафуров внесет какие-нибудь коррективы.

Операция «Пряжа» явно не хотела развиваться точно по разработанному сценарию. Уже сам факт, что начальник отделения БХСС, которому надлежало быть на трикотажной фабрике, сейчас мчится где-то за городом вдогонку за фургоном, полковнику не нравился. Конечно, у майора Гафурова были причины, и он рискнул, однако эти причины опирались не на факты, а на достаточно иллюзорные предположения. Валиев теперь настороже... Единственное, что можно записать в актив, — это Горлач. Гафуров наконец облегченно вздохнет.

Позвонил Павелко. Звонил он из кабинета директора трикотажной фабрики, и в трубку врывался бас Гальченко — Николай Артемьевич распекал кого-то по селектору. Павелко доложил, что все идет по плану. Склады опечатаны в присутствии фабричного начальства, дирекция издала приказ об инвентаризации. Как договорились, через полчаса прибудет бригада из об-

ластного контрольно-ревизионного управления. Задержали кладовщицу склада сырья Уманскую, учетчицу Маковец, стрелка военизированной охраны Локотуна. Валиев выехал в командировку в Самарск. Путевка выписана в тамошний горпромкомбинат.

— Не слышу фамилии завскладом Полякова, — сказал Журавко.

— Полякова на фабрике не оказалось.

— То есть как не оказалось? У него что — выходной? Или заболел?

— Причина неизвестна. Вчера, говорят, был в добром здравии.

— Телефон у него есть?

— К сожалению, нет.

— Вы там не перегрелись, товарищ старший лейтенант? Почему «к сожалению»? Как раз хорошо, что нет. Иначе его бы уже предупредили.

— Посылаю к Полякову Ванжу, — сказал Павленко. — Со всеми полномочиями. Нет возражений?

— Пусть по дороге прихватит участкового инспектора. Обязательно!.. Задержанных отправьте в ИВС и позаботьтесь, чтобы они не имели возможности сговориться. Вы меня поняли?

— Товарищ полковник... — В голосе Павленко слышалась обида, и Журавко подумал, что помощник Гафурова все же не из тех, кому стоит растолковывать очевидные вещи.

Вскоре Журавко направился в дежурную часть. На лестнице ему встретился начальник следственного отделения Тарнавский. Несколько дней назад подполковник выписался из больницы, старательно выбритые щеки блестели желтым глянцем, голубая форменка висела на нем, как на палке.

— Рад видеть, Валентин Петрович, — сказал Журавко, пожимая его костлявую руку. — Слышал, в Миргород собираетесь?

— Да, в гости к Николаю Васильевичу Гоголю. На живую водичку. — Тарнавский грустно усмехнулся и перевел взгляд на часы на стене. — А пока что клюю лекарства согласно расписанию. По крошке, как воробей... Да это еще полбеды. Сяду за бумаги — голова болит. С чего бы? Где желудок, а где голова...

Едва Журавко закрыл за собой застекленную дверь,

зазвонил телефон. Дежурный поднял трубку, и полковник увидел, как вытянулось его лицо.

— Что там?

— Ранен Ванжа...

4

На заросшем одичавшим садом дворе уже стояла машина «Скорой помощи» и желто-синяя «канарейка» из горуправления. Как ни нажимал Савицкий на педали, а все же его «газик» подъехал позже к переулку Тимирязева, где жил Поляков. Дверь одноэтажного кирпичного домика выходила в сад и стояла распахнутой настежь. Открыто было и окно, крайнее, на боковой части здания; около него ходил знакомый оперативник из городского управления милиции. Как всегда в таких случаях, возле дома толпились любопытные, усатый сержант не пускал их во двор.

Санитары вынесли Ванжу, и от того, как они это поспешно сделали, как машина затем рванула с места, Журавко почувствовал себя худо и бросился к Панину, который вышел из дома в сопровождении эксперта-криминалиста Людочки Яремчук.

— Что с лейтенантом?

— Удар кастетом по голове. Врач говорит, что нужна срочная операция. Надеюсь, что еще не поздно...

Появился Куманько, вытер платком лысину и сунул его в карман.

— Удар нанесен сзади. Людмила Павловна считает, что ударил человек ниже ростом, чем Ванжа.

— Поляков?

За Куманько ответил Панин, виновато взглянув на полковника:

— Поляков мертв.

Вот уж чего Журавко не ожидал! Ехал сюда, был уверен, что Ванжа ранен при задержании Полякова. Это было досадно, но по крайней мере не создавало бы никаких дополнительных загадок. Теперь же этих загадок хоть отбавляй.

Под яблоней, опершись на коричневато-шершавый ствол, стоял следователь прокуратуры Котов, прибывший сюда вместе с Паниным, и придирчиво расспрашивал участкового инспектора капитана Худякина. Панин постоял рядом, потом направился в глубину сада, где

оперативник оглядывал ограду, отделявшую усадьбу от заросшего кустарником оврага. На дне оврага сквозь бурьян играл солнечными искорками ручеек. В полу-сотне метров от ограды начиналась железнодорожная насыпь, овраг нырнул под эту насыпь, зажатый узким радиальной кладки акведуком.

— Что-нибудь есть? — поинтересовался Панин.

— Следов — бери не хочу, — сказал оперативник, отряхивая колени. — На подоконнике, в саду, около ограды... Видно, очень спешил. Смотри... Вот тут он перелезал, опершись рукой на столбик, — порвана паутина. Спрыгнул на левую ногу: четко виден след каблука. А дальше, к сожалению, гравий, черта лысого на нем что-нибудь разглядишь.

— Запустил сад покойничек, не продерешься.

— Росло, как могло. Это ты вышел на Полякова? Он кто?

— Кладовщик... Гафуров на него вышел, да, видишь, опоздал. Как думаешь, не стоит попробовать Дика?

— Безнадежная вещь. Следов комплект, зато и табаку — не отчихаешься. Щедро сыпал, не скупился. Видно, заранее запасся, знал, на что шел... Тебя Ремез зовет.

Панин направился к Ремезу, стоявшему около крыльца. Через дверь из дома долетал шепелявый голос Котова. Яремчук что-то объясняла ему. Было слышно, как они заспорили.

— Полякова сейчас заберут, — сказал Ремез. — Хотите взглянуть? Впечатление — будто спит, даже ладонь под щекой. Убийце не откажешь в выдержке...

В полдень Панин сидел в кабинете Журавко. Мало сказать, что начальник был не в духе, он был мрачен.

— Ванжа второй час в реанимации. — Полковник посмотрел в окно мимо Панина и вдруг взорвался: — Откуда это мальчишество у твоих работников, Олекса Николаевич? Существует правило: на задержание идти не меньше, чем вдвоем. Ан нет, побежал один. Герой!.. Не тебе ли подражал? И Худякин хорош... Голоза уже белая. Капитан! А послушался лейтенантика, словно его подчиненный... Куда ж там — ас! Воспитанник самого Панина!

Начальник уголовного розыска, пожалуй, впервые видел Журавко в таком состоянии. Случались в их работе и более сложные ситуации, но и тогда полковник не позволял себе повышать голос на Панина. Сдерживая обиду, капитан все же сказал:

— Не могли они предвидеть такого поворота. В конце концов, речь шла не о каком-то закоренелом рецидивисте.

— Могли — не могли... А инструкцию нарушать могли? Да и откуда ты знаешь, что за фрукт этот Поляков? Может, смерть Сосновской как раз на его совести!

Некоторое время они сидели молча. Со двора долетали уличные звуки. Кто-то прошел под окном с транзистором.

— Я распорядился, чтобы немедленно сообщили, как только отзовется Гафуров. Пора бы Рахиму. Тебе не кажется?

У Панина у самого вертелось это на языке. По всем расчетам фургон Валиева должен был давно прибыть в Самарск... А почему, собственно, в Самарск? Валиев мог что-нибудь заподозрить, плюнуть на путевку и скрыться куда угодно. Так подумал Панин, но только молча кивнул головой.

— Ох, Ванжа, — печально сказал Журавко. — Хороший парнишка. И надежды подавал... Я тут немного шумнул, не обижайся. Больно мне. Особенно когда молодые... Прикинем, Олекса, что нам известно. И открой, будь добр, окно.

Картина складывалась такая. Приблизительно в двенадцать Ванжа и Худякин подъехали на мотоцикле к домику Полякова. Ванжа сказал:

— Вы, товарищ капитан, побудьте тут, а я наведу юсь в это бунгало. Внутренний голос нашептывает мне, что хозяина нет в наличии.

Худякин хотел было возразить. В конце концов, он тут участковый инспектор, так сказать, официальный представитель власти, кому ж, как не ему, надлежит первому постучать в дверь. Тем более что Поляков его знает. Прошлой осенью, как раз когда поспели яблоки, два или три раза вместе «забивали козла» в саду. Однако именно это обстоятельство и заставило его согласиться — Худякину не очень хотелось заявляться к Полякову в роли непрошеного гостя.

Ванжа толкнул калитку и исчез во дворе. Было слышно, как захлопали крыльями голуби. Сам Поляков голубей не держал, зато у соседей этих птиц была тьма-тьмушая. Участковый инспектор, прогуливаясь по тротуару, ломал голову догадками, в чем же виновен перед законом Григорий Семенович Поляков.

В этих раздумьях прошло пять, а может, десять минут: на часы Худяков не смотрел, а смотрел на калитку и четыре окна, что выходили в переулок. За садом, где пролежала железнодорожная линия, прогрехотал поезд. Ванжа не возвращался и участкового инспектора не звал. Это было непонятно и начинало тревожить. Все еще колеблясь, нужно ли это ему делать, Худякин пошел к дому. Дверь в сени была открыта, он толкнул ее и увидел Ванжу. Тот лежал посредине сеней лицом вниз, не подавая признаков жизни, волосы на затылке слиплись в кровавый сгусток.

С этой секунды капитан Худякин действовал почти автоматически. Выхватив пистолет, он ударом плеча высадил дверь в комнату и оказался в хорошо обставленной гостиной. С потолка свисала люстра. Такой люстры Худякин не видел ни в одной частной квартире, но все это мелькнуло где-то на периферии сознания. Главное же, что он мгновенно отметил себе, — в комнате никого не было. За портьерами угадывались еще двое дверей. Худякин не стал выяснять, куда они ведут, потому что его внимание привлекло открытое в сад окно. «Сбежал, гад!» — подумал инспектор о Полякове. Он еще не знал, что Поляков лежит в спальне, в широкой семейной кровати польского производства, мертвый. Преследовать преступника Худякин не кинулся, потому что ни на миг не забывал, что должен прежде всего позаботиться о Ванже: кто знает, чего стоит для лейтенанта каждая потерянная минута. На улице капитан остановил знакомого железнодорожника, приказал никого не пропускать в дом, а сам вскочил на мотоцикл и помчался к телефонной будке.

— Не стоит сурово осуждать участкового, Сергей Антонович, — сказал Панин. — Действовал он решительно и сделал все, что мог.

Журавко снова нахмурился:

— Ты кого защищаешь — Худякина или Ванжу? Оба допустили грубые ошибки, и эти ошибки дорого обошлись... Одно не понимаю: как Ванжа мог так подставиться? Удар ему нанесли сзади, неожиданно. Не сле-

дует ли из этого, что он вообще не видел преступника?

Панин поднялся, заходил по комнате, слегка сутулясь, словно шел по следу.

— Видел, Сергей Антонович, видел. У преступника, наверно, не было шансов доказать свою непричастность к убийству Полякова, иначе он не отважился бы замахнуться на жизнь сотрудника милиции. Что-что, а Уголовный кодекс эти люди знают назубок.

— Лейтенант был в штатском, — заметил Журавко.

— Именно это и наводит на некоторые размышления, — подхватил Панин. — Штатская одежда не мешала преступнику догадаться, кто пришел к Полякову. Каким образом? Не думаю, чтобы Ванжа размахивал удостоверением или даже пистолетом — и то и другое осталось нетронутым. Но меня, как и вас, удивляет неосторожность Ванжи. Попробуем логично рассудить. Я, лейтенант Ванжа, пришел, чтобы арестовать Полякова. Вместо Полякова вижу в квартире незнакомого человека. Хозяин не подает голоса. Разве не может меня насторожить этот факт? Безусловно. Тем временем я веду себя настолько беспечно, что позволяю этому человеку приблизиться к себе, больше того, оставляю его за спиной и... получаю удар кастетом. Загадка или нет?

— Пожалуй. Но к чему ты клонишь?

— К тому, Сергей Антонович, что это не был знакомый человек. Иначе говоря, Ванжа знал этого человека, потому-то и повел себя так неосмотрительно.

Журавко развел руками.

— Ишь куда тебя занесло! — недоверчиво проговорил он. — И ты можешь назвать такого человека?.. То-то же. Нет, Олекса, я не верю, что у Ванжи были общие с Поляковым знакомые.

— У Худякина они же, наверно, были!

— Худякин — участковый инспектор. А теперь послушай меня. Ты, Ванжа, спрашиваешь Полякова, а преступник говорит: Григорий хозяйничает в саду, а я его брат.

— У Полякова есть брат?

— Откуда я знаю? И Ванжа не знал. Пойдем, говорит, к нему, потому что он еще долго будет возиться. Ты поворачиваешься к двери и получаешь удар по голове. Чем моя версия хуже твоей?

— Не хуже, — должен был признать Панин. — А только слишком умным оказывается преступник.

— Конечно, с дураками иметь дело легче. Чем дальше мы это дело распутываем, тем больше оно запутывается. Горлач, Уманская, Локотун, Маковец... Полищук в больнице. Выпал из игры Поляков. Остается Валиев, но мы же знаем, что его нет в городе...

— Был, — возразил Панин. — В. то время был. Смерть Полякова Куманько относит приблизительно на восемь утра или даже немного раньше.

— Зато в двенадцать Валиев был далеко за городом.

— Да. Но преступников могло быть двое. После расправы с Поляковым у Валиева хватало времени, чтобы добраться до фабрики, тем временем его сообщник оставался в доме и что-то долго и настойчиво искал, следы этих поисков там на каждом шагу. Искал так долго, что в двенадцать Ванжа еще застал его. Из этого можно сделать вывод, что поиски не увенчались успехом. Что он искал? Узнаем — много что прояснится. Одно можно сказать с уверенностью: к ранению Ванжи Валиев не имеет отношения.

— Выходит, есть еще кто-то, о ком у нас и мысли нет. И этот кто-то... — Журавко стукнул ладонью по столу и отвернулся к окну.

Вошел заместитель начальника райотдела по политчасти Севастьянов.

— С вас писать бы картину «Начальники в печали», — сказал он, окинув Панина и Журавко взглядом ясных глаз, которые, по мысли языкатого Ремеза, наверняка были бы материнскими, если бы не стали отцовскими. — А я добрые вести принес! Ванжу перевели из реанимации в палату. Меня уверили, что теперь все хорошо, но говорить с ним можно будет не скоро.

— Спасибо! — Журавко обеими руками потянулся к заместителю, словно собрался через стол обнять его. — Добрых вестников принято угощать, а у меня, как на грех, даже папиросы нет. Так, может, ты меня угостишь?.. Рад за Ванжу! Значит, выкарабкался усач! А ведь могло быть хуже.

— У Савицкого послезавтра свадьба, — сказал Севастьянов. — Не поскупись на приказ, товарищ начальник!

— Нужен подарок?

— Одно другому не мешает. Приказом по райот-

делу благодарность за добросовестную службу. За свадебным столом и зачитаем. Пусть девка знает, за кого идет замуж.

— Хорошо, хорошо. Подготовь, я подпишу. Сам и зачитаешь...

Севастьянов ушел. Поднялся и Панин.

— Жаль, — сказал он. — Жаль, что с Ванжой нельзя поговорить сейчас... И от Гафурова ни звука. Боюсь, что ни его, ни Гринько в Самарске нет, иначе уже связались бы с нами.

— Думаешь, Валиев надумал бежать?

Панин пожал плечами.

— К смерти Полякова он, может, и не имеет отношения...

— Но почему же они молчат? В конце концов, телефон нынче в каждом селе. Не среди степи же они?..

5

Журавко, конечно, не думал, насколько он был близок к истине, вспомнив про степь.

Продолжительное время погоня за автофургоном шла без приключений. Собственно говоря, никакой погони и не было. Валиев ехал не торопясь, на обгоны не шел, наоборот, один за другим его обгоняли владельцы частных «Волг» и «Жигулей», которым всегда не-втерпеж.

Гафуров поравнялся с Гринько, обменялся с ним несколькими репликами, после чего мотоцикл далеко отстал. Водитель такси, парень лет двадцати с вислыми усами, которые казались неестественными на его юном лице, не скрывал разочарования. Майор уже знал, что зовут этого юношу Димкой, что Димка Чижик — дружинник и недавно имел дело один на один с гулякой, который приставал на улице к девушке.

— Не страшно было? — поинтересовался Гафуров.

— А я его об этом не спрашивал, — улыбнулся Димка.

Димке очень хотелось подбавить газку, чтобы поглядеть, кто там в фургоне, и он совсем скис, когда Гафуров приказал пристроиться за ним и не высовывать носа. Так они доехали до перекрестка, где от шоссе от-ветвлялась дорога на Красноновку, и тут их остановил патруль ГАИ.

— Майор Гафуров?... Приказано передать вам, что путевка выписана в Самарский горпромкомбинат.

«Панин постарался или Павелко? — подумал майор. — Впрочем, какая разница. Главное — ребята сориентировались, что для меня это важно».

— Благодарю, инспектор. Это все?

— Приказано содействовать вам, если в этом есть нужда.

— Пока что нет. Видите мотоциклиста? Передайте ему все, что сказали мне... Давай, Дима, поднажми!

Димка нажал и догнал фургон. Вскоре миновали Тополиное и еще одно небольшое село, название которого на столбе майор не успел прочитать. По обеим сторонам лежала изрезанная буераками степь, на горизонте предвестниками города замаячили мачты высоковольтной линии.

Неожиданно фургон отвернул в правую сторону, вильнул на выбоине и нырнул, как показалось Гафурову, прямо в кукурузу. На самом же деле кукурузный клин прикрывал от глаз кое-как утрамбованный степнячок, почти заросший бурьяном. Гафуров мысленно выругался и, поймав Димкин взгляд, отрицательно покачал головой. Они проскочили съезд на степнячок и остановились в отдалении за частоколом придорожной посадки.

— Сбежит же, товарищ майор, сбежит! — разгоряченно воскликнул Димка. — Нужно бы за ним! Мы же могли его так легко взять!

— Могли, — согласился Гафуров. — Давно могли. Еще дома. Но как раз этого, Дима, и не следует делать. Ни в коем случае.

Подъехал Гринько, встревоженно глянул на шины.

— Прокол?

— Прокол, Гриня, — сказал Гафуров. — В наших с тобой планах прокол. Колею между кукурузой видел? Седьмой километр. Там он. Вдалеке — село.

— Нет там никакого села, — возразил Гринько. — Там давно брошенный хутор Лыськи. Лет пять уже, как хуторяне переселились на центральную колхозную усадьбу в Песчаном. А от хаты остались одни развалины.

— Гм, интересно, очень интересно. — Майор глянул на линияемое от жары небо и перевел взгляд на часы, словно хотел сверить их с солнцем. — Давайте по-

мозгуем. Версия номер один: Валиев решил убедиться, нет ли за ним хвоста.

— Мог бы сделать это и на шоссе.

— На шоссе труднее. На шоссе, Гриня, мы бы не поймались на крючок.

— А сейчас?

— Хочется думать, что и сейчас эта беда нас миновала. Версия номер два: брошенный хутор — цель Валиева. Спрашивается: за каким чертом ему нужны эти руины?

— Что-то забрать? — выпалил Димка и покраснел.

— Резонно, — похвалил Гафуров. — Но, может, и наоборот: что-то спрятать.

— Версия номер три, — подхватил Гринько, заговорщически подмигнув таксисту: — Начхать Валиеву на хутор. Пока мы тут, извините, товарищ майор, точим лясы, он обходными путями выбирается на Донецкое шоссе.

— Причина? Заметил преследование?

— Вряд ли.

— В таком случае — абсурд. Мог бы повернуть на Красноновку, а не глотать пыль на бездорожье... Меня волнует другое. Вдруг Валиев как-то пронюхал об аресте Горлача, бросит машину где-то в глуши и даст стрелка пешком. Куда? А на все четыре стороны! Тогда мы останемся в дураках. — Майор потрепал Димку по плечу и засмеялся, хотя было видно, что ему не до смеха. — Все же я склонен думать, что вскоре наш приятель вернется на трассу. А раз так — будем ждать.

По шоссе в обе стороны пролетали машины. Вопросительно взглянув на Гафурова, проехал уже знакомый автоинспектор. Вдалеке над зеленым буераком, размывая контуры прошлогодней скирды соломы, волновалось марево. Пахло степными васильками и еще чем-то неуловимо знакомым. Гафуров решил, что это черемуха, которая вдоволь растет на склонах оврагов. В ее зарослях всегда найдется хоть один кустик, который запоздал своевременно отцвести.

— Раздражают меня эти тучки над мачтами, — сказал Гринько. — Очень они похожи на вареники.

— С вишнями? — спросил Гафуров.

— Почему с вишнями?

— Моя Зинаида обещала на ужин с вишнями. Пригласил бы тебя, да боюсь. Говорят, за один присест полсотни уминаешь. Или врут?

— Конечно, брешут, товарищ майор! Моя норма — сорок девять. Семь порций. Но сейчас я и на одну согласен.

Димка Чижик удивлялся этому разговору. Шутят, а преступник тем временем на свободе. Разве он дурак, чтобы самому лезть в руки милиции?

Так прошло не менее двух часов. Солнце начало склоняться к западу, когда фургон вынырнул из-за кленов. В тот же миг Димкина «Волга» и мотоцикл Гринько двинулись на Самарск. Теперь Гафуров не сдерживал, а подгонял шофера, и вскоре они вырвались далеко вперед, так далеко, что потеряли фургон из поля зрения. Майора это почему-то не беспокоило.

— Застоялась твоя лошадка, Дима. Батошкой ее, батошкой! — весело говорил он, поблескивая пронзительно-черными глазами. — Мы должны выиграть время, это для нас сейчас важно.

Димка верил, что это важно, хотя и не понимал, почему они перестали следить за фургоном. Недавнее недовольство поведением майора сменилось безоговорочным уважением. Готов был поклясться, что для этого невысокого человека с кавказским носом ничего не стоит предвидеть каждый следующий шаг преступника. Вероятно, он был бы немало поражен, если бы знал, что Гафуров боролся с искушением кинуться на поиски фургона и удержала его не столько уверенность в правильности своих размышлений, сколько надежда.

На окраине Самарска в тени деревьев краснощекие молодухи торговали вишнями. Димка достаточно красноречиво сбросил газ. Однако Гафуров только скользнул взглядом по корзинам с ягодами.

— А вареники с вишнями воистину шедевр украинской кухни! — воскликнул он, похлопав ладонью по животу. — Гринько прав.

КОНЕЦ ФИРМЫ

1

К Ванже Панина не пустили. Главный врач клинической больницы, известный всему городу травматолог Белогус, принял посетителя сухо. И хотя капитан достаточно наслышался о нетерпимом характере Белогуса, все же не мог понять, как в одном человеке сочетаются

абсолютно противоположные черты — фанатичная преданность больным и откровенное равнодушие к здоровым. Даже к своим пациентам, стоило им чуть подняться на ноги, Белогус сразу терял интерес. Длительное время возглавляя клинику, он успел нажить себе не только друзей, но и врагов. Его требовательность была беспощадной, и случалось, что подчиненные выходили из кабинета главного врача в слезах, но ни один и мысли не допускал пожаловаться на Белогуса или подать заявление об уходе. Наверно, потому что эта требовательность не знала исключений, а то, что умели делать его руки, граничило с фантастикой.

Таков был человек, который сидел перед Паниным, опершись локтями на стол, отчего его костлявые плечи вытянулись вверх, словно спрятанные под халатом эпюлеты.

— Все родственники уверены, что без их вмешательства мы и пальцем не шевельнем. — Голос у Белогуса был неприятно скрипучим. — Разве не так?

— Я не родственник, — сказал Панин. — Я начальник уголовного розыска. Моя фамилия Панин. Ванжа — мой товарищ по работе.

— Так это ваши люди крутятся тут под ногами?

— Мои.

— Их присутствие нервирует медперсонал.

— Придется потерпеть, Игорь Игнатьевич. Такая ситуация.

— У нас своих ситуаций хватает. — Белогус скривил тонкие губы. — Знаю, вам невтерпёж. Но если ваши люди вздумают проникнуть к этому парню без моего разрешения...

— Не стану скрывать, — проговорил Панин, — нам в самом деле крайне необходимо поговорить с потерпевшим. Чем раньше — тем лучше. Мои люди, как вы сказали, крутятся здесь не для этого.

— А какого же им тогда дьявола нужно?

— Слышал я о вас, — сдерживая себя, сказал Панин. — И все же надеялся на большую вежливость. С Ванжой мы будем говорить тогда, когда вы скажете: можно. Не раньше.

— Тем более что это будет не так скоро, — скинул обороты Белогус. — К превеликому сожалению.

— День, два, три?

— Вы бывали в цирке? Так вот, ваш товарищ сей-

час идет по канату. Мы дали ему балансир, но ведь и с балансиrom падают.

— К вам будет просьба, Игорь Игнатьевич, — сказал Панин. — И я прошу отнестись к ней как можно внимательней. На все звонки или личные вопросы о состоянии Ванжи должен быть один ответ: такого пациента в больнице нет. Понимаете? Предупредите, будьте добры, свой персонал. Кто бы ни звонил: из милиции, из прокуратуры, из какой-либо высокой инстанции. Ведь назваться можно кем угодно.

Белогус скептически пожал плечами. За припухшими веками мелькнуло любопытство.

— Так-таки и отвечать: нет?

— Нет и не было.

— А родственникам?

— Отец и мать в селе. За ними послали машину. Я сам привезу их в больницу. — Панин немного колебался. — Видите ли, Игорь Игнатьевич, мы с нетерпением ждем, когда Ванжа скажет нам несколько слов, а в городе есть человек, способный на все, лишь бы он только никогда не заговорил.

— И вы думаете...

Панин поднялся.

— Я рад, что мы с вами все же нашли общий язык. И это придает мне смелости оставить вам свои телефоны. Рабочий и домашний. На всякий случай. Звоните в любое время дня и ночи.

Вернувшись в райотдел, Панин поспешил к Журавко. В коридоре на него чуть не налетел Павелко.

— Товарищ капитан, вас начальник спрашивал. Вы уже знаете?

— Сейчас узнаю, — усмехнулся Панин.

Павелко откинул со лба прядь белокурых волос и совсем по-мальчишески захлопал глазами:

— Мой шеф звонил. Он вышел на след.

— О! — обрадовался Панин. — Не подвела все-таки майора интуиция. Из Самарска звонил?

— Из Самарска. Ну, я побежал, — сказал Павелко, не двинувшись даже с места. — С Уманской, Олекса Николаевич, истерика была. Как принялась дубасить в дверь изолятора, а кулачищи у нее, скажу вам, хоть на ринг. Ведите меня, кричит, к начальнику с повинной. К самому старшему! Вечером, говорит, хотела сама бежать в милицию, да не успела — утром задержали. Хитрющая баба!

— Пишет?

— Второй час пишет, никак не выпишется. Теперь они все будут наперегонки топить один другого. Знаю я эту братию.

— А что Горлач?

— Свистит.

— В каком смысле?

— В буквальном. Сержант приструнил, а он говорит: не имеете права запрещать.

— Веселый мужик.

— Точно, веселый, — согласился Павелко. — Только веселиться ему недолго осталось...

У Журавко сидели Ремез и Очеретный. Заместитель начальника уголовного розыска, как всегда элегантный, аккуратно причесанный на косой пробор, щурился на Ремеза, который докладывал Журавко о ходе следствия в доме Полякова. Полковник махнул Панину рукой.

— Приземляйся, Олекса. Был?

— Был.

В нескольких словах Панин пересказал разговор с Белогусом.

— Скверное дело. — Журавко сурово посмотрел в глаза каждому из присутствующих и встряхнул тяжелой головой, словно отгоняя навязчивую мысль. — М-да-а, ждате, пока Ванжа укажет на преступника пальцем, не приходится. Нужно действовать, товарищи, и действовать как можно более оперативно. Так на чем мы остановились?

— Собственно, я доложил почти все, — сказал Ремез. — Можно подвести итоги. Определенно мы знаем некоторые обстоятельства. Первое: Поляков убит, видимо, тем же кастетом, каким нанесен удар Ванже. Второе: преступник был хорошо знаком Полякову, поскольку тот угощал его коньяком. На кухне. Выпито мало, значит, драка на почве пьянки отпадает. После этого преступник поволок тело в спальню. Подчеркиваю: не понес, а поволок, сохранились следы. Это дает основание думать, что Поляков был для него слишком тяжелым...

Очеретный иронически скривил губы. Ремез посмотрел на него искоса и продолжал:

— Для чего преступник задал себе лишние хлопоты, непонятно. Единственное объяснение: окно из кухни выходит на улицу, может, боялся, что кто-нибудь ненароком заглянет. И, наконец, третье обстоятельство: убийца что-то искал в доме. Сначала я подумал, что он искал горючее — бензин, керосин, чтобы поджечь дом. Бросался в глаза беспорядок в шкафу и в других местах. Но, подумал я, искать в доме бензин, когда в глубине двора стоит гараж, глупо. Конечно, ломать замок в гараже канительно и опасно. Дальнейший осмотр показал, однако, что преступник искал не горючее. Он рылся во всех комнатах, переставлял предметы, сломал замок секретера и, похоже, ничего не взял, хотя взять там было что. В спальне под кроватью его заинтересовала паркетина, которая, возможно, недостаточно плотно прилегала. Преступник вытащил ее, сломав при этом кухонный нож. Кончик лезвия так и остался лежать в углублении.

— В такой халупе паркет? — удивился Очеретный.

— Вы, Ларион Григорьевич, побывайте в этой халупе. Еще и не то увидите. Внешне это действительно халупа, зато внутри — хоромы! Покойник жил на широкую ногу.

— А не думаете вы, что под этой паркетинкой лежала именно та вещь, которую преступник искал? — спросил Журавко.

— Куманько фиксирует смерть Полякова приблизительно в восемь часов утра. Ванжа застукал убийцу в двенадцать... Выходит, тот четыре часа рылся в доме, а нашел, что искал, как раз тогда, когда пришел Ванжа? Маловероятное стечение обстоятельств.

— Я согласен с вами, — поддержал следователя Панин. — Необходимо еще и еще раз осмотреть дом, гараж, чердак. Возможно, есть погреб, наконец, какой-нибудь тайник.

— Стоит поинтересоваться, кто знал, что Поляков оставался дома один, — добавил полковник.

— Интересовались. В переулке Тимирязева не нашлось ни одной хаты, где бы не знали, что задаваки на собственных «Жигулях» двинулись отдыхать на Кавказ. Извините, товарищ полковник, но их там все так называют: задаваки. Очень они пыжились своим достатком. Машину повела дочка Полякова... — Ремез заглянул в записную книжку. — Марго:

Говорят, и на самом деле королева, по крайней мере по спеси.

— Следы?

— Следов хоть пруд пруди. Особенно в саду. Но отпечатков пальцев нет. Рюмка, из которой преступник пил коньяк, заботливо вытерта.

— Ваши предложения?

— Тщательный обыск в доме Полякова, выявление всех его связей и знакомств, ну и, конечно, допрос задержанных по делу «Пряжа». — Ремез вопросительно посмотрел на Панина, словно ждал от него совета. Панин никак на это не отреагировал. — Больше ничего, к сожалению, предложить не могу...

— Все направления поисков вести параллельно, — предупредил Журавко.

— Не помешает опросить пешдную бригаду, — заметил Панин. — В двенадцать десять мимо дома Полякова прошел пригородный поезд. Как правило, именно там, перед семафором, он притормаживает. Следы преступника обрываются на насыпи. Не исключено, что он на ходу вскочил на ступеньки вагона. Кто-нибудь из железнодорожников мог заметить такого «зайца».

— А пассажиры?

— Пассажиры тем более, но попробуй их сейчас найти. Не давать же объявление через газету.

Журавко поднялся.

— Все, товарищи. Панин, более или менее свободных сотрудников — на разработку версий. Вы, Ремез, действуете по указаниям Котова. Это дело никак не изолируешь, все тут скрутилось в клубок.

— Можно мне несколько слов? — спросил Очеретный.

— Слушаем вас, Ларион Григорьевич.

Очеретный прокашлялся.

— На поддержку я вряд ли могу рассчитывать, — начал он, щуря глаза на Ремеза. — И все же скажу. Мне кажется, что следствие поспешило с оправданием Яроша.

— Опять двадцать пять, — подхватился Ремез. — Сколько можно говорить, что Ярош...

— Товарищ Ремез! — оборвал следователя полковник. — Имейте терпение. Продолжайте, Ларион Григорьевич.

— В конце концов, высказать свое мнение считаю обязанностью. Старший лейтенант Ремез, похоже, в вос-

хищении от честности этого Яроша. Даже ночных соловьев вдвоем с ним ездил слушать в Дубовой балке. А что мы, собственно, знаем о нем? Говорят, способный звукорежиссер. Возможно. А еще что? Знаем, что Сосновская погибла в ночь перед его отъездом в Мисхор. А ведомо ли вам, товарищ Ремез, что до знакомства с Сосновской Ярош ухаживал за Юлей Полищук, той самой, которая проходит по делу «Пряжа»?

— Ну и что? — пожал плечами Ремез. — Не далее как в тот минувший понедельник он сам мне это сказал. Полищук и познакомила его с Сосновской. Девушки дружили.

— И вы не интересовались этим фактом?

— Представьте себе — заинтересовался. И узнал, что у Яроша была еще одна пассия. Звали ее Галочкой. Так вот. Ярош воровал у матери конфеты и тайком носил их Галочке. Тоже подозрительный факт. Правда, это было еще в детсаду.

Панин видел, как лицо Очеретного покрылось пятнами. Журавко нахмурился.

— Надеюсь, Ремез, вы из этого возраста уже вышли. Идите. Вы тоже свободны, Ларион Григорьевич.

Ремез и Очеретный вышли. У двери случилась заминка, каждый вежливо пропускал другого первым.

Полковник обошел стол и вынул из ящика распечатанный конверт.

— Лубенец получил записку. Читай. Неизвестный доброжелатель обвиняет милицию в том, что она стала на защиту Яроша. Мол, поспешили снять с него подозрения. Фактически то же самое, что сказал Очеретный.

Панин пробежал глазами бумагу.

— Почерк намеренно изменен, — сказал он. — Буквы совсем падают влево. Экспертам не давали?

— После того как письмо прошло столько рук?

— Вы правы. Да и писал его, думаю, тот, кто хорошо знает, что такое дактилоскопия.

— Отдам я его Ремезу, — проговорил полковник. — Эта анонимка подействует на него, как красная тряпка на быка... Рахим звонил, знаешь?

— От Павелко. Но без подробностей.

— А где их взять, подробности, когда он только и сказал: вышел на важный след. Очень спешил. Я через областное управление попросил самарских коллег посодействовать.

— Водолазки?

— Признаться, я не очень верил этой версии, но Рахим... Не будем спешить с выводами. Ты уже обедал?

— Вы хотите спросить, ужинал ли?

— А который час?

Зазвонил телефон.

— Не иначе моя Евфросиния Тимофеевна! Перепадет мне сейчас и за обед, и за ужин.

Журавко сгреб трубку широкой ладонью, и по тому, как его лицо приняло ласковое и одновременно виноватое выражение, Панин понял, что начальник не ошибся.

2

Двор Самарского горпромкомбината был тесный и захламленный. В глубине его виднелись приземистые цеховые здания и складские помещения. Около одного из них сустились рабочие, укладывая картонные ящики в контейнеры, покачивался на стреле крюк автокрана. Вдоль ограды шелестели листвой молодые топольки.

Из окна кабинета директора была видна почти вся территория предприятия, металлические, покрашенные в пепельный цвет ворота и незастекленное окошко проходной.

— Обижаете, товарищ майор, незаслуженно обижаете, — бубнил директор комбината Гаркавый, обмахиваясь свернутой вчетверо газетой, хотя в кабинете было нежарко. — Наконец, какие у вас основания?

Гафуров был сама вежливость.

— Вы напрасно волнуетесь, Дмитрий Егорович, — говорил он, совсем неслышно выбивая дробь двумя пальцами на подоконнике. — Вряд ли стоит волноваться преждевременно. Нас интересует человек, который в скором времени прибудет на комбинат. Это не ваш работник, но я хотел бы видеть, с кем он будет общаться. Да вот и он! Легок на помине.

В ворота въезжал фургон. Навстречу ему, показывая дорогу, спешил вертлявый человечек в полинявшей на солнце безрукавке.

— Кто это, Дмитрий Егорович?

— Не знаю фамилии, но машина с трикотажной фабрики. Она не раз у нас бывала.

— Я не о машине. Тот, в безрукавке, кто?

— Лойко, экспедитор наш... Вспомнил я, товарищ

майор. Мы просили у трикотажников шерстяной путанки. С сырьем, знаете, туго, а мы, значит, как бедные родственники, нам и путанка сгодится. Хотя мороки с нею... Я сам документы подписывал. Гальченко, спасибо ему, не скряга. Есть же у нас хозяйственники — и сам не ам, и другому не дам.

— А что, этот ваш экспедитор не должен был сам ехать за путанкой?

— Конечно! Его обязанность. Но на деле, признаться, бывает и иначе. Поехал, скажем, с требованием, а груз не готов. Или транспорт в разгоне. Тогда фабрика своим, значит. Само собой, выставят счет, даром машину никто гонять не будет. Я сейчас уточню, что там привезли.

— Потом, потом! — удержал директора Гафуров. — Они сами разберутся. А это кто сейчас подошел к фургону, высокий?

— Горлач.

— Кто-кто?

— Начальник трикотажного цеха Горлач. Так сказать, заинтересованное лицо. Путанка идет на нужды его цеха.

Майор мысленно присвистнул. «Вот это да! Охотились на одного Горлача, а вынырнул еще и второй. Заинтересованное лицо... Очень возможно, что и заинтересованное. Впрочем, не исключено — просто однофамилец, фамилия распространенная».

— Знакомая фамилия, — сказал он равнодушно. — У этого вашего начальника цеха случайно нет сына?

— Олег? Шалопут, а не сын. Учился в политехническом, выгнали. Что-то там по женской линии перестарался. Теперь баклуши бьет, усевшись на отцовскую шею... Где это вы успели о нем услышать?

— Не помню. Кажется, тоже что-то по женской линии. Парень, видимо, пижонистый.

— Видел как-то. Красавец. Может, отсюда и беда, если в голове негусто.

Из фургона разгружали мешки. За углом столовой, пристроенной к помещению дирекции, не было видно, куда их относили. Гаркавый сказал, что как раз там находится склад сырых материалов и путанку, наверное, сейчас взвешивают. Директор явно повеселел и теперь смотрел на Гафурова более дружелюбно.

— Работа у вас непоседливая, — посочувствовал

он майору. — Наверно, натворил беды этот водитель, если вы за ним даже сюда примчались. Сбил кого-нибудь?

— От вас, Дмитрий Егорович, ничего не скроешь, — усмехнулся Гафуров. — Насквозь видите. Сбил, чертов сын, и надеется замести следы. Кроме того, хочу посмотреть, что он «запланировал» на обратный рейс.

— Калымщик?

— Вот-вот. Ну, фургон уехал, нам осталось убедиться, что привез он именно путанку. Меня она, конечно, не интересует, но такой у нас порядок. Сделайте это сами, только как-нибудь так, словно мимоходом. И вот что, Дмитрий Егорович: обо мне и вообще... одним словом, молчок. А то знаете, как бывает: вы — Лойко, Лойко — еще кому-то, и испортим все дело.

Директор, припадая на одну ногу, вышел. Майор доверял фронтовику Гаркавому, но все же не хотел до конца посвящать его в свои дела. Из многолетнего опыта знал, как иногда одно лишнее слово ломает даже самую продуманную в деталях операцию, а тут, как любит говорить Павелко, все еще вилами по воде писано...

Гаркавый вернулся бодрый. В каждой руке держал по бутылке лимонада.

— Путанка согласно накладной! — воскликнул он. — Лучше, чем я надеялся. Живем! План, знаете, серьезный товарищ, юмора не признает. Выпьем холодного лимонада, майор? Даже бутылочки запотели!

Гафуров, сославшись на капризы желудка, отказался. Ему хотелось не столько пить, сколько есть, и он позавидовал Димке Чижику, который, наверное, успел уже позавтракать в какой-нибудь харчевне.

— Рад был познакомиться, — сказал Гаркавый, не слишком смутившись отказом гостя. — Прощевайте.

«Боюсь, Дмитрий Егорович, наше знакомство придется продолжить, — подумал Гафуров. — Как раз радости я не гарантирую».

Тем временем Гринько был на Матросской, 22. Еще зимой, когда фургон Валиева потерпел аварию на Самарском шоссе, Гафуров поручил Павелко проверить, существует ли на самом деле женщина, на которую

ссылался шофер. Женщина существовала. Майор не придал тогда значения случаю на шоссе и ограничился самым фактом ее существования, не поинтересовавшись даже фамилией. Потому-то Гринько пришлось звонить Павелко. Память у старшего лейтенанта, как известно, была феноменальной.

— Тамара Сташевская, — сказал он, ни минуты не задумываясь. — Ты сразу ее узнаешь. Большие черные глаза, а на щеках ямочки. Типичная украинская Оксана.

— Оксана все-таки или Тамара? — переспросил Гринько.

— Тамара, тупая твоя головушка, Тамара. С тобой, Гриня, лучше всего говорить протокольным языком, — съехидничал Павелко. — Ну, как там у вас дела? Где шеф?

— Велел кланяться, — сказал Гринько. — Приглашал на вареники с вишнями. В собственные апартаменты. Не перепутай: меня приглашал, не тебя.

— Не говорил, чтобы я приехал?

— Говорил. Вызвал бы, мол, Павелко, да боюсь, все дело испортит.

Гринько решил, что достаточно отомстил старшему лейтенанту за его ехидство, и поспешил повесить трубку.

Сташевская оказалась именно такой, как описал ее Павелко. А мальчуган, который прижимался к ней, был точной копией Валиева.

«Тут трудно ошибиться, — подумал Гринько. — Что же их связывает? Любовь или расчет? Семья, а живут врозь».

— Здравствуйте, Тамара, — приветствовал он ее. — Тенгиз дома?

В глазах женщины мелькнуло удивление.

— Что-то я вас не помню.

— Это не удивительно, — Гринько широко улыбнулся и подмигнул мальчику. — Впервые видимся. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Если знаете Тенгиза, то должны бы знать, что он тут не живет.

— Ваша правда. Где он живет, я знаю. Знаю, однако, что и здесь он не чужой человек. Сесть не пригласите?.. Вот что, Тамара, времени у меня в обрез, поэтому не будем играть в прятки. Я оперуполномоченный Гринько, вот мое удостоверение.

Сташевская отшатнулась.

— Что с Тенгизом?

— А почему вы решили, что с ним что-то случилось?

— Так ведь, — неуверенно начала она, — милиция зря не будет интересоваться.

— Вы правы. Справляться о здоровье вашего мужа нам вроде бы и ни к чему. Раз мы уж, как вы метко выразились, интересуемся им, то для этого существуют серьезные причины. Вы знаете, чем занимается Тенгиз?

— Ш-шофер... На ф-фабрике, в областном городе.

— А еще?

Сташевская молчала. Мальчик дергал ее за юбку, просился на руки, а она не сводила перепуганных глаз с Гринько.

— Не знаете или не хотите говорить? Тогда я вам скажу. Тенгиз Валиев замешан в преступлении, которое сурово карается законом, — в хищении социалистической собственности. И вы это знали!

— Нет! Клянусь, нет!

— Но догадывались. Разве не так?

— Н-не знаю. — Сташевская смутилась. — Иногда мне казалось...

— Что он на удивление много зарабатывает?

— Да. Тенгиз сердился, когда я спрашивала. Я, говорит, шофер, а шофер всегда при деньгах. Если у него на плечах голова.

— Тамара, — Гринько глянул в окно, — вы любите его. Помогите мне. Не скрою, наказания он не избежит, но смягчить его судьбу еще не поздно. Скоро он придет сюда...

В глазах Сташевской вспыхнула радость и сразу же угасла. Мальчик все еще теребил ее за юбку, женщина прижала его к себе, тихо заплакала.

— Что я могу?

— Много. Вы имеете на него влияние. Уговорите, чтобы он прислушался к моему совету, не сотворил еще чего-нибудь.

Послышался рокот мотора.

— Он, — сказал Гринько. — Решайтесь, так будет лучше.

Валиев вошел без стука, чуть ли не бегом.

— Салют, Тамарка! — крикнул с порога. — А что это мы плачем? Сынок, это ты обидел маму? А ну, признавайся! — Заметив Гринько, нахмурился. — Что тут происходит? Ты кто такой? Ты что тут делаешь?

Гринько сделал шаг, отрезая Валиеву дорогу к двери.

— Слишком много вопросов, — сказал он. — Но все законные. Потому и отвечаю: моя фамилия Гринько, я из уголовного розыска, жду вас, Тенгиз Валиев. Поговорим?

Продолговатые глаза Валиева спрятались в щелках век. Какое-то мгновение он колебался, не зная, как себя вести, затем полоска черных усиков поползла вверх, что, вероятно, означало усмешку:

— Поговорим.

— С этой минуты, Тенгиз Валиев, вы задержаны, — сказал Гринько. — Вам будет предъявлено обвинение в хищении социалистической собственности, использовании в корыстных целях государственного транспорта, покушении на жизнь гражданки Полищук. Всего не перечислишь, да и не моя это задача. Говорю вам лишь для того, чтобы вы знали: нам известно все, отпираться бессмысленно.

Всего лишь на секунду отвернулся младший лейтенант, чтобы глянуть в окно — показалось, что кто-то направляется к дому, и тут же услышал отчаянный крик Сташевской:

— Тенгиз!

Одним прыжком Гринько оказался около Валиева и вывернул ему руку. Звякнул о пол нож.

— Э, голуба, так не годится. Мы же условились поговорить. Симпатичная финочка. Сам смастерил? Спасибо вам, Тамара, что уберегли его еще от одной глупости. Он и так наделал их больше, чем нужно.

— И ты с ним заодно! — взвизгнул, упираясь, Валиев.

— Тихо! Кому говорю? Горячая кровь... Остынь! Я же могу и рассердиться. — Гринько спрятал финку в карман, а вместо нее вынул сопелку из вербы. — Сына бы постыдился! Не бойся, мальчик, папка пошутил. Бери дудочку, вот так. А ну подуй! Ах, как поет. Ну, убил бы ты меня, Валиев, и была бы тебе высшая мера наказания. Благодарю жену, она у тебя умница, да дураку досталась. — Инспектор вздохнул. — А чтоб не было между нами больше недоразумений... — Гринько открыл окно и свистнул. Из-за кустов смородины в палисаде выступили два милиционер. Он махнул им рукой, мол, все в порядке, и повернулся к Валиеву. — Как видишь, я тут не один. Продолжим наш разговор.

— Не о чем нам говорить. Все брехня! Поклеп! И вообще, пусть Тамарка выйдет.

— Да нет, вместе начинали, вместе и закончим. А разговор у нас, Валиев, будет такой. Слушай и мотай на ус...

4

На брошенный хутор Лыськи прибыли в сумерки. Валиев привел к полуразрушенной саманной хате, над которой сохранился кусок почерневшей от дождей камышовой крыши. Под кучей гнилой соломы обнаружилась крышка.

— Тут?

Валиев молча кивнул. Вид у него был жалкий. Кудрявый чуб свисал на лоб грязными клочьями, глаза запали.

Майор Гафуров подозвал понятых и приказал Гринько откинуть крышку. Из погреба пахнуло смрадом и сыростью. Вниз вела деревянная лестница. Выделенные начальником Самарского горотдела милиции оперативники столпились около лаза, тихо переговариваясь.

— Слушайте и смотрите, — сказал Гафуров понятым, молодым супругам, которые чувствовали себя несколько растерянно в необычной для себя роли. — Потом подпишете протокол. Валиев, что в погребе?

— Мешки. Три штуки.

— А в мешках?

— В двух — шерсть в конусах, японского и бразильского производства, в третьем — акрил в бобинах, тоже импортный. Откуда именно, я не помню...

Гринько выскочил из погреба, переводя дух, словно вынырнул из воды. За ним выбрались понятые.

— Ну и тайничок, черт бы его побрал! — воскликнул Гринько. — Очуметь можно. Там три куля, товарищ майор. Завязанные. Еще кадка в углу, на дне остатки гнилой капусты под гнетом. Видно, от бывших хозяев этой халупы осталась. Вот она и смердит.

— Крышку на место. Притрусите. А теперь, товарищи, по местам! Курить запрещаю. Сержант, задержанного отведите к машине. Понятых прошу за мной.

Милицейский «газик» стоял за развалинами с таким

расчетом, чтобы его нельзя было заметить с дороги, «Волга» Чижики — за кустами терна.

Час назад, когда стало ясно, что в перспективе вырисовывается бессонная ночь, Гафуров приказал Димке двигать домой, но встретил такой умоляющий взгляд, что в конце концов заколебался.

— Не имею я больше права держать тебя тут, — сказал он. — Мало того, что на работе выругают, так еще родители твои... Они же не знают, куда ты запропастился. Да и знали бы — немного радости.

Димка подумал, что родителям как раз не помешало бы знать, потому что они никак не могут понять, что сын давно вырос. До сих пор обращаются с ним как с ребенком.

— Хорошо, — махнул рукой майор. — Домой поедешь утром. Но имей в виду: язычок на крючок.

Так Чижики оказался в Лыськах.

— Это тот, за кем мы гнались? — шепнул он, показывая на Валиева.

— Тот, Дима, тот. А что?

— Обычный.

— Конечно, — сказал Гафуров. — Обычный. Рога у них не растут. А только этот обычный сегодня пытался пырнуть Гринько финкой.

Чижики невольно оглянулся вслед Валиеву и искал глазами Гринько. «Ловкий мужик, — с завистью подумал он. — И, наверно, смелый — финки не побоялся. А если бы на меня?»

Понятые разместились на заднем сиденье и сразу же зашептались. Видно, их тоже заинтересовало ночное приключение, и теперь они делились впечатлениями. Чижики, не зная почему, подмигнул им. «А что, если попроситься? — вдруг подумалось ему. — Возьмут или нет? Конечно, в милицеевских делах я мало что смыслю, но ведь шоферы и им нужны. Работать в милиции, конечно же, интересней, чем возиться с пассажирами. Особенно когда сядет такой себе франт, что и смотреть противно».

Над степью сгустилась ночь. Ветер шелестел шершавыми кукурузными листьями, раскачивал акации на бывшей хуторской улице. Вдали, над оврагом, висел щербатый месяц. Убаюкивало.

Гафуров тем временем думал о Валиеве. За долгие годы службы в милиции он насмотрелся на преступников самого разного рода. Одни, даже убедившись, что

проиграли, все отрицали, вели себя нагло, надеясь таким образом скрыть собственное бессилие; другие пытались выгородить себя за счет соучастников; третьи впадали в транс, добавляя этим немало хлопот следствию. Были и такие, у кого хватало здравого смысла понять, что только искреннее признание может облегчить их участь.

Тенгиз Валиев вызывал у майора острое чувство отращения. Конечно, не тем, что быстро «сломался» и дал согласие показать тайник на хуторе. Этому можно было только радоваться. Гафурова поразило другое. В горотделе, куда Гринько привез Валиева от Сташевской, между ними состоялся такой разговор:

— Вы уверены, что начальник цеха Горлач сам придет за грузом?

— До сих пор не боялся.

— Он знает, что сын арестован?

— Олег? — Валиев презрительно фыркнул. — Теперь ясно, почему я не застал его у Валентины. Туда ему и дорога!

— Что ж вы так... о своем приятеле?

— Плевать я хотел на таких приятелей! Очень ему все легко давалось. Деньгам цены не знал, сыпал налево и направо... Где вы видели такого придурковатого? — Валиев хихикнул и вдруг дернулся: — Так это он? Он меня заложил? Ах ты ж...

— Оставьте эмоции, — сказал майор. — Его я еще и в глаза не видел. Легче стало?..

«Волчьи законы, — думал сейчас Гафуров. — Деньги, деньги... А еще говорят, будто у преступников существуют свои законы чести. Вот она, эта честь! Нет, нет у этих людей человеческой чести. Затоптана она в грязь, изувечена. Ради наживы готовы один другому в горло вцепиться. Он, видишь, знал цену деньгам. Каким? Своим горбом заработанным или украденным у честных работяг, у государства?»

А Димка Чижик не заметил, как заснул. Дали знать себя дорога, необычные переживания. Но и во сне он был на посту. Будто бы приказали ему залечь на краю дороги: «Охраняй! Твоя задача — подать знак. Ты хоть и чижик, но должен временно обернуться кукушкой. Сумеешь?» Димка заверил, что постарается, и все сделал на совесть, за что получил... тумака под бок.

— Дима, включай фары! Ну, что ж ты...

Чижи́к захлопал глазами, вглядываясь в напряженное лицо Гафурова, спросонок ничего не понял, однако послушно потянулся рукой к щитку.

Свет ударил между разваленных стен, выхватив черный квадрат открытого лаза, около которого, словно в стоп-кадре на киноэкране, застыли две фигуры. В то же мгновение их окружили оперативники во главе с Гринько. Все совершилось в полной тишине, было даже слышно, как в траве стрекочут цикады.

Димка выскочил из кабины вслед за Гафуровым, сгорая от стыда.

— Товарищ майор, сам не знаю, как сморило. Не думайте, что я слабак, я могу трое суток не спать. Слово чести!

— Верю, Дима. — Гафуров усмехнулся. — Но признаться, впервые слышу, чтобы люди во сне куковали. Зови понятых!

Майор шел к саманке медленно. В конце концов он мог себе это позволить. Позади был и сумасшедший день, и ночь, множество сомнений, напряжение нервов. «Главное сделано, — думал он, — пташки сами прилетели в клетку. Теперь и Полякову не открутиться. Завтра, Григорий Семенович, поговорим в досталь по душам».

Не знал Гафуров, что в полдень труп Полякова отвезли в морг, не знал и о несчастье с Ванжой. Дело обрастало новыми событиями и ставило перед работниками милиции новые загадки и задачи. Павелко не успел сказать этого Гринько во время недавнего разговора по телефону. Много чего не знал майор Гафуров. Но одно знал наверняка: фирме Горлача пришел конец.

Свет автомобильных фар проложил в темноте дорожку через нетронутые бурьяны, обвитые плющом руины, в лучах кружились насекомые, золотистая пыльца, которую он сбивал ботинками, направляясь к группе людей, столпившихся вокруг откинутой крышки погребка.

— Сам начальник цеха Александр Ефимович Горлач! Будем знакомы — майор Гафуров... А это кто с вами? Экспедитор Лойко? Вдвоем? Я думал, вас будет больше. Мешки вытянули? Ваши водолазки даже снились мне. Ужасно хотелось взглянуть, где вы их изготавливаете. Надеюсь, покажете? Вот только выполним некоторые формальности...

СТЕКЛЯННЫЕ ГЛАЗА

1

Привезли из Песчаного отца Ванжи — Василия Михайловича. Панин никогда не видел старика, однако узнал его с первого взгляда. Очень они похожи были с сыном, даже усы одинаковые, рыжие, с острыми кончиками, правда, в плечах Василий Михайлович обошел сына, да и голова была большая, на жилистой обветренной шее.

— Вы Панин?.. Сказывал мне Василь про вас. Говорите правду: живой?

— Живой, Василий Михайлович, живой ваш сын. Хоть и не скажу, что здоровый. В тяжелом состоянии он, иначе мы вас и не тревожили бы. Садитесь, поедem прямо в больницу.

Какое-то время ехали молча. Уже когда повернули на Щорсовскую, Василий Михайлович заговорил глухо, словно через силу выдавливал из себя каждое слово:

— За правду спасибо. Ваш сержант вокруг да около ходил, а мне нужна правда, какая бы она ни была. Несчастный случай?

Панин задержался с ответом.

— В нашей работе всякое бывает, Василий Михайлович. Врачи уверяют, что самое худшее позади. Главное, что ваш сын — хороший парень. И свою службу знает. Год-два — и будет из него классный специалист.

«Что я мелю? — укорял себя капитан, прижимая машину вплотную к ограде больницы. — Это же отец! Ему не такие слова необходимы. А какие? Откуда мне знать. Просто удивительно, какие мы порой бываем беспомощные, не умеем ни утешить, ни посочувствовать горю».

Дежурила Савчук. Пряча глаза за толстыми стеклами очков, она заверила, что не имеет представления о больном по фамилии Ванжа, и высказала предположение, что «товарищ капитан перепутал больницы». Панину очень хотелось сказать Савчук, что актерских данных ей заметно не хватает. «Савчук, Савчук... Ну, конечно, это жена главного редактора радиокомитета. Ярош приезжал к ней за очками. Когда это было? Кажется, в прошлый понедельник. Между прочим, будь звукорежиссер на самом деле причастен к делу «шерстянников», ему ничего не стоило бы узнать о состоянии

Ванжи. Как это Очеретный выпустил из рук такой козырь?..»

Панин улыбнулся и позвонил домой Белогусу:

— Игорь Игнатьевич, я тут вроде жертвы собственного распоряжения.

— По вине и наказание, — проскрипел Белогус. — Добрые люди в воскресенье отдыхают.

— Справедливо, Игорь Игнатьевич. Признаться, мечтаю о пляже. Но тут приехал отец лейтенанта Ванжи. Передаю трубку товарищу Савчук...

Ванжа лежал напротив ординаторской в отдельной палате. Савчук приказала подождать и исчезла за дверью. Стекло было зашторено.

— Василий Михайлович, — воспользовался Панин тем, что они остались наедине, — к вам будет просьба. Прислушивайтесь, вдруг сын что-нибудь скажет. Знаете, как это бывает... ненароком, даже в бреду. А для нас сейчас каждое его слово...

Прокуренные усы на почти окаменелом лице старого Ванжи дрогнули, и капитан понял, что за внешним спокойствием Василия Михайловича кроется глубокое волнение, которое он изо всех сил старается скрыть.

Вышла Савчук.

— В палате поставят для вас кровать. Будете все время с сыном. Но никаких эмоций. Спокойствие и тишина. Договорились? Прошу.

Панин хотел тоже хотя бы на минутку протиснуться в дверь, но Савчук бесцеремонно оттеснила его плечом. Он успел увидеть лицо лейтенанта и не сразу понял, что это лицо — такое оно было неестественно белое. Сердце Панина болезненно сжалось.

В больнице было тихо и прохладно, и все же, выйдя на двор в дневную жару, Панин облегченно вздохнул. Солнце стояло в зените, на землю падали короткие тени. Около крыльца опиралась на костыли какая-то девушка. Капитан скользнул по ней взглядом и узнал Юлю Полищук.

— День добрый, Юлия Вацлавовна! — поздоровался Панин. — Вы, я вижу, уже в строю. Пошло дело на поправку?

Юля обернулась. Зеленоватые глаза глянули на капитана с удивлением и, как ему показалось, неприязненно.

— О, сам товарищ Панин! Какая честь! А впрочем, я, наверное, не имею права называть вас товарищем?

— Вам виднее.

— А где же ваш Гринько? До сих пор это было его обязанностью — следить за каждым моим шагом.

Панин почувствовал, как в нем нарастает раздражение.

— Гринько вы должны бы благодарить, — сказал он. — Младший лейтенант не следил за вами, а охранял, и если бы не он...

Юля смутилась.

— Извините. Очень вы неожиданно появились, вот я и подумала... Выписали меня, а такси не пришло.

— Что же за вами никто из родных не приехал?

— А я им не сказала. Не люблю, когда со мною возятся. «Доченька, золотко, крошечка...» Надоело! Они ко мне собираются, а я сама домой. Чем не сюрприз?

«Твоими сюрпризами они уже по горло сыты», — подумал капитан.

— Могу подвезти, — предложил он. — Я тут на машине.

— В милицию?

— Зачем же? К вам домой, на улицу Постышева.

Уже когда сидели в машине, Юля расплакалась:

— Я знаю, виновата, кругом виновата. Судите... Что случилось, того уже не вернешь. Но найдите того, кто погубил Нину! Слышите? Она мне каждую ночь снится. Если бы вы знали, как я ей завидовала! Вы не имеете представления, что такое женская ревность. Я даже Яроша простила ей, другой — никогда бы, а ей простила. Потому что Нина... А может быть, вы уже нашли убийцу? Я б его своими руками...

2

После завтрака отец надумал отремонтировать вентилятор. Долго слонялся по хате, пока со зла плюнул.

— Поля, сознайся, ты спрятала отвертку?

— Делать нечего. Вон твоя отвертка, под шкафом. Что затеваешь?

— Вентилятор гремит?

— Ну и пусть гремит! — Мать понизила голос. — В шахматы сыграли бы, что ли! Как-никак воскресенье. И в конце концов, до каких пор ты будешь на него сопеть?

— Ну, ну, не очень. Тоже мне, сестра милосердия... Славка, где ты там?

Дверь была открыта, и Ярослав все слышал. В первое мгновение он не поверил, что отец на самом деле зовет его. В последнее время они разговаривали, словно чужие. Напрасно он доказывал, что невиновен в смерти Нины, отец в ответ только презрительно кривился:

— Конечно, конечно. Иначе бы я сам отвел тебя в милицию. Только известно ведь, что из черной кошки белой не сделаешь. Хоть мой ее, хоть выкручивай.

Ярослав намеренно приходил домой, когда отец спал или был на заводе. В воскресенье же разминуться не удавалось.

Услышал за спиной:

— Мать говорит: шахматная доска пылью покрылась. Может, засядем?

Благодарно, как когда-то в детстве, ткнулся лицом в жесткий подбородок:

— Спасибо, отец. Давай вечером. Ты же сегодня никуда?

Избегая укоризненного взгляда матери, вышел на улицу. Около павильона «Ягодка», как всегда, толпилась очередь. Пахло дынями. На башенном кране грелись ласточки. Из какого-то окна тихо лилась музыка.

Ярослав шел без намеченной цели. Наугад. Точно так же, не задумываясь, протиснулся в автобус. Лишь после того, как за окном промелькнули корпуса станко-строительного завода, понял, что автобус идет в аэропорт. Там Ярошу делать было нечего, но он уже знал, почему сел именно в этот автобус. Давно собирался, да каждый раз не хватало духу.

...Тут стояла тишина. Необычная тишина. Ветер шелестел сухими венками, в отдалении виднелись люди, над головой настырно гудел шмель, но все это существовало словно бы особо, не трогая густой, почти физически ощущаемой тишины. И земля была тут тяжелой, она притягивала к себе взгляд железным кружевом оград, аккуратными улочками и переулками, которым, казалось, не было ни конца ни краю. Даже время текло здесь незаметно, словно вода сквозь пальцы, и Ярош не мог бы сказать, сколько он просидел на кладбище около зеленого холмика — много или мало.

У Нины была тьма-тьмушая фотокарточек, но не нашлось ни одной, где бы она не улыбалась. Потому-

то из керамического овала на камне смотрели на него веселые глаза. Черные, как отполированный до зеркального блеска гранит. Он знал, что это неправда, — глаза у нее были бархатно-синие, цвета степных васильков, только что сорванных в поле. Нина любила именно их, а не розы, которые ей дарил Ванжа. Это была маленькая тайна Ярослава, он берег ее и посмеивался над лейтенантом.

«Увы, какие мы бываем глупые, пока счастливы! — думал сейчас Ярош. — Но почему люди, чтобы научиться отсеивать зерна от плевел, должны пережить горе?»

Было уже далеко за полдень, когда он, вернувшись в город, поспешил на Чапаевскую. После смерти Нины обходил эту улицу, все тут напоминало ему недавнее прошлое, повсюду слышался ее смех. Впрочем, однажды пересилил себя, пришел, не мог не прийти, да Елена Дмитриевна не пустила и на порог. Лучше бы ударила... Теперь, когда он наконец побывал там, около нее, его неудержимо потянуло сюда. Захотелось еще хоть раз посмотреть на дом Сосновских, а хватит смелости, то и наведаться к Елене Дмитриевне. Может, на этот раз не прогонит?

Тут, в городе, небо было низкое, в рыжих клочьях. В вишневых зарослях сводили счеты воробьи. Напротив дома Сосновских стояли расцвеченные свадебными лентами легковые машины. В саду играл аккордеон.

Ярош неожиданно почувствовал необъяснимый гнев на этих людей. Цветные ленты раздражали взор. Ускорил шаги, чтобы ничего не видеть и не слышать, одновременно стыдясь этой поспешности и собственного гнева. И чем ближе была знакомая калитка, тем больше охватывало его сомнение. Не знал, что скажет Елене Дмитриевне и нужно ли вообще что-либо говорить. Может, его слова, само его появление будут как соль на живую рану. Так стоит ли лишний раз терзать материнское сердце?

3

Руководители Самарского горотдела милиции чувствовали себя скверно. Особенно переживал коллега Гафурова начальник ОБХСС майор Максютя. На областных совещаниях его сотрудников до сих пор ставили в пример, самого приглашали поделиться опытом, а

тут — на тебе! Почти год, можно сказать, у него под носом, поскольку здание промкомбината было видно из окна кабинета Максюты, в городе действовала частная фирма по производству водолазок. И это на государственном предприятии! За многие годы службы в органах милиции ничего подобного он не помнил. Дело вырисовывалось громкое и лавров Максюте не обещало. Из области понаехало столько начальства, что пришлось забыть о сне и отдыхе. Никто пока еще прямо не укорял Максюту, слишком много было неотложных хлопот, однако по тому, как холодно, словно и не были они прежде на короткую ногу, разговаривал с ним городской прокурор, майор почувствовал, что над ним собираются грозные тучи.

— Ты только подумай, — жаловался он Гафурову, — проклятыми водолазками в Самарске и не пахло. Спекулянтов, конечно, хватает. Где дефицит, там и они. А о водолазках... ну, хоть бы какой-нибудь паршивенький сигнал!

— Не такие они дураки, чтобы тут же сбывать левую продукцию, — заметил Гафуров. — Лисица и та хвостом след замечает.

Максюта гневно фыркнул.

Гафуров сочувствовал Максюте, хотя, как специалист, не мог до конца и оправдать. Водолазок в Самарске и на самом деле не было, но, как теперь выяснилось, прошлой осенью дежуривший на городском рынке милиционер задержал вязальщицу промкомбината Гаврюшину, которая из-под полы продавала импортную шерсть в фабричных конусах. Сам по себе случай был мелкий, Гаврюшину оштрафовали, даже не поинтересовавшись, откуда у нее товар. А между тем такой шерсти в магазинах не было, Гаврюшина вынесла ее из комбината. Более того, именно она была старшей в так называемой экспериментальной бригаде из пяти работников, которые заодно изготавливали и водолазки. За каждое изделие, кроме месячной зарплаты, они получали от Горлача по два рубля. Гаврюшиной Горлач сказал: «Красная цена вашей работе — рубль. Второй плачу за молчание. Так и передай своим товаркам».

И они молчали. Теперь плакали, уверяя, что сперва ничего плохого не подозревали. Начальник цеха даже премиальные выплатил за освоение новой продукции. Потом начали догадываться, что дело нечистое. За водолазками при них никто не приходил, но наутро они

куда-то исчезали. На производственных собраниях о них никто не вспоминал, на стендах около помещения дирекции, где можно видеть всю продукцию промкомбината, водолазкам не нашлось места.

Однажды Гаврюшина пошла за объяснениями к Горлачу и вернулась ни жива ни мертва: «Беда, девчата! Начальник сказал: прикусите языки. В случае чего я, мол, выкручусь, за меня есть кому словечко замолвить, а вам — хана».

Вот тогда и испугались не на шутку. Но постепенно привыкли, а когда кончалась пряжа и приходилось выполнять обычную плановую работу, даже потихоньку сетовали, подсчитывая «убытки» в бюджете.

Трудно сказать, думал Гафуров, призналась бы Гаврюшина еще тогда, если бы Максюта не ограничился штрафом, а заинтересовался ее особой, заглянул на комбинат. Может, это ничего и не дало бы, да кто знает наверняка. Пока человек окончательно не растопчет в себе достоинство, совесть сильнее страха.

Старший следователь по особо важным делам Марков был известен как человек на редкость энергичный, но и придиричивый. И все же Марков вряд ли придавал бы особенное значение случаю с Гаврюшиной, если бы начальник ОБХСС сам сообщил следователю этот факт. К сожалению, Максюта забыл это сделать или, может, побоялся, а Марков, допросив Гаврюшину, вцепился в него теперь мертвой хваткой.

Кого было по-человечески жаль Гафурову, так это директора промкомбината Гаркавого. Вызванный среди ночи из дома, он ходил по трикотажному цеху словно во сне. Когда Горлач показал плоскофанговые машины ПФ-10, на которых изготавливались водолазки, Дмитрий Егорович долго не мог вымолвить ни слова.

«К-какие водолазки? — наконец выдавил он из себя, заикаясь. — Что за глупые шутки, Александр Ефимович? Не далее как позавчера вы уверяли меня, что только начинаете осваивать новое изделие... Вы еще обиделись, когда я заметил, что слишком медленно разворачиваетесь. Как же это?..»

Казалось, он все еще не понял, для чего нужна эта ночная экскурсия по комбинату и что делает тут милиция во главе с чернявым майором, который еще недавно вежливо сидел у него в директорском кабинете и интересовался каким-то шофером. Когда же экспедитор Лойко, избегая глаз Горлача, буркнул: «Вы как знаете,

а я скрывать не собираюсь, теперь это уже ни к чему», — и повел «экскурсию» на склад, где на чердаке в отгороженном фанерой тайнике оказался еще один «склад» — краденой пряжи и готовых водолазок, у Дмитрия Егоровича подкосились ноги.

Врач «Скорой помощи» констатировал инфаркт. Сердце фронтовика не выдержало потрясения. Утром Гафуров поинтересовался состоянием Гаркавого. Ему ответили: «В старину в таких случаях говорили: на все воля божья». Майор подумал о Гальченко. Наверное, Николая Артемьевича и таким ударом не свалишь с ног, но все же горек директорский хлеб, когда за спиной действуют Горлачи и Поляковы. Не знал? Недоглядел? Это можно сказать следователю. А себе? Собственной совести?

4

Лейтенант Ванжа шел берегом Самары. Кусты верболаза подступали вплотную к воде, змеинными извивами свисали подмытые корни, коричневатые-черные в сумраке, опускающемся на речку с померкшего неба. Тайно лепетали камыши, уже невидимая на темно-оловянном плесе плескалась рыба.

Еще минуту назад на Ванже был мундир с погонями, фуражка и сапоги, но вдруг он понял, что ступает по воде босиком. Вода теплая, как парное молоко, а песок щекочет пальцы. И вообще никакой он не лейтенант, а длинноногий мальчишка с хутора. Это потом, в будущем, он станет лейтенантом и заведет себе усы, точно такие же, как у отца или деда, которого Василь почти не помнил, разве что его усы. Все мужчины у них в роду были русыми, и все носили пшеничные усы. Было удивительно видеть свою жизнь сразу в оба конца, словно оказался он сейчас где-то посередине между тем, что было, и тем, что будет, но и то, что будет, уже было, и это он воспринимал как должное.

Тем временем темнота сгущалась, а Ванжа шел, раздвигая ее грудью, все дальше и дальше. Он не знал, куда и для чего, однако осознавал, что так нужно. Внезапно открылось болото. Заквакали лягушки. Какой-то голос шепнул ему, что это и есть его цель. На западе еще рдела полоска неба, но вот и она погасла, зато над лесом, прямо из его чащи стал всплывать месяц. Верхушки сосен цеплялись за месяц, закрывая свет, и

все же он пробился сквозь завесу и упал на болото. «Будь внимателен, — шепнул Ванже тот же голос. — Настал твой миг».

И он увидел, как среди болота мягко, с легким всплеском из воды вытянулась черная почка. Почка лопнула, словно ее располосовал невидимый нож, из нее вырвался слепящий факел огня, затрепетал, распался на лепестки, и на воде закачалась громадная, невиданной красоты лилия. «Чего же ты стоишь?» — услышал Ванжа и стремглав бросился в болото. В сумасшедшем ритме колотилось сердце, ноги увязали в мягком иле, но он знал, что не должен бояться, потому что его оберегает какая-то сила, которая привела его сюда. Стебель был плотный и ломкий, а хруст показался стоном. «Зачем я это сделал?» — билась болезненная мысль, а ноги уже несли к берегу, а руки крепко держали, словно зонтик, над головой лилию, которая колыхалась и дышала на него пьянящим воздухом.

Берег был уже близко, когда там, широко раскинув руки, будто собрался с кем-то поиграть, из темноты выступил черный человек со стеклянными глазами, и от его хохота содрогнулись окружающие камыши. «Глупый мальчишка! Лилии захотелось? Я знал, ты прибежишь за ней! Ты не мог не прибежать!»

Черный человек был знаком Ванже, где-то они уже встречались, наверное, в той, будущей жизни, когда он вырастет и станет лейтенантом. Стеклянные глаза пылали зловещим огнем, лицо расплывалось, как маска, на которой невозможно что-нибудь разглядеть.

«Я не выпущу тебя из болота! Несчастный мальчишка, ты погибнешь вместе со своей лилией, а я буду жить, буду жить, буду жить! Ха-ха-ха!»

И тогда Ванжа вдруг вспомнил, что умеет летать. По правде, это снилось ему в детских снах. Но ведь можно попробовать! Он подпрыгнул над водой, взмахнул руками и... полетел. Далеко внизу осталось болото, месяц плыл на одной с ним высоте, совсем рядом, его можно было положить на ладонь; тело было пружинистым и легким, словно перышко. Но вдруг он увидел, что у лилии осыпаются лепестки, один за другим они летели вниз, как белые птицы; тело отяжелело, руки перестали слушаться. Ванжа больно ударился о землю и увидел два зловещих огонька.

«Стеклянные глаза...» — обессиленно прошептал он.

Через несколько минут сотрудник милиции дозво-
нился до Панина.

— Товарищ капитан, он заговорил!

— Ну-ну, чего тянешь! — Панину изменила вы-
держка. — Что он сказал?

— Он сказал: «Стеклянные глаза».

— И это все?

— Все, товарищ капитан. Василий Михайлович уве-
ряет, что очень четко сказал: «Стеклянные глаза...»

— Немного. Сам-то он как?

— Без изменений, товарищ капитан. Но я так ду-
маю, раз заговорил...

— Ты как думаешь, — перебил Панин. — А врачи?

— Врачи ругают.

— Кого?

— Меня ругают. Чтоб не приставал с расспросами.
Особенно этот, главный. Зверь! Только у очкастой и
можно что-нибудь узнать, у Савчук. Очень вы ей понра-
вились, такой, говорит, интеллигентный капитан.

— Благодарю за комплимент. Как ты сказал? Очка-
стой? Интересно. Может, стеклянные глаза — это очки?
Как ты думаешь?

— Не знаю, товарищ капитан. Допустить можно.
Но ведь сказано было в бреду.

— Я вижу, твое любимое словечко — «но». Скепти-
ческий склад ума — это уже кое-что.

Панин повесил трубку и пошел к Журавко. Пол-
ковник стоял у окна и слушал майора Сироконя. Тот
докладывал о завершении строительства нового здания
райотдела милиции на Щорсовской. Докладывал без
особого энтузиазма, было видно, что это строительство
уже сидит у него в печенках.

— Ты скажи прямо, — требовал Журавко, — когда
сможем переехать?

— Гаражи не готовы.

— Черт с ними, с гаражами. Транспорт пока что тут
будем держать. Ты связь обеспечь, это главное. Ме-
бель всю завезли? Завтра сам проверю. Переселяться
придется в воскресенье.

— За день не успеем.

— Нужно. Ночь не поспим. Все. — Журавко гово-
рил прерывисто, не скрывая утомления. Под глазами
набухли синие мешки. — К слову, и партсобрание про-
ведем в новом зале. Осточертело тесниться, да еще в
жару.

— Только и радости, что скоро конец моим мукам, — вздохнул Сироконь. — Так я пошел?

Панин рассказал о звонке из больницы.

— Может, в этом и есть какой-нибудь смысл, только что он нам дает? Людей в очках в городе десятки тысяч. — Полковник задумался, потушил недокуренную папиросу и швырнул ее в урну. — Некому ремнем отстегать: самому гадко, а вот никак не брошу... Ты, Олекса, все же распорядись, чтобы искали таких, кто носит очки в окружении Полякова. Мало ли что!.. Как там в Тимирязевском?

— Нуль, Сергей Антонович. Осмотрели, кажется, каждую щелочку. Дом, гараж... Больше нигде. Неужели убийца успел? Не верю.

— А может, и он и мы ищем химеру?

Панин промолчал.

5

Кабинет Ремеза находился на втором этаже, как раз под «теремком». Здание райотдела сооружалось еще до войны, на звукоизоляцию грех жаловаться, но все же раньше Ремез иногда слышал над головой шаги, особенно когда к Ванже забегал младший лейтенант Гринько. Как-никак девяносто килограммов живого веса.

В последнее время наверху было непривычно тихо, и эта тишина словно напоминала следователю, что инспектор Ванжа лежит в больнице, в то время как человек, который напал на лейтенанта, гуляет на свободе.

Протоколы допросов подследственных поодиночке, а также на очных ставках Ремез знал почти наизусть, но все же перечитывал их снова и снова, делал пометки в блокноте, готовил поручения сотрудникам розыска. Кладовщица Уманская, учетчица Маковец, охранник Локотун и шофер Валиев охотно давали показания. Один лишь Олег Горлач наотрез отказался отвечать на вопросы следователя и писал прокурору жалобу за жалобой, обвиняя милицию в произволе, мол, арестовала его во время свидания с любимой женщиной. Когда следователь Марков, который вел дело с водолазками, потребовал, чтобы младшего Горлача передали ему, Ремез не скрывал радости.

Журавко был другого мнения, он считал, что оба дела целесообразно объединить. Но в прокуратуре ска-

зали, что это еще успеется, пусть Марков сначала поработает в Самарске и выяснит все тамошние подробности, связанные с деятельностью фирмы.

Ремез искал расхождения в показаниях своей «четверки» и не находил. «Шерстянники» не скрывали своей причастности к хищениям на фабрике, рассказывали, как это делалось, признавали свою вину и в один голос проклинали Полякова. Следствие продвигалось даже слишком легко, так легко, что Ремез заподозрил некую хитрость. Павелко, с которым он поделился сомнениями, посоветовал:

— Не копай по сухому. Под страхом они жили, понимаешь? Крали и тряслись. И наступил момент, когда не так страшен арест, как его ожидание. Постоянно, изо дня в день. Вот-вот за мной придут, вот придут... Уманская жаловалась, что у нее начали дрожать руки, Маковец спать не могла, а ведь женщины еще молодые... Отсюда и говорливость. За старые грехи все равно отвечать, мол, придется, так хоть на новые не соберемся. Такова психология преступника. И хочется, и колется. — Павелко усмехнулся. — Они к тебе сейчас, как к попу, исповедоваться приходят.

— Знавал я и таких, у кого каждое слово хоть клещами вытягивай, — хмуро возразил Ремез.

— И меня они не миновали, — согласился Павелко. — Двух пальцев одинаковых и то нет. Считай, на этот раз повезло. Меньше мороки.

— У тебя, вижу, целая теория, — иронично сказал Ремез. — Скажи мне, теоретик, почему они так дружно катят бочку на Полякова? Их кто брал — ты?

— Ну, я.

— Не могли они пронюхать, что Полякова убили?

— От кого? Мы тогда и сами не знали. Думаешь, кто-то из них?

— Проверено. Алиби.

— А бочку катят, потому что Поляков — первая скрипка. Понимаешь?

Что ж, это похоже на правду, думал Ремез, листая страницы распухшего дела. Поляков — первая скрипка. Но уже отыграла свое скрипочка!.. Вернутся «задаваки» — жена, дочка, обе, видать, не промах, зубами вцепятся: и это наше, и то не его. Тем временем опись одних драгоценностей заняла целую страницу. Да на сберкнижках, которых оказалось целых четыре, кругленькие суммы. Следствию необходимо определить раз-

меры причиненного государству вреда каждым отдельно.

Ремез искал в протоколах допросов хотя бы малейшую зацепку, которая вывела бы на след убийцы Полякова или Сосновской. Хотелось думать, что это дело одних преступных рук. Марков уверял, что его «фирмачи» не знают об этом.

— Пощупай своих родненьких, — невесело пошутил он. — А мои... Я, знаешь, за сто шагов чую, кто способен на мокрое дело.

При иных обстоятельствах Георгий Ремез и сам был не против того, чтобы пошутить, но на этот раз отмолчался.

Уманская в подробностях рассказала, как создавались излишки пряжи за счет кругловязального цеха, где кладовщицей работала Юля Полищук. На учетчицу Маковец были возложены заботы о том, чтобы ни одна бумажка, спецификации, накладные, особенно же лимитки, по которым списывалась «сэкономленная» пряжа, не вызывали сомнений в бухгалтерии. Товар забирал экспедитор Лойко. Часто это делал шофер фабрики Валиев.

Поначалу Поляков, Уманская, а затем и Валиев действовали втроем. Пряжу вывозили с фабрики небольшими партиями и через соседей и знакомых сбывали по спекулятивным ценам. Как раз в это время разворачивала свою деятельность самарская фирма, которой было крайне необходимо сырье. Отходы кругловязального цеха, так называемую путанку, использовал на фабрике цех товаров широкого потребления, который специализировался на изготовлении носков, рукавиц и другой шерстяной мелочи. Использовал не полностью, потому-то, получив запрос на путанку с Самарского промкомбината, дирекция фабрики обрадовалась.

Обрадовался и экспедитор Лойко. Появилась возможность, так сказать, легально поддерживать производственные связи с солидным, богатым сырьем предприятием. Для начала, думал он, пусть хоть путанка, а там видно будет. Лойко не ошибся, когда повел с заведующим складом соответствующий разговор. Поляков понял его с полуслова.

В тот же вечер обе стороны встретились на берегу Днепра в ресторане «Чайка» и обмыли соглашение. Торг шел долго. Каждый партнер хитрил, ссылаясь на риск, всячески преследовал собственную выгоду. В кон-

це концов была выработана и установлена такса на импортную и отечественную шерсть, путанку, даже на пошивочные нитки.

Наутро Поляков сказал Уманской:

— Хватит размениваться по мелочам. У нас есть оптовый покупатель.

Кладовщица и обрадовалась, и испугалась.

— Это сколько же товару понадобится!

— По товару и деньги. Тысячи... да что там тысячами, десятками тысяч пахнет! Представляешь?

— Опасно, Григорий Семенович. Придется еще больше списывать на круглый, а Юлька и так придирается.

— Заинтересуем. Видела, как одевается? А всякие там фигли-мигли? Такая девка деньги любит. Меня другое волнует. Без учетчицы нам не обойтись, вся документация проходит через ее руки. Я против того, чтобы втягивать новых людей, но дело разрастается, стоит рискнуть.

Алла Маковец была, по мысли Уманской, фатально несчастливой особой, потому что недавно без видимых на то причин ее оставил второй муж. Черты лица Аллы были мелкие, словно выполненные по ошибочно уменьшенному масштабу, однако приятные. Портило их то, что они были постоянно мрачными. Полицук отмечала редкостную жадность Маковец: «За копейку глаза выцарапает», — зато главный бухгалтер фабрики не мог нахвалиться ее умением вести складскую документацию.

Разговор Полякова с учетчицей был на удивление коротким.

— А что я с этого буду иметь? — спросила она, даже не дослушав своего начальника до конца.

— Будешь иметь. На все твердая такса.

Кладовщицу кругловязального цеха Полицук решили запугать. Встретив ее с Ниной в обеденный перерыв, Уманская отозвала Юлю в сторону.

— Очень ты весела, девочка, ничего не знаешь, ничего не ведаешь. Как бы плакать не пришлось. Где смех, там и слезы.

Юля удивленно взглянула на нее:

— Вы как цыганка! Может, и ворожить умеете?

— Не до ворожбы. Алка с самого утра из конторки не вылезит.

— Спецификации выписывает. Мороки с ними, сами знаете.

— Знаю, знаю. И еще кое-что знаю. Выписывает она, да только не спецификации. Недостача пряжи большая. Докопалась, зануда, на нашу голову.

— Что-то вы, тетенька, крутите. Я-то тут при чем?

— А при том, что недостача по твоему цеху!

— Как же это? — всполошилась Юля. — Я ж ничего...

— Как бы не так! Думаешь, чистенькая? Ты же доверчивая, как дитя! Что подсунут, то и подписываешь. Теперь по головке не погладят. Не поверят, что без тебя делалось, не надейся.

И Уманская откровенно рассказала, сколько пряжи за последние месяцы попало не в кругловязальный цех, а за фабричные ворота.

— Ой, тетенька, что же делать? Вы же сами давали подписывать, я и подписывала.

— Давала. Я же не отрекаюсь! Обeim перепадет на орехи. А не хочется в тюрьму, ой, как не хочется! У меня же маленькие дети. Да и ты света белого еще не видела... — Уманская приложила к глазам платочек. — Словом, так: Алку я беру на себя. С Григорием Семеновичем посоветуюсь, он человек суровый, но не без сердца. А ты молчок, особенно Сосновской. Она хоть и подружка твоя, а продаст ни за грош. Бог милостив, как-нибудь выкрутимся.

На другой день, когда Полищук пришла на склад выписывать новую партию пряжи для своего цеха, Уманская шепнула:

— Удалось замять. Живем, девка! Слышишь? Но за-дарма ничего не делается...

И Юля послушно расписалась за пряжу, которой и в глаза не видела.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Уманская. — Умница! Покорное телятко двух маток сосет. До сих пор текло, как говорят, да в рот не попадало, а теперь и ты внакладе не будешь. А пряжу раскинешь на все участки понемногу, никто и не заметит.

Это было осенью, с тех пор Полищук не раз подписывала сомнительные бумажки и получала за это наличными, а в конце мая к ней прибежала Нина Сосновская:

— Юля, ой, не могу... Что я слышала!

Кладовая Юли помещалась в самом дальнем углу кругловязального цеха под винтовой лестницей. Сама она сидела за обшарпанным столиком, записывала в

журнал выданную вязальным участкам пряжу и мысленно ругала Полякова. Жадность его в последнее время не знала границ, все труднее становилось сводить концы с концами.

— Подожди, не то собоюсь, — сказала Юля. Дощатые стенки кладовой вибрировали, в открытую дверь были видны длинные ряды вязальных станков и зеленая листва цехового дендрария — гордость фабричного начальства. — Так что же ты слышала?

— Страшно сказать! Иду я из бухгалтерии мимо главного склада, захотелось глянуть на ласточек. Помнишь, весной видели, как ласточки воробья выбрасывали — нахал в чужое гнездо залез. Теперь там желторотики, смешные-смешные... Загляделась на них, слышу, за углом двое разговаривают. Поляков и еще кто-то. Вполголоса, а мне все слышно, близко стоят. Поляков говорит: «Не мылся, не будет товару. В прошлый раз восемьсот карбованцев зажали, нечестно». Тот, другой, возражает: «Не было свободного капитала. Привез я твой восемьсот». И зашелестели. «Деньги счет любят, — это уже Поляков. — А за товар не волнуйся, сами доставим. Ты тут слишком примелькался».

— Господи, — простонала Юля. — Приснилось тебе?

— Если бы приснилось! Выглянула за угол — тот, другой, уже пошел, со спины увидела, лопоухий такой, приземистый, а Поляков стоит, вслед ему смотрит... Спрашиваю, о каком это вы, Григорий Семенович, товаре говорили? О каких деньгах? Обернулся он да как озверевает: «Следом бегаешь?» Потом засмеялся. «Ты, — говорит, — ежедневно имеешь дело с путанкой, вот у тебя в голове все и перепуталось. Человек долг вернул. Если нужно — и тебе дам займы».

— Видишь! — обрадовалась Юля. — Долг! А ты неизвестно что...

— Какой долг! — Нина сжала маленькие кулачки. — Чтобы получить долг, за углом не прячутся. Речь шла о товаре. А какой у Полякова товар?.. То-то же. Если хочешь знать, я недавно нашу пряжу у перекупщиц видела.

— Разве мало пряжи?

— А я говорю — нашу!

— Я думаю...

— Нечего тут думать. Заявить куда следует, вот и все.

— Не пори горячку, Нина, — заволновалась Юля. — Кто знает, о каком товаре они говорили, вдруг твои подозрения на пустом месте замешаны, а на человека тень упадет.

— Да ты что? У этого человека деньги куры не клюют! Ты знаешь, как он живет? Говорят, у него машина, жена и дочь в брильянтах... Откуда? На зарплату завскладом? Кого защищаешь? Может, ты и сама?

И тут у Юли не выдержали нервы. Она глянула в потемневшие от гнева глаза Сосновской и вдруг закричала:

— Да! Да! Ты угадала! Я тоже! А теперь иди выдавай. Передачки будешь мне носить как самая лучшая подруга юности. Чего же стоишь? Иди!

Юля зарыдала. Нина кинулась ее обнимать:

— Скажи, что это неправда, ну скажи... Ты же все выдумала, Юля!

Юля молчала.

— Значит, правда! — Сосновская посмотрела на нее печально-печально. — Как же я теперь буду жить? — И пошла тихо, словно на цыпочках.

Через час Юля сказала Полякову:

— Все, Григорий Семенович. На меня больше не рассчитывайте.

— Сдурела, девка? — зло вытаращился на нее Поляков. — Назад нет брода. Или напомнить, сколько в твой карман перепало?

— Перепало, Григорий Семенович. От вашей ласки и моей дурусти. Больше не хочу. Достаточно.

— Вон как запела! Хочешь выйти из игры? Смотри, не пожалей!

— Не бойтесь, я на вас не донесу. Смелости не хватит.

— Сосновской испугалась?

— Не трогайте ее, Григорий Семенович. Нина тоже будет молчать. Ради меня...

Этот разговор состоялся в понедельник, а в среду Нина Сосновская на работу не вышла.

Ремез вынул из конверта снимки и словно снова увидел курень на днепровском острове, белое лицо Гринько, услышал простуженный голос капитана Яновского: «Вот тебе и красота!» На фотокарточке, взятой

у Елены Дмитриевны, Нина смотрела на него вполоборота, весело, и в этой веселости не было ни капли искусственности, намеренной позы, какую так часто фиксирует объектив. Ремез подумал, что человек, который смог поднять руку на эту девушку, страшен.

Сосновская погибла вскоре после стычки с Поляковым. Факт подозрительный, размышлял он, но ведь формальная логика остерегает: после этого — еще не значит вследствие этого. А тут еще эти слова: «Как же я теперь будут жить?» Может, и на самом деле не выдержала впечатлительная душа, попав между двух огней? С одной стороны — честность, гражданский долг, с другой — дружба. Два чувства боролись в девушке, и она не нашла лучшего выхода. Тогда прав Очеретный, хотя свои выгоды он строит на других соображениях.

Но ведь был еще загадочный звонок, во вторник вечером, после которого Сосновская куда-то побежала! Куда? Больше ее не видели. Кому принадлежал хриплый голос по телефону, сообщивший Сосновской, что «разбился Славка»? Значит, Нину вызвал человек, уверенный, что девушка не колеблясь кинется на помощь Ярошу. Похоже, этот человек хорошо знал об их отношениях.

Следователь вздохнул, положил снимки в конверт и принялся перечитывать показания Валиева.

ТАЙНИК

1

Тенгиз Валиев родился и вырос в осетинском городе Орджоникидзе. Работал там водителем такси. Несколько лет назад, отдыхая в Гаграх, познакомился с Тамарой Сташевской, работницей Самарского кирпичного завода. У родителей Тенгиза была на примете другая невеста, о Тамаре не хотели и слышать. Сын взбунтовался, бросил работу и поехал за Тамарой в Самарск. Устроился таксистом, но вскоре его уволили «за использование машины с целью личной наживы». Эта запись в трудовой книжке закрыла перед ним двери таксопарков. О вакантном месте шофера на трикотажной фабрике в областном центре узнал случайно. Работа была

весьма не по душе, да выбирать не приходилось. По крайней мере хоть близко от Самарска.

Из Орджоникидзе приходили письма: «Возвращайся домой». Поначалу отвечал: «Только вдвоем», потом: «Только втроем» — Тамара родила сына. Расписываться не торопились. Тамара относилась к этому равнодушно, а он мечтал сначала разбогатеть, чтобы стать независимым от родителей, а при случае и покрасоваться перед ними. Месячный заработок не очень благоприятствовал этим планам, но вдруг в жизни Валиева замаячили желанные перспективы.

Однажды к нему обратился завскладом Поляков:

— Тенгиз, мне предлагают колеса, а я ни бум-бум. Глянул бы.

Валиев глянул. Глянул с нескрываемой завистью.

— «Жигулята» на «пять», — сказал он. — Можете не сомневаться. Были бы у меня тугрики...

Поляков потрепал его по плечу.

— Будут. Если будешь меня слушаться.

Тенгиз слушался. Вывозил с фабрики пряжу — сначала на Хабаровскую, 118, к Валентине, дальней родственнице Полякова, позднее — в погреб на покинутом хуторе Лыськи. Поддерживал связь с экспедитором Лойко и начальником трикотажного цеха Горлачом, был знаком и с его сыном Олегом. На комбинат доставлял законно оформленную путанку, левый товар — только в Лыськи. Деньги получал от Полякова.

Случалось и страха натерпеться. Зимой фургон с краденой пряжей перевернулся по дороге в Лыськи, его отбуксировали назад, на фабрику. Поляков разыграл сцену: клял кладовщиц, которые, мол, перепутали грузы, угрожал подать заявление об увольнении. Обошлось.

Недавно Валиев, вернувшись из командировки, договорился с завгаром об отгуле. В Донецке ему удалось купить сыну симпатичный матросский костюмчик, он загорелся желанием отвезти его немедленно, вечерним автобусом. Да и по Тамаре скучал. Чем дальше, тем больше привязывался он к этой женщине, которая никогда ничего от него не требовала, но радовалась каждому его появлению в доме. Иногда думал: «Любимая женщина, сын... Что мне еще нужно?»

У проходной встретился Поляков:

— Жду тебя вечером у себя в гараже. Дело есть.

— Григорий Семенович, в Самарск еду, к Тamarке!

— Ничего не случится с твоей Тамаркой. Я сказал: дело есть!

Гараж стоял в глубине сада. Между яблонями к воротам вела посыпанная гравием дорожка. Поляков принес сверток.

— Заменишь номера. Дело сделаешь — все на место, чтобы комар носа не подточил. Эти жестянки выкинешь в речку.

У Валиева шевельнулось предчувствие чего-то недоброго.

— Какое дело?

— Юльку нужно попугать. Двинешь буфером под зад. — Поляков хохотнул и нахмурился. — Много болтает, — сказал он, — а в нашем деле, паря, как в известной поговорке, молчание — золото. Ты чего это? Еще дела не сделал, а уже трясет? Дал бог помощничков! Переулок между улицами Постышева и Шевченко знаешь? Там старый виадук, за ним трамвайная остановка. Оттуда она идет домой...

На следующий вечер Валиев подстерег в переулке Полищук и, до боли вцепившись обеими руками в рулевое колесо, повел машину вдогонку. Было страшно. Давно, еще в Орджоникидзе, был случай, когда он сбил человека, но нечаянно, а сейчас нужно было идти на это намеренно. Тенгиз надвинул на глаза кепку и нажал на акселератор. Не слышал ни крика, ни удара, на губах было солоно от пота. Сворачивая на улицу Постышева, мимо забора, которым была обнесена территория госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны, осмелился оглянуться. На мостовой лежали двое. Подумал: «В глазах у меня двоится? Только бы не насмерть... Она мне ничего плохого не сделала, я не хочу ее смерти». Как в тумане приехал к Полякову, закатил машину в гараж, лихорадочно вывинчивал и ввинчивал шурупы, снова заменяя номера, и никак не мог понять, чего от него добивается Поляков. Стучали зубы.

— Впервой бывает, — сказал Поляков. Вынул из кармана флягу. — Пей!

Тенгиз глотнул, закашлялся.

— Говори!

— Что теперь будет, Григорий Семенович?

— Не понимаю.

— А вдруг я ее убил?

— Убил — будешь отвечать.

— Я! А вы?

— Э, нет, паря. Я тебя что просил? Попугать, только и всего. В мокрое дело ты меня не впутывай.

Кровь ударила Тенгизу в голову, он схватил Полякова за грудки:

— Бреешь! Отвечать вдвоем будем. Все делаешь моими руками, а теперь и голову мою подставляешь?

Поляков словно даже обрадовался.

— Наконец вижу мужчину, а не слюнтяя, — прохрипел он и больно, ребром ладони рубанул Валиева по рукам. — Пусти! Жива Юлька. В больницу повезли.

— Откуда знаете?

— Поляков все знает. Запомни это раз и навсегда. «Следил, гад, — подумал Валиев. — Не иначе, где-нибудь в кустах сидел».

Тенгиз не помнил, как добрался до Днепра, воровато оглянувшись, бросил сверток с фальшивыми номерами в воду. Только после этого облегченно вздохнул... Окончательно успокоился лишь через несколько дней, когда тайком от Полякова убедился, что Полищук в больнице, даже цветы передал ей...

Ремез дочитал показания Валиева до конца — о последнем его вояже в Лыськи, о задержании в доме Сташевской — и задумался. На первый взгляд кажется, что Валиев ничего не скрывает. Не выкручивается, не ждет, пока его прижмут фактами. Но не исключено, что это обычная хитрость, трезвый расчет за меньшим скрыть большее. Например, убийство Сосновской. В конце концов, это чистая случайность, что Полищук отделалась переломом бедра. Не окажись рядом инспектора Гринько, могло быть хуже. Было бы неосмотрительно думать, будто Валиев не способен на такое преступление. Как раз наоборот — нужно еще раз как можно тщательнее проверить его алиби в ночь на среду 25 мая.

Ремез не стал перечитывать показания охранника Локотуна, который на допросе каждый ответ на вопрос следователя заканчивал жалобами на Полякова. Тогда Ремез не выдержал:

— Гражданин Локотун, вы что, ищете у нас защиты от Полякова? Не поздно ли?

Локотун обиженно сморщил толстый, в прожилках, нос.

— Так он же дурачил меня. Сам деньгу лопатой за-

гребал, а Локотуну — четвертак, словно Локотун какая-то шестерка. А кто машины пропускал? Кто фальшивые пропуска отдавал в жадные руки? Локотун. А мог не пропустить? Мог. Я человек при службе.

Ремез сдерживал себя, чтобы не улыбнуться. Неужели этот «человек при службе» такой недалекий, думал он. Или намеренно корчит из себя дурака? Вот еще одна загадка.

— Вы знали, что в этих машинах?

— Откуда мне знать? Уманская или сам Григорий Семенович сделает ручкой: пропусти — ну и пропускал. Я в ихний шахер-махер не лез, мне это ни к чему, а только несправедливо. Швейцар в ресторане дверью хлопает — бац! — гривенник в ладони, а у меня как-никак железные ворота на засовах. Что такое четвертак? Разок поужинать в ресторане... Я было говорю Григорию Семеновичу: Локотун не какая-то шестерка, а если уж шестерка, то не простая, а козырная... Нет, гражданин следовательно, поганый человек Поляков, хотите верьте, хотите нет, а это точно.

— Сколько раз вы так вот пропускали машины?

— Может, десять, может, двадцать. Не записывал.

— Многовато, выходит, было четвертаков.

Локотун прижмурился на солнце и оглушительно чихнул.

— Хоть и говорят люди, когда чихнешь: ваша правда, а оно не так, потому что, если бы он, сукин сын, давал каждый раз... Где там? Когда сунет, а когда только посулит. Ходишь за ним и канючишь. Я на Полякова что угодно подпишу. Очень я на него злой.

«Поляков... Куда ни кинь — всюду он, — озабоченно думал Ремез. — И на самом деле первая скрипка. Играла, пока не доигралась. Но сколько же людей успел втянуть в преступную игру!»

Из документов, изъятых Котовым во время обыска, он знал, что в годы немецко-фашистской оккупации Поляков служил во вспомогательной полиции на Киевщине. Отбыв наказание, долгое время жил на Севере. Переехал сюда. Работал на мясокомбинате, уволился по собственному желанию и несколько месяцев был без работы. Потом устроился на трикотажную фабрику. Стоит заглянуть на мясокомбинат, решил Ремез, прощупать тамошние его связи...

В дверь постучали. Вошел Ярош. Заговорил, не здороваясь, с порога:

— Вам не кажется, Георгий Степанович, что наше знакомство слишком затянулось? Ваш милый кабинетик я изучил до последней щелки.

— Присаживайтесь, Ярослав, в ногах правды нет. Что Савчук? Не отпускает?

— То одна причина, то другая. Может, это вы... его руками?

— Мы и своими управимся. Была бы нужда.

— Наступит ли, Георгий Степанович, день, когда я не буду чувствовать вас у себя за спиной? Поймите наконец, я тоже живой человек, мне тоже больно!

Ярош отвернулся. Он сидел напротив Ремеза вполоборота. На руках, которыми впился в стул, вздулись жилы. Ремезу стало жаль его.

— Вы свободны, Ярослав, — сказал он. — Я вас не вызывал. И вот мой совет. Найдите способ уговорить Савчука. Поезжайте в Киев. Вам нужна новая обстановка, новые впечатления. Психологи называют это сменой стереотипа. Процесс разрушения болезненный, зато потом станет легче. За время нашего знакомства я не видел на вашем лице улыбки. Вы разучились смеяться, Ярослав!

Ярош обернулся. В глазах стояли слезы.

— Не сердитесь, Георгий Степанович, я наплел глупостей, но я... я ездил туда, к ней, и во мне что-то обрывалось, во второй раз... Там такая тишина, страшная тишина. Ее нельзя передать словами, ее нужно чувствовать... И спокойствие. Нет, не спокойствие, — равнодушие, именно так, холодное равнодушие. Глухая стена, которую ничем не разрушить. Ничем!

Он, сгорбившись, пошел к двери, вяло подергал ручку.

— От себя, — сказал Ремез.

Ярош остановился.

— Что-то я хотел еще сказать... Да, о радио. У вас есть приемник? Послушайте по республиканской программе звукофильм «Море». Я посвятил его Нине...

«Какая же трудная профессия следователя, — думал Ремез. — Копаться в нечистотах надоедает до отвращения. Но нам случается встречать и красивых людей. Вот хотя бы Ярош. Я рад, что защитил его, мы могли бы стать друзьями».

В кабинет ворвалась тетя Прися. Маленькая, подвижная.

— А ну, марш домой! — заворчала она, стреляя в Ремеза острыми глазками. — Не выгонишь, так и к стульям прирастете. Как вас жены из дома не выгонят? Сидят, сидят...

Тетя Прися всегда была в курсе всех событий, происходивших в райотделе, больших и малых, а откуда она добывала сведения, это было уже ее собственным секретом. Уборщицей тетя Прися работала так давно, что никто не мог вспомнить, когда она впервые появилась в райотделе с большой, не по росту, шваброй и в неизменном сером халатике, как не могли определить и ее возраст. К постоянному незлобивому ворчанию уборщицы давно привыкли, воспринимая его с надлежащим юмором, а полковник Журавко заявил, что, если бы ему пришлось составлять список на сокращение штатов, тетя Прися стояла бы в этом списке последней.

— Все, тетя Прися, — сказал Ремез. — Сдаю пост. А цветочки вы перестали мне ставить. С чего бы это?

2

Генерал Колодяжный решил лично ознакомиться с ходом следствия и по этому поводу созвал совещание. В просторном кабинете начальника областного управления внутренних дел собралось немало людей. Из Петровского райотдела были приглашены Журавко, Гафуров, Панин и Ремез. Из Самарска приехали следователь по особо важным делам Марков и начальник ОБХСС майор Максютя.

— С кого начнем? — спросил Колодяжный, обвел присутствующих взглядом серых, слегка припухших глаз и остановился на Журавко. — Кто у вас по поручению прокуратуры помогает вести дело Сосновской, полковник?

— Следователь Ремез, товарищ генерал! — поднялся Журавко.

— Сидите, Сергей Антонович. Послушаем товарища Ремеза.

Ремез поднялся. Перед ним лежали бумаги, просто так, для солидности. Все, что там было написано, он знал на память, до мелочей. А справиться с волнением не мог. Слишком много смотрело глаз. Коротко, подумал он. Попробуй тут коротко! И неожиданно для себя сказал, словно прыгнул в холодную воду:

— Прошу двадцать минут. Иначе не уложиться.

Среди присутствующих это вызвало оживление.

— Двадцать так двадцать, — миролюбиво сказал Колодяжный, посмотрев на часы, которые выглядывали из-под манжеты на его ширококостной руке.

Ремез заговорил, чувствуя на себе вопрошающий взгляд генерала, остановился на предыстории дела, отметил четкую работу сотрудников ОБХСС, затем охарактеризовал каждого из подсудимых и их показания.

— О так называемой фирме доложит товарищ Марков. Тогда будет нарисована более полная картина деятельности группы расхитителей социалистической собственности. Но уже сейчас могу сказать: государству нанесен ущерб на сумму свыше двухсот тридцати тысяч рублей. И это не окончательные данные. Здесь расследование приближается к концу. Но есть другое в этом достаточно запутанном деле: загадочная смерть кладовщицы Сосновской, недавнее убийство одного из вожakov преступной группы, Полякова, наконец, нападение на инспектора Ванжу.

Ремез пересказал показания участкового инспектора Худякина, результаты оперативной и следственной работы в доме Полякова, передохнул и продолжил:

— Нет сомнений, что оба убийства связаны с делом «Пряжа». К сожалению, тут мы пока топчемся на месте. Мы не знаем даже мотивов убийств. Преступник что-то искал в доме Полякова. Есть основания думать, что его поиски не увенчались успехом. Но и наши тоже. Тем временем эта находка могла бы многое, а может, и все прояснить. Ждать, пока лейтенант Ванжа придет в сознание, мы не имеем права. Я все сказал, товарищ генерал.

Колодяжный посмотрел на часы и качнул головой.

— Может, будут вопросы? — сказал он. — Впрочем, сначала послушаем Маркова. Прошу!

Сухощавый Марков, которому было не впервой докладывать в присутствии начальника областного управления и даже ему лично, говорил сжато:

— Восемь лет назад инженер по снабжению Городецкого строительно-монтажного управления Горлач был осужден за хищение государственного имущества. Жена оставила его. Отбыв наказание, Горлач переехал с сыном Олегом в Самарск. Устроился мастером в промкомбинате, позднее стал начальником трикотажного цеха. Наказание не пошло ему на пользу. Вместе с

экспедитором Лойко, человеком, нечистым на руку, он надумал под прикрытием комбината создать собственную фирму. Незаконным способом, который сейчас выясняется, раздобыл две вязальные плоскофанговые машины. Организовал так называемую экспериментальную бригаду по освоению новой продукции. Пряжу поставляла группа Полякова с трикотажной фабрики. Изготавливали женские водолазки, которые как раз вошли в моду и пользовались большим спросом. Директор комбината Гаркавый оказался слишком доверчивым человеком. Время от времени он спрашивал Горлача, скоро ли будет освоена новая продукция. Директору очень хотелось «обскакать» солидные предприятия. Горлач ссылался на трудности, уверяя, что делает все возможное. Тем временем водолазки давно шли на продажу. Скрывать деятельность фирмы от главного инженера Шинкаренко и главбуха Горина оказалось труднее. За молчание начальник цеха давал им крупные взятки.

Марков сделал паузу и искоса глянул на майора Максюту, который сидел рядом с ним. Тот зябко повел плечами.

— Непосредственно сбытом водолазок занимался Олег Горлач. Это ловкий молодчик, самоуверенный до нахальства. Сперва отказывался давать показания, после очных ставок все сваливает на отца. Человек крайне развращенный, из института его выгнали за аморальное поведение. Товар продавал лично и с помощью отдельных спекулянтов. Иногда большими партиями через промтоварные лотки, чаще в сельских районах. В двух случаях — через магазин «Готовая одежда», что на Чапаевской. Точнее говоря, через заведующую секцией «Трикотаж», с которой был в интимной связи. У Горлача-старшего и Лойко выявлены крупные суммы на сберкнижках, значительное количество облигаций и драгоценных изделий. Олег Горлач уверяет, что все свои доходы тратил на женщин.

Марков замолчал. Генерал, казалось, не заметил этого. Он смотрел в окно, которое выходило на площадь. Панин невольно проследил за его взглядом. Отсюда, с высоты третьего этажа, самой площади не было видно. На ее противоположной стороне на фоне безоблачного неба пылал под солнцем купол Успенского собора. Над ним кружились голуби.

— Садитесь, Марков, — сказал генерал, медленно,

словно неохотно, поворачиваясь от окна. — Многовато любителей легкой наживы подсобралось... Ну так как, товарищи, вопросы будут? Так уж все ясно?.. Тогда какие соображения?

— Целесообразно объединить оба дела, — сказал Журавко.

— Себе возьмете или передадите Маркову? — спросил Колодяжный.

— Полковник Журавко считает, наверно, что я пришел на готовенькое, — сказал Марков.

— Фирму раскопал майор Гафуров, это правда, — согласился Журавко. — Но мы за лаврами негонимся. Раздельное следствие на первом этапе было необходимо, сейчас, наоборот, мешает. Пусть ведет его Марков, а наши следователи помогут. Главное — сконцентрировать все в одних руках, так как фактически мы имеем не два дела, а одно.

— Подумаем, — сказал генерал. — Кто еще?

Поднялся Гафуров.

— Следствием установлено, что хищение на фабрике длилось больше года. Стоит поинтересоваться, почему ревизия, которая проводилась на предприятии минувшей осенью, ничего не выявила.

— Кто ревизовал?

— Бригада областного контрольно-ревизионного управления.

Колодяжный сделал пометку на календаре.

— Кто был тогда директором? Матяков?

— Он, товарищ генерал. Ходили слухи, что все комиссии застревали у него в кабинете.

— Я привык принимать во внимание не слухи, а факты. — Генерал недовольно шевельнул мохнатой бровью. — Надеюсь, вы тоже. Будем закругляться, товарищи. Согласен, майор Гафуров и его аппарат поработали на совесть. А следствие? Розыск? Речь идет не о жулике. Об убийце! Кроме Ремеза, все об этом молчат. Сказать нечего? Капитан Панин, я вас не узнаю. Вам нужна помощь? Какая?.. Насколько я понял, розыск и следствие по делу Сосновской намеренно обходили фабрику, размышляя, наверно, так: Сосновскую не вернешь, а Гафурову помешаем. Так или не так? Можете не отвечать. Так! Тем временем развитие событий могло быть иным, возможно, менее трагичным, если бы розыск и следствие повели, не оглядываясь на интересы ОБХСС. Это ошибка, капитан. Ваша и пол-

ковника Журавко! Сергей Антонович, вы координировали действия или ваш заместитель Сироконь?

— На Сироконе висит строительство, — сказал Журавко.

— Еще новость! Опытного оперативника кинули на строительство. Больше было некого?

Журавко промолчал. Все, что говорил генерал, было справедливо и в то же время несправедливо. Может, расследование ускорили бы, но на фирму могли не выйти. И насчет Сироконя генерал прав, но ведь в самом деле было некому — один болен, другой в отпуске. Хоть разорвись...

Тихо переговариваясь, участники совещания направились к выходу. Гафуров тронул за локоть Панина, но капитан сделал вид, что не заметил этого, и ускорил шаг. Подлил начальник масла в огонь, подумал Журавко, оно и действительно: за мое жито моя же спина бита.

— Признаться, боялся, приготовился к удару... А вы все-таки пожалели, Федор Иосифович, спасибо, — услышал он приглушенный голос и оглянулся. Сзади шли Марков и Максютя.

— Напрасно благодарите, — сухо сказал Марков. — Я подал начальству письменный рапорт.

Журавко был уже в дверях, когда его окликнул генерал:

— Сергей Антонович, задержись на минутку. Что там говорят врачи: выживет твой лейтенант?

— Надеемся, товарищ генерал.

— Надеемся, — повторил Колодяжный тихо. — Значит, надеемся. В таких случаях ничего другого не остается. Только надеяться...

3

Ремез никак не мог понять — снится ему или на самом деле звонит телефон. В лунном свете, проникавшем в окно, лицо жены было голубым. Ремез осторожно снял с плеча теплую руку Лизы, босиком поспешил в прихожую.

— Пошли меня ко всем чертям, — гудела трубка голосом Котова.

— Охотно, — сказал Ремез. — Считай, что я так и сделал.

— Звонил Панину...

— И что он?

— Не берет трубку. Крепкий сон у твоего Панина. А тут одна идейка зашевелилась.

— Не терпится до утра?

— Я же не засну, Ремез! Да что мы тары-бары разводим? Надевай брюки, я заскочу за тобой.

— Куда поедем?

— На кудыкину гору.

Ремез посмотрел на телефонную трубку, которая за пищала сигналами отбоя, и принялся одеваться.

Был второй час ночи. Город спал. От месяца и уличных фонарей на асфальт падали двойные тени. Над заводским районом бесшумно рдело зарево плавок.

— Куда же мы все-таки?

— Сам знаешь, нечего прикидываться, — грубовато буркнул Котов. Капли воды от встречной поливальной машины зависли на стекле длинными сережками, «дворники» смахнули их и улеглись. — Он искал, мы искали... Не там искали! Понимаешь, начал я вспоминать старые дела, подбирать ситуацию, так сказать, по аналогии. Так вот, работал я тогда в районном селе за Львовом... Помер одинокий старик. Приехал из города сын, Хатка на курьих ножках, пасека, остальное вообще мелочь — наследника не интересовало. Был он с отцом в ссоре, но знал, что у старого водились деньжата. Туда-сюда — ни завещания, ни денег. Заявил в милицию, мол, соседи обокрали. Ну, мы побегали — пустой номер. В доме ничего не нашли, а заявление о краже на голом слове, не за что уцепиться. Так и заглохло.

Котов сделал паузу, как опытный рассказчик, который стремится заинтриговать слушателя.

— Что же ты не спрашиваешь, что было дальше?.. Сын уехал разочарованный, а в этом домике поселились пришлые люди. Не помню — кто, да это и не имеет значения, главное — честные люди. Новый хозяин спилил засохшую грушу, а в ней оказалось дупло... Дошло до тебя?

— Хочешь поискать в саду?

— А что мы теряем? Я не мог заснуть, когда вспомнил про эту грушу. — Котов мигнул фарами и присвистнул: — Ого, Жора, тут без нас уже какая-то каша заварилась!

Напротив дома Полякова стояли машины — милицкий «газик», у которого суетился Савицкий, и «Жигули» начальника уголовного розыска. Котов поставил

«Москвич» впритык к ним и вслед за Ремезом стремительно выскочил из машины.

— Что тут делается, сержант?

— Толком ничего не знаю, товарищ старший лейтенант. Сержант Губавин вызвал наряд. Он дежурил, а кто-то будто бы в гости заявился. Капитан Панин сейчас там стружку снимает.

— С гостя?

— С Губавина.

Окна дома не светились. В саду и за гаражом мелькали фонари оперативников. За дощатым столом под яблоней, где Ремез недавно расспрашивал Худякина, сидели Панин и Губавин. Широкое лицо сержанта было поцарапано, к носу он прикладывал смятый платок.

— И вас подняли? — спросил Панин. — Повторите все сначала, — приказал он Губавину. — Может, что-нибудь упустили?

— Ничего я не упустил, — обиженно засопел разбитым носом Губавин. — Все, как было...

Он сидел на горбыле под кустом сирени и ругал себя за то, что, заступая на дежурство, поленился заскочить в магазин. Было чуть за полночь, а папирос оставалось несколько штук. Ветер затих еще с вечера, в бурьяне что-то шуршало, сквозь яблоневую листву пробивались лунные светлячки. Внезапно Губавину показалось, что в саду хрустнуло, так, словно кто-то наступил на сухую ветку. Он прислушался. И в самом деле послышался шорох крадущихся шагов. Ему бы проследить незаметно за ночным гостем, а он бросился вперед и в горячке с разгону налетел на ствол дерева. Из глаз брызнули искры, в голове загудело. Губавин упал и, выхватив пистолет, прохрипел:

— Стой! Стрелять буду!

В ответ из кустов бабахнуло. Пуля впилась в ствол, за которым он лежал. Тогда сержант и сам выстрелил, раз и второй, наугад, потому что не видел, куда целиться. А когда поднялся, вокруг стояла тишина. Месяц выкатился из-за облака, стало светлее, да сколько он ни присматривался, никого не заметил.

Губавин был в отчаянии. Обошел сад, хоть и понимал, что это напрасные хлопоты. Потом побежал звонить в райотдел.

— Эх, Губавин, Губавин! — Панин поскреб ногтем подбородок и вздохнул.

Подходили оперативники. Последним пришел Очеретный.

— Натоптано много, — сказал он. — Утром осмотрим. Но одна штучка уже сейчас стоит внимания. Вот выколупал...

— «Тетушка», — сказал Панин, покрутив в пальцах чуть приплюснутую пулю. — «Тетушка», семь и шестьдесят две сотых. Ларион Григорьевич, нужно провести немедленную экспертизу. Проследите лично!

— Лучшего поручения нашему Лариону нельзя и придумать, — шепнул Ремез на ухо Котову. — Прямым ходом на свидание с Людочкой.

Панин поднялся.

— Как чувствуете себя, Губавин? Сменить вас?

— Не стоит, товарищ капитан. Ничего с моим носом до утра не случится.

Вид у сержанта был виноватый.

Когда вышли в переулок, Котов придержал Панина за локоть.

— Посоветоваться нужно, Олекса Николаевич, — сказал он, провожая глазами «газик» Савицкого. — Когда не спится, всякая всячина лезет в голову.

— Мы только и делаем, что занимаемся всякой всячиной, — рассеянно отозвался Панин, обдумывая ночное происшествие.

Котов вкратце изложил давнюю историю в прикарпатском селе.

— Вот я и подумал, — закончил он уже без особого энтузиазма. — Чего не бывает...

— ...Когда черт спит, а следователь смотрит в оба?

— Издеваешься?

— Нисколько. Ты же сам сказал: чего не бывает? Если и в самом деле это не химера, то где-то оно лежит?

— Хотел бы я знать, с чем его едят, это «оно», — пробормотал Ремез.

Сад серебрился в лунном свете. Расположен он был на склоне, потому-то и казалось, что стволы яблонь растут из земли наискось. Между деревьями пышно разросся бурьян. Через облепленную мхом ограду темнели кусты малины. Еще ниже, за железнодорожной насыпью, тускло поблескивали шифером крыши рыбацкого поселка; они заслоняли берег и половину лунной дорожки, которая пересекала плес речного залива.

Ремезу выпало осматривать нижнюю часть сада.

Видно, оттого, что сразу за оградой был яр, где постоянно текла вода, яблони стояли тут роскошные, развесистые, переплетались ветвями. Внизу, изгибая на повороте длинный хвост, прогрохотал товарняк. Земля задрожала, отозвалась шелестом листвы. За грохотом и цоканьем колес на рельсах следователь не сразу услышал, что его зовут...

Панин стоял под яблоней, которая росла несколько в стороне за боковой стенкой гаража, кончиками пальцев держал завернутый в целлофан сверток. Котов кружил вокруг него с фотоаппаратом. Вспышки магния слепили глаза.

— Есть? — выдохнул Ремез.

— Есть, Жора, есть, — откликнулся Котов. — Как видишь, не зря я тебя из постели поднял. Подставь колено, дырку плохо снизу видно. Вот так... Потерпи, я еще разок. А у тебя, Олекса Николаевич, счастливая рука. С первого захода!

Котова распирало от радости. Панин еще раз оглядел дупло.

— Пусто, — сказал он. — Продолжим поиски?

— Не думаю, чтобы была потребность в еще одном тайнике, — возразил Котов. — Вон какая дырища! Туда не только этот сверток — что угодно можно засунуть.

Как ни хотелось скорее узнать, что в свертке, все же решили отложить осмотр до возвращения в райотдел.

4

Ночью по райотделу дежурил сам Журавко. Послав к Губавину оперативный наряд во главе с Очеретным, полковник позвонил Панину домой.

— Спишь? А в Тимирязевском стреляют. Поехал Очеретный, думаю, что и твой глаз не лишний. Разберись на месте, Олекса.

Полковник с нетерпением ждал возвращения наряда. Рассердился на Очеретного.

— Почему не сняли с поста Губавина?

— Там Панин, — оправдывался старший лейтенант.

— При чем тут Панин! Кто помощник дежурного по райотделу — вы или Панин? Утром Губавина ко мне! Слышите?.. Упустили. Снова упустили!

Очеретный показал пулю.

— Из токаревского, — сказал Журавко. — Панин прав.

Панина, приехавшего через полчаса, Журавко встретил раздраженным взглядом, хмуро кивнул вошедшим вслед за ним следователям.

— Знаю от Очеретного, — сказал он. — Что ты об этом думаешь?

— Не все знаете, Сергей Антонович. Есть кое-что новенькое. — Панин положил на стол сверток. — Котову пришло в голову поискать в саду. Тайник оказался в дупле.

— Ну-ну, — оживился полковник, кинув одобрительный взгляд на Котова.

Начальник уголовного розыска осторожно вытряхнул из целлофанового мешочка пачку бумаг. Сверху лежали письма без конвертов, написанные явно женской рукой. Котову даже показалось, что на него пахнуло дорогими духами. «Милый мой Грища, — прочитал он, склонившись над столом, — я перестаю верить твоим обещаниям». Он резко выпрямился.

— Н-не понимаю...

Ремез боролся с желанием расхохотаться.

— Поляков прятал от жены письма любовницы, — сказал он. — Что же тут непонятного?

Под письмами лежала сберегательная книжка.

— На предъявителя, — сказал Панин. — Выходит, мы не все изъяли. Покойник держал ее отдельно, так сказать, на черный день.

Из сберегательной книжки выпала пожелтевшая фотокарточка. Она легла на стол обратной стороной, и хотя на ней не было дарственной надписи, Ремез не сомневался, что сейчас увидит автора писем. Но когда Панин перевернул фотографию, в комнате воцарилась тишина.

— Так вот что искал убийца! — неожиданно охрипшим голосом вскрикнул Котов.

С фотокарточки на них смотрел человек в черном мундире без погон, с гестаповской повязкой на рукаве. Правая рука поднята в фашистском приветствии, левая прижата к бедру, в глазах навывкате — нетерпение. Человек позировал явно с неохотой.

— Вишь, куда потянулась шерстяная ниточка! — Журавко обвел присутствующих взволнованным взглядом. — Поздравляю! Поворот, прямо скажем, неожиданный.

Ремезу было неловко перед Котовым за неуместную реплику о любовнице.

— Придется покопаться в поляковском прошлом, — сказал он, примирительно положив руку Котову на плечо. — Бывший полицай Поляков и человек на снимке — одного поля ягода. Это ясно. Почему он так старательно прятал фотокарточку — тоже ясно. Неясно другое. Зачем?

5

Журавко поднялся к себе и, наскоро побрившись, сел к телефону.

— Валентин Антонович? Журавко. Не хотел беспокоить ночью. Хотя, признаться, подмывало.

— Мог бы и побеспокоить. Как-никак мы оба Антоновичи. Слушаю.

— Слушать будешь, когда приеду. Можно?

С Бондарем, ответственным работником областной прокуратуры, Журавко был хорошо знаком. Их сыновья служили в свое время на одной пограничной заставе, и Глеб Бондарь участвовал в похоронах Юрия Журавко, погибшего от пули диверсанта.

По дороге на Пушкинскую полковник Журавко заскочил в Управление внутренних дел и доложил Колодяжному о ночных событиях.

— Это уже шаг вперед, — довольно сказал генерал. — Бондарь знает?.. В таком случае не теряй времени. И держи меня в курсе.

После встречи с Бондарем Журавко вызвал к себе Панина и Ремеза.

— Ну что, орлы, — сказал он, — пока что дело остается за нами. Само собой, коллеги с Пушкинской не будут сидеть сложа руки. Поднимут архивы и прочее... Мы ищем убийцу Полякова, остальное — не наша забота.

— Гринько составил список знакомых Полякова, которые носят очки, — доложил Ремез. — По крайней мере шестерых из них следует проверить.

— Делать это нужно как можно деликатнее, — предостерег полковник.

— На снимке человек без очков, — заметил Панин.

— Снимок тридцатилетней давности. — Ремез помолчал и словно бы неохотно добавил: — Тем более что это могут быть разные люди. А откуда уверенность,

что убил именно тот, кто на фотографии? К Полякову мог заявиться кто-нибудь другой. Так сказать, по поручению. Впрочем, это всего-навсего рабочая гипотеза, поскольку лучшей нет.

— У вас, Ремез, на каждый тезис — антитезис, — недовольно сказал полковник. — Сколько их — станет ясно, когда найдем хотя бы одного. Не порывайте контакт с Котовым. Кстати, Ярошем интересовались?

— Ярош собирается переехать в Киев. Я сам посоветовал. Что же касается его знакомства с Полищук, о котором говорил Очеретный, то у нас нет оснований подозревать человека.

— Пусть едет, тут ему и в самом деле нелегко... — Полковник думал о чем-то другом. — Что дал осмотр следов ночного визитера?

— Мы можем с уверенностью сказать: человек с кастетом и человек с пистолетом... — Ремез усмехнулся. — Кажется, я заговорил в рифму. Словом, это один и тот же человек. Следы одинаковые.

Позвонил дежурный:

— Товарищ полковник, вы хотели видеть сержанта Губавина. С утра томится.

— Томится, — сердито отозвался Журавко. — Он что — гречневая каша? Поговори с ним сам. Без крика, но так, чтобы не скоро забылось. — Полковник кинул телефонную трубку и впился в нее злыми глазами, словно это была не трубка, а сам виновник его гнева. — Чуток сообразительности да ловкости — глядишь, и не было бы у нас мороки.

Панин был согласен, что сержант Губавин действовал не наилучшим образом. Но ведь и мы, думал капитан, хороши. Пост установили на всякий случай, скорее из-за того, что опечатанный дом все еще пустовал. Преступник, считалось, не посмеет сунуться туда в другой раз. А он посмел. Теперь ясно, что дежурить, по крайней мере ночью, нужно было не меньше, чем двоим. А чья это забота? Конечно, не Губавина.

— Как думаете, преступник тоже искал тайник в саду?

— Вряд ли, — сказал Панин. — Крался к дому, а тут Губавин.

— Котов же додумался.

— Котову помог давний случай из практики. Нам-то никому не пришло в голову!

Журавко потер пальцами виски, пожаловался:

— Голова пухнет. Преступник охотится рядом с нами, успел столько бед принести, знаем: тут он, а уцепиться не за что. Даже из города не бежит, словно уверен, что мы его не достанем. Допросите еще раз «шерстянников».

Ремез развел руками:

— Может, он в конце концов не имеет отношения к «шерстянникам»? Я уж думаю, не залетный ли гость?

— Это нам что-нибудь дает? Лучше уж свой, домашний, — невесело пошутил полковник. — Хоть бы эксперты дали зацепочку.

— Эксперты сделали все, что могли. Накидали мы им всякой всячины: кучу отпечатков следов ног, письма — подброшенное и в райисполком, наконец, пулю... А материала для идентификации нет. Единственное, что сумели установить, — следы в саду принадлежат одному человеку, я уже докладывал. Почерковедческая экспертиза тоже бессильна: с чем сравнить почерки в письмах? Текст подброшенного, как вы помните, вылеплен из газетных букв. Что касается пули, то Очеретный звонил: копаются в архивной картотеке, но надежды мизерные.

— Эксперты скажут свое слово, когда мы доставим им самого преступника, — не без иронии добавил Панин. — Для следствия это важно. А для розыска?

ВЕРИТЬ ЛЮДЯМ

1

Капитан милиции Панин, слушая рапорты оперативников, с горечью думал, что и эта кропотливая работа оказалась напрасной. Среди знакомых Полякова, которые носили очки, не нашлось ни одного, кто вызвал бы малейшее подозрение. «Стеклянные глаза... Мало ли что может сказать человек в таком состоянии! Не очки же, а глаза, да еще стеклянные. Типичный бред».

Капитан раздал инспекторам размноженные в лаборатории снимки — скадрированное крупным планом лицо с глазами навывкате, в котором теперь особенно четко угадывалось нетерпение, мол, скорее, некогда мне позировать! «Ремез, конечно, прав, тогда он мог и не носить очки, — согласился Панин. — Но и характерного для близоруких прищуривания незаметно».

Зазвонил телефон. Капитан неохотно снял трубку и не сразу узнал голос Белогуса, а узнав, неизменно обрадовался:

— Игорь Игнатьевич? Наверное, само провидение послало мне ваш звонок.

— Приезжайте, — сказал Белогус.

Панин едва удерживал себя от желания нажать на акселератор, невзирая на красные огоньки светофоров. Давно не испытывал он такого нетерпения. Белогус встретил его взглядом человека, которому нет дела до милицейских забот. Сбитая набекрень белая шапочка придавала главному врачу задиристый вид.

— Он в сознании, но ни говорить, ни писать не может. Не волнуйтесь — временно... Постепенно все станет на свои места. Поражены некоторые центры. Как только пациент достаточно окрепнет, сделаем небольшую операцию. Впрочем, это наши хлопоты, а ваши... — Белогус исподлобья глянул на Панина и закончил уже сердито: — Ваши, насколько я понимаю, совсем в иной плоскости. Идемте!

Лицо Ванжи заросло рыжей щетиной, однако оно уже не было прозрачно-белым, как тогда, когда Панин мельком видел его в день приезда отца. Василий Михайлович сидел около сына осунувшийся. Все эти дни он только то и делал, что метался в Песчаное, где слегла от известия о ранении сына жена, и обратно. Капитан кивнул ему и подступил к кровати.

— Здравствуй, Василь! — сказал он, склонившись над лейтенантом. — Вижу, дела пошли на поправку. Между прочим, тобой сам Колодяжный интересовался. Ты меня слышишь?

В глазах Ванжи мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Слышит, он все слышит! — отозвался Василий Михайлович. — Вы не сомневайтесь.

— Вот и чудесно, — сказал Панин. — Будьте добры, Василий Михайлович, погуляйте в коридоре, мы немножко поговорим наедине.

Капитан нажал на слово «наедине», надеясь, что Белогус тоже выйдет, но тот не понял или не захотел понять намека. Настаивать же, зная характер главного врача, Панин не отважился.

— Разговор поведем таким образом: я буду спрашивать, а ты отвечай глазами. Да — один раз моргнешь, нет — два. Понял?

Ванжа моргнул раз.

— Значит, понял. Теперь слушай внимательно. Ты видел его?.. Видел. Знаешь его?.. Знаешь? Повтори!.. Знаешь. А кроме тебя, кто-нибудь из наших знает?.. Знает.

Сдерживая волнение, Панин достал из кармана фотоснимок.

— Это он?

Ванжа смотрел долго. Наконец моргнул ресницами, но как-то неуверенно.

— Похож?.. Ясно. Но уверенности нет?.. Так. Теперь слушай, Вася. Снимок давний, очень давний. Человек был молод, сейчас... — Панин оглянулся на Белогуса. — Сейчас ему на несколько десятков лет больше. Попробуй представить.

Глаза лейтенанта беспокойно заметались, забинтованная голова рванулась и бессильно упала на подушку. Лоб покрылся капельками пота.

— Спокойно, спокойно, голуба, — подскочил к постели Белогус. — Не нужно волноваться. Дайте ему отдохнуть, капитан. И хватит вопросов, которые требуют нервного напряжения. Я запрещаю! Слышите?

Панин с тревогой смотрел на Ванжу.

— Хорошо, Игорь Игнатьевич, обещаю. Один-два простеньких вопроса, и все. — Он развернул блокнот. — Василь, мне нужны две фамилии: кого ты видел у Полякова и кто, кроме тебя, знает его. Вот в блокноте азбука от «а» до «я». Угадаю букву — сигнализирую. Ты все понял?

— Вам дай только волю, — проворчал Белогус, ловя себя, однако, на мысли, что ему интересно, чем кончится этот необычный разговор.

...В гулкий коридор райотдела Панин ворвался, как вихрь, и чуть не сбил с ног Гафурова, который как раз спускался вниз.

— Салют, Рахим!

— Добрые вести? — спросил Гафуров. — Сияешь, как новая копейка.

Но Панин даже не обернулся. Перепрыгивая через две ступеньки, он взбежал на второй этаж. Вскоре капитан уже подталкивал в дверь кабинета начальника райотдела оторопевших Гринько и Ремеза.

— Сергей Антонович, я привел к вам двух субъек-

тов, которые собственными глазами видели человека, совершившего нападение на Ванжу. Третий, в лице старшего лейтенанта Очеретного, отсутствует после дежурства.

— Что за шутки, капитан? — нахмурился Журавко. — Нашли время...

— Никаких шуток, Сергей Антонович. Я только что от Ванжи.

2

Василек Сосновский возвращался с занятий секции самбистов во Дворце железнодорожников. Был погожий вечерний час, когда солнце скатилось за горизонт, а сумерки, хоть еще не успели сгуститься, но уже щедро плеснули на землю синей краски. Как всегда в это время, Виталий Гаврилович Квач прогуливал овчарку. Собака была в наморднике, шла горделиво, ноздри черного чуткого носа дрожали, втягивая окружающие запахи. Василек поздоровался с Квачом, отступил в сторону, пропуская овчарку.

— Здорово, парень, здорово! — Квач остановился, дернул за поводок. — Говорят, всех на лопатки кладешь? Хвалю. Как там мамка? Отстоялось горе? Ты не обижай ее, Василек, ты один теперь у нее.

— Дядя Виталий, а почему вы так смешно называли собаку? Что это за Цербер?

— Смешно? Нужно, парень, знать древнегреческую мифологию. Хоть и сказка, а мудрая. Был будто бы такой сторож около входа в подземное царство — Цербер. Правда, трехголовый, а у моего, как видишь, одинединственная. В твоём возрасте я увлекался античными мифами. Чего только там нет! Заходи как-нибудь, расскажу... Привет Елене Дмитриевне от меня!

Подпрыгивая, Василек побежал домой. И уже не видел, как на тротуаре Виталий Гаврилович встретился с двумя молодыми людьми. Один что-то весело рассказывал, другой смеялся. Поравнявшись с Квачом, они неожиданно скрутили ему руки за спину.

— Спокойно! — сурово предупредил один из них. Его спутник перехватил у Квача поводок и ловко ощупал карманы.

Мягко шелестя шинами, к тротуару подкатил «газик». Из него вышли Панин, Котов, Ремез и двое милиционеров.

— Виталий Гаврилович Квач? — спросил Панин.

— Я. Но по какому праву?..

— По праву, Виталий Гаврилович, все по праву. Уголовный розыск. Вы задержаны.

Панин с ненавистью смотрел на разозленного Квача. «Яремчук не ошиблась, — думал он. — Ванжу этот гад бил снизу. Вот они — стеклянные глаза. Пенсне! Но почему он не попал в список Гринько?» Поняв немой вопрос капитана, Гринько развел руками.

— Не будем привлекать внимания прохожих, — сказал капитан. — Кто у вас дома?

— Один живу. — Квач тяжело дышал. — С ним вот на пару, с Цербером.

— Позаботьтесь о понятых, — распорядился Панин. — Мы будем ожидать вас во дворе.

Двор и дом Квача ничем не отличались от окружающих усадеб на левой стороне Чапаевской, разве что отсутствием каких-либо вспомогательных сооружений. К крыльцу вела выложенная кирпичом дорожка.

— Привяжите где-нибудь собаку и оставайтесь тут, — приказал Панин милиционерам. — Кто придет — ко мне!

С Гринько пришли двое: бородатый мужчина в безрукавке и неопределенного возраста женщина, о которой было трудно сказать с уверенностью — жена она бородатого или дочь.

— Приглашайте в гости, хозяин! — Котов первым ступил на порог, включил свет.

— Гражданин Квач, — сказал Панин, — вот постановление на обыск в вашем доме. Прошу понятых ознакомиться. Предлагаю добровольно сдать оружие.

— Сесть можно?

— А почему же нельзя, садитесь. Садитесь так, чтобы вам было все видно. Ну как? Где оружие?

— Нет у меня никакого оружия.

— Что же, приступайте, товарищи! Понятых прошу быть свидетелями всего, что тут делается... А у вас уютно, Виталий Гаврилович, даже не верится, что обходитесь без женских рук.

— Привык.

— Привычка, говорит мой начальник, сестра дисциплины. Давно на пенсии?

— Третий год.

— Где же работали, если не секрет?

— Слушайте, вы! — вспыхнул Квач. — В светскую

беседу играете? На трикотажной фабрике работал. Кладовщиком. Раз пришли за мной, то, наверно, всю биографию назубок выучили. Или милиция хватает, и фамилии не спрашивает?

— Спрашивает, Виталий Гаврилович, будьте уверены. А что, в вашей биографии есть какая-нибудь червоточинка?

— Нет, так пришьете. Имею я право, наконец, узнать, в чем меня обвиняют?

Панин укоризненно покачал головой.

— Невежливо с вашей стороны. Я бы сказал, нагло. А обвинение вам будет предъявлено. Закон разрешает нам делать это немного позднее.

Квач украдкой следил за Ремезом, который протыкал спицей землю в ящике с фикусом.

— Прошу понятых подойти ко мне! — вдруг сказал Ремез. Осторожно разгреб пальцами землю, достал из ящика завернутый в тряпку предмет. — Кастет, Олекса Николаевич!

«Вот чем ты убил Полякова и чуть не отправил на тот свет Ванжу!» — хотелось крикнуть Панину. В глазах от гнева поплыли черные круги, словно издалека услышал собственный голос:

— Выходит, оружие у вас все-таки есть.

— Какое же это оружие? — Квач хмыкнул. — Так, кусок железа. Хулиганы дрались на улице, подобрал.

— И зарыли под фикусом?

— Не в серебряную же шкатулку его...

Ремез вынул из кармана лупу.

— В углублениях частицы вещества рыжего цвета... В частицах высохшие волоски. Плохо мыли, гражданин Квач!

— Пиши протокол изъятия, Георгий Степанович, и сегодня же на экспертизу, — сказал Котов. — Задержанный, вспомните, когда вы зарыли кастет?

— Не помню точно. Давно. Кажется, прошлой осенью.

— Зачем?

— Просто так. Мало ли чего?

Обыск длился второй час. Во взглядах, которыми обменивались сотрудники милиции, появилось беспокойство. Котов спустился с чердака весь в паутине, жестом показал Панину: пусто. Гринько как раз закончил осмотр книжного шкафа, постоял перед ним в раздумье и закрыл застекленные дверцы. Панину показалось, что

Квач облегченно вздохнул. «Показалось или на самом деле от сердца отлегло у хозяина?» — подумал он.

— Библиотека у вас симпатичная, — сказал капитан.

— Зимними вечерами одинокому человеку единственное развлечение. — Квач избегал взгляда. — В молодости не хватало времени, так хоть теперь.

Панин не спеша, словно от нечего делать, приблизился к шкафу. Пальцы забежали по корешкам книг и вдруг замерли.

— Байрон, старинное издание, — сказал он, доставая с полки книгу. — На века писалось, на века издавалось. Этому переплету износа нет, да и бумага — такой теперь и со свечкой не найдешь. А только испортили вы книжечку, Виталий Гаврилович, не проявили уважения к классику.

— Тихо, дядя! — Гринько тяжелой рукой прижал рванувшегося Квача к стулу.

Панин раскрыл твердый переплет. В вырезанном в листах углублении лежал пистолет.

— Ой! — Женщина испуганно спряталась за спину бородатого понятого.

— Пистолет системы Токарева, образца 1942 года, — сказал Панин. — Его вы тоже забрали у хулиганов? Что молчите? Язык отнялся?

— С войны остался. Память.

— Воевали? В каких войсках?

— Там все написано, — Квач кивнул на стопку документов, сложенных Ремезом на столе.

— Симпатичное гнездышко вы ему устроили. Так сказать, в лоне поэзии. Не вспомните, когда пользовались в последний раз?

— Говорю же — с войны!

— А дуло до сих пор порохом пахнет. Удивительно!

Неожиданно заговорил бородатый понятой. Он растерянно бросал взгляды по очереди на всех собравшихся в комнате.

— Как же это... Мы же с ним... соседи. Принимал его за честного человека, и вот Маша... тоже, известно. А кто же он такой на самом деле?

— Следствие выяснит, — сказал Панин. — Вы не волнуйтесь, гражданин. Подпишите протокол — и свободны.

Гринько прислушался.

— Волнуется пес. Что будем с ним делать?

— Кинологи возьмут?

— Вряд ли.

— Может, я? — Бородатый несмело взглянул на Квача. — Собачка славная.

— Не возражаете? — спросил Панин.

Квач равнодушно махнул рукой. Казалось, им овладела апатия. Прежде чем подписать протокол обыска, он долго и старательно протирал пенсне, а подписал не читая. Со двора долетало жалобное повизгиванье.

— Цербер... И надо же было так оскорбить пса! — проворчал Гринько.

3

Готовясь с Котовым к допросу Квача, Ремез вспомнил майский день, когда он, заглянув на минутку к Ванже в «теремок», застал там Гринько и, конечно же, не упустил случая поехидничать над его пристрастием к сопелкам. На Квача, с которым Ванжа пришел от Очеретного, Ремез не обратил тогда внимания — мало ли кто бывает в кабинете оперуполномоченного угро? — правда, отметил редкостную лысину посетителя, чересчур зеркально сияла она на солнце. Позднее читал его заявление. «Были ли у меня основания заинтересоваться этим добровольным свидетелем? — думал Ремез. — Я почувствовал признательность к человеку, который сам пришел в милицию, обеспокоенный загадочным исчезновением девушки. Мы всегда благодарны общественности за помощь. Вот и Квач... Соседи, дружил с покойным отцом Нины, содействовал устройству девушки на работу, именно на трикотажную фабрику. Значит, нетрудно было понять уже тогда, что Квач имеет отношение к этой фабрике. И еще: заявление Квача написано рукой Гринько. Вместо подписи — невыразительная закорючка. Почему?»

— Панин отчитывает сейчас Гриню, а что Гриня? — сказал Ремез. — У Квача пальцы были перевязаны, вот инспектор и писал. Может, намеренно? Или поранил в ту ночь.

Котов рассердился:

— Сделаешь выводы на будущее. Сейчас нам о другом надо думать. Панинская работа, считай, кончилась, наша только начинается. Кстати, Панин зря отчитывал Гринько и за то, что Квача не было в списках очкариков.

— Почему?

— Никто не видел их вместе с Поляковым! Этот Квач не простая штучка, Георгий Степанович.

Конвойный ввел арестованного. Квач остановился у порога, за стеклами пенсне не было видно, куда он смотрит — на следователя или в зарешеченное окно, за которым буйствовало утреннее солнце. Ремез молча показал на привинченный к полу стул напротив стола, Котов включил магнитофон.

— Вы находитесь на допросе предварительного следствия, — сказал он бесстрастным тоном. — Ваши показания записываются. Фамилия, имя, отчество?

— Квач Виталий Гаврилович.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот третий... Украинец, беспартийный, судимостей не имею, наград также. Пенсионер. Еще какие анкетные данные?

— Место рождения?

— Большая Лепетиха Херсонской области. Перед вами мои документы.

— Таков порядок. Где вы были в ночь на 25 мая?

— А вы помните, где вы были? — отпарировал Квач. — Это же не вчера и не позавчера. Сколько времени прошло! Наверное, спал. Ночью люди спят, я тоже не исключение.

— Я напому вам ту ночь, — вмешался Ремез. — Той ночью исчезла Нина Сосновская. На другой день вы пришли в милицию. Вот ваше заявление.

— Это тогда? Так бы и сказали. Приходил, а как же, приходил. Не мог не прийти. Мы с Сосновскими соседи, а тут такая беда. Плачет Елена, а я же видел дочку накануне, говорил с нею. Тоже плакала, жаловалась на того, как его... запомывал фамилию.

— Ярош?

— Ага, Ярош. Тот, что на радио.

— Это вы писали? — Котов вынул из папки анонимное письмо в райисполком. — Читайте!

— Нет, в милицию приходил, а жалоб не писал. Да и почерк не мой.

— Ваш. Приглядитесь лучше! Вы думали, достаточно наклонять буквы в другую сторону — и почерк не узнать. Вот вывод графологической экспертизы.

Квач потупился.

— Каюсь, написал... А как было не написать, когда вы не обратили внимания на мое заявление. И слепому

видно, что до гибели довел девушку Ярош! Со мной беседовал старший лейтенант, не знаю, кто он, благодарил, сказал, что я очень помог... и на тебе — положили мое заявление под сукно.

— К сожалению, не положили. Мы пошли ложным путем, который вы нам так ловко подсунули, и потеряли много времени. Узнав, что Ярош не арестован, вы решили обжаловать действия милиции. Почему вы сделали это анонимно да еще изменили почерк?

Квач вытер платком лысину.

— Хоть эту тряпку не отобрали, и на том спасибо. Жарко... По своей глупости изменил. Боялся... как-никак милиция. Папочка Яроша, видно, большая шишка, вот вы и...— Он хитровато усмехнулся.— Всякое в жизни бывает.

— Отец Яроша, да будет вам известно, рабочий, литейщик,— сказал Ремез.— И все вы, гражданин Квач, лжете. Не спали вы в ночь на 25 мая. Где ваша лодка?

— Какая лодка? — заметно было, что арестованный оттягивает ответ, собираясь с мыслями.

— Моторная лодка «Прогресс» Р 26-25?

— Думал, вы о шлюпочке спрашиваете. Шлюпочка у меня была, я, знаете, любил на веслах ходить, пока в руках была сила. Украли шлюпочку. Между прочим, милиция так и не нашла. А моторная лодка на причале, где же ей быть.

— Так вот, вы не спали той ночью. Вот свидетельство ночного сторожа третьего причала Барыкина. Приблизительно в восемь вечера вы пришли на причал без пропуска. Барыкин сделал вам замечание. Вы сказали: «Ты же меня знаешь. Пропуск забыл дома». Вернулись вы, Виталий Гаврилович, после двух часов ночи. Барыкин еще спросил: «Где тебя носило? Рыболовный сезон еще не открывали. Браконьерствуешь потихоньку?» А вы сказали: «Где был, там уже нет. К вдове ездил. Славная вдовушка, а только тебе, старый хрыч, делать там нечего».

— Врет ваш Барыкин! — воскликнул Квач.— В ту ночь я спал. Может, когда в другой раз и был такой разговор. Не вяжите батог к дышлу! Чем докажете?

— Будьте уверены, докажем. Всему свое время. Так вот, к какой вдове вы ездили? Она может подтвердить? Назовите адрес. Это в ваших интересах.

Квач сделал жест, который можно было понять так: что сделаешь — придется признаваться.

— Какая там вдова! Не мог же я сказать Барыкину, что и в самом деле ставил сетку. Он тут же донес бы рыбинспектору. Знаю я этого занудливого деда!

— Где ставили?

— Не помню. Кажется, в Овсеевских плавнях.

Ремез выпрямился. Заговорил тихо, словно о будничном деле, хотя внутри у него все клокотало от гнева:

— Теперь я вам скажу. Не было вдовы, не было сети, а было так. Вы приплыли на лодке к набережной и позвонили Сосновским. Трубку взял Василек, Нинин брат. Вы спросили Нину, а когда она подошла, сказали, что Ярош попал в аварию, находится в тяжелом состоянии и просит немедленно приехать. Говорили через носовой платок. Не через тот ли, что сейчас у вас в руке?

Квач уронил платок, нагнулся за ним, сгреб в ладонь. Зло спросил:

— Романов Сименона начитались?

Ремез не дал себя сбить:

— Вы точно рассчитали! Нина любила Яроша, на которого вы так хитроумно возводили поклеп, и, поверив в то, что случилось несчастье, прибежала. Вы сказали, что случайно оказались свидетелем аварии, и повезли девушку за высоковольтную подстанцию, на двенадцатый километр. В безлюдное место за Русалочьей скалой. Была ночь, но Нина не боялась. Не боялась вас, хорошо известного ей дяди Виталия, который даже на работу ее устраивал. Она думала о Яроше и, наверное, умоляла вас поторопиться. И тут вы...

Квач побледнел. Пенсне запотело. Он протер стекла пальцами, забыв о зажатом в кулаке носовом платке, обернулся к Котову:

— Я требую защитить меня от инсинуаций со стороны вашего коллеги. Я буду жаловаться!.. В конце концов я устал, прошу прекратить допрос.

Ремез переглянулся с Котовым и нажал на кнопку.

— Уведите арестованного! — приказал он конвойному.

Котов принялся перематывать пленку.

— Что скажешь о допросе? — спросил Ремез.

— По-моему, все идет нормально. Барыкин сможет подтвердить, что Квач брал лодку именно в ночь на двадцать пятое?

— Никаких сомнений! Дежурить должен был другой

сторож. Они там посменно. А у того был день рождения, попросил подменить. Барыкин клянется, что все точно.

Позвонил Журавко:

— Квач у вас?

— Попросил прервать допрос. Все идет по плану, Сергей Антонович. Начали с Сосновской.

— Крутит?

— Да уж...

— Мы с Бондарем зайдем, как договорились, дай знать. Маркову я сказал, что завтра ты передашь ему «шерстянников». Генерал так распорядился.

— Наш полковник в хорошем настроении, — сказал Ремез Котову, положив трубку.

После обеда Ремез зашел к следователю Иванцову, которого тоже подключили к работе. Иванцов сидел, обхватив голову руками.

— Георгий Степанович, — взмолился он, — ради бога, освободи меня от этого Локотуна. Ежедневно требует следователя, мелет всякий вздор. Ты ему про Фому — он про Ерему. Сегодня принялся анекдоты рассказывать, да все о сумасшедших. Слушай, а может, он — ку-ку? Может, показать его психиатру?

— Можно и показать. А только, Петро, Локотун здоровей нас с тобой, вместе взятых. Хитрит. Мол, прикинусь дурачком — глядишь, поезд проскочит мимо... Не грусти, завтра Марков впрягается, а мы пойдем в пристяжке.

— Что Квач?

— Потом, Петро, потом. Я побежал.

Они снова сидели втроем: Котов, Ремез и Квач, равнодушный, спокойный, словно и не было утреннего допроса.

— Продолжим разговор, гражданин Квач, — сказал Котов, включая магнитофон. — Следствие интересуется еще одна ночь, недавняя. Надеюсь, на этот раз память не подведет вас. Где вы были в ночь с 21 на 22 июня?

— Не делайте из меня ночного оборотня! — огрызнулся Квач. — Спал я, спал!

— Вы знаете такого человека: Поляков Григорий Семенович?

— Не припоминаю.

— Он сменил вас на должности заведующего скла-

дом сырьевых материалов на фабрике, когда вы ушли на пенсию.

— Возможно, что и Поляков.

— Где он живет — помните?

— Не имел чести заходить в гости. Склад передал — на том и кончилось знакомство.

— И все-таки в ночь на 22 июня безошибочно нашли его усадьбу.

— Очередная инсинуация?

— Неумно отрицать очевидные факты. И вообще напрасно вы вынуждаете следователей рассказывать то, что по праву надлежит делать вам. Мы и так все знаем. Итак, около двенадцати ночи вы проникли в сад Полякова со стороны железнодорожной насыпи. В небе светил месяц. Не берусь утверждать, что это было вам на руку. Вас заметил милиционер. Он мог схватить вас на месте преступления, но погорячился. Не выдержали нервы и у вас. Вы выстрелили в милиционера, хотя, пользуясь тем, что месяц как раз закрыло облако, могли убежать незаметно. Я понимаю, вы не знали, что милиционер один, в ту минуту вам казалось, что вас окружили. Уверен, потом проклинали себя за несообразительность. И не зря... Я в чем-то ошибся?

Казалось, Квач задремал. Сизые веки дергались, как это бывает, когда человеку снится неприятный сон.

— До сих пор я рассказывал, — сказал Котов, — а теперь спрашиваю: что вам было нужно в усадьбе Полякова?

— Еще одна баечка. Не был я там!

— Неужели вы думаете, что мы вызвали вас на допрос, не имея достаточных доказательств? Посмотрите сюда. Ну, смелее! Вот пуля, вы попали в яблоню, вот гильза... Экспертиза установила, что пуля выпущена из пистолета, который мы нашли у вас дома в томе стихов Байрона. Гильза также имеет отношение именно к этому пистолету... А вот снимки ваших следов. Они тоже идентифицированы и точно соответствуют следам ваших полуботинок. Плюс сравнительный анализ почвы в поляковском саду и комочков земли на тех же самых полуботинках. Для судебного следствия этого вполне достаточно. А для вас?

Квач облизал пересохшие губы.

— Попить можно?

Жадно выпил стакан воды, отдышался.

— Ваша правда. Не стану отпираться... Был я в са-

ду. Только я не знал — Полякова он или еще чей-то. Мне было все равно. Присмотрел яблоки, ну и... польстился. На базар хотел... В цене сейчас яблочки.

Ремез прыснул в кулак. Котов осуждающе посмотрел на него.

— Я понимаю, гражданин Квач, вы не придумали ничего лучшего, — сказал он. — Бывает. Но все же, согласитесь, смешно: идете красть яблоки. Куда? Где Чапаевская, а где Тимирязевский переулок! Это же сколько пешком! Трамваи ночью не ходят. Может, на такси?

— Напрасно поднимаете на смех, — процедил сквозь зубы Квач. — Если вы такие проницательные, могли бы догадаться, что пришел я туда с вечера.

— За яблоками? Какое мальчишество! В вашем-то возрасте. А чтобы не страшно было — пистолетик в карман. Вдруг милиционер сторожит яблоки!

Котов сделал знак Ремезу. Старший лейтенант на минуту вышел, вернувшись, также молча кивнул Котову.

— За яблоками, — повторил Котов, словно раздумывая над этими словами. — Дождались бы, когда созреют, а то ведь зеленые совершенно... Ну хорошо, пойдем дальше. Вернее, немного назад. Вы правы, ночь да ночь, а где же день? Днем оно как-то виднее. Что вы делали в доме Полякова утром 17 июня? Отвечайте, гражданин Квач!

Квач снова прикрыл глаза. По жилистой шее пробежала судорога. Дверь открылась, пропуская Журавко и стриженного под ежик человека в штатской одежде. Следователи догадались, что это Бондарь из прокуратуры. Оба присели в стороне, в углу, на заранее принесенные стулья. Как и было условлено, Котов не обратил на них внимания.

— Повторяю вопрос, арестованный! — сказал он. — Что вы делали в доме Полякова утром 17 июня?

— Не был я там. Дома сидел. Разве что пса выводил на прогулку. Так это я каждый день... Спросите соседей.

— Спрашивали. Видели они вас с собакой на Чапаевской...

— Ну вот!

— ...приблизительно в тринадцать часов. Утром же ваш дом был на замке, а овчарка выглядывала в окно. Во время вашего отсутствия она имеет привычку смот-

реть в окно. Елена Дмитриевна Сосновская видела ее, когда шла на работу.

— Вранье! Вы же, наверно, наплели ей про дочку, она теперь все что угодно будет городить на меня.

— У нас есть и другие свидетели, — сказал Котов. — Свидетели, которые видели вас в доме Полякова.

— Неправда! Никто меня не видел!

— Значит, признаете, что были там?

— Не признаю. Не был!

— Были. Не скрою, следствию неизвестно, в котором часу вы зашли к Полякову. Во всяком случае, достаточно рано — вы спешили застать хозяина, пока он не ушел на работу. Отметим также, что вы знали об отъезде его семьи на Кавказ. Поляков угощал вас коньяком. На кухне. Пили мало. Дело, ради которого вы пришли, требовало трезвого разговора. Поляков не дал согласия, и вы убили его ударом кастета по голове. Не знаю, входило это в ваши планы заранее или вы решились на убийство уже на месте. Оставлять труп на кухне было опасно. Окно выходило в переулок, ненароком кто-нибудь мог увидеть. Поляков был тяжелый, вы закутали ему голову полотенцем, чтобы не наследить, и поволокли в спальню. Вам нужно было выиграть время для поисков того, что хозяин не захотел вам отдать добровольно. Искали долго, с восьми — медэкспертиза установила, что смерть Полякова наступила в восемь часов, — до двенадцати, когда вас застал оперативный работник Ванжа. Лейтенант не знал о вашем преступлении, он пришел по служебным делам. Тут вам повезло. Ванжа помнил вас и ваше заявление о Сосновской, вы что-то наплели о своем визите к Полякову, и он повел себя неосторожно. Сами расскажете, что было дальше?

Квач молчал.

— Неразговорчивый вы, Виталий Гаврилович, никак вас не расшевелишь. Дальше было то же, что и с Поляковым. Вы снова пустили в ход кастет, найденный у вас при обыске под фикусом. Экспертиза обнаружила на нем следы крови Полякова и Ванжи, у них разные группы. Кроме того, крохотные обрывки волос, которые, смею вас уверить, тоже легко поддаются идентификации... Нанеся удар кастетом Ванже, вы выглянули в кухонное окно, увидели участкового инспектора Худякина и сбежали через другое окно — в сад. Там вам

снова повезло. Как раз шел пригородный поезд, на повороте он тормозит, вы прыгнули на подножку вагона. На привокзальной площади сели в автобус, который идет на Чапаевскую. Мой коллега, следователь Ремез, таким способом добрался из Тимирязевского переулка до вашего дома за сорок минут. Это в том случае, если не брать на вокзале такси. Неудивительно, что в тринадцать часов вас на самом деле видели на Чапаевской с собакой. Вы пытались создать иллюзию алиби.

Котов сменил в магнитофоне кассету и продолжал:

— Все эти подробности я рассказываю вам, чтобы вы поняли: следствию известен чуть ли не каждый ваш шаг, отпираться бесполезно. В ночь же на 22 июня вы еще раз хотели проникнуть в дом Полякова. Помешал милиционер. Что вы хотели там найти? Отвечайте, наконец!

— Скажу... — Квач дышал так, словно только что пробежал стометровку. — Все было так, как вы рассказали. Вы словно присутствовали там... — Он судорожно вздохнул. — Мы поссорились с Поляковым. Была бы причина, а то ведь из-за какой-то мелочи. И выпили немного, тем более что ему на работу нужно было, а вишь... Ударил он, а у меня кастет в кармане, я не стерпел... Видно, в запале перестарался. Ну а потом... потом вспомнил, как Поляков хвалился, будто бы привез с Севера самородок золота. Жаловался — не может реализовать. Раз уж так вышло, подумал: почему бы и не взять? Полякову это золото теперь ни к чему, да и никому больше он о нем не рассказывал. Напрасно искал. А тут ваш лейтенант. Принесло же его! Клянусь, я не хотел убивать его! Я был в безвыходном положении. Ну, отпустил бы я его с миром, а Полякова нашли — тут мне и крышка. Хотя и теперь...

Квач безнадежно махнул рукой, снял пенсне и принялся краешком платка вытирать лицо.

— Верите, признался и словно легче стало. — Он вздохнул. — Не жил эти дни, а мучился. Все проклял! Скажите: а лейтенант... живой?

Котов глянул на Бондаря. Тот кивнул.

— Живой, — сказал Котов. — Выкарабкался с того света. Надеялись, что умер?

Глаза арестованного вспыхнули и погасли.

— Вы обо мне совсем, как о звере, думаете.

— А вы и есть зверь! — не выдержал Ремез. — Злой и беспощадный. Вы были уверены, что убили Ван-

жу. Иначе бы давно бежали из города. Вам казалось, что вы недосыгаемы, все концы спрятаны в воду. А лейтенант выжил.

— И не золото вы искали у Полякова, гражданин Квач, — проговорил Котов. — Никакого самородка у Полякова не было. Мы знаем, что вы искали.

— Золото! Золото! — истерично закричал Квач. — Я же признался! Я все сказал! Что вы от меня хотите? Ненавижу! Будьте вы прокляты!

Бондарь поднялся и медленно подошел к арестованному. Тот побледнел:

— Не бейте меня, не бейте! Я протестую!

— Успокойтесь! — с презрением сказал Бондарь. — Плохо вы думаете о советской милиции. У нас не бьют. Это у вас били, казнили, стреляли и вешали. Разве не так, господин Нарыжный?

Квач с ужасом смотрел на него. С побелевших губ сорвался шепот:

— Вы... вы кто?

— Вот что вы искали! — Бондарь резким движением поднес к глазам арестованного найденный в дупле снимок. — Вы хотели во что бы то ни стало уничтожить кричащее доказательство вашей принадлежности к гитлеровской зондеркоманде. Не остановились перед убийством! Поляков был не промах, этим снимком он держал вас в руках. Так или не так?

— Так! Так! Дайте воды... Воды! — Зубы стучали о стакан. — Я расскажу... Все! Потом, потом... Мне холодно.

Журавко, который до сих пор сидел молча, обратился к арестованному:

— Один вопрос. Скажите, Квач, или как вас там... Сосновскую утопили вы?

— Я не хотел... Клянусь, я не хотел! Он вынудил меня, он держал меня за горло. Вот мое терпение и лопнуло! Оттуда еще никто не возвращался, правда же? — Квач истерично хихикнул. Его трясло. — Оттуда он меня уже не достанет. Дудки! Ха-ха-ха...

— Страшный человек, — глухо сказал Журавко, когда за арестованным закрылась дверь. — Все-то он, видите ли, не хотел. Да за одну Сосновскую... — Полковник отвернулся к окну.

Бондарь пожал руки следователям:

— Поздравляю, товарищи! Нарыжного искали — зондеркоманда действовала в районе столицы респуб-

лики, — но следы этого изменника Родины казались потерянными. Умело маскировался... Именно из таких, готовых на все, гитлеровцы и вербовали себе помощников. Как были они уголовными преступниками, так и остались ими до конца. Так же, как и их хозяева. Завтра вы еще раз допросите его, уточните детали. Далекого прошлого можете не касаться, это уж наша забота. А сейчас давайте прослушаем всю запись сначала. Не возражаешь, Сергей Антонович?

4

По ту сторону Днепра вдоль берега угадывалась темная полоса печенежских камышей, с левой стороны, за поросшими соснами холмами, выглядывало солнце.

Залитый лучами плес плавился бурунцами. Иногда бултыхало так, словно кто-то бросил большой камень. Удочки стояли неподвижно. По опыту Гафуров знал: жирует рыба — наберись терпения. Радуюсь приходу нового дня, она гуляет в насыщенной кислородом воде, озорно выплывает на поверхность, а утомившись, спустится на дно в поисках поживы.

Гафуров поймал несколько лещей, прикинул на глаз улов и принялся сматывать удочки. Он не уважал людей, которые не умеют или не хотят перебороть собственный азарт: лови, пока ловится!

Лодка ткнулась в песчаную косу на Заячьем острове. Рахим выпрыгнул на берег. Остров встретил его птичьим щебетом, шорохами в кустах. После того, как он был здесь в последний раз, кусты и травы сплелись в сплошные заросли, а верба пустила новые побеги и, казалось, присела под тяжестью собственной листвы. Гафуров не стал обходить остров берегом, продрался через кустарник, раздвигая ветки руками. Все тут росло в добром соседстве: боярышник и терн, шиповник и крушина, ковыль, тысячелистник, овсяница, ситняг, полевица, типчак — целое царство красок и запахов. Запахи лились на него отовсюду, иногда ему удавалось выделить щекочущий аромат хрупкой льнянки, терпкую щедрость дикой мяты, острое дыхание шалфея.

Рахим пробирался в глубь острова словно в забытьи. Вдруг травы расступились, и он понял, что ноги несли его вперед не наугад, потому что привели на полянку, где отдельно, словно отшатнувшись от окружающе-

го мира, росли невысокие, ему по пояс, кусты с пушистым листом. В прошлый раз они цвели — на одной ножке по два цветочка, нежные, хоть в свадебную фату; теперь вместо них также попарно висели ягоды — на вершине веток зеленые, посередине розовые, внизу темно-красные. Тогда Гафуров с трудом отломал стебель, древесина была на редкость крепкой.

— Люницера ксилостеум, — сказал Рахим и обернулся, словно пораженный звучанием собственного голоса среди наполненного шумами и шелестами молчания. — А говоря попросту — волчьи ягоды. Белыми цветочками маскируется, красными ягодками, а натура волчья — на отраве настоящая.

Ему хотелось взять топор и вырубить все семейство, пока птицы не расклевали и не разнесли ядовитые семена, но майор понимал, что люницера ни в чем не виновата. Просто с тех пор, как одна из его дочерей, Нарзум, отравилась волчьими ягодами, он возненавидел это растение, оно словно стало воплощением коварства, бесчестности, обмана — всего того, с чем Рахим Гафуров боролся всю свою сознательную жизнь.

Он лежал под вербой, всматривался в изменчивое кружево листвы и думал, что на следующее воскресенье привезет сюда Зин-Аиду и всех «амазонок». Пусть и они увидят любимый его сердцу кусочек земли посередине Днепра, первобытно-дикий, нетронутый, где все рождается, живет и умирает без постороннего вмешательства по установленным природой законам.

Гафуров машинально включил транзистор. Он брал его с собой ради «Последних известий». В редкие часы, когда он бывал дома, это время считалось святым. Из динамика вырвался пронзительный крик чайки. Столько боли, столько отчаяния было в том крике! Рука замерла... Чайка жалобно стонала над морем. Море рокотало, шуршало галькой. Из синей дали, раскачиваемой ветрами, в шальной гонке одна за другой на берег катились волны. Удар за ударом! А вот самый сильный, даже застонали скалы. «Не девятый ли? — подумалось Гафурову. — Какой титанический ритм! Страшная и прекрасная гармония стихии».

Он не знал, что слушает премьеру радиофильма Ярослава Яроша «Голос моря». Вокруг него, обмывая крохотный островок, текли тихие днепровские воды.

Наступил день, когда Белогус разрешил Ванже спуститься в сад. Собственно, несколько молодых кленов между клумбами возле больницы и давно отцветшую сирень вдоль забора садом назвать можно было только с натяжкой. Но если человек поднимается на ноги после длительного пребывания на рубеже, за которым нет даже пустыни, все сущее наполняется неведомыми доселе красотой и очарованием. Что может быть лучше пьянящего запаха левкоя за скамейкой, на которой сидишь ты в окружении друзей? Гриня, конечно же, принес сопелочку. Не поленился, инкрустировал ее подпалинами — не сопелочка, а игрушка.

— Последнее достижение изобретательской мысли! — гудел Гринько. — Свистнешь раз — прибежит няня, свистнешь два...

— ...появится Баба Яга, — подхватил Панин.

— Почему же Баба Яга? — не согласился Гринько. — Как раз наоборот, хорошенькая и — заметьте! — чернявенькая Ягуся.

— А у нас, Василь, перемены. Новоселье справили. Понемногу осваиваемся. Одна тетя Прися недовольна, никак не может привыкнуть. Грозится уйти.

Ванжа потрогал себя за усы.

— Прощай, «теремок», — тихо сказал он. — Кто-то, а полковник, должно быть, на вершине счастья, сбылась его мечта... Олекса Николаевич, вы же знаете, мне не терпится услышать главное. И Ремез прибежал, и вот Гриня, да разве от них дознаешься! Все им некогда.

Панин был готов к такому повороту в разговоре. Не отмолчишься, все равно когда-то придется сказать правду.

— Оно и в самом деле некогда. Горячие были денечки. — Панин все еще колебался. — Ну, в общих чертах о фирме, о «шерстянниках» тебе рассказали. Следствие закончилось, суд воздаст каждому по заслугам. Что касается Полякова и Квача, то тут я не все знаю. Настоящая фамилия Квача — Нарыжный. Перед войной сидел за грабеж. Бежал. Во время оккупации служил фашистам. Не какая-то там пешка, а следовательно зондеркоманды. Там же во вспомогательной полиции подвизался Поляков. Когда пришли наши войска,

Нарыжный бесследно исчез, хотя были некоторые данные о том, что гитлеровцы не взяли его с собой.

— А Поляков?

— Поляков тогда сдался. Выдавал себя за невинную овечку. Отбыл наказание и жил на Севере. Там женился. А Нарыжный, как теперь стало известно, притаился тут у нас с фальшивыми документами. Кто бы мог думать, что под личиной инспектора райфинотдела, а позднее заведующего складом трикотажной фабрики Квача прячется изменник Родины, следовательно гитлеровской зондеркоманды? Что рваную рану под ключицей он получил не в бою с фашистами под Лохвицей, а во время облавы на партизан? Солдатская книжка, справка из госпиталя, заключение комиссии о демобилизации — все было изготовлено блестяще.

— Сам он, вряд ли сумел бы запасть такими документами, — заметил Ванжа. — Его готовили?

— Будет из тебя человек, — похвалил Панин. — Да, и готовили старательно. Документы, биографию... Нарыжный, теперь уже Квач, женился на одинокой женщине на Чапаевской и стал ждать своего часа. Такое у него было задание: затаиться и ждать.

— Чего? — спросил Гринько.

— Не чего, Гриня, а кого. Как водится в таких случаях, к Квачу должен был прийти связной. Но что-то там в шпионской машине заело. Время шло, а никто не приходил. Если верить Квачу, то он даже обрадовался. Понимал, что его карта бита, совсем было притих. Была только одна забота: как бы не всплыло на поверхность его прошлое. Жена померла. Решил больше ни с кем не связывать судьбу, купил щенка, вырастил и зажил вдвоем с Цербером. Когда Квач забыл и думать о своем двуликом существовании — столько же лет прошло! — объявился Поляков.

— Искал его?

— Встретились случайно, на улице. В то время Поляков жил уже в нашем городе в известном тебе Тимирязевском переулке. Когда надоел суровый климат, сунулся в родные края, а там бывшего полицая встретили враждебно, люди показывали на него пальцами. По совету своей родственницы Валентины переехал к нам. Помнишь, ты проводил Олега Горлана до дома на Хабаровской? Там живет Валентина. Она, кстати, тоже проходит по делу «фирмачей» как соучастница. У нее в доме был тайный склад для водолазок. Так вот, ког-

да встретились эти два типа, Поляков обрадовался, Квач — наоборот, но виду не подал. Поляков сказал, что имеет дом, семью, но временно остался без работы. Не скрывал, что, будучи экспедитором на мясокомбинате, не брезговал жульничеством. Жаловался на народных контролеров: мол, суют нос куда не следует, пришлось, пока не схватили за руку, уволиться по собственному желанию. Узнав, что Квач собирается на пенсию, Поляков пожелал устроиться на его место.

«Как же я тебя отрекомендую?» — спросил Квач.

«А это уж не моя забота, — сказал Поляков. — Придумай что-нибудь, словом, постарайся».

Квач постарался. Надеялся таким способом отвязаться от Полякова. И действительно, долгое время Григорий Семенович не трогал его. Заходил раз или два, к себе не приглашал. На расспросы о работе отвечал шуткой: «С паршивой овцы хоть шерсти клок». Теплым майским вечером пришел взволнованный, бросил на стол пачку денег.

«Что это?» — поинтересовался Квач.

«Или ты ослеп? — взорвался Поляков, но сразу же сбавил тон. — Бери, не упирайся. Как-никак ты оказал мне добрую услугу. Сделаешь еще одну — не пошлюсь».

«Какую?» — спросил Квач.

«Прибрать нужно одну слишком любопытную девушку. Кое-что пронюхала, того и гляди побежит в милицию».

Квач будто бы начал упираться. Поляков пригрозил: «Меня возьмут — и ты загремишь. Глянь сюда».

И показал Квачу фотографию.

Панин взволнованно взглянул на Ванжу.

— Василь, тебе плохо? Может, не надо продолжать?

— Надо, товарищ капитан. Я должен знать все. Понимаете? Все! Не бойтесь за меня.

— На фото был сам Квач — в мундире, с фашистским крестом. Как этот снимок оказался у Полякова, неизвестно. Квач не знает, а Поляков уже не расскажет. Где-то прятал, на всякий случай, такие люди весьма предусмотрительны. Вдруг сгодится! И сгодилось. Квач понял, что отныне над ним будет висеть меч...

«Когда-то ты неплохо умел это делать, — сказал По-

ляков. — Не разучился? Гляди, чтобы все было шито-крыто. Почему не спрашиваешь: кого?»

...Гринько толкнул Панина локтем. Ванжа сидел белый как мел. Губы шептали что-то неразборчивое.

— Вот видишь, — укоризненно сказал Панин. — Напрасно я поддался на твои просьбы. Нельзя тебе так волноваться. На сегодня хватит. И медсестричка уже за тобой... Засиделись мы. Худякин не забегал? Вдолбил себе в голову, что это его вина... там, в Тимирязевском. Оно, конечно, если бы вдвоем...

— Глупости. Я сам виноват... доверился. Нас учат верить людям.

— Правильно учат, Василь, — сказал Панин. — В доверии наша сила. Чего бы мы стоили, если бы не верили людям? Квачей, поляковых — единицы. А хороших людей, настоящих — целый мир.

*Перевод с украинского
Ст. Никоненко и Н. Уманца*

Василий КОХАН

МЕСТЬ

Ирина выбежала из дома.

— Дмитрий! Дмитрий!

На соседнем окне распахнулись сероватые шторы.

«Что случилось?» — прикинула к холодному стеклу Феня. Она как раз, попив чаю, расстелила постель и уже собиралась было лечь. Ей и в голову не могло прийти, что кричит тихая, уравновешенная соседка Лукашук. Убедилась в этом, только когда оказалась на дворе возле растерянной Ирины, которая нервно теребила кончик новенького фартука, переступала с ноги на ногу, словно не знала: бежать ей или оставаться на месте, — и все больше съеживалась от каждого вспыхнувшего окна, разбуженного ее криком.

Ирина и не заметила, как и когда возле «Москвича» под уже сбросившим листву ясенем собрались люди. Двое в пижамах попробовали поднять Дмитрия, но тут же опустили, отошли в сторонку и принялись вытирать руки палыми листьями.

Феня подступила поближе. Человек лежал навзничь и не шевелился. Так это его звала Ирина. Значит, это Дмитрий Балагур.

— Что случилось? — шепотом спросила Феня у мужчины, который только что отошел от Дмитрия. — Драка?

— Может быть...

В толпе переговаривались:

— За что его?

— Наверное, из-за нее. — Старичок неодобрительно кивнул головой в сторону Ирины.

— Безобразие!..

— Милиция разберется.

У Ирины закружилась голова. Она прислонилась спиной к стене. Как сквозь сон, до нее доносилось:

— Ирина одинокая.

— Деток в капусте нашла...

Во дворе остановилась «скорая помощь». Женщина

в белом халате выскочила из кабины, обошла вокруг Дмитрия, всмотрелась в его лицо и тонкими пальцами обхватила у запястья безвольную руку. Скомандовала:

— Носилки! Осторожно.

— Па-а-па!

Митя цеплялся за носилки. За братом семенила Марьянка в зеленом платье, белых туфельках, с розовой ленточкой в мягких волосиках.

— Возьмите детей! — попросила врач.

Митя и Марьянка из объятий Фени проводили глазами машину, которая увозила раненого Балагура.

Еще не развеялся дымок за «скорой помощью», как подъехала оперативная милицейская машина, осветила фарами ту часть двора, где толпились возбужденные люди.

— Кто вызвал милицию? — спросила следователь Наталья Филипповна Кушнирчук.

Толпа стала редеть: кто-то вспомнил про оставленное на плите молоко, у кого-то остались без присмотра дети, а кто-то просто не хотел лишних хлопот.

— Граждане, — сказала старший лейтенант, — кто может дать какие-нибудь сведения, прошу остаться.

Полненькая девушка назвалась Калиной Касиян. Возвращаясь с работы, она увидела, как за стволом ясеня прятался человек среднего роста в расстегнутом плаще, простоволосый, в руках что-то блеснуло, похоже на нож.

— Это его «работа», — закончила Калина, — я же видела, как он прятался. А честные глаза в сторону не смотрят.

— А может, это портсигар блеснул?

Наталья Филипповна записала в блокнот имя девушки.

— Что-то блеснуло, — сказала уже неуверенно Калина.

Свидетелей больше не оказалось.

Эксперт-криминалист осматривал «Москвич», снимал отпечатки пальцев с дверец, капота.

Взгляд Натальи Филипповны остановился на букете привядших цветов, лежащем позади машины. Кто принес его? Пострадавший или кто-то другой?

Вдруг она наклонилась: из прелой листвы торчала рукоятка ножа. Лезвие вдавлено в размокший грунт — должно быть, кто-то наступил, когда поднимали Балагура. Собака обнюхала нож, но след не взяла. Не по-

мог и букет. Дунай ткнул в него нос, а потом спокойно прилег. Проводник собаки не принуждал ее: на месте события топтались жильцы дома, санитары, врач...

— Товарищ старший лейтенант, — обратился к Наталье Филипповне участковый инспектор Пасульский. — В подъезде под лестницей обнаружен пьяный. А может, притворяется, что выпил.

Мужчина — ему было где-то под сорок, — опираясь на локти, пытался подняться, но это ему не удавалось. После очередной неудачи он стал бить кулаком, словно гвозди загонять, о каменную стену и бормотать: «Я его... Я ему... Я ей...»

Придирчивый взгляд Натальи Филипповны заметил на смятом пиджаке небольшие красноватые пятна, похожие на кровь. Среди прочего, вынутого из карманов — сигарет, спичек, платка, шнурков, ключей, перочинного ножа, — внимание следователя привлек клочок бумаги с цифрами 12-16. Такой же номер у «Москвича» пострадавшего Дмитрия Балагура. Случайно? А если нет? Преступник заранее готовился к нападению, записал номер машины, стерег... А выпить мог для храбрости. Подобное случается.

Наталья Филипповна велела Пасульскому отправить подозреваемого в медвытрезвитель, установить его личность, место работы и жительства, изъять пиджак для проведения экспертизы...

В комнате у Ирины празднично накрытый стол. На вышитой скатерти — минеральная и фруктовая вода, торт, конфеты, на небольших плоских тарелках — колбаса и мясо. Стол накрыт на четверых. Безучастно глядит лежащая на постели Ирина, около нее топчутся Митя и Марьяна. «Их трое. Кто же должен был быть четвертым? Дмитрий или кто-то другой?..» — думает Кушнирчук.

Ирина жадно глотнула холодной воды и тихо сказала:

— Я заметила: со двора убежал человек. Вот так втянул голову в плечи... На мой крик не оглянулся. Дмитрий появился неожиданно. Вошел в комнату, расцеловал Митю и Марьянку. «Я сейчас», — сказал — и к «Москвичу». Когда я выбежала, он уже лежал...

Ирина дернулась, будто что-то острое кольнуло в спину.

Наталья Филипповна пододвинула стул ближе к кровати.

— Какого роста был убежавший?

— Так он же горбился.

— Может, цвет плаща заметили?

— Темно же было...

Кушнирчук поймала на себе по-взрослому суровый взгляд Мити. Погладила мальчика по голове, глянула на Марьянку — она напоминала перепуганного мышонка. Сердце защемило: готовились к празднику, а тут — беда. Вместо знакомых — чужие...

В тихом кабинете Наталья Филипповна набрала телефонный номер хирургического отделения больницы.

— Идет операция, — услышала в ответ.

Может быть, Дмитрий Балагур застал возле своей машины автомобильного вора, попытался задержать. Спасаясь, тот ранил его. Вполне вероятно. А может, выйдя во двор, Балагур встретился с кем-то из новых знакомых Ирины. Дмитрия на день рождения она не ждала, пригласила другого. Из-за ревности — ссора, драка... И вот Балагура увезла «скорая». Поза, в которой он лежал, не зафиксирована. Придется устанавливать с помощью свидетелей.

Еще со студенческой скамьи Наталья Филипповна усвоила правило: ничего не знаешь о преступнике — хорошо изучи потерпевшего. И привычным жестом достала из шкафа вылинявшую от времени синеватую папку с надписью «Балагур Дмитрий Владимирович». С пожелтевшей фотографии на старшего лейтенанта смотрел молодой человек: округлое лицо, под нависшими бровями зоркие глаза, над крутым лбом топорщится короткий чуб. «Вот какой ты, Балагур. Сколько же ты когда-то задал хлопот».

Телефонограмма переполошила районный отдел внутренних дел. «Из колонии сбежал Балагур Дмитрий Владимирович. Возможно, появится в Орявчике, где проживает жена Ирина Петровна Лукашук. Цель побега неизвестна. Просим принять оперативные меры для задержания...» Балагура подстерегали постовые милиционеры и дружинники, участковые инспектора и оперуполномоченные уголовного розыска. А Наталья Филипповна по тревоге поехала в Орявчик.

«Смотри, — напутствовал ее начальник, майор Карпович, — волк на барабанный бой не пойдет». И Кушнирчук под видом студентки-практикантки устроилась

на квартиру по соседству с хатой Фитевки, у которой жила Ирина. Дом прятался за высокой оградой и освещался уличным фонарем. Когда стало светать, в хате вспыхнуло и погасло окно. «Кто-то пришел», — подумала Кушнирчук. Немного погодя Фитевка с хозяйственной сумкой пошла в направлении автобусной остановки. «Идет вместо Ирины на встречу с Балагуром», — решила Кушнирчук. У кассы встала в очередь за Фитевкой. В автобусе села позади нее.

В село Гаевское приехали после обеда. Фитевка подалась напрямки, узкой тропкой через молодую дубовую рощу. «Куда ведет эта тропинка?» — спросила Кушнирчук встречную девочку. «На поселок Дол», — услышала в ответ. «Вряд ли Балагур прячется в лесу, — размышляла Наталья Филипповна. — Он у кого-то в Доле».

Под вечер добралась до поселка. С откоса сбежал мальчуган. «Не страшно так бежать с горы? — потрепала его по голове и протянула шоколадку. — Как тебя звать?» — «Юрась». — «Ты всех знаешь в поселке?» — «Ага». — «А что это за тетка пошла с сумкой?» — «Она из Орявчика. К нашей соседке пошла. Вон ихняя хата под шифером. Там какой-то гость у нее или родич...» — «Он из армии вернулся?» — «Таких в солдаты не берут — нету того пальца, каким на курок нажимают, когда стреляют».

«Балагур! Тот тоже без пальца...» — вспомнилось Наталье Филипповне.

...Когда стемнело, в дом под шифером вошел участковый инспектор Пасульский. Попросил незнакомца предъявить паспорт. «Что вам нужно ночью?» — возмутился гость. «Извините — служба», — сказал Пасульский. «Мои документы в городе». — «Придется пойти в сельсовет».

Оконное стекло вылетело вместе с рамой. Как кот, выпрыгнул беспалый. «Стой! Руки вверх!» — Сторожившая снаружи Кушнирчук держала пистолет наготове.

Задержанный оказался злостным алиментщиком, дальним родственником Фитевки.

«Где же Балагур? Не просмотрели ль мы его?» — не давала покоя мысль до тех пор, пока из районного отдела внутренних дел не сообщили: «Отбой тревоги». Уже потом стали известны подробности бегства.

...Шел третий год после лишения свободы, и был на исходе второй месяц, как Дмитрий без конвоира ездил за рулем автомобиля из исправительно-трудовой колонии на станцию за продуктами. Привозил их в точно назначенное время. «По тебе, Балагур, можно часы сверять», — шутил лейтенант Сизов.

В колонии Дмитрия знали тихим, исполнительным. Ему поручали различные работы: заболел повар — Балагур управляет возле котлов; не работает подъемный кран — Дмитрий его ремонтирует; двигатель тягача не запускается — зовут его на помощь. Чувствовал себя как на воле. Работал, отдыхал. Подчас даже забывал, что отбывает наказание. Только все больше и больше беспокоило, почему редко приходят письма от Ирины. Последнее получил в начале марта. А уже лето. Ее молчание — камень на сердце. А тут еще Чиж подошел: «Ты сидишь, Дмитрий, а твоя фифа Ирина с Кривенко развлекается. Брат мне недавно написал».

«Все! Разлюбила! Предала! Забыла!» И пришло в голову: «Бежать! Отомстить!»

Дмитрий так и не надумал: Ирине отомстить за измену или избить Кривенко, с которым она «развлекается», но твердо решил: «Сегодня убегу — и все!»

В маленьком окошке засерело. Балагур не спит, крутится на твердых нарах, ждет восхода солнца. Последний раз оно осветит для него барак, а на вечерней перекличке недосчитаются осужденного Балагура Дмитрия Владимировича. Поднимут тревогу. Начнут розыск. Удастся ли только убежать?

— Не крутись, как вьюн, — недовольно проворчал Иван Дереш.

Дмитрий нарочито засопел: сплю. А сам думал: «Прибыть в колонию я должен в семь вечера. Но в этот раз остановлю машину под перевалом, проколю два, а еще лучше все четыре ската, вытащу запаски, разложу инструмент и оставлю так на обочине. Охранники найдут неисправный автомобиль и подумают: чего-то не хватило, пошел добывать».

Едва перевернулся на спину, как с другой стороны слышался недовольный шепот Петра Чижа:

— Дашь ты спать наконец?

Дмитрий больше не шевелился. С Чижом у него натянутые отношения. Как и когда Петр спрятался под брезентом в кузове его машины, Балагур не знал. Лишь

в тайге, далеко от исправительно-трудовой колонии, увидел в зеркало: кто-то поднялся, хватаясь за кабину. Дмитрий сразу затормозил, ступил на подножку. «Свобода, Дмитрий!» — радостно крикнул Чиж. Балагур нахмурился, прыгнул в кузов. «Откуда ты взялся?» — «Воли, воли захотелось». — «А мне срок прибавляешь как пособнику?» — «Я слезу... Я пойду...» — «Куда?» — «Земля велика». — «Ты вернешься в колонию!» — не попросил — приказал Дмитрий. Но Чиж не собирался подчиниться. «Не вернешься добром — силой отвезу к Железобетону». Чиж сопротивлялся, сколько было сил, и, только оказавшись между ящиками со связанными руками и ногами, взмолился: «Дмитрий, будь другом. Меня же судить будут. Разве не знаешь? Отпусти». — «Нет, — отрезал Балагур. — Я тебя незаметно провезу в колонию». — «Как?» — «Скажу: скат запасной забыл и вернулся». — «Ну, гляди же», — предостерег Чиж.

С Иваном Дерешем не лучше — Дмитрий однажды ошпарил его. Ничего — завтра он будет уже далеко. Только бы удалось...

Утомившееся от бессонницы тело, тяжелая от нелегких мыслей голова — и на утренней гимнастике Дмитрий был квелый, за что получил замечание. Энергичнее замахал руками, и куда подевалась вялость, мускулы налились силой.

В гараже тоже работал шустро и на плац выехал первым. Из проходной вышел лейтенант Сизов и поспешил к машине. «Побег отменяется», — подумал Балагур. Но опасения оказались напрасными. Поздоровавшись, Сизов сказал: «Привезите бутылку масла и две пары чулок детям». В другой раз Дмитрий ответил бы: «Нет времени бегать по магазинам. Поезжайте со мной». Как-то веселее за рулем, когда кто-то рядом, когда есть кому слово сказать: время бежит скорее, дорога кажется легче, и не так быстро одолевает усталость. Сегодня лейтенант совсем не нужен. Дмитрий взял деньги — и в дорогу. На проходной его остановил старшина, пожилой седоватый человек, которого за суровость прозвали Железобетоном.

— Хочу в город подъехать.

— Разве только в кузове.

— А в кабине?

— Уже есть пассажир.

Старшина с подножки заглянул в кузов.

— Наверху до костей промокнете, — начал спокойно Балагур. — Могу послужить: куплю, что требуется...

— Самому нужно, — почесал затылок Железобетон и, чуть подумав, прибавил: — Брось-ка эти письма в почтовый ящик, а я успею и завтра.

«Успеешь, но не со мной».

Уже за проходной увидел в боковое зеркало, как старшина, обойдя небольшую будку, направился к столовой. Со всей силой нажал на педаль. Стремительно замелькали деревья по обеим сторонам дороги...

Из города Балагур возвращался быстрее, чем когда бы то ни было. До темноты нужно еще сколько проехать да успеть пешком отойти подальше в тайгу. Правда, Дмитрий был уверен: в первую ночь его искать не станут. Найдут на обочине дороги машину со спущенными скатами, увидят разложенный инструмент, будут звать. Он даже купил Сизову масло и чулки, положил на сиденье: мол, видите, просьбу исполнил. Хотел было положить деньги в карман: в дороге пригодятся. Но решил обойтись: без них не умрет, а покупка может отсрочить розыск.

Полученные на станции продукты тоже остались в кузове. Собираясь в дорогу, Балагур заранее запасся провизией. Ходил с ведром к ручью, будто по воду, а на самом деле относил консервы, сухари, лук, соль и прятал тайком в дупло. Он и на этот раз с ведром в руке спустился к потоку, огляделся, на всякий случай зачерпнул воды и, убедившись, что вокруг никого нет, полез рукой в дупло. Запас продуктов перекочевал в рюкзак...

Вверху за деревьями виднелся ГАЗ. На спущенных скатах машина казалась приземистой. Балагур пошел в тайгу. «А если задержат, не дав добраться до дома?» Пугающая мысль на миг остановила. Дмитрий оперся плечом о ствол могучего кедра. Потом решительно оттолкнулся. «Нужно верить в успех». Побежал берегом по течению небольшого ручья, затем по воде, чтобы собака не могла взять след...

Побег осужденного из колонии не был для Натальи Филипповны такой уж невидалью. Старшему лейтенанту Кушнирчук попадались уже такие, кто бежал, чтобы совершить новое преступление, или учинить расправу над свидетелями, или повидать родных и знакомых. Бе-

жали даже для того, чтобы хлебнуть спиртного или просто «побыть на воле». Но чтобы ревность заставила осужденного покинуть место лишения свободы — такого в ее практике еще не случилось.

...Балагур выбрался из ручья метров через тридцать. На всякий случай еще раз три пересек его с одной стороны на другую. «Не помешает». Как-то он подвозил геолога, и в руки попала карта. Тогда и заметил: вниз по течению можно добраться до Тынявки — небольшого поселения в тайге. «Километров двадцать», — сказал геолог. Далекий путь не пугал Балагура. «Чем быстрее выберешься из тайги, тем скорее на глаза попадешь». Беглеца ищут по горячим следам. В погоню бросятся где-то к рассвету. Полетят телефонограммы во все концы. И фотографии анфас и в профиль... Нужно продержаться суток пять-шесть в тайге: бдительность преследователей притупится. «А попадусь — справка выручит».

Балагур и не думал, что может пригодиться найденный как-то на станции смятый документ, выданный на имя Сабова Гаврилы Гавриловича. На всякий случай сунул его в кабине под обивку сиденья. И теперь чувствовал себя с этой справкой, как с надежным спасителем. «В случае чего я — Сабов».

На тайгу неприметно спустились сумерки и нагнали на беглеца страх. Не думал, что его догонят, поймут — боялся встречи с медведем. Каждый хруст, каждый шорох настораживал, и Дмитрий искал, где бы укрыться, чтобы прилечь, отдохнуть: прошлую ночь мысли не давали смежить веки.

Над тайгой разнесся гул вертолета. «Не меня ли ищут?» Запрокинул голову — густые ветви закрывали небо. Махнул рукой: «Напрасная трата горючего».

Тайга зашуршала от мелкого дождя. Лето в этих краях короткое и не такое теплое, как в Карпатах. Но все же лето не зима: каждый кустик ночевать пустит. Справа от ручья скала. Черными дырами-пещерами смотрит Дмитрию в глаза. Возле одной из них топнул, будто собирался прогнать кого-то с насиженного места. В руке вспыхнула спичка. Обрадовался, увидев, что пещера выстелена ветками и мохом. «Ночевали геологи или охотники». Балагур улегся головой ко входу. «Быстрее услышу, если кто-нибудь подойдет». Прислушался

к нарастающему шуму ручья и, убаюканный им, заснул...

Дмитрий вылез из укрытия, только когда в тайгу заглянуло солнце. Поел. Напился из ручья. Пошел вверх, по бездорожью. Под ногами шуршала прошлогодняя листва, потрескивали сухие веточки, чавкала дождевая вода...

Телефонный звонок оторвал Наталью Филипповну от архивного дела. В трубке звучал усталый голос врача: «Операция закончена. Надеемся, будет жить. С разговором придется подождать...» Кушнирчук медленно опустила трубку и подумала: «А видел ли он, кто его ударил?»

...Под нависшей скалой, где остановился передохнуть, Балагура внезапно уколола мысль: «Все-таки я сделал подлость — удрал! Мне доверяли, а я... Что ж, в колонию дорога короче, чем в Орявчик. Может, включить задний ход? Только ночь отсутствовал... Автомобиль сломался, ремонтировал. Появились медведи. Испугался. Гнались за мной. Я побежал в тайгу и заблудился... Сизов поверит. Поверит! А она, моя фифа Ирина, будет развлекаться... Нет! Да и за самовольный выход из зоны даже на короткое время ждет уголовная ответственность, от которой добровольное возвращение не освобождает, только учитывается судом как смягчающее обстоятельство при добавлении срока. Одна беда — идти вперед или возвращаться. Лучше вперед! Только вперед!»

Выскочил из кустов — и оцепенел. На конях ехали солдаты, внимательно глядя по сторонам. «Началось!» Лег на землю и пополз в кусты. Пока кони пили, солдаты переговаривались: «Далеко удрать не успел». — «Кто знает». — «Его же ночь застигла». — «Может, и не удрал — медведи разорвали». — «Следы должны остаться». — «И то правда...»

«Нужно менять курс», — решил Дмитрий, как только конники двинулись в направлении Тынявки, и взял левее. Шел медленно и осторожно. («Еще шаг-другой — и попался бы».) О побеге уже, конечно, поставили в известность дружинников в окрестных селах и хуторах, на буровых и лесосеках. Нужно быть внимательным: вперед идти, а назад оглядываться.

Выбравшись наконец из чащобы на поляну, Дмитрий глянул на солнце. Оно уже катилось по краю неба. Ускорил шаг. Пробирался узкой стежкой между берегами и осинами, оплетенными колючим можжевельником.

— Драсьте!

Остановился как вкопанный. Молодой человек в темно-зеленом костюме с блестящими металлическими листочками на петлицах и ружьем на плече, казалось, упал с неба. Балагур хотел юркнуть в кусты. Мысль: «Вызову подозрение», — остановила. Какой-то миг всматривался в обветренное лицо якута, потом улыбнулся, словно обрадовался случайной встрече:

— Здрасьте!

— Вай-вай, откуда?

— Геолог, — сказал Балагур и для большей убедительности рассказал, как в маршруте заблудился в тайге.

Незнакомец, в свой черед, стал объяснять, что повело его в дорогу. Он шел в лесную чащу, чтобы добыть кабаргу, взять у нее мускус и сделать лекарство для матери. «Оно поставит меня на ноги», — говорила мать. Она так верила в чудодейственную силу лекарства, что упростила сына прямо среди ночи отправиться в тайгу за мускусом.

— Меня зовут Байбал Болодюмарович, а тебя? — спросил якут.

— Гаврила Гаврилович, а по-вашему Хабириилла Хабирииллович.

— А я по-русски Павел Владимирович.

— Понимаю, Байбал Болодюмарович.

Разожгли костер, нажарили мяса.

— Вай-вай, — печально заговорил Байбал Болодюмарович. — Что ты нашел тайга, геолог?

— До золота не добрался, а на алмазы наткнулся.

— Покажи.

— Образцы понесли товарищи. У меня нога повреждена. Едва вот двигаюсь. Ослаб...

— Ладно, Хабириилла, — сказал Байбал. — Будем в путь.

«Хабириилла. Гаврила. Гав-рила... Чужое имя. А я от роду Дмитрий, тот, кто обрабатывает землю, хлебороб — должен на него отзываться. У меня же и сынок Митя. Увижусь ли с ним?»

От погашенного костра якут повел Дмитрия через

крутую гору. Мурлыкал мелодию незнакомой песенки, с лисьей сноровкой пробирался сквозь можжевельник, перепрыгивал колоды, не забывал и оглядываться.

— Тайга — дом. Всю знаю. Дойдью биштро Тынявка. Давай, давай, — махал рукой.

Началось болото — устеленная зеленым мхом равнина.

— Утонуть можна, — предостерег Байбал, обходя опасное место, а на противоположной стороне спросил:

— Жаморился, Хабириилла?

Дмитрий отрицательно качнул головой, хотя усталость брала верх. Над тайгой снова загудел вертолет. «Может, высаживает десантников, — размышлял Балагур. — Не нужно было идти с Байбалом. Один я бы осматривался, а так — стал хвостом...»

Ночь упала на тайгу внезапно. Дошли до целиком заросшей кустарником поляны. Тусклый огонек маленького окошка не обрадовал Дмитрия. «Бежать!» — мелькнуло молнией в голове.

— Жаходи, Хабириилла, — подтолкнул его Байбал.

В комнате Балагур заморгал, будто в глаза залетели пылинки. Рядом с лейтенантом милиции сидел знакомый старшина Железобетон. Сколько раз Дмитрий слышал из его уст: «Побег из колонии, совершенный лицом, которое отбывает наказание, карается лишением свободы на срок до трех лет...»

Дмитрий почувствовал слабость. Он мог бы сказать, что заблудился, если бы не говорил Байбалу совсем другое.

«Бежать!»

Лейтенант милиции встал у двери...

Наталья Филипповна спрашивала себя: «Для чего Балагур бежал? Отомстить Ирине за измену? Расквитаться с соблазнителем? Почему же не сделал этого, отбыв срок? Передумал? Поумнел? Подожди, подожди: а где Кривенко? Неужели во дворе у дома Ирины Дмитрий встретился с ним? Вполне вероятно, что это Кривенко потерял цветы и финку. Эксперты выявят отпечатки пальцев...»

Стычка между Балагуром и Кривенко была вполне возможна, но Наталья Филипповна не спешила с выводами. Участковый инспектор Пасульский задержал пьяного с пятнами крови на пиджаке; Калина Касиян

видела человека, который прятался за стволом ясеня; Ирина заметила, как кто-то убегал со двора; на месте преступления найдены нож и букет цветов. Все это требует проверок, уточнений, экспертиз.

Кушнирчук начала составлять план оперативно-следственных мероприятий.

2

Выводы эксперта-криминалиста разочаровали Наталью Филипповну. На гладкой пластмассовой рукоятке финки — отпечатки пальцев потерпевшего Дмитрия Балагура. Это было полной неожиданностью. Откуда они там взялись? Финка принадлежала Балагуру? Но как он мог ранить себя в спину? Рана между лопаток. Если бы она даже была на груди, старший лейтенант Кушнирчук никогда не поверит, что Балагур ранил себя сам. Почему? Он вышел из дома за гостинцами. На сиденье остались игрушки — кукла и детская посуда для Марьянки; в багажнике — разобранный двухколесный велосипед для Мити; в целлофановом пакете — шелковая косынка, шерстяная кофта и духи для Ирины. Балагур открыл дверцы «Москвича», но не успел ничего взять. Кто же помешал?

«Колото-резаная рана на теле Балагура Дмитрия Владимировича могла быть нанесена ножом, найденным на месте преступления», — сделал вывод судмедэксперт. Можно допустить, что обнаруженным ножом кто-то ударил Дмитрия. Но пока вместо этого «кто-то» будет поставлено имя, придется — как говорит начальник райотдела внутренних дел майор Карпович — не один гвоздь в камень забить. В одобренном им плане предусмотрено много оперативно-следственных мероприятий.

Прежде всего Наталья Филипповна должна снова встретиться с Ириной. Уже собиралась уходить, как в кабинет вошел капитан Крыло — старший оперуполномоченный уголовного розыска. Устало опустился на диван. Вчера поздно вернулся с областного совещания, позвонил дежурному: что нового? — и известие о случившемся во дворе дома № 8 по Летней улице привело его в город. Капитан довольно быстро (от дружинников) узнал, что к Ирине навещается фельдшер Борис Бысыкало — сын Любавы Родиславовны, влиятельной в городе особы, перед которой легко открываются две-

ри учреждений даже в неприемные часы. Накануне вечером ее сына видели с букетом. Могло стать — столкнулся во дворе с Балагуром, началась драка... Бориса нужно немедленно отыскать. На телефонный звонок ответила проснувшаяся Любава Родиславовна. «Не знаю, не знаю, где Борька. Дома нет, ушел вечером. Куда, не сказал...»

На рассвете Крыило узнал: Борис в Нетесове у Марты Сливки. Оттуда и привез его капитан, и внесенный фельдшером в кабинет едва ощутимый запах лекарств напомнил Наталье Филипповне время, проведенное без сна у постели сестры. После дорожного происшествия к Вале дважды прилетали на вертолете областные специалисты. Напрасно...

Не любила Кушнирчук лекарственных запахов еще и потому, что напоминали ей о гибели Саши — школьного товарища. Вместе пошли на фронт, а вернулась она одна...

Откинулась на спинку стула. Из открытого окна тянуло прохладным свежим ветерком. Слушала, как Борис больше часа повторял одно и то же:

— Ирину Лукашук не знаю. Не был у нее. И возле дома ночью не ходил. Никакого букета не было. Позвоните маме, что меня задержали. Я ни в чем не виновен.

Наталье Филипповне почти нечего было записывать в протокол, пока в кабинет не пригласили полную женщину. Перед этим на скамью рядом с Борисом посадили еще двух юношей.

— Кому из этих граждан вы вчера продали цветы? — спросила следователь.

Женщина ткнула пальцем:

— Этому.

Борис вскочил, словно его обожгло.

— Хорошо смотрели?

— Вы еще торговались: хватит трех рублей, больше нет. Я настояла на своем, тогда еще кинули пятьдесят копеек, пять новеньких десятков. У людей глаза не повылезли. Старая Химишинцаня торговала рядом и может подтвердить.

Когда привели Химишинцаню, надобность в ней отпала.

— Цветы я, правда, купил возле рынка, зачем из этого делать проблему... Ну, взял и отвез в Нетесов Марте: у дочери день рождения.

Надеялся, что после этого Наталья Филипповна отпустит его, извинившись за безосновательное задержание. Он даже слегка выпятил губу и поглядывал высокомерно. «Мама не допустит, чтобы меня оскорбляли».

Но едва в кабинет вошла Марта с ребенком, выражение лица у Бориса сразу изменилось, стало унылым и кислым.

С Мартой Борис познакомился на танцах. В клубе играли сельские музыканты — гармошка, скрипка, барабан. Девушка пряталась за плечи старших подруг, смущенно отводила глаза, чтобы не встретиться взглядом с кем-нибудь из незнакомых хлопцев. Даже после короткого: «Потанцуем?» — не подняла головы, молча ступила вперед и закружилась-поплыла. Глянула на парня, только когда отвечала на его вопрос: «Как зовут?» — «Марта».

Следующий танец тоже танцевали вместе. Борис пришелся ей по сердцу: скромный, культурный («прошу», «пожалуйста», «извините»). Что немного старше ее, даже нравилось: сама чувствовала себя с ним взрослее. За весь вечер Борис ни разу не уступил ее нетесовским парням. Только скрипач принимался настраивать инструмент, он уже спешил к Марте. Потом столько раз встречались — счет потерялся. Пошли дожди, и шефы колхоза (Борис был от больницы) в ожидании лучшей погоды задержались в селе.

В прощальную ночь Марта жалась к Борису, словно замерзла. Согревали ее долгие поцелуи. «Я, Марточка, решительный — давай распишемся». И настаивал, чтоб разбудила мать. «Хочу поговорить». Будить не довелось: мать, наверное, услышала разговор и вышла из спальни, как только скрипнула тяжелая дверь. «Так вот, мама, — заговорил Борис, — мы с вашей дочерью решили пожениться. Не буду напоминать, что я закончил медицинское училище, умею играть на пианино... Об этом умолчу. А Марта для меня — сердце!» — ударил себя по груди.

Сливканя перевела взгляд на дочь. «Да она же еще ребенок». Растерянно опустилась на лавку...

На рассвете жених с невестой уехали в город. Там шел интересный спектакль — приехали с гастролями известные артисты, вот и не хотелось упустить благоприятный момент. А поздно вечером возле хаты остановился вишневый автомобиль. Борис вылез из-за руля. Он был в элегантном костюме, в импортных туфлях на

высоких каблуках, в светлой рубашке, которая была схвачена на груди, вместо пуговиц, шелковыми шну- рочками.

Сливканя только подумала: «Где же Марта?» — как услышала: «Ну, поехали, мама, наших посмотреть и себя показать...»

На следующий день ей не было прохода. Соседи за- ходили в хату, знакомые останавливали на дороге. «Бо- гата ли сваха?» — «Видно, денег куры не клюют». — «Так, говорите, Борис у нее один?» — «И четыре ком- наты! Ого-го!..» — «Рай для Марты!» — «Город — не село...»

Больше всего нетесовских интересовала будущая сваха. Сливканя скупно отвечала: «Такая из себя — ни- чего женщина».

Наконец дождалась воскресенья, когда обещала приехать Любава Родиславовна. Поднялась чуть свет. К обеду на столе уже некуда было поставить хрусталь- ную посуду, одолженную у соседей.

До позднего вечера выглядывала Сливканя на до- рогу. Уже и ночь наступила, а она все прислушива- лась, не гудит ли машина. Так и легла, вся в ожида- нии, переживая, не случилось ли беды в дороге, ведь машин на трассе что мушек в поле. И навалился на Сливканю каменный сон.

Утром ни вернувшаяся одна Марта, ни позванная на помощь соседка не могли поднять ее с кровати: Сливканя помирала от жара великого...

Пришла бабка Христя. «У тебя болезнь в самое сердце вселилась». Дала для вида какое-то зелье: «Пей три раза в день». А сама так изменилась в лице, что только слепой не увидел бы: Христя бессильна. «Позовите врача», — шепнула и ушла.

«Скорая помощь» приехала в Нетесов, когда жен- щины уже перенесли тело Сливкани с кровати на скамью...

Осенний ветер стрясал с тяжелых туч частые мел- кие капли. Вперемежку со слезами они катились по в одночасье поблекшему лицу Марты. На кладбище как упала на колени у могилы, так поднялась только в су- мерках, хотя подруги все время просили, умоляли, что- бы шла домой: «Застудишься». У нее и правда нача- лось воспаление легких. Надеялась: пройдет — и липо- вым цветом, майским медом выгоняла простуду, но все же довелось лечь в больницу. «У вас будет ребенок», —

сказала молоденькая врачиха, почти ровесница Марты...

И вот Марта с маленькой Романой в кабинете Натальи Филипповны.

— Скажите, Марта, какого числа вы родили дочку?

— Разве Борис не знает?

— Хочу услышать от матери.

— Седьмого марта.— Прижала Роману к груди, а детские глазенки перескочили на отца.

— Вчера вы отмечали какой-то праздник?

Задумалась, будто вспоминая. Прошедший вечер и правда можно было считать праздником — неожиданно в Нетесов приехал Борис. Марта уже спала. На стук открыла дверь. Он, стараясь не шуметь — Романа спит, — подошел к столу. Разговор не клеился. «Как живешь, Марта?» — «Что тебе до этого». — «Почему ты так говоришь?» — «От великого счастья и радости: тебя увидела». — «Не шути так».

Он сел и продолжал: «Я, Марточка, решил с тобой законно расписаться. Давай поженимся. Хочешь, переедем в Синевец, а нет — сюда к тебе переберусь. Романа же наша: твоя и моя. Я не забываю и не забуду...»

О, сколько Борис наговорил! На год хватило бы. У Марты на сердце становилось то сладко, то горько. Чувство стыда и обиды, боязнь нового обмана растравляли боль. Может, и правда Борис пришел с добрыми намерениями, но Марта не верила. И теперь с раздражением ответила:

— Не было у нас никакого праздника.

— И цветов Борис не приносил?

— Каких цветов?

В кабинете щелкнул динамик. Кушнирчук нажала кнопку.

— Слушаю... Сейчас иду, товарищ майор.

У дверей оглянулась.

— Думаю, не подеретесь до моего возвращения.

Старший лейтенант не боялась, что свидетель Марта Сливка и подозреваемый в совершении преступления Борис Бысыкало сговорятся и будут давать неправдивые показания. Для сговора у них было достаточно времени в Нетесове. Да и в кабинете начальника Наталья Филипповна имела возможность слышать их разговор — селектор остался включенным.

Они не разговаривали. Марта задумчиво хмурилась. Романа играла с куклой, и казалось, вот-вот доверчиво протянет ручонки к Борису. Для нее не существует «чу-

жих» людей: каждый вечер сельские хлопцы и девчата приходят к Марте, играют с Романой, ласкают ее, и она с радостью тянется к любому. Дочка Марте не помеха. Колхозный слесарь Назаренко, добрый, душевный толстяк, сам приходил и через знакомых передавал: «Готов стать Романе отцом». Марта не сказала ни «да», ни «нет». И на Борисово предложение: «Давай поженимся» — тоже промолчала.

Теперь в душе Бориса как бы звучали два противоборствующих голоса: один призывал к решительным действиям, другой — к осторожности, холодному разуму. Бысыкало не знал, чему же отдать предпочтение, и молчал.

Марта на него не смотрела. Раздумывала, зачем же вызвала ее Наталья Филипповна, зачем оставила их одних? Чтоб поговорили? Она уже сыта разговорами. Взглянула на Бориса и отвернулась. Что, на нем свет клином сошелся? Вон Назаренко каждый день заглядывает в сувенирный цех: «Не поломался ли станок?» Марта вышивает золотое солнце и красную калину, мережит воротнички и фартучки для кукол, которые заказывает какая-то зарубежная фирма. Находит еще время петь в молодежном сельском хоре. Ее, соловушку, никто в Нетесове перепеть не может.

И не только Назаренко засматривается на тоненькую, ладную Марту. Но она никого, кроме Бориса, не знала. Он приходил в ее сны, хотя старалась забыть. Не ждала его. И в мыслях не было, что явится вдруг среди ночи. Заявился. А потом пришел капитан Крыло и забрал Бориса. Марте показалось, отобрали у нее затаившуюся надежду.

Вошла Наталья Филипповна, села за стол.

— Так вот, Борис, дочка родилась седьмого марта, а вы ходили вчера отмечать именины. Как это случилось?

— Я перепутал.

— Возможно. Но цветы вы не подарили Романе, бросили их во дворе восьмого дома на Летней улице. Почему?

— Я хотел отвезти, но забыл на автобусной остановке, — выпалил Борис. — Наверное, кто-то подобрал...

— Цветы он не приносил, но сам был у меня, — заступилась Марта. — Вы это знаете. А мне бы хотелось узнать, в чем подозревают Бориса, что он натворил?

Старший лейтенант ждала этого вопроса от Бысыкало.

«Он-то знает, в чем подозревается, потому и не спрашивает. К Марте поехал, чтобы запутать следы. Не удастся».

Предложила Марте подписать протокол, посоветовала погулять по городу, накормить Роману и прийти через часок.

— Букет, Борис, найден на месте преступления,— сказала терпеливо Кушнирчук,— и это послужило основанием подозревать вас в нападении на Балагура.

— Говорю: забыл цветы. Туда их мог отнести кто угодно.

Губы Бориса искривила усмешка.

— Знакомство с Ириной Лукашук отрицаете?

Косо глянул на следователя.

— Я уже сказал. Не знаю такой.

И только когда в кабинет следователя вошла вызванная для очной ставки Ирина, Бысыкало сознался, что знает ее в лицо, так как встречался в городе и приходил лечить ее дочку.

— Фамилию я уже подзабыл,— оправдывался он.

Зато Ирина назвала его имя, отчество, фамилию.

— Вы приглашали гражданина Бысыкало на день рождения? — спросила Наталья Филипповна у Ирины.

— Я никого не приглашала.

— Может, по собственной инициативе пришел?

— Я его не видела.

Показания Ирины радовали Бориса. Она отвечала коротко, о многом умолчала, хотя и ставились конкретные вопросы: «Где встречались? Когда виделись? О чем говорили? Не было ли ссор между вами?..»

Видимо, их встречи были короткими и случайными. Только соседка Феня, которую так и распирало любопытство, спутала все карты. С явным преувеличением наболтала Наталье Филипповне, будто однажды видела, как Борис прошмыгнул в квартиру Ирины, потом еще застала его в комнате, когда Митя с Марьяной играли во дворе. И уверяла, что не ошиблась: как-то вечером (ни дату, ни день недели не запомнила) Борис с Ириной долго стояли возле подъезда, и он пытался обнять ее, еще куда-то звал с собой. И у Фени нет ни малейшего сомнения, потому что близко видела, как Борис взял Ирину под руку, а она упиралась. Потом сказала: «До свидания»,— которое Феня растолковала,

как доказательство того, что назначено новое свидание.

Борис вздохнул облегченно, когда на пороге кабинета остановилась мать.

— Вы меня вызывали?

В этот момент вернулась Марта с ребенком.

— Садитесь.

Любава Родиславовна перевела взгляд на Роману.

— Уж не думает ли милиция устраивать свадьбу?

— Думаю, это вам самим под силу. Могли и без милиции обойтись, чтобы Романа росла с отцом. К слову, не так давно принято постановление по поводу практики рассмотрения дел при установлении отцовства в судебном порядке.

Бысыкало внешне оставался спокойным, словно с Балагуром ничего не случилось, словно все идет, как должно. Но внутренне был весь напряжен. «Меня арестуют... Осудят...»

— Мы, товарищ старший лейтенант,— заявила Любава Родиславовна,— сами как-нибудь разберемся в своих семейных делах. А почему вы задержали Бориса?

— Подозревается в совершении преступления.

— Какого?! — Сняла очки с чуть притемненными стеклами.

— Прошлой ночью ранен гражданин Балагур. Есть основания подозревать вашего сына.

У Бориса дернулась скула.

— Какой Балагур? Мой Боря на такое не пойдет. Что вы?.. Это какое-то недоразумение.— Уцепилась взглядом за Марту, будто та была в чем-то виновата.

Романа жалась к матери, терла кулачками глазенки.

— Хочет спать,— сказала Марта, ни к кому не обращаясь.

— Вы можете идти. Извините. Если будет нужно, мы вас вызовем.

Любава Родиславовна едва удержалась от искушения выскочить вслед за Мартой и поговорить с ней с глазу на глаз. Бориса подозревают. Его задержали. Марта важный свидетель. Недаром же ее допрашивала Кушнирчук. Неизвестно, что она говорила, но, если будет нужно, сменит показания. Обижена на Бориса — вот и наболтала. Пообещать, что справим свадьбу,— пойдет на что угодно, у нее же дочка от Бориса.

— Где был ваш сын прошлой ночью?

Любава Родиславовна не спешила с ответом. Ждала сигнала от Бориса. Если моргнет — она поклянется, что вечером, как пришел, улегся в постель и никуда не выходил. Подумав, сообразила: ей не поверят. Бориса задержали не дома. Да и ночью, когда звонили, сказала, что сына нет и не знает, где он. Правда, это можно опровергнуть: сказала просто так, лень было пойти заглянуть в другую комнату, а он там спал.

Так и не дождавшись никакого знака, Любава Родиславовна подтвердила сказанное ночью капитану Крыло. Борис, повеселев, словно свидетельство матери сняло с него вину, изобразил оскорбленного:

— Меня капитан задержал в Нетесове. Вы это хорошо знаете. Еще и от матери хотите подтверждения. Зачем? Я не отрицаю. Был у Марты.

Любава Родиславовна восприняла слова сына как намек: с Мартой необходимо поговорить. И все же из отдела внутренних дел прежде всего поспешила в больницу. Знакомый хирург предложил кофе, но она отказалась.

— Скажите, что с Балагуром?

— Он ваш родственник?

— Знакомый...

Дмитрий был без сознания. Надежды поговорить с ним пока не было никакой.

Марту она отыскала на автобусной станции. Зайти к Бысыкало та не согласилась — нужно ехать, дома ждет работа. Отказалась и посидеть в кафе. Любаве Родиславовне удалось уговорить ее только на разговор в скверике. Сели на удобную свежепокрашенную скамью. Любава Родиславовна взяла на руки Роману: «Подержу внучку».

— Когда свадьба? — спросила будничным тоном.

Марта удивленно заморгала.

— Какая?

— Разве Борис не говорил? Я же послала его, чтоб договориться.

— Да говорил...

— Что решили?

— Я ему не поверила.

— Напрасно. А когда он к тебе приехал?

— Среди ночи.

Ответ явно не устраивал мать Бориса: Балагура ранили вечером. Неужели Борис? К Ирине он все-таки

изредка забегал. Как-то даже знакомая предостерегла: «Держите сына, застрянет». Борис отбивался: «Я, мама, ребенка ее лечил». И опять, гляди ты, потянуло к ней, а тут, на несчастье, принесло Балагура — мало ли что могло случиться. Борис горячий. Правда, без причины в драку не полезет. Его, наверное, оскорбил Балагур. Не удержался сынок — и что теперь будет...

— А может, Марточка, Борис пришел к тебе вечером?

— Среди ночи разбудил.— Марта не поняла, куда клонит неофициальная свекровь.

— Боря, Марточка, сразу не осмелился войти в хату — волновался. Вы давно не встречались. Ты же могла найти другого. Боря выжидал, приглядывался... Разве не заметила тень под окном, не слышала шагов?..

Марта вспомнила тихий вечер, и показалось, будто и правда видела, как кто-то промелькнул за запотевшим окном, и вроде слышала, как в дровянике трещали сухие щепки.

— Ты вспоминай, думай, Марточка.

— Может, и ходил у хаты...

— Вот и скажи милиции: видела Бориса вечером.

Марта выхватила из унизанных кольцами рук дочку и, не оглядываясь, поспешила к подъезжавшему автобусу.

3

Тихое утро, окутанное легким туманом. Солнце то выглядывает из-за наплывающих облаков, то снова прячется, чтобы набраться сил, прохладный ветерок суматошно бежит по улице за городским автобусом, шевелит тоненькие ветки.

Старший лейтенант Кушнирчук, сама того не замечая, прикрывает веки. Ее преследует мысль: «Что же делать?» Балагур в беспамятстве произносит непонятные фразы. У него повреждены речевые органы. А время идет. Майор Карпович напоминает: «Собирайте доказательства!» Он не отбрасывает возможность того, что преступление совершил Борис Бысыкало, но не очень-то и поддерживает эту версию. Она может быть ошибочной. Наталья Филипповна не забывает об этом. И вот она переступает порог квартиры Ирины Лукашук. Откровенный разговор с хозяйкой никак поначалу не налаживается. Но слово за словом — и следовательно

начала рассказывать, как за нею, еще студенткой института, ухаживали двое однокурсников. Красавцы! «Ну, я — нос вверх, глаза вдаль: теряете, мол, время. Хлопцы оказались гордыми. Нашли себе девушек, женились...»

Откровенность Натальи Филипповны толкнула Ирину тоже на воспоминания. Рассказывала о своей жизни, полной и радости и слез.

После суда над мужем, Дмитрием Балагуром, возвращалась в Орявчик с Кривенко: его вызывали как свидетеля. Сидели рядом. И молчали до самого дома.

Однажды в воскресенье Ирина наведалась в тюрьму: Дмитрия после суда вот-вот должны были отправить куда-то далеко, в исправительно-трудовую колонию, куда она уже не сможет приехать — ребенка ждет, — и они не увидят друг друга целых три года. Дмитрий чувствовал себя виноватым перед женой, при встрече говорил мало, а прощаясь, сказал: «Когда придет время ехать в роддом, Иринка, попроси Павла, он поможет по-соседски. — Помолчав, добавил: — Береги себя и ребенка нашего береги».

В райцентре на автобусной остановке увидела Павла Кривенко. Должно быть, нарочно приехал. Расспрашивал о Дмитрие. Успокаивал: «Не тужи, Иринка. Я тебя в обиду не дам». Ирина сплела руки на груди, подошла ближе к стене, ища защиты от острого, пронзительного ветра, пробирающего до костей. Невдалеке в ожидании автобуса переговаривались женщины из Орявчика: «Муж в тюрьме, а он к ней липнет». — «Они давно любовь крутят». — «Жаль Дмитрия». — «Сам виноват». — «А Павлу радость».

В автобус Ирину пропустили первой. Салон быстро наполнился пассажирами. Но рядом с Ириной никто не садился, будто Кривенко заранее забронировал это место. Опять ехали молча, как и первый раз.

В повседневных хлопотах тянулись месяцы одинокой жизни. От Дмитрия не было ни одного письма. «Далеко он», — думала Ирина и вечерами вязала одежку будущему малышу, по несколько раз перекладывала пеленки, одеяльце и распашонки, сшитые ею самой.

В родильный дом решила добраться без помощи Павла. «Не нужна мне ничья помощь. Обойдусь!» Но ему словно кто подсказал, пришел сам, когда уже собралась, веселый, празднично одетый, будто в загс

собрался. «Вон машина. Садись, Иринка», — махнул рукой на улицу.

А после выписки в райцентре нанял такси: «Отвезешь мамашу с мальчиком в Орявчик». Сам остался в городе. Наверное, чтобы не давать повода для всяких пересудов...

Наталья Филипповна слушала Ирину, смотрела на большой портрет, что висел на стене напротив. Подумала: «Дмитрий красив, и сын в него удался».

«Вылитый Дмитрий, всплеснула руками Фитевка, у которой мы снимали комнату в Орявчике, — рассказывала Ирина. — А кое-кто из женщин приглядывался к Митеньке и думал свое. Высказывался же от меня по-дальше. Да все равно слухи доходили и заставляли плакать».

Как-то заглянул Кривенко. Был под хмельком. Сел возле люльки, сделанной по его просьбе сельским столяром. «Бабы мелют: на меня похож». — «Зачем пришел?» — спросила Ирина, готовая вытолкнуть Павла из комнаты. И показала бы ему на дверь, но вспомнила, что зла он ей не причинил, а добра сделал немало.

Павел будто и не слышал вопроса. Улыбнулся. Не сводил глаз с Ирины и ее сына. «Шел бы ты домой, а то и так разговоров не оберешься. До Дмитрия еще дойдет», — сказала Ирина, укачивая Митеньку. А он: «Я ничего не краду. Хочу как тебе лучше... Вот подумал: зайду, может, помощь какая нужна. Разве это плохо?» — «Нет, Павел, но лучше иди домой». Кривенко оперся руками о колени, неохотно поднялся и, покачиваясь, направился к двери: «Пусть будет потвоему». А утром Ирина, перестилая детскую постельку, нашла в ней двадцать пять рублей. Долго рассматривала купюру, распрямляла загнутые уголки, словно хотела убедиться, что деньги не фальшивые. Потом подошла к шкафу и положила их среди аккуратно сложенного белья.

«Почему Павел тайком подсунул? Почему не положил на стол, не дал в руки?.. Побоялся, что не возьму. И не взяла бы. Обойдусь! Придет — на пороге поверну и выпровожу из хаты».

После обеда почтальон принес Ирине долгожданное письмо. О себе Дмитрий писал скупно, больше расспрашивал о домашних делах, о ребенке, друзьях.

Письмо было длинное, но Наталья Филипповна дочитала его до конца. Дмитрий вспоминал, как познако-

мился с Ириной, скромную комсомольскую свадьбу в общезжитии. В конце советовал в случае нужды обращаться к Павлу. «Вернусь — отдам долг. Кое-какую копейку с собой привезу. Я тут работаю...» Просил, чтобы прислала фотографию — ему снится она, его любимая жена, с сыном на руках. В этот же день, уложив Митю спать, Ирина заглянула к Фитевке: «Может, тетка Алена, пойдете в магазин, так передайте Федору Довбаку, чтобы зашел сфотографировать малыша. Хочу Дмитрию послать». — «Так я сейчас сбегая. Только пригляди, чтобы свинка со двора на улицу не выскочила».

Федор пришел скоро. Сфотографировал Митю голеньким в кроватке, одетым на стульчике, предложил Ирине сняться с сыном на руках, пошутил: «Заплатите за одного, а будете вдвоем».

Фотографии, как и обещал, принес на следующее утро, аккуратно разменял десять рублей, оставил себе половину, поблагодарил и не забыл сказать, что через какое-то время, когда Митя научится ходить, неплохо было бы еще разок сфотографироваться «на память о первых шагах».

С тех пор прошло почти три месяца, а от Дмитрия не было никакой весточки. «Неужели письмо не дошло? Где же оно? Назад не вернулось. И почему заказным не послала?.. Вот несчастье».

Как-то вечером по дороге домой к Ирине зашел Кривенко. На его дружелюбное: «Добрый вечер» — не ответила, молча подошла и решительно запихнула ему в нагрудный карман двадцатипятирублевую бумажку.

Не спалось всю ночь. О чем бы ни думала, мысли сводились к одному: «Почему нет ответа? Может, местный почтальон потерял письмо? Может...»

На следующий день написала Дмитрию еще одно письмо. Как раз перечитывала написанное, когда в дверь постучали: «Вам письмо, тетя Ирина. — Соседская девочка протянула конверт. — Почтальон Корилич передал».

Ирина доверчиво отдала письмо Наталье Филипповне.

— Читайте, а я приготовлю кофе.

«Добрый день или вечер, мои дорогие и любимые Иринка и Митенька! Получил от вас письмо и фото. Чуть не умер от радости: сын растет! Радуюсь тому, что вы живы и здоровы. Ты хорошо сделала, Ирина, что

не отдала малыша сразу в ясли. Начнет ходить — оформишь.

О себе мне писать нечего. Прошло полтора года. Считаю дни и часы. Недавно чуть приболел. Грипп. Уже все прошло. Опять работаю. Стараюсь — скорее отпустят.

Пиши, как живете, что делаете, здоровы ли? Пиши обо всем. Как там в колхозе? Что нового?

Привет тетке Алене. (Есть ли у тебя деньги, чтоб за квартиру платить?). И Павлу привет. Пиши, как живете. Ваш Дмитрий».

Ирина принесла кофе. Села на край кровати.

— Я сразу же отправила ему письмо, — сказала, укладывая конверт в шкатулку. — И опять долго не приходил ответ. Что я только не передумала. Митя уже начал ходить. Зимой были места, и его приняли в ясли. Стала искать работу. Павел услышал, зашел. Я как раз укладывала спать сына, наклонилась над кроваткой, поправила одеяло. Распрямилась — а Павел мне прямо в лицо гудит как ветер в трубе: «Зачем мучаешь себя? И меня... А деньги зря вернула. У тебя же — ни копейки. Я хотел как лучше...»

Осмелился и впервые обнял Ирину. «Пусти!» — Ирина резко дернулась. Готова была распахнуть дверь: прочь! Он понял это и смирно сел на стул. Вынул из кармана плитку шоколада, положил на край стола, виновато глянул на свои грязные ботинки и примирительно сказал: «Может, на ферму пойдешь? Подменной. Не обижу...» — «У меня уже есть работа», — отрубил Ирина, не раздумывая.

На следующее утро зашла к председателю сельсовета. «Не найдется ли какой работы?» Ей предложили место ушедшей в декрет уборщицы в клубе и библиотеке. Работа не постоянная, но и то хорошо — зиму перебьешься.

Носила сына в ясли, с утра убирала клуб и библиотеку, потом управлялась дома.

Как-то в конце зимы, когда за окнами, словно на-верстывая упущенное, разгулялась метель, зашла Фитевка. «Вот что, Иринка, — сказала она повелительным тоном хозяйки. — Освобождай комнату. Сын с невесткой едут. Два дня тебе на сборы. Еще ремонт нужно делать...»

Из рук Ирины выпал клубок и покатился к порогу, будто указывая дорогу.

За день она обошла весь Орявчик, спрашивала-переспрашивала о квартире. Там учителя поселились, там врачи, у одних тесно, у других, хоть и нашлась бы комната, не допросишься.

Фитевка в последний раз предупредила: «Не съедешь, пойду в милицию».

Ирина складывала пожитки, не зная, куда их перенести или перевезти. Еще ночь, и нужно куда-то перебраться. Куда?

И тут неожиданно появился Кривенко. Давно не приходил. Будто нарочно ждал этой минуты, а дождавшись — не радовался, не улыбался, сидел тихо, словно боялся напугать Ирину. Наконец решился: «Слышал я, Иринка, тебе жить негде. Сама знаешь, я мать схоронил. Комната пустует. Можешь занять ту, что с выходом на улицу. Отдельная. Вот ключ...»

Ирине не спалось. Что скажут люди, если она переберется к Павлу? Как воспримет эту весть Дмитрий? Что делать? И идти некуда. Война забрала у нее родителей, наделила сиротством. У Дмитрия мать умерла, когда ему еще и года не исполнилось, воспитывался в детском доме. Они поженились, как только он закончил шоферские курсы и приехал в колхоз. Фитевка с радостью пустила их на квартиру. «И копейка не лишняя, и веселее будет». Теперь выгоняет. Почему? Сын с невесткой приедут или хочет избавиться от квартирантки? А зачем сыну ехать в Орявчик? Живет в городе, там у него квартира. И работа, какую в селе не найдет ни себе, ни жене. Оба работают в институте. Но это их дело: ехать в Орявчик или нет. А комнату нужно освободить.

— Третьи петухи застали меня на ногах, — рассказывала Ирина Наталье Филипповне. — Я разбирала кровать, поливала ее слезами и поглядывала, не проснулся ли Митя. Но, видно, набегались, натрудились за день ножонки, и сын сладко спал. Взялась переносить вещи...

Как-то Кривенко, вернувшись из города, сказал: «Не повезло тебе, Ирина, в жизни. Не повезло... Вот ты убиваешься по Дмитрию, сохнешь. А его нет... Нет — и все. Мне больно говорить, но ты должна знать правду: Дмитрия застрелили во время побега из колонии. Не подчинился оклику конвоира: «Стой! Стреляю!» И вот...»

Ирина почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Кривенко долго рассказывал, как встретился в Синевце с человеком, который отбывал наказание вместе с Дмитрием, и тот сказал: «Передайте жене, что Балагур убит».

Павел убеждал: «Ты же видишь, давно не пишет...»

Как мог, уговаривал Ирину. И она смирилась со своей долей. А слезы, они еще никому не помогали. Кажется, все выплакала. В Орявчике только и разговоров было, что о гибели Дмитрия Балагура. Нашлись и утешительницы: «Не убивайся, Иринка, такая уж судьба». Кто-то даже сказал: «Тебе и с Павлом не плохо будет. Он тебя любит».

И все же Ирина не хотела верить в кончину мужа. «Поеду к адвокату, расскажу ему все, попрошу помочь: как это так, человека убили, а официального уведомления нет?»

Павел застал Ирину на автобусной остановке. Уговаривал не ехать в райцентр, не тащить с собой сына. «Я сам все выясню. Отыщу адвоката, который защищал Дмитрия в суде, и попрошу его написать в исправительно-трудовую колонию запрос: что случилось с твоим Балагуром».

Оставшись дома, Ирина выстирала Павлу белье, которое валялось в углу небольшой веранды. Павел приехал последним автобусом, войдя в дом, сразу заметил, что в нем похозяйничали женские руки.

«Адвокат, Ирина, был на судебном заседании, пришлось ждать». Достал из кармана копию письма, адресованного начальнику исправительно-трудовой колонии. В нем сообщалось, когда и за что судили Дмитрия Балагура, и спрашивалось, почему его не отпустили домой — срок лишения свободы прошел. Где Балагур? Что с ним?

Ответ должен был прийти в Орявчик на имя Ирины Лукашук.

«Три рубля заплатил адвокату», — сказал Павел и добавил, что письмо сам отправил из райцентра, чтоб скорее дошло.

Ирина принялась искать деньги, чтобы отдать Павлу. «Не нужно, — замахал он руками. — Ты вон сколько мне настирала, нагладила. Сам не знаю, как тебя благодарить».

Прошло полгода, а на письмо-запрос ответа не было.

«Павел просто-напросто разорвал первый экземпляр запроса и выбросил в урну», — подумала Кушнирчук.

Прав был Кривенко — слезами горю не поможешь. Бесконечной печалью тоже. «Нет и не будет Дмитрия. Что делать? Как быть?» И Ирина опять лила слезы, опять кручинилась. Высохла от горя.

Через полгода Кривенко прорубил дверь из своей комнаты в комнату Ирины. Она не перечила. Отдалась на милость судьбы, как оторванная ветка течению воды. Орявчик постепенно как бы и забыл Балагура, смотрел на Павла и Ирину как на счастливую семью. Только сын спрашивал: «Где папа?» И Ирина не знала, что ему ответить. Ведь раньше говорила: «Он далеко, сынок, в море». — «Папа — моряк?» Ирина кивала головой. «А дети говорят: я безотцовщина». — «Неправда». — «Когда же он придет?» — «Море широкое, синее и далекое. Скоро вернется».

Утешала сына, а в мыслях укоряла себя: «Зачем обман? Пока Митя маленький — не понимает. Но ведь вырастет, как тогда все объясню?..»

Потом Кривенко послали на курсы при сельскохозяйственном институте. А Ирина родила дочку. Павел отпросился домой. «Дров я нарубил, молоко будет приносить Фитевка, режь кур и переживешь-перетрясешь зиму без меня, — говорил прощаясь. — А ты, шпингалет, — дернул за ухо Митю, — чтобы слушал мать, нянчил сестренку. Может, гостинец и заслужишь».

Спустя какое-то время — Ирина как раз пошла к фельдшеру: Марьянка простудилась, кашляла — в дверь к Кривенко постучали. «Заходите!» — крикнул Митя, который домовничал и невыносимо скучал, сидя в хате.

Высокий человек в новеньком плаще теплыми серыми глазами глянул с порога на такого же сероглазого Митю, протянул сильные руки, поднял мальчишку к потолку, а потом прижал к широкой груди и целовал, гладил по голове, приговаривая: «Милый мой... Любимый мой...»

Митя, должно быть, сердцем почувствовал: только отец, настоящий отец, может так. Тоненькими руками обвил шею Дмитрия, разговорился — о себе, о матери, о сестренке...

Когда Ирина вернулась от фельдшера, Балагур уже знал: у нее есть дочь; Кривенко уехал на курсы; сыну скоро в школу; дядя Павел любит только Марьянку.

Ирина остановилась посреди хаты, не бросилась обнимать Дмитрия, не упала к его ногам. Изумленно

смотрела, словно колебалась: поверить или нет в то, что видят глаза, — муж воскрес?

Митя, уютившись на коленях отца, весь светился радостью. Ирине показалось, что никогда не видела сына более счастливым.

«Извини, растревожил семейный покой. Я ненадолго», — виновато произнес Дмитрий. А Митя крепко обнимал его за шею, словно боялся: уйдет отец, и ребята опять будут дразнить безотцовщиной, говорить, что его принес аист, но бросил не в капусту, как других детей, у которых есть отцы, а засунул в дупло, и его оттуда достала мать.

«Чего же я стою?» — Ирина бросилась накрывать на стол.

Ужинали молча.

Потом она рассказала Дмитрию, как по селу пошел слух о его смерти, как писала письма, как адвокат посылал запрос. А Балагур делал вид, что все это давно ему известно и нечего повторять сказку-небылицу. Наконец открыл запыленный чемоданчик, протянул Мите вырезанных из отшлифованного оленьего рога собак, запряженных в сани. Они везли закутанного в кожух маленького мальчика. «У нас коней запрягают, — громко, от всей души рассмеялся Митя, — а это псы». Дмитрий не стал объяснять, что в тундре ездят на собаках. «И это тебе, и это, и это...» — говорил, поспешно выкладывая теплые ботинки, матроску, меховую шапочку, белую рубашку. Сверху лег большой кулек конфет в блестящих обертках, две плитки шоколада.

«Правда, папа, ты на море плавал?» — «Плавал», — невесело подтвердил Дмитрий.

Ирина была как в забытьи. Все происшедшее казалось фантастическим сном, который так же быстро исчезнет, как и явился. И мысли бежали стремительно, одна выталкивая другую: «Дмитрий меня простит... Не простит! Он останется со мной. Никогда!»

Дмитрий без колебаний открыл дорожную сумку. На согнутую в локте руку повесил женскую кофту грубой вязки, цветастую косынку, метра три шелка, достал туфли на высоких каблуках. «Это тебе, — положил на стол, так как Ирина держала на руках проснувшуюся дочку. — И ей, — кивнул на Марьянку, — платье сошьешь».

Слезы полились из глаз Ирины. Не спрашивала, почему отбыл шесть лет вместо трех, почему не писал, по-

чему приехал теперь?.. Он мог бы поставить перед ней больше этих «почему?». И что ответить? Если б не дочка от Павла, а так... Чувствовала вину за собой, хотя Дмитрий не укорил ее ни единым словом. Перегорело, перетлело чувство, с каким бежал из колонии: отомстить! И лейтенант Сизов, узнав о семейных делах Балагура, напутствовал: «Не сваляй дурака, как домой вернешься. Любовь — не кусок хлеба, пополам не разрежешь». — «Первая любовь не ржавеет», — ответил Балагур. «Зато разлука для любви, как ветер для огня: маленький гасит, а большой раздувает еще больше. Поверь, это мудрый человек сказал...»

Стемнело. Ирина приготовила сыну постель, но он ни за что не хотел идти спать: отец уедет, и придется опять долго ждать.

«Иди, сынок, иди. Я тебя не покину, не волнуйся, — и в доказательство того, что останется, кинул в угол плащ: — Я тут лягу».

Растерявшаяся Ирина и слова не вымолвила, а Митя позвал: «Папа, иди со мной спать». И смотрел с такой мольбой, что у Дмитрия не хватило сил отказать.

В постели сын прижимался к отцу. «Папа, а на море страшно?» — «Вырастешь — узнаешь». — «А дядька Павел сказал, что я олух, в тебя удался». — «Спи, Митя».

Ночью Балагур слышал, как ворочалась без сна Ирина, как вставала, когда плакала Марьянка, и мягкими шагами ходила по комнате, чтобы не потревожить спящих.

Задремала она под утро. Дышала часто, неровно. Снилось ей, будто Дмитрий ночью подкрался, убил Павла, забрал детей, а хату поджег. «И надо же такому присниться». Тряхнула головой, отгоняя остатки недоброго сна: прочь!

Завтракали, как и ужинали, молча.

«Мы с Митей съездим в город», — сказал после завтрака Дмитрий.

Смотрела вслед в окно. «Кто знает — что будет. Увезет дитя — бейся тогда головой о стену. Зачем отпустила?..» И тут же успокаивала себя. «Отец же. Порадуется сыну и привезет».

День убегал. Ирина начала тревожиться, выходила на дорогу. Расспрашивала у тех, кто возвращался из города: «Не видели Дмитрия с Митей?» — «Разве Дмитрий живой?» — удивлялись знакомые. И приходи-

лось говорить, что не умер, приехал и подался в город. По Орявчику моментально поползли разные слухи. Кто-то говорил, что Дмитрий силой отобрал Митю у Ирины; другие — что он украл сына; а третьи возражали и тем и другим, придерживаясь мысли, что с того света еще никто не возвращался...

Ирина не находила себе места. Неужели лишилась сына? Может, сходить к участковому или в сельсовет? Завернула Марьянку в одеяло.

«Пи-и... Пи-и...» — донеслось со двора.

Выглянула.

«Ма... Мама!..» — Митя толкает детский автомобиль — блестит никель, краска; крутятся толстые резиновые колеса; светят фары; пикает сигнал — настоящий «Москвич». И такая радость на лице мальчишки! А у Ирины хоть и отлегло от сердца, но в глубине души сосет: заберет Дмитрий сына, переманит.

«Мы в кабине с дядькой Мироном приехали», — хвалится Митя.

Дядька Мирон — колхозный шофер. А говорун! Наговорил, наверное, и Дмитрию: рот же не зажмешь. Ирина оглянулась от плиты. «Что будете ужинать?» — «А мы в ресторане наелись», — гордо сказал Митя, гоня вокруг стола автомобиль. Зацепил колесом за диван. «Соблюдай правила движения», — сказал Дмитрий. Голос показался Ирине сухим, бесцветным, будто никогда и не было той сочности, напевности, которую могла отличить среди сотен голосов. За долгие годы разлуки он как-то засох, стал чужим.

Дмитрий взял у Ирины ведра, пошел к колодцу, что стоит под деревянной крышей во дворе у Кривенко. Ворот заскрипел: «Изменила... Изменила... Из...»

Ночь пахла яблоками. Захотелось одно сорвать. Но в сад к Павлу не пошел. Все было родным и чужим одновременно. Смотрел на хату Фитевки, куда привел Ирину. Вещи — в двух чемоданах. Первая ночь — на голых досках: не было у хозяйки лишнего матраса. Постепенно разжились. Купили шкаф, кровать с пружинной сеткой, стол, стулья. Оба работали, появились деньги. Все шло хорошо до того злосчастного вечера, когда какой-то бес подбил украсть колхозное зерно. За это отсидел, искупил вину, а червячок стыда и до сих пор точит душу, заставляет опускать голову перед знакомыми.

Дмитрий внес полные ведра.

Ирина укладывала спать детей. «Папа, чтоб ко мне пришел», — крикнул сын из соседней комнаты. «Иду», — ответил Дмитрий и тут же услышал: «Нам бы поговорить... Слышишь?..» — но не отозвался.

Наталья Филипповна понимала Балагура: мужская гордость взяла верх. Не мог сразу отбросить все, что скопилось в душе за годы разлуки, смириться с потерей жены.

Опять лежал без сна рядом с сыном. «О чем с Ириной говорить?.. Все ясно, как белый день. Сразу бы уйти отсюда — Митя удержал. Никак не могу расстаться. А уходить нужно. О работе договорился. Пойду шофером. Начальник районной милиции рекомендовал меня председателю одного колхоза. Утром и распрощаюсь. Мите скажу, что должен отбыть на море — корабль не может ждать и отплыть без моряка не может. Скорее отплыть — скорее вернуться...»

Утром и уехал. «Куда ты, Дмитрий?» — попробовала остановить его Ирина. «Митю не обижайте», — глянул косо и пошел.

— С тех пор мы и не виделись, — сказала Ирина.

Она уже успела навестить в хирургическое отделение.

«Дайте хоть одним глазом глянуть. Хоть с порога».

«Нельзя», — отказал врач.

Подошла к дежурной сестре. Упрашивала ее до тех пор, пока в глазах женщины не промелькнуло сочувствие. Сестра вошла в палату, отодвинула занавеску на застекленной двери. Дмитрий лежал навзничь, руки сложены на груди поверх одеяла. Ирине показалось, что они никогда больше не шевельнутся. Лицо бледное, застывшее. Веки опущены. В морщинках на лбу — капли пота.

«Что вы тут делаете?» — спросил врач за спиной.

Ноги перестали служить. Не хотели, не могли перенести Ирину в дальний угол коридора, и хирург поддерживал ее под руку.

«Не переживайте так. Ему станет легче, тогда поговорите», — успокаивал он Ирину.

Наталье Филипповне тоже не разрешили встретить-

ся с Балагуром. Придется ждать, надеясь на выздоровление. А пока что следователь Кушнирчук поинтересовалась Павлом Кривенко.

— Где он, Ирина Петровна?

— Не знаю.

— Не приходил?

— Я его не пустила.

— Когда?

— Конечно, не вчера. Когда перебралась от него в город. Он ходил тут под окнами, стучал в дверь. Но я не отозвалась. Куда подевался — не интересовалась. Он мне не нужен.

— А вы ему?

Ирине вспомнилось: «Будем вместе жить, мне без тебя свет не мил. Ты мне нужна для счастья, Иринка». И она поверила.

— Не знаю, — ответила следователю.

— Кривенко помнил о дне вашего рождения?

Вспомнила, как в первый год совместной жизни подарил ей в день рождения гребень и одеколон. «От всего сердца!»

— Может быть, и теперь примчал в Синевец, встретился с Дмитрием и... — Наталья Филипповна слегка прихлопнула кулаком по стулу.

— Не думаю, — возразила Ирина.

— А не Кривенко ли убегал, втянув голову в плечи? Ирина задумалась.

— Походка не та: у Павла шаг мелкий, а у этого длинный. Правда, он бежал. Может, и Кривенко...

— А не был ли это фельдшер Бысыкало?

Ирина передернулась.

— Борис?

— Да.

Бысыкало стал другом семьи после того, как вылечил Марьянку. Ирина уже забыла, когда это было, а он все при встрече: «Как Марьянка? Не нужны ли какие лекарства?» Недавно встретился на рынке. «Можно, приду в гости?» Дети уснули, а он сидел, нашептывал: «Красивая вы, Ирина». — «Спасибо». Взял за руку. «Вы бы не возражали, чтобы я стал вашим мужем?» Выхватила руку, рассмеялась. «В сыночки мне годитесь». Борис не рассердился. «Теперь это модно — жениться на женщине старше тебя». — «Во Франции?» — опять рассмеялась Ирина, переводя все в шутку...

Был уже первый час. Через несколько минут Кушнирчук должна была встретиться с лейтенантом Пасульским. Уходя от Ирины, она думала: «Почему Лукашук на очной ставке умолчала о близком знакомстве с Бысыкало? Почему?»

4

До районного отдела внутренних дел Наталья Филипповна дошла быстро. В кабинете Пасульский достал из папки блокнот.

— Я тут кое-что записал.

И с подробностями рассказал все, что узнал в Орявчике об Ирине, Дмитриии и Павле. Прежде всего выложил уже известную историю о возвращении Балагура из колонии. Ирину долго не отпускала душевная боль: Дмитрий поехал, так и не выслушав ее.

Кривенко, прибыв с курсов, радости не принес. Как-то с купленного Балагуром детского автомобиля слетело колесо. «Почините», — попросил Митя. «Почините, почините, — передразнил мальчишку Павел. — Пусть чинит тот, кто купил эту железку...»

Еще на курсах Кривенко узнал о приезде Дмитрия в Орявчик. Его охватил страх: «Отыщет меня в общежитии — и прощай белый свет». Перебрался в гостиницу на окраину города, а товарищам сказал, что ночует с детьми знакомого, пока тот в отъезде.

В общежитие вернулся только после встречи с Фитевкой. Та привозила на рынок творог, сметану и рассказала, что Балагур куда-то уехал, одарив Ирину, Митю и Марьянку. Куда подался — не знала. Главное — в селе его нет.

С курсов Кривенко приехал домой, когда в Орявчике уже перестали говорить о Балагуре: всякое диво — на три дня. Но стоило кому-то из односельчан (были такие) увидеть Павла, как начиналось: «Ты слышал: Дмитрий приезжал?» — «Где он теперь?» — «Неужели уехал насовсем?» — «Что сказал Ирине?» — «Сына бросил — нечестно...»

Павел не вступал в эти разговоры. Что он мог сказать? С Ириной тоже старался не говорить о Балагуре. Зачем? Ну, был и уехал. И хорошо! Но спокойно спать не мог. Павла будил ночной скрип калитки, шелест развесистой яблони, рокот мотора. Ложась спать, доставал гантели, клал поближе, чтобы были под рукой.

Лейтенант Пасульский заглянул в записи, снял очки и постучал ими по блокноту.

— Тут еще важные подробности.

И он рассказал, как однажды, когда Павел еще был на курсах, к Ирине зашел Иван Дереш, отбывавший наказание вместе с Дмитрием. Посмотрел на Митю. «Настоящий Дмитрий. Хе-хе-хе-е». — «А я Митя», — не понял малыш. Дереш отослал мальчика гулять: «Мне нужно с мамой поговорить». И сказал Ирине, что Дмитрия убили — бежал из-под стражи. «Но вы о нем не жалеете. Он собирался бросить вас после возвращения. Не верите? — Потянул носом воздух, будто принюхивался. — Не любил он вас. Сам как-то признался мне на досуге. Хе-хе-хе-е...»

Ирина накрыла разметающуюся во сне Марьяну и предложила Дерешу сесть.

«Я уже знаю, что Дмитрия убили во время побега. Сначала не верила. Но от мужа не было писем, срок — три года — прошел, а он домой не вернулся. И я поверила. Да вот и вы подтверждаете...»

«Царство ему небесное. Хе-хе-хе-е...»

Иван Дереш сплюнул и ушел. Радостный, как ребенок. Ирине до самого вечера слышалось это «хе-хе-хе-е...». И чего смеялся? Над кем? Чему радовался? Так и не поняла...

Как-то Кривенко вернулся домой пьяный. Дети спали. Павел схватил Ирину за руку, дернул к себе, потащил в другую комнату: «Он, Балагур, ночевал тут? Что у вас было?..»

Заплакала Марьянка. Ирина вырвалась, побежала к дочери. «Противно. Обидно. За что обижает?»

До утра перебирала свое житье-бытье. Встала измученная. И удивилась: «Где же Павел? Как это я не слышала, когда вышел? И куда пошел?» И сказала себе: «Хорошо, что ушел».

Настоящее утро еще не наступило — сумерки, смешанные с туманом, цеплялись за деревья, волочились над укрытой росой землею, а Ирина уже крутила ворот колодца. Сзади звякнуло пустое ведро. Фитевка. С тех пор, как Ирина перешла к Павлу, бывшая хозяйка избегала встреч с нею. А тут сошлись с глазу на глаз.

«Так где же ваш сын с невесткой?» — вырвалось у Ирины.

Фитевка вытерла о фартук руки. Ее сморщенные губы дернулись. Отступила на шаг в сторону, уступая дорогу, и сказала:

«Виновна я, Ирина. Прости. Соблазнилась возком дров. Скажу тебе правду. Павел уговорил: выгонишь, дров привезу... И деньги обещал. Дура я баба...»

В хату Ирина вбежала без ведер. Упала на кровать. Дети расплакались. Едва утихомирила. И внезапно все стало Ирине ненавистно. Она прижимала, голубила детей: «Милые мои лебедята». Потом успокоилась, вытерла слезы и туго завязала косынку на голове.

«Вот что, Митя, — сказала сыну, — ты играй с сестренкой, а я сейчас...»

Идет Ирина по улице, решительная и гордая, на голове корона из белых кос, как туго сплетенный лен. С ней каждый здоровается, и каждому она приветливо отвечает, словно на сердце не боль и горечь — майский мед. Вот и колхозный гараж. Машину Мирона увидела издали. Из-под нее торчали кованые башмаки. «Доброго здоровья», — поздоровалась Ирина. Мирон выполз из-под кузова, вытер ветошью руки. Подумал: «Будет ругать, зачем Балагуру о ее жизни с Кривенко рассказывал, когда его из города вез». Но Ирина спросила: «Когда едешь в Синевец?» — «Утром, в восемь. А что?» Оглянулась — никого нет. «Порожняком едешь?» — «Оттуда должен комбикорм привезти». — «Вот и хорошо. Заезжай за мной...»

Рассказала Мирону о своем намерении уехать из Орявчика и попросила: «Смотри не разболтай...»

Телефонный звонок прервал рассказ Пасульского. Кушнирчук говорила отрывистыми фразами:

— Что же делать? Может быть, вызвать областных специалистов?.. Делайте все, чтобы выздоровел...

Положила трубку

— Балагуру стало хуже.

— Жаль, — огорчился Пасульский. И вернулся к своему рассказу.

На следующий день чуть свет Павел ушел из дома. А ровно в восемь у двора остановилась машина. Мирон, не выключая мотора, быстро погрузил вещи. Вскоре все было готово. Ирина с детьми и небогатыми пожитками покинула Орявчик...

Было воскресенье. Солнце протянуло от окна к кровати медные нити лучей. Прячась от него, Павел подвинулся ближе к стене. С тех пор, как Ирина бросила

его, в хате хоть вой — тихо, пусто. А ведь было же: подойдет Ирина, скажет слово-другое, пролепечет непонятное дочь... Да и тот желторотый все трещал: «Вы не мой папа... Мама, дядька Павел опять пьяный...»

Две недели сидел в хате, словно крот, — стыдно было глаза людям показать после отстранения от работы на ферме. Зашел к нему председатель колхоза и ругал и совестил: «Для чего же, Павел, мы тебя на курсах учили?..» Но словом Кривенко не проймешь. Председатель предложил: «Иди ездовым». Дал время подумать. Павел думал сутки — и согласился.

Работа выгодная: тому мешок муки подбросишь с мельницы; тот зовет дров из леса привезти; кому-то огород нужно вспахать, удобрение завезти... Работы — только успевай. И каждый раз звонкая копейка в кармане. Для себя Павел не просил: «Кони работали — овса заработали». Или: «Дышло сломалось — новое нужно». Но никто и не ждал, что Кривенко сделает что-то даром. Клади ему в карман тройк или пятерку, угощали и кормили — один же, кто ему сварит. А если когда и проходил день без калыма, тогда Павел заходил в сельский буфет, брал буханку хлеба, банку рыбных консервов, бутылку вина и шел в свой пустой, не приветливый дом.

Как-то вывозил с фермы перепрелый силос. Подошла Гафия Нитка — подменная доярка.

«Вчера твою видела».

Он оперся о вилы, воткнутые в силос, широко расставил ноги и всем телом подался вперед. Не поверил:

«Обозналась ты, Гафия».

«И говорила с ней...»

«Шутки шутишь?»

«Чтоб меня гром убил!»

И Нитка рассказала, как ездила в областной центр и встретила с Ириной: та в универмаге пальто покупала, красивое такое — пушистый воротник, на рукавах меховые нашивки.

«И где же она остановилась?» — спросил.

«В Синевце... Сказала, что получила квартиру, работает и хорошо зарабатывает. Марьянка в яслях, Митя в школу ходит... И одета по-городскому. По всему видно, в Орявчик не собирается».

Кони вдруг тронули с места.

«Тпру-у-у! Бесовы души!»

«Я завела разговор о тебе, Павел, — слушать не за-

хотела. Да не переживай... Я смотрю — человек ты хороший. И теперь везде успеваешь: в колхозе нормы выполняешь и, кроме зарплаты, копейку имеешь. Да я, когда услышала, что она тебя бросила, не поверила: где лучшего мужа найдешь? Дура! Дмитрий ее возненавидел. Ирине бы сидеть, заботиться о тебе. Так нет: от Дмитрия к тебе, от тебя — кто знает к кому...»

«Может, она с Дмитрием?»

«Одна!.. Даже не знает, где он. Сказала, что никогда никого не подпустит к себе... И кто на нее с двумя детьми позарится? Приютил ты ее в тяжелую минуту, открыл перед нею двери, а она, видишь, как отблагодарила... Недаром говорят: черную душу мылом не отмоешь...»

Кони опять тронули. Павел, сгоняя злость, сердито огрел батоном одного, другого. Воз заскрипел, покатылся...

Разговор с Гафией долго не выходил у Павла из головы, и он поехал в Синевец. Раздобыл адрес Ирины, ходил вокруг дома, высматривал среди детей Марьянку и Митю, вглядывался в каждую женщину, надеясь увидеть Ирину. Был уверен, что она обрадуется ему: Балагур не простил измены, и ей некуда податься.

Уже зажглись фонари, а Павел все еще был на Летней улице возле дома номер восемь. Наконец вошел в подъезд, постучал в свежепокрашенную дверь, над которой синела маленькая табличка с белыми цифрами 17.

«Кто там?» — слышался знакомый голос.

«Открой, Иринка», — сказал жалобно, просительно.

Ирина не узнала Павла по голосу. К ней вечерами редко кто заходил. Синевец — не Орявчик, где друг друга знают не только в лицо, но и по имени-отчеству величают.

«Кто там?» — опять спросила Ирина громче, и Павел услышал, как топчутся дети, как что-то шепчет матери Марьянка.

«Не узнаешь, Иринка? Это я, Павел. Открой».

На стук больше никто не отозвался. «Ирина не впустит», — подумал Павел и испугался этой мысли, подошел со двора к окну. «Открой, не бойся...» Потом из-под ясеня осматривал просторный двор, поглядывал на авоську с бутылкой, несколькими луковицами и кулечком конфет «горошек». Более находчивый, может, попросил бы соседей, чтобы уговорили Ирину согласить-

ся на короткий разговор. Но Павлу это не пришло на ум. Свет в комнате погас. Тогда он открыл и выцедил вино, швырнул пустую бутылку в кусты. Откусил от луковицы, как от яблока. Еще раз, прячась в тени стены, подошел к окну. Хотелось хотя бы услышать голос Марьянки. Но было тихо, как в могиле. Опять подошел к двери — ни звука. «Хожу, как вор, еще в милицию попаду...»

Кушнирчук пыталась угадать цель визита Павла в Синевец. Хотел помириться? Просить прощения? Просто повидать дочь? Наталья Филипповна отложила карандаш и откинулась в кресле. «Кривенко мог приехать и в день рождения Ирины...»

Домой в Орявчик Павел добрался на автобусе. В бригаде после обеда не было работы. И он стал возить навоз на приусадебный участок Гецка. После нескольких ездов уселись за стол. Пили.

«Что слышно про Ирину, а, Павел?»

Кривенко хлопнул в ладони, потер одной о другую, словно растирал что-то между ними, потом дунул на ладонь — мол, улетела, пропала.

Разговор об Ирине раздражал Павла, и Гецко заговаривал о конях: они у Павла что надо — и увезут больше, чем другие, и поле быстрее вспашут...

Наутро Кривенко вызвали к председателю колхоза.

«Чего ему? — недовольно буркнул Павел. — Сегодня выходной».

Гецко остался ждать у сельмага. Павел вернулся не скоро, отвел соседа в угол почти пустого магазина, и тут сзади кто-то дернул его за плечо: «Километр за тобой гонюсь. Шагом марш за мной».

На пустынной улице Степан Корилич протянул Павлу перевод на сто рублей. «Это же Ирине от Балагура», — сказал Кривенко. «А где ее искать? Дают — бери. Не впервой!»

Павел колебался только миг, потом заполнил бланк, дал почтальону трешку и вернулся в магазин.

«Ну, зачем председатель вызывал?» — подступил Гецко.

«На улице расскажу».

Каменистая дорога бежала с небольшой горюшки

среди хат и пряталась за тенистыми деревьями, что росли по сторонам. Приятели шли, обдумывая, как теперь быть Павлу, что делать? Накануне вечером не привязал коней, они дорвались до картошки, ели, сколько хотели, и даже ветврач из района не помог.

Председатель обещал передать дело в суд. Павел решил бежать.

Утренние зори еще стряхивали над Орявчиком дрожавшую росу, а он с небольшим чемоданчиком уже шел к автобусной остановке... Куда уехал Кривенко, в Орявчике никто не знал...

— Но мы выясним, — подытожил свой рассказ Пасульский.

Наталья Филипповна рассказала ему, что 17 октября в Синевце видели человека, похожего на Павла Кривенко. Капитан Крыло проверяет достоверность факта. Не исключено, что все подтвердится. Собираясь бежать, Павел сказал: «Заработаю денег и вернусь к Ирине». Может, и заехал в день рождения, а тут Балагур... Необходимо как можно скорее разыскать Кривенко.

5

Кушнирчук отложила недочитанный роман и собиралась выключить свет. В этот момент зазвонил телефон. Подняла трубку и узнала голос капитана Крыло. Он сообщил, что Павел Кривенко был в Синевце, угощался в привокзальном ресторане и в ночь с семнадцатого на восемнадцатое, когда был ранен Балагур, выехал пассажирским поездом в направлении Львова.

Пьяный, которого подобрали в подъезде, оказался непричастным к преступлению. Пятна на его пиджаке — следы крови кролика, которого перед этим забил у тещи в селе. Угрозы: «Я ему... я его...» — пустая болтовня.

Итак — Кривенко... Но в процессе следствия появился еще один подозреваемый — шофер Федор Шапка. Пока разыскивали Кривенко, Наталья Филипповна занялась им.

...В Синевце стояла ранняя осень. В такую пору начинают краснеть леса, солнце не печет — греет ласково; земля утром и вечером отдает холодком; дни не ко-

роткие и не длинные — успеешь управиться с работой до ночи.

Ранняя осень — это не тягостная пора, когда на дворе семь ненастий за день: сеет, веет, дует, крутит, мутит, на голову льет и ноги морозит. Ранняя осень — это созревшие яблоки поблескивают росяными боками на влажных ветках, звонко хлопают о землю груши, пахнущие майским медом; трепетную просинь неба разрезает первый журавлиный лемех, а понизу, у самой земли, плывут длинные паутинки бабьего лета, цепляются за траву и трепещут оборванными концами, и ветер нарочно рвет их, чтобы повредить связь меж летом и осенью.

У Ирины был отпуск. Сначала хотела съездить в Орявчик. Как живет тетечка Тамара? Она каждое утро угощала Митю свежим молочком. «Не надо денег, Ирина, — говорила, — пусть сынок-дубок крепнет, а я на его свадьбе погуляю». К Марьянке тоже приходила, когда Павел был на курсах. «Мои дети на молоке крепкими выросли, пусть и твои сил набираются».

Было у Ирины намерение навестить и секретаря комсомольской организации колхоза. Как он там, советчик и спаситель Сергей Кацюба? «Ты, Ирина, еще подумай, — советовал, когда она пришла сниматься с учета и рассказала, что решила уехать от Кривенко в город. — Может, я найду Дмитрия, поговорю, и ты к нему переберешься?» — «Нет! — ответила. — Я виновата, мне и заглаживать вину». — «Может, с Кривенко останешься? — спросил несмело. — Мы на него управу найдем». — «Лучше камень на шее носить, чем с ним жить».

Не без Сергеевой помощи выхлопотали ей квартиру в городе, устроили дочку в детсад, нашли работу. Коллектив оказался дружным, и Ирина повеселела. «Компанийская ты у нас», — говорят девчата. Ко дню рождения купили ей туфли, сыну — скрипку (Митя учится в музыкальной школе), платье и куклу — дочке.

Прошлой осенью привезли Ирине два ящика яблок и три центнера картошки, которой хватило на всю зиму. «Это тебе натуроплата», — прочитала она в записке Сергея.

В тот последний их разговор он сказал: «Прости, что недостаточно интересовались твоей личной жизнью...» А что было интересоваться? Посмотреть со стороны, все у Ирины Лукашук шло своим чередом. Душу.

никому не открывала. Сергей каждый раз спрашивал: «Как дела?» Она гордо поднимала голову: «Понемногу идут...» И теперь ей казалось, если приедет в Орявчик, Кацюба встретит ее своим: «Как дела?..»

Хотелось Ирине проведать и одинокую Евдокию. Муж с войны не вернулся. Дети и внуки зовут ее в город, а она — ни за что! Придет, бывало, к Мите и Марьянке, принесет орешков и шепчет: «Говорят, будто есть чужие дети, а мне все родные».

А председатель сельсовета при встрече засыпал бы ее вопросами: «Как живешь, Иринка? Где работаешь? Как детки? Где Дмитрий? Что нового?» Он любит выпытывать, потому что, как говорили в Орявчике, голова села должен все знать. На то он и руководитель...

Доярка Вера Сидоран тоже была бы рада встрече: вместе на ферме работали...

И все же Ирина передумала ехать в Орявчик. Еще пойдет по селу, что к Павлу вернулась. Да и не отрывать же Митю от школы. К тому же домашние дела: окна покрасить, кухню побелить. Только управившись со всем, решила хоть денек побыть одна на природе — отпуск все же. Отправила Митю в школу, Марьяну отвела в детсад — и в дорогу.

Лес встретил Ирину приветливо.

Рыженькая белка, прыгнув с лещины, пробежала мимо пня, ловко уцепилась за толстый бук, таща за собой распушенный хвост. «Собирает орешки в дупло, будет зимой ей тепло», — вспомнилось из детства. Как же давно не видела она лесную белку-красавицу! Ой, давно! С тех пор, как ходила с Дмитрием по грибы. Белочка грызла еловую шишку, добывая зернышки. «Не испугай», — предупредила Дмитрия. Белка держала шишку в передних лапках, рыжий хвостик лежал на сучковатой ветке, головка поворачивалась то в одну сторону, то в другую, тонко скрежетали острые зубки.

«Э-ге-ге-й...» — донеслось издалека.

Белочка настороженно моргнула и устроилась на ветке повыше, а когда опять послышался крик какого-то грибника, стрелой полетела на другое дерево и хвостом зацепилась за кончик тонкой ветки. Ирина ахнула, но Хвостаня (так Дмитрий называл белку) тут же отцепилась, найдя удобное место чуть ниже.

Ирина глубоко задумалась, сидя у ручья на заросшей мхом каменной глыбе. «Дмитрий, Дмитрий, куда

же ты подевался? Я же тебе такие письма писала — камень, и тот бы ответил».

Она наизусть помнит каждое письмо.

«Дорогой Дмитрий!

Пишу тебе это письмо, а на коленях сидит Митенька. Он тянет ручонки к бумаге, бормочет: па... па... па... И вот мы вдвоем выводим большими буквами: «Папа». Я не знаю, что хочет сказать наш сын, но уверена — первым словом будет «папа». Малыш еще ничего не понимает, а я уже наговорила ему о тебе много-много: как встретились, как поженились, как жили... А он все бормочет свое: «па... па... па...», словно хочет выпытать, где ты. Говорю: твой папа, сынок, далеко. Твой папа на синем-синем море, на большом, больше, чем хата, корабле. Он повез за море старую, как баба-яга, беду. Повез, чтобы потопить, чтобы она никогда больше не возвращалась. Твой папа («Па... па... па...») добрый и работающий. Он скоро вернется...

Мои сказки, Дмитрий, длинные. Сын заснет, а я все еще рассказываю. Для себя. И становится легче. Наговорюсь, намечтаюсь и засну...

Ты, Дмитрий, писал, чтобы побольше заботилась о нашем малыше. Я все понимаю, все для Мити делаю. А вернешься, будем воспитывать сына вместе.

Спрашиваешь, как живем? День за днем. Я уже писала тебе, что Фитевка выставила нас из дома — к ней сын с невесткой приезжают, — и мы перешли жить к Павлу в отдельную комнату, что с выходом на улицу. Не пойму только, почему ты не отвечаешь на мое письмо? Рассердился? Не стоит. Другого выхода у нас не было.

Мы с Митенькой каждый день подходим к календарю, и наш сынок своей ручонкой срывает листок. Считаю дни до нашей встречи.

Ждем с нетерпением. Горячо целуем. Твои Митя и Ирина».

Ветер раскачивал ветки над головой. У ног журчал чистый — каждый камушек видно — ручей. Ирина ощутила холодок, поднялась и пошла вверх. Ей попались два боровика. Вдосталь налюбовалась их молодецкой статью, а потом срезала и положила в корзинку. Стала искать грибы.

Она любила ходить по грибы с Дмитрием. Послед-

ний раз они отправились в лес, когда уже ошипывал деревья первый морозец. В ущельях еще держалось тепло, и грибы росли густо. Две корзины набрали. Было что мариновать, сушить, жарить...

«У нас осень, — писал Дмитрий из колонии, — и я вспомнил наш последний поход за грибами. Ты еще тогда приговаривала: «Хоть грибочки малы, я им кланяюсь до земли». Как было хорошо! И как захотелось грибного супа. Вот приеду — и сразу по грибы! Ведь опять будет осень».

На это последнее письмо Ирина сразу ответила:

«Добрый день, а может, вечер, дорогой Дмитрий!

Как видишь, мы живы и пишем тебе письмо. И здоровы. Митя недавно чуть приболел — прошло. Без фельдшера обошлось.

В предыдущем письме я тебе второй раз сообщила: живем у Павла. Ты почему-то об этом ничего не пишешь, как будто не знаешь. А может, не получил наше письмо? Павел как раз ехал в город, и я попросила его опустить письмо там, чтобы скорее дошло. Неужели где-то потерялось?!

Наш Митя растет с каждым днем. Веселый, как воробушек весной. Я посылала тебе фотокарточку. В этот конверт кладу вторую. На ней улыбается наш сынок, наша с тобой кровинка. Он уже говорит. Только «р» чисто не выговаривает. Спросишь у него: «Ты чей?» Говорит: «Балагулев». Научится к твоему возвращению.

Ты спрашиваешь, не забыл ли нас Павел. Будь спокоен. Дров он привез, его дровами греемся. С тех пор как умерла мать, грустит. Даже похудел. А квартиру сам нам предложил. Интересуется, что пишешь. Сказал, что, если бы ты был поближе, он съездил бы к тебе. У него много работы — бригадирствует. С утра до ночи в поле, на ферме.

Теперь немного о нас с Митенькой.

Живем хорошо. Сына отвожу в детский сад, сама иду на работу. Так проходят дни. Если тебе нужно, если можно прислать денег, напиши, не стыдись. Я вышлю.

Спрашиваешь, какие новости? Все без изменений. Погода у нас, как всегда в эту пору, хорошая. Погляжу кругом — сердцу любо, подумаю — грусть до глубины проникает: все это без тебя. На этом кончаю письмо — за Митей идти пора.

Крепко обнимаем и целуем. Твои Митя и Ирина».

Дышит и не надышится Ирина лесным воздухом. Быстро бежит время. Солнце на миг остановилось посреди неба и длинным лучом, словно прутиком, выгоняет из глубокого ущелья остатки тумана, похожего на белый дым, что катится над сельской хатой, в которой топят сырыми дровами. Корзинка с грибами оттягивает руку. Но идти легко. На опушке леса выбросила палку, стряхнула еловую хвою, поправила волосы — и к шоссе: может, случится попутная машина, а нет — автобус будет.

Ждать пришлось недолго. Грузовик остановился, хотя Ирина и не поднимала руку: «Кто-то знакомый?» — подумала.

— Садитесь, подвезу, — открыл дверцу молодой, веселый шофер. Ему не было еще тридцати.

Ирина поднялась в кабину. Водитель умело вел машину, часто поглядывал на утомленную, но счастливую пассажирку.

— По грибы ходили?

Приподняла иссеченные листья папоротника, которыми была накрыта корзина.

— Где вы их столько?..

— В лесу.

— Мне с грибами не везет. Разве только наступлю — тогда замечу.

— А взгляд у вас внимательный, — рассмеялась Ирина и смутилась от беспричинного смеха.

— На девчат, — захохотал и шофер. Он чем-то напоминал Дмитрия: так же уверенно переключал скорость, плавно тормозил, нетерпеливо сигналил при обгонах... И в кабине чисто. Бывало, Дмитрий усталый вернется из рейса, а машину приведет в порядок. Его даже прозвали Чистюлей. Иногда звал Ирину: «Давай быстрее помоем — и в кино». Как давно не была она в кино... Может, сейчас, во время отпуска, сходит...

— Если бы я ближе жил, — сказал шофер, — обязательно пошел бы с вами по грибы.

— Если бы я взяла вас, — подмигнула, как, бывало, Дмитрию. — Вам с грибами не везет.

— Я же взял вас в кабину.

— Разве я просилась?

— Ну а я бы попросился.

Вот и город. Белеют многоэтажные дома, видные издали. Ирина искала взглядом свой дом, но он прятался правее за гостиницей.

— Вам в центр? — спросил шофер.

— Чуть ближе.

Остановился против подъезда. Ирина протянула деньги. Он не взял.

— Скажите лучше, как вас зовут?

— Ирина.

— А я Федор. Федор Шапка из колхоза «Заря коммунизма».

Во двор выбежал Митя, заглянул в кабину.

— Сын?

— Митя.

— Садись покатаю.

Очень хотелось Мите проехаться, но не пошел. Вот если б с отцом...

Ирина поблагодарила и пожелала счастливого пути. Трогаясь с места, Федор глянул на табличку: «Летняя, 8».

Через неделю Федор заехал к Ирине. Положил на стол целлофановый мешочек лесных орешков. «Мите». Потом соседка Ирины Феня рассказывала, что и в четверг приезжал на машине, расспрашивал об Ирине. Шапку в прошлом году бросила жена, оставила дочку. Через какое-то время он предложил: «Давай поженимся, Ирина». — «Не могу», — отказала она. Но Федор все приезжал и приезжал...

Однажды, когда опять заговорил о женитьбе, Ирина попросила его уйти. «Никто мне не нужен!» И едва он закрыл за собой дверь, зашлась в таком плаче, что испуганный Федор вернулся и долго успокаивал ее.

И опять приезжал и приезжал. Привозил и дочку Зоряну. Так что мог он знать и о дне рождения Ирины. Правда, о Федоре она говорила неохотно. Наверное, боялась, чтобы как-то не дошло до Дмитрия, что нашла другого. Вины за собой никакой не чувствовала, но не хотела, чтобы шли досужие разговоры, что полюбила третьего, в то время как некоторым нерешительным ни одного не досталось. Словом, Ирина скупое вспоминала о встречах с Шапкой. Так, может, это он убегал со двора?

И старший лейтенант Кушнирчук даже вообразила себе разговор между Шапкой и Балагуром:

Федор: «Ты к кому?»

Дмитрий: «Тебе какое дело?»

Федор: «Достаточно ты Ирине горя принес... Уйди, прочь с дороги!»

Дмитрий: «Это я у тебя на дороге стою?..»

Началась драка...

Но это все предположения. Искать факты, доказательства, подтверждающие версию или опровергающие ее, Наталья Филипповна поехала в колхоз «Заря коммунизма».

Звуки духового оркестра плывут над просторной сельской площадью. С левого края небольшой сцены возвышается трибуна. На застеленном красным сукном столе горит на солнце большой букет гвоздик из колхозной оранжереи. Шофер Шапка садится во втором ряду президиума.

Секретарь парторганизации дал слово председателю колхоза, и Федор Шапка оказался на виду. Ему стало не по себе: впервые в президиуме, впервые на глазах всех односельчан. Он даже не сразу услышал, как председатель колхоза, опершись о трибуну, сказал:

— Сегодня, товарищи, у нас большое торжество — праздник урожая. Мы подбиваем итоги, называем лучших тружеников. Нынешней осенью первенство завоевал шофер и комбайнер, член ВЛКСМ Федор Шапка. Он установил рекорд...

Председатель говорил долго, называл имена, приводил цифры. Наконец прочитал постановление, и секретарь комитета комсомола увенчал Федора венком из пшеничных колосьев. Грудь его обвила шелковая лента с надписью «Чемпион». Музыканты заиграли туш. Собравшиеся аплодировали, площадь гудела! А Шапка покраснел, как девушка, опустил глаза.

Наталья Филипповна подумала: «Какой стыдливый... Неужели поднялась рука?..» Когда Ирина рассказывала ему о Дмитрие, возмущался: «Разве это не измена — уехать, бросить, даже не выслушав? Такого и проучить не грех...»

Победитель соревнования подошел к трибуне.

— Дорогие товарищи! Я очень рад, что мой труд так высоко оценили, что среди других наград мне вручили ключи от «Жигулей». Но я хочу сказать, что успеха мы добились, потому что все вместе работали на совесть... В благодарность за награду я буду работать еще лучше, еще продуктивнее...

Шапка хотел еще что-то сказать, раскрыл рот, но площадь взорвалась аплодисментами. Потом все поздравляли Федора. К нему протиснулась журналистка.

— У меня к вам один вопрос. Как вы спасли от огня колхозное поле?

...Полыхала созревшая пшеница. Трескучее пламя билось под самое небо. Федор подбежал к трактору. Напрямик. Загремел двигатель, и путь огню, который стелился понизу, преградила черная лента вспаханной земли. Когда прибыли пожарники, Шапка мял в руках обугленный колосок. «Огонь нужен хлебу не в поле — в печи...»

По дороге в колхоз Кушнирчук планировала спросить Шапку о многом. Когда познакомился с Ириной? Что знает о Дмитрие? Где был в среду вечером? Теперь же, увидев счастливого Федора, она приняла другое решение и пошла в контору правления.

Молоденькая девушка дала ей путевые листы. Кушнирчук отыскала выписанные на Федора Шапку. Документ свидетельствовал, что во время нападения на Балагура Федор был в очередном рейсе. Маршрут пролегал через Синевец. Наталья Филипповна подсчитала: в городе он был именно в то время, когда совершилось преступление.

В колхозе о Федоре Шапке говорили только хорошее. С тех пор как ушла от него жена, живет с матерью.

С кем Наталья Филипповна ни заводила разговор о Федоре, все расписывали его светлыми красками. Мать Шапки на вопрос: «Приходил ли сын когда-нибудь необычно взволнованный?» — заплакала. Вспомнила, как ездил в Синевец, взяв с собой Зоряну. «Есть там, мама, одна женщина с двумя детьми». В город ехал с надеждой: поженятся с Ириной. Домой вернулся сам не свой. «Не нужен я ей». А соседская Оряся хоть сейчас готова за него...

После праздника урожая Федор вернулся домой поздно.

— Поезжай в сельсовет, там тебя ждут. Посыльный прибежал, — сказала мать.

Наталья Филипповна встретила Федора в коридоре, пригласила в кабинет участкового инспектора. Он с удивлением ждал: «Что от меня нужно?» Наконец не выдержал:

— Зачем вызывали?

— Хочу задать вам несколько вопросов, — ответила Кушнирчук.

— Слушаю.

— Когда вы были у Ирины?

Вопрос не был неожиданным: мать успела рассказать, что Кушнирчук интересовалась отношениями с Ириной. Он с безразличным видом ответил:

— В воскресенье. Выходной у меня был.

— А когда в последний раз были в Синевце?

— Вчера проездом.

— А в прошлую среду?

— Это же было не в последний раз.

— К Ирине заходили?

— Нет, — отвел глаза.

Зашелестели бумаги.

— За что вас оштрафовал инспектор дорожно-патрульной службы?

Это удивило Федора. Неужели его вызвали потому, что считают штраф (три рубля) недостаточным наказанием?

— Я только остановился в запрещенном месте.

В Синевце регулировщик показал Наталье Филипповне, где Шапка остановил машину. До дома Ирины оттуда можно дойти за семь-десять минут. Указанное в протоколе о нарушении правил движения время сходилось со временем нападения на Балагура. «Машина простояла около часа», — уверял сержант. Где же в это время был Федор? До Ирины рукой подать. Правда, она в последний раз резко поговорила с ним. Но почему бы не сделать очередную попытку помириться? Знал ведь, что у нее день рождения... К машине Шапка вернулся с коробкой конфет.

— Где вы были, пока автомобиль стоял на площади Космонавтов?

— Гулял по городу.

— С конфетами?

«Все знает, даже в подробностях. Но я же невиновен... Не виновен!»

Через минуту Федор успокоился. Говорил тихо, убедительно. В Синевец приехал вечером. Ждал бухгалтера колхоза, чтоб отвезти домой. Навестить Ирину не собирался, но вспомнил о дне рождения. «Живет близко, время есть: бухгалтер освободится только через час».

Когда подошел к дому, во дворе шептались люди. Ирина плакала. Детей крепко держала соседка Феня.

— Я поинтересовался, что случилось. Человек в очках сказал: «Ножом одного пырнули. Приехал вот к той, — показал на Ирину, — на день рождения, а его кто-то ножом».

Всю дорогу из Синевца Шапка молчал. Только в гараже рассказал бухгалтеру, что купил конфеты, чтобы поздравить знакомую с днем рождения. «За нее бьются-режутся, — сказал, — так съешьте за ее здоровье...»

Бухгалтер подтвердил эти показания.

Все, кто осматривал финку, найденную на месте преступления, говорили: «У Федора такой не видели». И все же в своих показаниях Федор сообщил о факте, достойном внимания. Там, на Летней, к нему подошел человек в синем плаще со свертком под мышкой.

«Что там происходит?»

Шапка пересказал то, что услышал от человека в очках.

«За что его?» — поинтересовался незнакомец.

«Не знаю», — ответил Шапка.

Из предложенных снимков выбрал фото Павла Кривенко.

— Похож на него...

Что привезет из командировки Пасульский? С чем вернется? Удастся ли поймать Кривенко?

«Нужно объявить всесоюзный розыск», — настаивал на совещании капитан Крыло.

Кушнирчук не согласилась. Розыск объявляется после того, как проведен допрос родных и знакомых, которые могут знать, где находится подозреваемый, взяты справки в адресных бюро, наконец, поручено найти нужное лицо в порядке выполнения отдельного следственного действия. Вот Наталья Филипповна и отправила в дорогу участкового инспектора Пасульского на розыск Павла.

«Так-то оно так, — согласился Крыло, — но из одного цветка венка не сплетишь. Пасульскому вряд ли повезет найти Кривенко, а объяви всесоюзный розыск, все искали бы».

«Будет необходимость — объявим. Да и фактов против Кривенко не так много, чтобы сразу брать его под стражу. Подождем, с чем вернется участковый инспектор».

В больнице Наталья Филипповна наконец узнала, что Дмитрий Балагур не видел, кто ударил его ножом. Наклонился, чтоб достать подарки, а выпрямляясь, почувствовал острую боль, стал терять сознание. «Дмитрий! Дмитрий!» — услышал, как сквозь сон. Очнулся на больничной койке.

— К Ирине Лукашук ехали на день рождения?

— Сына, сыночка увидеть... Соскучился...

— И никого не заметили, когда шли от дома к машине?

— Не смотрел. Хотел скорее вернуться с гостинцами. Балагур подавил вздох и оторвал от груди мокрую от пота рубашку.

— Эксперты обнаружили на рукоятке ножа отпечатки ваших пальцев. Чем это объяснить?

— Почувствовав боль, я закинул руку за спину, выдернул нож и потерял сознание.

— А вы не видели у кого-нибудь подобного ножа? Дмитрий изучающе оглядел рукоятку, потом лезвие.

— Не припоминаю.

— С Борисом Бысыкало вы знакомы?

— И не слышал о таком.

— Может, Федора Шапку знаете?

— Того, который «Жигули» в награду получил? — уточнил Балагур. — Читал в газете. Лично не знаком.

На вопросы о Павле Кривенко Дмитрий отвечал скупно:

— Ну, знал его. Куда надевался — не знаю. Во дворе на Летней не видел...

— Вы с ним дружили?

Промолчал.

— А стычки между вами были?

Вспомнил далекую осень. Уже падал снег вперемежку с дождем. Возле клуба собралась молодежь. Дмитрий приемом «хапсагай» сбил Павла с ног, да прямо в лужу. Тот упал, как клоун, веселящий публику. Все засмеялись. Кривенко готов был сквозь землю провалиться. Пригрозил: «Убью!» Это было перед самой свадьбой Дмитрия с Ириной. И на свадьбу Павел не пришел.

— За что же вы его в луже выкупали?

— С девушкой непристойно себя повел...

Друзьки Павла советовали ему подать на Дмитрия в суд: оскорбил, материальный ущерб причинил. «Сво-

им умом обойдусь, — сказал он. — Сам управу найду». И неизвестно, как все обернулось бы, если бы не арест Дмитрия. Обиженная на Павла девушка не приняла его сватов. «Не пойду за мешок с половой, который и прощения не попросил». Павел не побежал к ней с раскаянием. «Ирина моей будет», — сказал при людях. «У нее Дмитрий есть!» — «По нему тюрьма плачет».

На предварительном следствии и судебном заседании, когда рассматривалось уголовное дело Балагура, Кривенко давал показания. Он видел, как Балагур, привезя на ферму овес, часть мешков оставил в кузове своей машины, отвез в урочище Залики и спрятал в зарослях. Там и застали его с краденым работники милиции. Но Дмитрию не за что было обижаться на Павла: и свидетельств и доказательств хватало. Да и сам сознался: украл. За что и получил срок.

— С какой целью вы бежали из места лишения свободы?

Под Дмитрием скрипнула кровать.

— Морду набить... Кривенко.

— Вы знали в колонии, что он живет с Ириной?

— Узнал.

— От кого?

— Иван Дереш рассказал. Да и сам догадывался: писем не получал. Я спятил, когда советовал жене обращаться за помощью к Кривенко.

— Разве надежней друзей не было?

Дмитрий назвал десяток имен, уверял, что каждый из этих товарищей мог бы помочь Ирине в трудную минуту, и горевал, как мог забыть, что Кривенко не склонен к благородным поступкам. Грозил ведь: «Убью!» Но когда огласили приговор, тот подошел к Дмитрию, успокаивал его, говорил, чтоб не падал духом: время пройдет быстро, а он, Кривенко, приглядит за его семьей, поможет, заступится, если будет нужно.

— А на уме у него, — печально сказал Дмитрий, — было совсем другое.

— Вернувшись после освобождения, вы отказались от намерения расквитаться с Кривенко?

— Иногда хотелось. Но с меня хватит шестилетней «школы» за колючей оградой.

В исправительно-трудовой колонии, куда отправили после приговора за побег, Балагура причислили к тем, кто вторично вступил в конфликт с Уголовным кодек-

сом. «Шефом» его стал заместитель председателя наблюдательной комиссии при исполкоме поселкового Совета народных депутатов калмык Джал Бадмарович — комсомольский секретарь автоколонны. «Что я от твоего шефства, пожирнею?» — огрызнулся Дмитрий, когда они познакомились. Заместитель начальника колонии по политико-воспитательной работе промолчал. А Бадмарович улыбнулся: «Да и я с тобой вижу, веса не прибавлю».

Джала Бадмаровича осужденные считали своим человеком. Его можно было встретить в жилой зоне и в цехе, в читальном зале и школьном классе.

Где-то через месяц после знакомства Дмитрий сидел за книгой. Подошел Джал Бадмарович. Из нескольких его фраз Балагур понял: тот знает, что делается в Орявчике. Ирина родила дочку?! Дмитрий не мог этому поверить. Бадмарович показал письмо из сельсовета. «Назвали ее Марьяной», — прочитал Дмитрий. Он не находил себе места. Не соврал, оказывается, Иван Дереш. Уже и дочка появилась. Ну а Митя? Что с ним? И спросил: «На сына я имею право, Джал Бадмарович?» — «Одинаково с матерью». — «Смогу его забрать?» — «Без решения суда — нет». — «А если сын захочет жить со мной?» — «Суд учитывает желание ребенка только по достижении им десятилетнего возраста».

Узнал Дмитрий и о том, что суд учитывает также условия жизни каждого из родителей, материальное обеспечение, их способность правильно воспитывать ребенка. Он печально понурил голову. «Скажут: какой воспитатель из бывшего осужденного?» — «Многое зависит от характеристики, полученной в исправительно-трудовой колонии», — пояснил Бадмарович. «Я буду стараться...» — заверил Дмитрий.

В день освобождения из-под стражи Джал Бадмарович вручил Балагуру конверт. «Вот характеристика. Желаю вам счастья».

Дома Дмитрий не раз перечитывал этот документ. «Скоро Мите десять лет. Подаю в суд», — думал, пряча конверт среди книг на полке. Но чем ближе было десятилетие сына, тем больше одолевали его сомнения: «Что скажет Митя? Пойдет ли ко мне?..»

— Когда вы, Дмитрий Владимирович, приехали к Ирине, во дворе никого не заметили?

Дмитрий задумался, вспоминая тот вечер.

— Нет, — сказал он как-то неопределенно.

— А возле ясеня?

— Я выключил свет.

— Может, перед домом кто-нибудь стоял?

— Не обратил внимания.

Допрос внес определенные коррективы в план работы Натальи Филипповны. До сих пор она исходила из того, что Балагур перед тем, как был ранен, разговаривал со своим врагом или хотя бы видел его, а выходит, кто-то незамеченный ударил его в спину. Стало быть, преступник заранее готовился к нападению, ждал. Кому же Балагур помешал? Кто так жестоко обошелся с ним? Подозрение падает на Бориса Бысыкало. Он приходил к Ирине, когда заболела дочка, интересовался, помогают ли выписанные лекарства. Расспросил, когда день рождения. «Зайду, если не выгоните». Найденный на месте происшествия букет — доказательство тому, что Борис шел поздравить Ирину. Но он ли напал на Дмитрия? Они не знакомы. Допустим, он был во дворе восьмого дома на Летней. Но Дмитрия ранил не он. Почему тогда все отрицает? Уперся: «К Ирине не ходил. Букет забыл на автобусной остановке...»

С этими мыслями старший лейтенант вошла в кабинет старшего оперуполномоченного Крыло. Капитан (он любил шутки) вытянулся, словно перед генералом. «Сидите, сидите», — махнула рукой Наталья Филипповна. Настроение у Крыло было приподнятое. На столе лежал убористо исписанный лист бумаги. «Наверное, раздобыл ценные материалы по делу», — подумала Кушнирчук и не ошиблась. Таксист Коваль показал, что возил фельдшера Бориса Бысыкало в Нетесов. Из Синевца выехал где-то около двенадцати часов и оставил Бориса неподалеку от дома Марты.

— Бысыкало нужно арестовать, — убежденно сказал капитан.

— На каком основании?

— С самого начала дает заведомо ложные показания. Знакомство с Ириной отрицает, от букета отказывается. Коваль возил его в Нетесов после нападения на Балагура, а Бысыкало уверяет, что раньше. Виновен и выкручивается.

— Нужно доказать: причастен к преступлению или нет. Для этого необходимы свидетельства, факты. Весомые. Неопровержимые.

— Под арестом во всем сознается.

— Найдутся основания — задержки в аресте не бу-

дет. Пока еще Бысыкало не собирается бежать от следствия и суда. Потому и подчеркиваю: нужны доказательства, а их пока что почти нет.

— А букет?

— Балагура не букетом ранили...

Дискуссия в кабинете Крыло несколько затянулась. Обговорили несколько версий, и ни одна не получила обоюдного одобрения. Нужно было еще раз проверить показания Бысыкало и искать не только Кривенко, но и давних знакомых Балагура. Кто-то мог затаить злость, обиду и отомстить только теперь.

Кровать Балагура стояла у окна. В открытую створку струился свежий воздух — смесь запаха зрелых яблок из небольшого больничного сада и легкой осенней прохлады. Дышалось легко. Но время в одиночестве тянулось медленно.

Зашла медсестра Галина, сделала укол, поставила градусник. Из палаты уходить не спешила. Села на край кровати.

— Вы здешняя, Галинка?

— Да.

— Фельдшера Бысыкало знаете?

— Он не у нас — в поликлинике работает. Его мать интересовалась вашим здоровьем. Говорят, Бориса подозревают в том, что ранил вас.

— За что?

— Вам лучше знать, Дмитрий Владимирович.

У Галины глаза синие, как утреннее небо весной; брови — журавлиные ключи над вечерним оком; взгляд по-детски доверчивый.

Взяла градусник.

— Температура небольшая. И хорошо. Редко у кого так бывает после операции. Вы молодец.

— Как печеный огурец, — попробовал пошутить Дмитрий, закашлялся и почувствовал боль в груди.

— Почему вас родные не навещают? — спросила Галина.

Дмитрий какое-то мгновение молчал. Потом ответил:

— Нет у меня родни, Галинка.

Бледное лицо Дмитрия стало печальным.

— Была жена, сестричка, да с другим ушла и сына взяла.

Слово за слово Дмитрий рассказал о жене и сыне.

Часто замолкал, будто не зная, что сказать дальше. Галина заметила, как тяжело ему говорить, но не удержалась от искушения и спросила:

— А Павел красивый?

Может, для Ирины и красивый. Не стал ни хвалить, ни хулить: какой есть, такой и есть. Муж с женой — вода с мукой: смешать — смешаешь, а размешать — не размещаешь...

Дверь в палату широко открылась.

— Здоров, курортник! — Вадим Гурей из-под белого халата, накинутого на широкие плечи, протянул руку. — Как здоровьечко? Ты надолго обосновался? А трактор пусть ржавеет?

— Как вы сюда попали? — поднялась Галина.

Гурей приложил к губам желтый от табака палец:

— Цс-с... Доктор разрешил.

— Сейчас спрошу.

Галина пошла к двери.

— Я кое-что захватил для тебя. Душка моя постаралась, — поспешно развязывал сетку Гурей. — Куда положить?

— Спасибо, но ни есть, ни пить мне пока не разрешают. Оперировали...

— Душку обижаешь? — Гурей запихал гостинцы в тумбочку. — Не можешь сам, отдай кому-нибудь, угости. Сестричку, врача, больных. Не тащить же мне все назад. Как чувствуешь себя, говори, а то сейчас прилетит твой ангел-хранитель, а меня сюда никто не пропускал.

— Что тебе сказать... Поживем — увидим. Надеюсь, что поправлюсь... Как там дома? Я двигатель не успел исправить.

— Уже работает. Хлопцы отремонтировали. К слову, привет тебе передавали. А хозяйка Алена обещала, что сама тебя проведает. И председатель колхоза по телефону о тебе спрашивал. Врач заверил: все будет хорошо. Только кто же это тебя, Дмитрий, пырнул?

Балагуру нечего было ответить.

— Ничего, милиция найдет виновного. Может, тебе еще чего-нибудь принести?.. Деньги у меня есть. Оставить? На всякий случай. — Гурей потянулся рукой к карману.

— Свои лежат, — сказал Дмитрий.

— Ну, хорошо! Поправляйся. Я исчезаю, потому что шум будет. — И закрыл за собой дверь.

Вроде с хорошими новостями приходил Вадим, но Дмитрию стало совсем грустно. Он схватился руками за железную спинку кровати, лежал неподвижно и был весь напряжен.

С Вадимом Дмитрий познакомился в колонии. Тот отбывал срок за хулиганство. С тех пор они стали друзьями, делятся всем по-братски. И в том, что Дмитрий отправился в Синевец к Ирине, заслуга Вадима и его жены Душки. Уговорили: «Поезжай. У нее день рождения. Помирись...» Не могли предвидеть худого.

К Дмитрию подселили больного.

— Ты с чем сюда попал, Илько? — спросил он.

— Какой-то камень нашли врачи. Так сказать, ношу в себе собственный карьер. Сгодилося бы для строительства: я хату собираюсь ставить, — рассмеялся Илько.

С ним стало веселее. Но рана почему-то разболелась и жгла, будто в нее тыкали раскаленным железом. А тут наведалась Ирина с Митей. Боялась, придет одна — Дмитрий и разговаривать не станет. Села у постели и расплакалась.

— Кто же на тебя руку поднял? За что? Не могу понять. И простить себе не могу, что не побежала за тем, который удирал со двора...

— Не убивайся, — успокаивал ее Дмитрий. — Виновного поймают.

— Как же он тебя, безвинного?..

Дмитрий гладил руку сына.

— А может, я перед тобой провинился. Вот и получил...

— Не говори так. Я во всем виновата.

Стала расспрашивать, очень ли болит рана, что из еды принести, скоро ли обещают выписать. А о себе — ни слова. Успеет, мол, еще рассказать, открыть душу. Поначалу и не заметила, что говорит: «Дорогой Дмитрий... Милый Дмитрий...» А когда спохватилась, то с надеждой подумала, что он все же простит ее, потому что еще любит. Но на сердце не полегчало.

Балагур заглянул в повлажневшие глаза Ирины. Вспомнил, как голубила она его до того злополучного дня, когда совершил кражу, которая вместе с побегом тяжелым бременем лежит на его совести. А ведь никогда раньше не зарился на чужое. Как-то нашел на

пляже часы и принес в милицию. В школе узнали — благодарность объявили. А тут бес попутал... Наказание отбыл, а жену с сыном потерял. Может, не навсегда? Глубоки, ой, глубоки корни их любви, которую вроде бы до основания вытоптал Кривенко и время притушило шестью годами разлуки. Но оказалось, достаточно мирного взгляда, ласкового слова — и она опять дает побег.

— Выздоровливай, родной, — Ирина поднялась. — Нас на минутку пустили. Тебе нужен покой.

— Я тебе, папа, письмо написал еще тогда, когда увидел твоё фото в газете. Прочитаешь, когда у тебя болеть не будет, — сказал Митя и протянул конверт.

Ирина растерялась: сын не сказал ей ни слова о письме.

Как только они ушли, Дмитрий принялся за письмо.

«Дорогой папа! — писал сын ровными, крупными буквами. — Тебе кланяется и пишет Митя.

Твоя фотография висит у нас на стене. Её прислали из редакции. Мы выпросили после того, как твой портрет поместили в газете. Я сразу же хотел написать тебе, но мама сказала: «Если не позабыл, приедет». Сегодня она на работе. Я каждый день жду тебя. Больше не могу. Вот и сел писать, пока мамы нет. Будет ругать. Ты ей не говори, о чем я писал. Хорошо?..

Мы живем в городе. Мама работает на заводе. Я прихожу из школы, готовлю уроки, а потом иду за Марьянкой в детсад. Учусь хорошо. За прошлый год получил только одну четверку по пению. Мама смеялась: «Поешь, как петух на току». Тогда у меня болело горло. Теперь все в порядке и пятерка будет.

Дорогой папа! Я читал газету и никак не понимаю, почему ты говорил, что едешь на море, а сам работаешь в колхозе. Мама сказала, что у тебя, наверное, что-то со здоровьем случилось и тебя списали на берег. Я не понимаю, как это «списать на берег». Мама долго объясняла, и я теперь знаю, что плавают только здоровяки. Но и ты не жаловался на здоровье. На фото я вижу твои глаза, руки и уверен, что ничего плохого с тобой не случилось.

Вчера, папа, мама меня ругала. В школе Тюбичек — сын одной офицерши — сказал, что я безотцовщина. Я показал твой портрет в газете. Он рассмеялся: «Разве мало однофамильцев?» Я не вытерпел и дал ему. Ты меня прости. Мать Тюбичка приходила к нам.

домой, кричала, угрожала милицией. Мама молчала и смотрела на меня. А потом ругала. А еще потом — поцеловала. Лучше бы ударила. Я бы не сердился. Заслужил...

Дорогой папа! Ту газету я читал маме и Марьянке. Мы радовались за тебя. Мама тайком плакала, и я понял, что ей тяжело без тебя. Дядьку Павла она в дом не пустила. Он приезжал, ходил под окнами, а мама погасила свет. Мы легли. Больше он не приходил.

Дорогой папа! Приезжай. Покатаешь меня на машине. Вот и все. Письмо получилось длинное, но я еще не все написал, что хотел. Увидимся — расскажу. Приезжай скорей. Целую. Твой Митя».

Балагур обессиленно отложил письмо. «Значит, Павел приезжал в Синевец. Адрес знает. Мог наведаться и в день рождения. Может, это он и всадил мне нож в спину?..»

Дмитрий вложил письмо в конверт, на котором красовался осенний пейзаж. Внизу каллиграфическим почерком было выведено: «Город Синевец, ул. Летняя, 8, кв. 17». Как же долго он обманывался, посылая сначала почтовые переводы в Орявчик. И предположить не мог, что Ирина оставила Кривенко, уехала. А может, это и не Павел ранил его, а кто-то другой. Кто же? Интересно, откуда узнал, что Дмитрий приедет к Ирине? Кто-то сообщил? Сам догадался? Нужно сказать Наталье Филипповне, чтоб занялась Кривенко. Но поверит ли она ему? Наверное, скажет — ревность...

Вдруг Балагур вспомнил, как он когда-то вместе с Павлом купался в речке. В тот воскресный день вода была теплая. На песчаном берегу грелись девчата, о чем-то переговаривались и слушали концерт Софии Ротару. Хлопцев как будто и не замечали. Чтобы обратить на себя их внимание, Кривенко предложил: «Посоревнуемся, кто быстрее переплывет на тот берег?..» Дмитрий согласился, потому что друзья подначивали: «Боишься?.. Проиграешь... Слабак...» А тут еще и Павел: «У него от страха глаза на лоб полезли».

И они встали над обрывом. Кто-то скомандовал. Голова Павла то появлялась над водой, то исчезала... А Дмитрий размахисто и уверенно махал руками, рассекая небольшие частые волны. Держался позади. «Дмитрий! Дмитрий!..» — кричали болельщики. Стал обгонять Павла... Когда вылезли на противоположный

берег, Кривенко недовольно сказал: «Мог бы и поддаться. Подожди, припомню я тебе эту победу».

Неужели он до сих пор носил в душе обиду? Неужели? Они же были друзьями. Да. Но в любой дружбе один всегда хоть на полшага идет впереди...

В палату вошла Галина. Сделала еще один укол.

— Вам не наскучило дырявить меня? — скривился Дмитрий, будто ему и правда было больно.

— А вам не наскучило болеть? — ответила сестра и поспешила к двери.

Рядом, спокойно дыша, спал сосед.

Вскоре Дмитрий тоже уснул.

7

Солнце медленно выкатывается из-за горизонта, словно невидимая сила тянет его назад, не пускает на голубую гладь, и утреннее небо заливает бледно-розовая краска.

Извилистая дорога ведет и ведет по лесу участкового инспектора Пасульского — ноги ноют. Облитые жицей, седые, бородатые от лишайников сосны тянутся ввысь, вонзившись кронами в прозрачную глубину, а корнями вцепившись в порыжевшую землю. Для Пасульского лес — не диковина: с пеленок знаком он с карпатским зеленым красавцем.

Но в лесотундре деревья другие. Вон внизу, обиженные злыми ветрами, они поднялись на пять-шесть метров, не больше — калеки да и только. А за их спинами выросли настоящие великаны. Даже березы, низенькие и тонкие в Карпатах, стоят тут на обочине дороги толстенные, как бочонки. И ели в тайге кажутся необычными: гладкие, словно колонны; ветки зеленеют только на самых верхушках; и пахнут как-то удивительно. Резкий запах напомнил Пасульскому далекий сорок девятый...

У лесхозовских коней перерезаны косой шеи — от уха до уха...

Над читальней клубится дым и огонь рвется в небо — звезды плаваются...

Возле Соколишиной хаты плачут дети: у отца про-

стрелена грудь, ветер раскачивает в саду тело матери...

За одну ночь.

«Опять старик Кривенко, — подумал Пасульский, — колхозный строй ему не по нутру, на старое повернуть хочет, сучий сын».

Кони... Пламя... Рыдания... Все смешалось в голове. А тут еще чей-то упрек: «Эх, был бы у нас хороший милиционер...»

Упрек застрял в горле. И он один пошел в лес, где стеной стояли деревья, пахло живицей, а густой туман застилал глаза — на шаг вперед не видно. Наконец от норы Кривенко в обросшей мхом скале Пасульского отделяли считанные шаги. Автомат наготове. А пуля над ухом — фить! Припал грудью к земле.

«Не стреляй! — выглянул из-за пня. — Нас тут целый полк. Всех не перестреляешь. Ты — один. Окружен. Предлагаю сдаться. Себе лучше сделаешь...»

Кривенко ответил выстрелами.

«Не валяй дурака — гранату брошу...»

В ответ пули: фить, фить.

Прицелился и Пасульский. Из дула вырвался сизый дымок.

Кривенко ойкнул.

«Бросай оружие. Жена, Павлик дома ждут...»

В пещере прозвучал глухой выстрел...

В полный рост стоял Пасульский над телом исхудавшего, небритого Кривенко. Ветер доносил щекотный запах живицы, но он не мог глубоко вздохнуть — не хватало воздуха.

«Сдурел мужик», — ломала в сельсовете руки еще молодая тогда жена Кривенко...

Теперь, пока лейтенант неспешно доберется до нужного места, вдоволь надышится тайгой. Он должен найти сына Кривенко — Павла. Уже и солнце выкатилось на небо, пробудило припорошенную снегом карельскую землю. Идти стало легче. Застанет ли он Павла? Может, только время напрасно потратил? Вот уже и лесосека.

— Кого я вижу? — встретил участкового инспектора Антон Турчак, лесоруб. Одет он был в валенки, ватные штаны, фуфайку и шапку-ушанку, надвинутую на самые брови.

В низенькой комнате стоят они друг против друга.

Давние знакомые. Турчак не раз ходил на дежурства с красной повязкой на рукаве. Как-то пьяный Кривенко отказался идти на пункт охраны общественного порядка. Турчак обхватил его короткими руками, закинул на плечо и нес, пока Павел не попросил: «Пусти. Сам пойду». Пасульский напомнил Антону об этом случае. Посмеялись. А немного погодя лейтенант уже знал, что Павел, уехав из Орявчика, организовал «самодеятельную» бригаду, привез ее в Хмельницкую область в колхоз «Зирка». Работали на строительстве. Как-то Кривенко вызвали в правление, предложили поехать в Карелию на заготовку леса. «Платят хорошо, — агитировал он Турчака, — поедем!»

В лесу работали, что называется, от зари до зари, чтобы побольше заработать. «Деньги карман не оттянут», — повторял Кривенко. Он получал двадцать процентов надбавки за бригадирство. Складывал копейку к копейке. «Что ты, Павел, над каждым грошом трясешься?» — спросил как-то Турчак. «Есть у меня, Антон, цель в жизни, — ответил Кривенко. — Историю мою с Ириной помнишь? Может, и осуждаешь — дело твоё. Хотел я Ирину забыть — не выходит из головы. Зажмурюсь, а вижу ее фигуру, ее глаза, губы... Нет мне покоя, и я перед ней, как огонь перед водой... И сюда, в тайгу, приехал не из-за нужды. Есть у меня план. Ирине, сам знаешь, манна с неба не упадет. Жить в городе одной с двумя детьми — не рай божий. Нахлебается горя, опустит хвост, станет смирной. Балагур к ней не вернется: изменила. А я вернусь. Мила она мне, любя. Примчу нежданно в день ее рождения в Синевец с полными карманами. На, Иринка, хозяйствуй, — и положу на стол кучу денег. Она добрая — простит».

Рассказ Турчака заинтересовал участкового инспектора. Ловил, запоминал каждое слово. Подумал: «За деньги Кривенко хотел любовь купить? Найдёт ли такой базар?»

«Ты, Павел, украл чужое счастье, — сказал Турчак. — Вот оно и обжигает руки».

«А знаешь, Антон, — причмокнул Кривенко, словно пытался оторвать прилипшую к зубам конфету, — я тебе расскажу один случай. Поженились как-то двое, жили в любви-согласии. Он помогал жене по хозяйству, покупал подарки, водил в кино, угождал, как мог... За все благодарила, но чувствовал, что чужой он ей. Стал расспрашивать, и жена созналась: «И добрый ты,

и хороший, и умный, но не могу приказать сердцу, чтобы открылось тебе... Думала, привыкну. Но нет! Плотно закрыл за собой дверь другой...» Однажды муж приехал на такси. «Собирайся, машина ждет». И отвез свою законную жену другому, тому. Отвез, еще и в хату ввел. живите!..»

Турчак не поверил: «Не выдумывай, Павел, расскажи лучше правду».

«А это и есть правда».

Перед отъездом в Синевец Кривенко еще раз обдумал свой визит к Ирине. «Если встречу с Балагуром, скажу, к Марьянке пришел. Не пойдет со мной Ирина — отниму ребенка. Прибежит, никуда не денется. И Дмитрий не заступится: дочка-то не его». На всякий случай купил самодельный нож у охотника: длинное лезвие, ручка из разноцветных пластмасс. «Зачем он тебе?» — спросил кто-то из лесорубов. «На врага», — ответил Павел, пряча нож в глубокий карман. «Балагура имеешь в виду?» — уточнил Турчак. «И его!.. Если прицепится».

Как пожалел Пасульский, что не может показать лесорубам нож, найденный на месте преступления. Теперь придется ждать.

— Ты, Антон, охотника хотя бы знаешь?

— Видел однажды, когда из-за ножа торговались.

— Сколько заплатил Кривенко?

— Три червонца. Еще у меня десятку одолжил — при себе денег было мало.

«Охотника при необходимости можно будет найти, — подумал Пасульский. — Он наверняка откуда-нибудь из ближайших поселений, а их вокруг не так много. Но сначала нужно отыскать Кривенко».

За окном деревянного домишки неожиданно разыгралась вьюга. Ветер нес серебристые крупинки снега, раскачивал сосны, и они по воле ветра бились там вверху головами, поскрипывали, словно жаловались.

— Как думаешь, Антон, где сейчас Кривенко?

Турчак задумался.

— Если не в Синевце, тогда в колхозе. Есть у него там одна «временная». У Дуськи сидит.

Пасульский записал адрес.

— Сколько вас в бригаде, Антон?

— Девятеро.

Турчак называл имена, загибая пальцы.

Пасульский удивился:

— Разве Корилич, Гафия Нитка и Гецко тоже тут? Я же их дома видел. Да и куда старому Кориличу на лесозаготовки — его и почтарская сумка к земле гнет.

Прошелся по комнате, глянул в окно, повернулся к Антону и услышал:

— Работаем вшестером, а заработок — на девяти-терых...

— Незаконно начисленные деньги меж собой делите?

Теперь Турчак посмотрел в окно, словно кого-то вы-сматривал.

— Павел себе в карман кладет, — выдавил наконец.

— И вы молчите?

— Остальные ничего не знают, а мне Павел пригро-зил: хочешь до дома ноги донести — прикуси язык. Он, может, и финку на меня купил.

Пасульский понял, что в колхоз «Зирка» так или иначе ехать придется. «Не застану Кривенко — прове-рю выплату заработка «мертвым душам», сниму копии с ведомостей».

— Ты вот что, Антон, не говори никому про мой приезд...

— Понимаю.

— И еще. Если Кривенко появится, постарайся не напугать его, убеди, что в этой глухомани его никто не станет искать. Я при необходимости наведуясь.

За окном послышался рев автомашины.

— Лесовоз, — обрадовался Турчак. — Можешь до-ехать до станции.

В кабине было тепло. Укачивало. Мысли лейтенанта перепрыгивали с одного на другое. Уверенности, что за-станет Кривенко у Дуськи, не было. Крыло выяснил: Павел был в Синевце. Должно быть, еще не вернулся. Его узнал на фотографии официант Корчи Балог. Ко-гда он обслуживал Кривенко в ресторане, тот попросил: «Найди кого-нибудь. Нужно послать в одно место». Официант привел брата, который коротал время за бу-тылкой пива, дожидаясь закрытия ресторана, чтобы проводить домой молоденькую буфетчицу Лиду.

«Садись, Дюла, — предложил Павел и наполнил рюмку. — Выпей за знакомство». После второй рюмки сказал: «Есть небольшая просьба. Сбегай, Дюла, на Летнюю улицу. Это близко. Там в восьмом доме живет одна особа на первом этаже в семнадцатой квартире. Откроешь дверь, глянешь, кто там, скажешь: «Извини-

те, не туда попал». И можешь возвращаться. Поллитра гарантирую... Да не смотри ты так. Я же не шпион. Хочу жену проедрить. У нее сегодня день рождения, о моем приезде не знает. Может, какого-нибудь фрейера пригласила... Усек?»

Дюла возвратился скоро. «Маэстро, поллитрой не обойдется: я из пекла вырвался». — «Будет, сколько нужно», — заверил Кривенко. И тут же заказал щедрую выпивку, обильную закуску. Павел нахваливал себя и обливал грязью Ирину. «Говоришь, какого-то Дмитрия там ранили, говоришь, драка, а она плачет?.. Да Ирина в понедельник любит, а во вторник губит. Не жена — сатана...»

Капитан Крыло еще в Синевце рассказал Пасульскому, что официант с братом ночью провожали Кривенко к поезду. Поехал в направлении Львова. «Не пойду к изменнице... Ненавижу! — бил кулаком, поднимаясь в тамбур вагона. — Я еду в Карелию». Это была пьяная болтовня. Проспавшись, он мог сойти с поезда, скажем, во Львове и поехать совсем в другом направлении. Может, и к Дуське.

Участковый инспектор добирался теперь до колхоза «Зирка». Там ли Кривенко? Когда ехал поездом из Синевца, пожилая попутчица рассказала, что недалеко от вокзала нашли изувеченный труп. Мужчина, видно, не старый, одет был в серый костюм и синий плащ с блестящими пуговицами. И никаких документов при нем...

В Синевце Кривенко видели в сером костюме, синем плаще и фетровой шляпе. Если самоубийца он, зачем было в такую даль ехать? «Если не найду Павла, — подумал Пасульский, — придется проводить опознание человека, найденного на железной дороге».

В это время в Синевце Борис Бысыкало вместе с Мартой зашел к Наталье Филипповне.

— Извините, — поклонился он. — У нас предвидится семейное торжество: свадьба. Не откажите. Приходите.

А выражение глаз такое, что Кушнирчук поневоле подумала: «Не газетная статья «Отец по решению суда» повлияла. И не воспитательные беседы. Это похоже на

ход конем. Не хочет ли Борис свадьбой снять подозрение?»

Марта светилась счастьем, забыв оскорбительную фразу Любавы Родиславовны: «Умереть от стыда — с пятнадцати лет ты, Марта, хлопцев распалила...»

Может быть, Марту уговорили дать ложные показания и в благодарность пообещали справить свадьбу? Или какой-нибудь адвокат посоветовал: будет у Бориса жена, дочь — меньше получит срок. А может, затея со свадьбой для отвода глаз: видите, Борис не виновен... Не осрамил мать, не пошатнул ее положение.

Наталью Филипповну настораживала внезапная свадьба и активность Любавы Родиславовны, которая посетила и капитана Крыло. Он как раз возился с магнитофоном. И оставил его включенным.

«Мне, товарищ капитан, от людей прохода нет: что с Борисом да в чем его обвиняют, почему допрашивают? Совсем освободили или временно? Это и при встречах, и по телефону. У меня не только в Синевце знакомые. И я не официант, не повар...»

«Ну и что?»

«А то, что, если б не я, у вашего брата не появилась бы четверка в зачетной книжке. Не забывайте — впереди у него экзамен...»

«Поставьте двойку».

«Это несерьезно, товарищ капитан. Мы взрослые люди. Неужели хотите причинить мне зло?»

«За что?»

«Вот именно — не за что. Оставьте в покое Бориса! Не трогайте. Не портите сыну будущее, не пачкайте биографию».

«Если сын не запачкал, будет чистая, не волнуйтесь».

«А вы на моем месте не волновались бы?»

«Зачем мне ваше место, у меня свое есть».

«Я к вам не шутить — по делу пришла. Не трогайте Бориса. Не тяните из меня нервы. Борис женился, взял Марту с ребенком. А мог бы найти лучшую пару. Так дайте им покой».

«Я их не трогаю».

«Напрасно подозреваете сына. Напрасно! Я для него следователь, судья и прокурор. Если бы что-то натворил, мне сказал бы. Я же его мать! Я и в больнице у Балагура была. Не встречался он с Борисом и не слышал о нем...»

Наталья Филипповна выключила магнитофон. Не первый раз слушала она этот диалог. Но и он не давал ответа на вопрос: «Виновен ли Борис?»

В дверь несмело постучали.

— Можно, можно, — сказала Кушнирчук.

Порог переступила молоденькая студентка с комсомольским значком на груди.

— Ульянка!

Девушка смутилась. «Не забыла Наталья Филипповна, а ведь два года прошло, как я проходила у нее практику. Тогда на прощанье сказала: «Будет из тебя, Ульяна, настоящий юрист, потому что людей любишь». А я по-доброму завидовала ей — вдумчивая, беспристрастная, как далеко мне до нее».

— Садись, Ульянка, рассказывай, что нового, как живешь, как учеба?

— У меня все хорошо, Наталья Филипповна...

И замолчала.

— Ты чем-то встревожена. Что случилось, Ульяна?

Чуть поколебавшись, девушка сказала:

— Я знаю о нападении во дворе нашего дома. По этому поводу и зашла. Говорят, на месте преступления нашли нож и букет... Я в тот вечер собиралась ехать во Львов в университет. Возле дома встретилась с Борисом Бысыкало. Он шел с букетом. Мы знакомы, и я поздоровалась. Он отступил и, пряча за спину цветы, отвернулся, не ответил. Растерялся. Почему?

...На очной ставке Борис с кислым видом слушал Ульяну, недовольно кривя губы.

— Ты ошиблась, Ульяна, — убеждал ее.

После краткого совещания с майором Карповичем Наталья Филипповна поместила Бориса Бысыкало в изолятор временного содержания. Вскоре пришла Марта.

— И меня задержите, и дочку...

Кабинет наполнился прерывистым всхлипыванием рыдала Марта, плакал ребенок. Кушнирчук не знала, кого в первую очередь успокаивать.

Влетела Любава Родиславовна.

— Что тут происходит? Где Борька?..

Она походила на человека, который только что выскочил из пылающего дома: глаза широко открыты, косынка сбилась на плечи, волосы всклокочены. Ее появление подействовало на Марту: она утихла и стала вытирать личико дочери.

— Садитесь, Любава Родиславовна, успокойтесь, — сказала Кушнирчук.

Женщина села на стул, вздохнула, будто сбросила тяжелую ношу. Остро взглянула на Наталью Филипповну.

— Что вы хотели, Марта? — спросила следователь.

— Сначала меня выслушайте, — требовательно сказала Любава Родиславовна.

— Марта с ребенком.

— Ничего с ней не станется. — Она рубанула рукой по воздуху и обратилась к Марте: — Между прочим, ты можешь выйти. Иди, иди...

Попытки следователя поговорить с Мартой оказались напрасными. Та закрыла за собой дверь.

— Слушаю вас.

Наталья Филипповна взяла авторучку и приготовила чистый лист бумаги.

— Я могу увидеть Бориса, могу поговорить с ним?

— Вы недавно виделись, разговаривали.

— Я должна увидеть сына немедленно! Начальника попрошу, чтобы разрешил, если вы не хотите.

Дверь в кабинет отворилась.

— Вот и начальник, — поднялась Кушнирчук.

— В чем дело?

Майор Карпович повесил фуражку на вешалку.

— Тут, — начала Любава Родиславовна, — вышло недоразумение... Арестовали моего сына...

— Его задержали. И мне об этом известно.

— Но он же не виновен. Не виновен! И я это докажу, — решительно сказала Бысыкало. — Пишите в протокол...

Рассказ получился недолгим. После того, как был ранен Балагур, а точнее, в среду, около одиннадцати вечера, Любава Родиславовна возвращалась домой. В подъезде дома, где она живет, было темно. Она вошла в подъезд и стала ощупью искать на стене выключатель.

— Тут меня схватили, зажали рот, стиснули горло. И, не пикнув, я очутилась в подвале. Кто-то прижал меня к стене. «Будешь кричать — каюк!» — пригрозил дребезжащий голос. И сразу ультиматум: «Об этой встрече — ни слова!» Потом: «Как хочешь, а дело о нападении на Летней улице должны прекратить. Нет — прощайся с белым светом! Действуй как знаешь. Запомни: от меня не спрячешься». Что мне оставалось? Дала слово все уладить. Здоровила приказал: «Выйдешь

отсюда через десять минут». Я просидела в подвале значительно больше. Не могла опомниться. Чувствовала у груди холодное лезвие ножа. Всю ночь не спала. Хотела было пойти в милицию, рассказать, а тут телефонный звонок. «Алло! — уже знакомый дребезжащий голос. — Ты не забыла о нашем уговоре?» Я молчала. «Не начнешь действовать — примусь за работу я... Ча-ао!..» Не по доброй воле ходила я к Балагуру в больницу, навевывалась к капитану Крыло, благословила свадьбу сына. Не по доброй воле, — Любава Родиславовна повела взглядом по стене, уставилась в угол и замолчала.

— Почему вы не сказали об этом раньше? — спросил майор.

— Боялась. Не знала, что делать. Меня застращали.

— А теперь не боитесь?

— Сын арестован...

— Вы ему говорили об угрозах?

— Чтоб и его сон не брал?

— А Марту никто не запугивал? — спросила Кушнирчук.

— Не знаю. Она не говорила.

В кабинет пригласили Марту.

— Почему мне кто-то должен угрожать? — удивилась она. — Не мое мелется, мешок не подставляю.

Оперативное совещание состоялось в кабинете начальника. Капитан склонялся к тому, что показания Любавы Родиславовны — плод фантазии.

— Видите, и в подвал затащили, и по телефону запугивали... Не много ли? Зарубежный детектив — и только...

— Детектив или не детектив, а проверить трудно — свидетелей нет, — вставила Наталья Филипповна.

— У нас был бы курорт — не работа, — вздохнул Карпович, — если бы все происходило при свидетелях. Показания Любавы Родиславовны нужно проверить. Вы, — это касалось следователя, — проведите эксперимент на месте, осмотрите подвал, выясните, у кого есть ключ. А вы, — обратился он к Крыло, — займитесь телефонным звонком: не с Луны же звонили. В Синевце всего двести телефонных аппаратов — разберитесь...

Наталья Филипповна справилась с заданием оперативно. Начальника застала за журналом «Советская

милиция». Раскрыла папку с документами, вытащила исписанный лист бумаги.

— Вот протокол, — сказала она. — Все, что рассказывала Любава Родиславовна, похоже на правду: на месте происшествия без малейшей запинки повторила то же самое до мельчайших подробностей. Жильцы дома подтвердили: в подъезде вечером не было света; дверь в подвал не запер пенсионер из шестой квартиры — ключ сломал. В том месте, где Бысыкало прижали к стене, найдены шерстинки зеленого цвета, как ее кофта. Выходит, кто-то все-таки заволок женщину в подвал. Вряд ли она могла все выдумать и при этом предусмотреть даже шерстинки, оставшиеся на шершавой поверхности кирпича.

— Может быть, все и правда, — сказал майор. — Но почему ее запугивают, для чего? Не проще ли было сделать это с Борисом, когда он был на свободе? Заинтересованное лицо могло приказать: возьми вину на себя, сознайся в совершении преступления! Факты против Бориса. А может, у него был соучастник? Теперь беспокоится о себе. Вы, Наталья Филипповна, допросите Бориса еще разок. К слову, он недавно просился к вам: хочет дополнить показания.

В изоляторе Борис обдумал, что сказать следовательно. Но когда его привели к Кушнирчук, все выскочило из головы.

— Я не виновен, — только и промолвил после минуты молчания.

— Это мы уже слышали.

Борис засопел.

— Вас, гражданин Бысыкало, спрашивать, или вы сами будете рассказывать?

Борис попросил, чтобы Наталья Филипповна верила каждому его слову. Он скажет правду, как на исповеди. «За расхождения с предыдущими показаниями простите». Говорил он не очень складно — перескакивал с одного на другое, и следовательно приходилось не раз задавать уточняющие вопросы.

— Значит, показания Ульяны вы подтверждаете?

— Да. Как раз тогда, когда столкнулся с ней, я шел к ясеню, чтобы с того места понаблюдать, нет ли у Ирины кого-то из посторонних. Не хочется сплетен: дескать, приударяю за брошенной мужем женщиной. Толь-

ко я прислонился к стволу, как цепкие пальцы обхватили шею так, что мышцы затрещали. И всем телом я почувствовал острый кончик ножа. «Не двигайся!» Я одеревенел. «Бросай цветы». Нож проткнул мне кожу. Я выпустил букет из рук. «А теперь без оглядки мелькай пятками! Где-нибудь выплунешь об этом — каюк! Ну, ча-ао!» И незнакомец подпихнул меня ботинком.

Наталья Филипповна помолчала и спросила:

— Интересная история. Чем подтвердите ее?

Борис задумчиво спросил:

— Ульяна видела меня возле дома?

— Видела. — Кушнирчук отложила ручку.

— Букет вы нашли у ясеня?

— Да.

— К Марте меня возил Коваль.

— Это доказано.

Бысыкало хлопнул себя по колену.

— Что еще нужно?

— Доказательства, что вас запугивали.

Борис вскочил и выхватил рубашку из брюк.

— Нате!

На теле выше поясницы виднелась незажившая царапина. Кушнирчук наклонилась вперед. Небольшая ранка и правда могла быть сделана кончиком ножа.

— Кто обрабатывал йодом?

— Сам.

— Самому неудобно — спина же...

— Я перед зеркалом.

— В чем вы были одеты?

Бысыкало снял пиджак.

— Вот дырка.

— На вас были и рубашка, и майка. Где они?

— Дома под ванной.

— Тоже порезанные?

— На майке еще и кровь осталась.

Борис заправил рубашку, надел пиджак, важно сел.

К Наталье Филипповне подкралось сомнение: не сами Бысыкало порезал одежду и царапнул спину? Может, Любава Родиславовна посоветовали? Ей угрожали, с сыном та же история... Та да не та. Над ним висит подозрение в совершении нападения, вот он и старается избежать наказания, придумав историю с запугиванием. А чего добивается Любава Родиславовна? Хочет выродить сына? Он должен бы об этом знать. А действуют порознь: он сам по себе, она сама по себе. Почему?

А если Борису и правда кто-то угрожал? Угроза убийством карается законом. Но и за ложные показания предусмотрена кара. Борис заслуживает ее: крутит туда-сюда. Он в беду не упал — по ступенькам сошел. С ложью долго не проживешь.

— Матери об этом не рассказывали?

Борис немного помолчал.

— Не отважился, — сказал вдруг, будто кто вдохнул в него решимость и смелость.

— А Марте?

— Тоже не рассказывал.

Опустил голову. Наталья Филипповна имела все основания считать его трусом. Ну разве не трус? Нужно было сразу рассказать правду. А теперь ему не верят.

— Скажите, какой голос был у того человека?

— Хриплый, как у спившегося.

— Вы могли бы его узнать?

— Кого?

— Голос.

— Не знаю. Но я убежден, что тот, кто меня царапнул ножом, должен быть выше меня — говорил как-то сверху. И сильнее. А обувь, наверное, носит большого размера — ударил ногой, как лопатой... Да я, наверное, и голос узнаю.

— С опознанием голоса придется подождать.

И Наталья Филипповна поспешила к Карповичу.

8

Версия, что преступление совершил кто-то из тех уже освобожденных, с кем Балагур отбывал наказание, заинтересовала Кушнирчук. Она также поддержала сообщения майора Карповича о том, что Балагур ранен ножом, прицельно брошенным с некоторого расстояния. Наиболее вероятно — из-за ствола ясеня. На ручке не обнаружены отпечатки пальцев преступника. Почему? Кидая нож, он держал его за кончик лезвия, и следы стерлись, когда нож врезался в одежду и в тело.

Было у майора Карповича еще одно доказательство, подтверждающее его версию. На месте преступления провели эксперимент. От ствола ясеня даже нетренированная рука попадала в чучело тяжелым ножом. Нож летел, словно им выстрелили, глубоко врезался в спину пластмассового человека. Наталья Филипповна тоже по-

пала с третьего раза. И задумалась. Если Балагур и правда ранен таким образом, тогда допущена ошибка. Калина Касиян сказала, что видела человека, который прятался за ствол ясеня. Тогда следователю не пришло в голову, что преступник не подходил к жертве, а бросил финку. Поэтому и собака не взяла след с того места, где лежал Дмитрий. Нужный момент упущен. Расплачивайся теперь за него днями, неделями, а может, и годами...

Кто же отбывал с Балагуром наказание в исправительно-трудовой колонии? Вадим Гурей. Он приходил в больницу к Дмитрию. Какие между ними отношения?

...Вадим встретился с Дмитрием на сельской улице. Было воскресенье, и Вадим собрался к брату. Встретив друга, вернулся домой. Жена его Душка обрадовалась: «Дорогому гостю — двери настежь». Сидели в тихой комнате. За окном краснели яблоки. Хозяйская рука видна была во всем: в ровных грядках, умело обрезанных деревьях и аккуратно подвязанных виноградных лозах, с которых свисали обильные черные гроздья.

Вадима потянуло на песню. Замурлыкал стародавнюю про тяжкую долю человека, который «живет в тоске, спит на голой доске», потому что изменила жена, ушла к другому. Допел и сказал:

— Обдурил Кривенко твою жену, Дмитрий.

Балагур промолчал.

— А она же вас разыскивала, — заморгала Душка. — Говорила, будто адвокат писал какое-то письмо в колонию.

— И его съела глиста! — недовольно буркнул Гурей, косо глянув на жену.

— А я считаю, — не унималась Душка, — что вам, Дмитрий, нужно встретиться с Ириной, поговорить... Не такая она уж грешница. Ну, поверила Кривенко, ошиблась...

Вадим перебил:

— Не очень-то защищай. Она же не маленькая. Нужно было думать.

— Э-э, — рассердилась Душка, — тебе легко говорить. Каждый может оступиться. Одинокой женщине с ребенком нелегко. У Ирины даже крыши над головой не было. Куда ей было деваться, когда Фитевка выгнала? У Ирины ваш сынок, Дмитрий. Вы должны поехать к ней...

Упоминание о сыне встревожило Балагура.

— Обманул я его, сказал: еду на море. Посылал Ирине деньги, не жалел. Правда, деньгами отца не заменишь... Теперь Ирина в Синевце живет. Семнадцатого у нее день рождения. Может, и правда поехать?

Потом Вадим говорил о своей работе, о низкой оплате труда в колхозе. Вспомнил и колонию.

— До сих пор смешно, как горевал старшина Железобетон, когда ты убежал, Дмитрий. Убивался, будто у него ребенок помер. Трижды делал перекличку, заглядывал за спину каждого, будто ты спрятался и не хочешь отзываться. А лейтенант Сизов только повторял: «Поймаем. Осудим. Поймаем». И бегал перед строем как ошпаренный.

— Если бы не хитрость Байбала Болодюмаровича, лешего они поймали бы, — бормотал Дмитрий.

— Откровенно говоря, — сказал Гурей, — я даже обрадовался, когда узнал, что тебя поймали. А когда отправили в другую колонию, загрустил: привык к тебе, Дмитрий, к шуткам твоим, к песням, которые ты почему-то насвистывал, а не пел... И делился ты со мной всем, как с братом. Только о побеге — ни гугу. А об измене жены рассказал. Я еще не верил. Говорил, брехня это. А оказалось — правда. Если б ты не убежал — давно бы дома был.

— Что было, то прошло, не вернешь, — отмахнулся Балагур..

Наталья Филипповна расспрашивала Гурей об отношении других осужденных к Балагуру.

— Нормально относились, — сказал он.

— Никто ему не угрожал?

— У него спрашивайте...

Знает она, у кого спрашивать. Но Балагуру стало хуже — его трогать нельзя. А следствие ни с места. Вот и засомневалась она: распутает ли дело? Сказала об этом майору Карповичу. И наслушалась: «Вы, Наталья Филипповна, устали. Вот и опускаются руки... Забыли, наверное, что из десяти версий девять ошибочные. И все же нет преступления, которое невозможно распутать. Вот представьте: идете вы полем по еле заметной в густой траве тропинке. Вдруг кажется, что тропка побежала вправо. Вы делаете несколько шагов вправо и убеждаетесь, что ошиблись. Возвращаетесь назад. Идете влево... И опять сбиваетесь с пути. Снова возвращаетесь.

А тут и сумерки опустились. Куда идти?.. Так и у следователя. Ищешь и находишь людей, а они ничем помочь не могут; добываешь факты, а они ничего общего не имеют с данным уголовным делом; тратишь силы и время, устанавливая, кому принадлежит вещественное доказательство, а оказывается, оно случайно попало на место происшествия...»

Не знал Вадим Гурей, как была недовольна собой старший лейтенант Кушнирчук. Ему-то что. «У него спрашивайте», — и все.

— Скажите, Вадим, — не отступала Наталья Филипповна, — вы кому-нибудь говорили, что семнадцатого октября Балагур собирается ехать к Ирине на день рождения?

Гурей нахмурился и сцепил руки на коленях.

— Не припоминаю.

— Кто еще отбывал наказание вместе с Балагуром?

— Разве всех назовешь?

— Всех не нужно. Назовите тех, с кем у Балагура были какие-то стычки, споры, а может, и драка.

— Кулачные бои в исправительно-трудовой колонии запрещены.

Глаза Гурея сузились, как от яркого света.

— Драки и тут, на воле, не разрешаются, однако случаются.

— В колонии к дракам мало кого тянет. А у нас Железобетон и Сизов держали дисциплину — не пикнешь...

Наталья Филипповна достаточно хорошо знала жизнь в колонии, так как постоянно интересовалась поведением тех, чьи уголовные дела она вела. За это ее не раз ставили в пример на всяких совещаниях и семинарах, приглашали поделиться опытом работы с начинающими следователями. Стычки между осужденными случаются. И то, что в исправительно-трудовой колонии в этом отношении полный порядок, как уверяет Гурей, несколько идеализировано. Вот и на днях Наталья Филипповна получила письмо: «Валентин Кириленко, которым вы интересуетесь, лежит в санчасти. Рецидивист Лука Ядвигин заставил его проглотить ручку от сломанной алюминиевой ложки...» Конечно, это единичные случаи. Лица, которые терроризируют осужденных в местах лишения свободы, строго наказываются. И все же подобное случается. Могли быть неприятности и у Балагура. Вадим всего не знает. И не мог знать. После побега Дмитрия перевели в другую колонию, прибавив

срок. Были новые друзья и новые враги. Поинтересоваться бы жизнью Балагура раньше, не пришлось бы теперь тратить столько времени.

— А что вы скажете об Иване Дереше?

— Каком Дереше?

— Разве много Дерешей было с вами в колонии?

— Ой, — вспомнил Гурей. — Да Иван прекрасный парень. Как это я забыл о нем?..

— Продолжайте, продолжайте, — поощрила старший лейтенант, видя, что Вадим заколебался.

Гурей покашлял в кулак и рассказал, как однажды в столовой Иван Дереш облил Балагура горячим супом. Спина у Дмитрия покрылась пузырями — рубашку не мог надеть. А когда выздоровел, сам кипятком (тоже в столовой) ошпарил Ивану ноги выше колен. Дереш пищал, будто его режут. Происшествия расследовались, и было установлено, что они случайны. Дереш споткнулся, когда нес еду, а Балагура нечаянно толкнул один хромой, и чайник полетел со скользкого подноса. Иван не соглашался, говорил: «Он меня нарочно облил. Отомстил». И требовал обязательного наказания Балагура.

Вадим наклонил голову к плечу. Устремленные на старшего лейтенанта глаза под нависшими бровями горели любопытством: как следователь восприняла сообщение?

На погонах Натальи Филипповны поблескивали звездочки. По гладко причесанным волосам скользил солнечный луч, падавший из открытого окна. Серый узелок галстука прятался под отутюженным воротником. По циферблату позолоченных часов бежала секундная стрелка, а шариковая ручка выводила на гладкой бумаге ровные строчки.

«Не первый год работает, ничем ее не удивишь», — подумал Гурей разочарованно.

Наталья Филипповна взяла чистый лист, написала сверху: «Продолжение допроса».

— Когда вы виделись с Иваном Дерешем?

— Два года назад... Как только вернулся из заключения.

— Где встретились?

— В областном центре.

— О чем говорили?

Вадим почесал затылок.

— Всякую всячину выковыривали из памяти.

— Конкретнее, — попросила Кушнирчук.

Ивана Дереша Вадим встретил на автобусной остановке. Потом обедали в ресторане, вспоминали совместное пребывание в колонии, говорили о будничных делах после выхода на волю.

Из всего, о чем рассказал Гурей, старшего лейтенанта больше всего заинтересовало следующее.

Во-первых. Вылечившись, Иван Дереш работал на строительстве и готовил «несчастный случай», от которого Балагур, по его расчетам, мог погибнуть. Когда установили леса, устроил западню: отодвинул доску на самый кончик опоры, прислонил к ней другую. Тот, кто на нее наступил бы, должен был полететь вниз. Иван рассчитывал, что первым на эту доску встанет Балагур: он не успел оштукатурить часть стены и рано утром хотел закончить работу. Но на следующий день Балагура перевели работать шофером. Доштукатуривал стену сам Иван. Он сердился — такой замысел и не удалось осуществить.

Во-вторых. Иван Дереш навещался в Орявчик, расспрашивал, где живет Ирина, не вернулся ли Балагур. Ирине сказал, что Дмитрия убили при попытке к бегству. Зачем? Мстил таким образом? Насмехался? Все это нужно выяснить...

Вадиму Дереш говорил: «Дмитрий, если и вернется, на дороге у Кривенко не встанет». — «Почему?» — «Он долго не протянет на этом свете. Я позабочусь».

В-третьих. Лишь только Дерешу стало известно, что Дмитрий работает в колхозе «Сияние», он решил поехать туда. Как сказал: «На разведку». А может, и ездил. Балагура знали все. Село небольшое. Иван, должно быть, дознался, что Ирина переехала из Орявчика в Синевец. Отношения между Ириной, Павлом и Дмитрием стали широко известны. Каждый толковал их по-своему, но Дмитрия большинство хвалило: не бил Ирину, не скандалил, ушел мирно.

— Вы меня скоро отпустите?

Взглядом, в котором уже не было любопытства, лишь одна пустота, Вадим окинул следователя и отвернулся.

На часах было тринадцать ноль-ноль. С минуты на минуту должен был прийти или позвонить капитан Крыло. Он поехал за Иваном Дерешем. Если привезет, может понадобиться очная ставка.

— Вы очень спешите?

— Работа дома ждет.

Наталья Филипповна собиралась сказать в шутку: «Работы хватит, еще и другим останется». Но в этот момент дверь открылась и вошел Крыло.

Когда Вадим Гурей дочитал и подписал протокол, Кушнирчук велела ему подождать в комнате для посетителей и обратилась к капитану.

— Где вы нашли Дереша?

— На речке развлекался.

— Не бунтовал? Зачем, мол, вызывают?

— Как и каждый, при задержании встревожился, но вел себя смирно.

— Пусть войдет.

Иван Дереш снял поношенный картуз. Переступая с ноги на ногу, крутил прихваченную белой ниткой пуговицу пиджака. Наталья Филипповна предложила ему сесть. Но и сидя за столом, он чувствовал себя неловко. Елозил подошвами по паркету, а локтем по колену.

Старший лейтенант не спешила с вопросами. Дала возможность Дерешу успокоиться, чтобы, как любила говорить, «получить трезвые показания».

Тишину нарушал легкий шелест бумаг и тяжелые вздохи Дереша.

Вдруг он откровенно засмеялся:

— Хе-хе-хе-е... Зачем вызывали?

Наталья Филипповна закрыла папку.

— За что вы отбывали наказание в исправительно-трудовой колонии? — спросила она ровным голосом.

— Статья 206, часть вторая Уголовного кодекса Украинской ССР, — скороговоркой выпалил Иван. — Вы же знаете — отбывал наказание за хулиганство. А вызвали меня с другой целью. Хе-хе-е... Говорите.

Наталья Филипповна и правда до мельчайших подробностей знала уголовное дело Ивана Дереша, его поведение в исправительно-трудовой колонии. Но сам он давал уж очень путаные показания. Говорил о Гурее, называл имена других осужденных. А когда речь зашла о Дмитрие Балагуре, голос у Ивана задрожал, ясно зазвучали нотки злости, обиды, недовольства.

— Из-за Балагура я инвалид, — повторил несколько раз.

Если действительно Иван совершил нападение на Балагура, ранил своего обидчика, почему до сих пор им владеет желание мстить? Неужели не знает, что Балагур на грани между жизнью и смертью?

Наталья Филипповна посмотрела на часы. Ждала

снова капитана Крыло. Он в это время выяснял алиби Дереша, который не отрицал своей жажды отомстить Дмитрию за то, что остался калекой. Сознался, как устраивал западню на лесах, как радовался, проведая, что Ирина живет с Кривенко.

— В колхоз «Сияние» я тоже собирался, — заявил Иван.

— Зачем?

— Встретиться с Балагуром.

— С какой целью?

— Просто так, по давней дружбе. Хе-хе-хе-е...

— Что бы вы сделали с Балагуром, будь ваша воля?

На мгновение Дереш задумался.

— То, что и он со мной.

— Балагур ошпарил вас не нарочно.

Иван возмутился.

— Вы тоже на стороне Балагура?

И вдруг как-то расслабился.

— Я и вас покараю вместе с Балагуром.

Чего-чего, а запугивания Наталья Филипповна не ожидала. Если у кого-то и есть намерение сделать следователю зло, он молчит, потому что угроза служебному лицу наказывается лишением свободы или высылкой. Почему же так неосторожен Иван? Вот он опять завелся:

— Вы заодно. Все вы заодно. Вешать вас — и то мало. Сожгу... Испепелю всех.

Дереш перестал отвечать на вопросы, а увидев приглашенного Вадима Гурей, сказал агрессивно:

— И ты тут, продажная шкура?

После чего замолчал, как онемел. Оглядывался, клая зубами. И Наталья Филипповна подумала: не болен ли Иван душевно?

— Так и будете молчать? — спросила она негромко.

Вошел капитан Крыло и изучающе обвел взглядом Дереша. А тот по очереди показывал пальцем на Кушнирчук, на Гурей, на капитана и бормотал:

— Ты... Ты... Ты... Все вы заодно. Всех покараю.

Наталья Филипповна попросила Ивана выйти. Ушел и Гурей.

Капитан рассказал о фактах необычного поведения Дереша. Как-то он чуть не сорвал концерт в клубе, вскочив на сцену с криком: «Он!.. Он!.. Он меня ошпарил!..»

Сельский фельдшер сказал: «Иван в детстве не от-

личался умом, а с годами да еще после тюрьмы совсем засушил мозги».

— Где он был во время нападения на Балагура?

— К сожалению, выяснить не удалось, — сказал Крыло. — Во всяком случае, прямых доказательств того, что был дома, нет. Сестра — Иван живет у нее — неуверенно заявила: «Вечером где-то гулял, а потом спал». Однако где, с кем гулял, во сколько вернулся, неизвестно. В то же время есть основания подозревать Ивана Дереша в совершении преступления.

— Что вы имеете в виду?

Крыло сообщил то, что уже было известно Наталье Филипповне: Балагур ошпарил Дереша; Иван собирался отомстить и вот до сих пор грозит.

— А если он душевнобольной?

— Все равно нужно доказать его непричастность к совершению преступления или причастность. Другого выхода нет.

Не верила Кушнирчук, что Дереш способен подготовить и совершить преступление, над раскрытием которого работают все службы уголовного розыска, а конца и не видно. Но не отбрасывала мысль, что Ивана мог использовать Кривенко. Они знакомы. Могло быть и так, что Павел уговорил Ивана напасть на Балагура, а сам остался в тени. Кривенко хитрее Дереша, коварнее. Он легко не дастся. Доказательства, доказательства...

Наталья Филипповна села печатать постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы на Дереша.

9

Внезапно пришла мысль о смерти. Мучительная слабость навалилась на Дмитрия Балагура. Не такая, как была до сих пор. Немочь во всем теле, и на сердце так тяжело, так нехорошо — никогда так худо ему не было. Показалось, ноги омертвели, и, чтобы убедиться, что еще действуют, он пошевелил пальцами — двигаются. А руки — мерзляки. Но еще покорны его воле.

До глубокой ночи Дмитрий терпеливо ждал: станет легче, отступит слабость, исчезнет тяжесть, и он, как и вчера, сможет чуть приподнять голову, будет тихо, медленно (но все же будет!) разговаривать с Галиной, которая где-то задержалась, с Ильком, который теперь

спит, глотнув таблетку снотворного. Потом понял, что приближается его конец, конец Дмитрия Владимировича Балагура.

Вот чудно. Из-за горы восходит солнце; на смену дню приходит ночь; весна уступает место горячему лету; пахнет грибами осень; по дороге мчат автомобили... А тебя нет — заколотили, зарыли, и лежи. Года три-четыре в колхозе еще будут вспоминать, что был у них Дмитрий Балагур, а потом — точка. Правда, сын дольше будет помнить: как-никак отец все же...

Вроде и не жаль: свет поглядел, сына ему подарил... Только как подумает, что все остается, а его, Дмитрия, не будет, еще большая слабость наваливается...

— Илько, — зовет он слабым голосом, — слышишь, Илько, ты смерти боишься?

Илько спросонок не понимает, о чем его спрашивают.

— Смерти боишься, говорю?

— Все ее боятся, — говорит в подушку Илько.

— А я — нет!

Сказать-то сказал, а горесть сжимает сердце. Не может он осилить ее. «Вот она, костлявая... Идет... Сюда идет... Мне не страшно — чудно... Лучше б сразу, еще там, во дворе...»

Смежил веки. И со стороны стал похож на мертвеца: бледный, холодный, на лице спокойствие. Медсестра Галина едва узнала Балагура, так он изменился, словно вся кровь вытекла из него. Только после укола лицо чуть порозовело. Дмитрий лежал молча, смотрел в потолок. Трудно ему было говорить, но он решил, пока есть возможность...

— Вы, Галинка, как увидите Ирину, скажите ей, чтобы Митю берегла, воспитала... Там где-то «Москвич» остался... Пусть продаст, — умолк и, отдохнув, продолжал: — Умирать, Галинка, тяжело... Нелегко прощаться с белым светом навсегда...

— И что это вы, Дмитрий Владимирович, надумали? И во сне что-то несуразное говорили...

Илько повернулся к Галине.

— Лучше гнать прочь плохие мысли, правда?

И сестра убежденно стала внушать, что гнетущие мысли осложняют работу врачей, пагубно влияют на организм.

— Вы, товарищ Балагур, думайте о цветах, о радости, о чем угодно, только не о смерти... Не стоит о ней

думать, потому что умереть мы вам не дадим. Не дадим, слышите?

Дмитрий опустил тяжелые веки. Не всегда врачи выигрывают бой.

— Сейчас придет доктор, сделаем переливание крови — вам полегчает... Потерпите еще немного. Скоро утро. Проглотите вот эту таблетку...

Балагур задремал. И ему сразу приснился сын. Они чинили детский автомобиль, надували резиновую лодку, плыли по морю, потом лодка поднялась в небо, закачалась среди туч. «Вот хорошо, что маму не взяли — она бы испугалась», — радовался Митя, заливаясь смехом.

В коридоре стукнула дверь.

— Сестра!.. Где сестра? — долетело в палату.

Дмитрий проснулся.

Над больницей плыла ночь. Окна были еще плотно зашторены тьмой.

Больного внесли в палату. Положили на свободную кровать. На сплошь забинтованном лице торчал тонкий нос. Под ним чернели короткие усики. Галина села рядом, взяла в свои ладони широкую руку больного. Он лежал неподвижно.

— Доктор! Слышите, доктор?!

Слова прозвучали громко. Дмитрий едва приподнял голову. На тумбочке тускло светил ночник, и он заметил, что Галина волнуется.

— Спокойно, спокойно, — уговаривает она и выжидающе поглядывает на дверь, явно ожидая кого-нибудь из врачей.

— Скажите, я буду видеть?

— Утром... Уже скоро... Вас отправят в столичную клинику, там классные специалисты. С вами поедет главный хирург. Все будет хорошо.

Повязка — обручем на голове. Больной щупает бинт. Пальцы его дрожат, останавливаются на лбу.

— Я буду видеть?

Дмитрий забывает о собственной боли. «Как же человеку без зрения? Ни солнца, ни цветов, ни хлеба не видеть... Где же врачи?..»

— Должны видеть. Только не волнуйтесь... Все будет хорошо...

А глаза у Галины такие, что Дмитрий с досадой думает: «Неправду говорит, обманывает человека. Наверное, для него свет никогда уже не будет белым».

В палату входят двое с носилками.

— Мы сейчас перенесем вас...

— Своими пойду! — решительно говорит больной. Его ведут в коридор...

После утренней прогулки Илько рассказал, что ночью в палате был участковый инспектор, лейтенант милиции Пасульский.

«Под бинтами и не узнал его», — подумал Дмитрий.

— Лейтенант задержал какого-то Кривенко, — продолжал Илько, — доставлял в милицию. Этого Кривенко подозревают в нападении на вас, Дмитрий. На тихой улице Синевца он хотел бежать. «Куда ты?» — положил ему руку на плечо Пасульский. Неожиданно Кривенко вывернулся, резанул чем-то лейтенанту по глазам и побежал через двор заготконторы, вплотную к которому подступает лес.

— Убежал? — спросил Балагур.

— Сторож заготконторы выстрелил, и ему некуда было деваться...

Слух о ночном происшествии быстро распространился и еще быстрее видоизменялся. Вскоре уже больные говорили, что участковый инспектор, теряя зрение, выхватил пистолет и выстрелил Кривенко прямо в сердце. Санитарка, убирая палату, подтвердила: «Я сама слышала выстрел. Так загремело, что даже проснулась».

Пришел со двора Илько.

— Говорят, что у Пасульского вытекли глаза.

Опять куда-то побежал. Вскоре вернулся.

— Вы спрашивали, Дмитрий, об участковом инспекторе Пасульском...

Илько устроился поудобнее на кровати, развернул пожелтевший номер газеты и стал читать вслух о том, как дед Никита пустил на речку внука Павла и соседскую восьмилетнюю Гафийку: пусть порезвятся на пароме.

«...Дед уснул. А тем временем налетела буря. Паром болтался посреди реки, как сухая щепка — вверх-вниз, влево-вправо. Лопнул трос. Паром сорвало и понесло по реке. Размахивая руками и не переставая кричать, дед Никита бежал по берегу.

Тиса глотала хриплые крики, сердито била волной в затопленный берег и пенилась, плюя деду под ноги.

С противоположного берега к реке подошел Пасульский. Увидев рядом раскачивающийся паром, расстег-

нул портупею, быстро (в саперных войсках приходилось) сделал хитрые петли, накинул на трос...

Ремни режут руки, но паром все ближе и ближе. Вот он уже у самого берега. Пасульский снял с парома Павла и Гафийку...»

Илько еще раз просмотрел заметку и сказал:

— В Тисе не утонул, и на тебе: глаз лишился.

— Где ты взял газету?

— Тут один журналист-пенсионер пишет о милиции и, в частности, повесть о Пасульском. У него полно всяких вырезок из газет, журналов. Видите, лейтенант спас Павла Кривенко, а он вон как «отблагодарил».

— Разве это Кривенко был на пароме?

— А то кто же? И Гафия Нитка. Я расспрашивал журналиста. Она где-то в колхозе работает и хорошо помнит плавание-катанье: чуть не умерла тогда от страха. Да и Павел тоже... Повесть будет документальная. Автор обещал дать мне главу, в которой отец Кривенко застрелился, когда Пасульский ловил его в лесу. Я принесу, почитаем вместе.

Помолчали.

— А правда, Дмитрий Владимирович, что Кривенко вашу законную жену переманил и жил с ней, пока вас не было?

— Откуда ты взял?

— Люди говорят.

И хотя Дмитрий не ответил Ильку, тот продолжал:

— Вы не сердитесь. За что купил, за то и продаю. Это же пересуды. А рот никому не закроешь.

— Есть в брехне и частица правды, — вздохнул Дмитрий.

Старший лейтенант Кушнирчук изучала привезенные Пасульским документы. «Молодец», — подумала она, снимая крышку магнитофона, чтобы записать допрос Кривенко. Павел отнесся к этому равнодушно.

— Есть такой закон, так записывайте.

Сидя в углу кабинета, он почему-то напоминал бильярдный шар, стремительно влетевший в лузу. Наталья Филипповна разъяснила ему, что магнитофонная запись не является сама по себе доказательством, она приобретает силу только в совокупности с данными, занесенными в протокол, и способствует более точной, объективной фиксации показаний. Кривенко почти не

слушал ее. Когда же заработал магнитофон, плавно перематывая ленту с полной катушки на пустую, он сник и притих.

Об отношениях с Ириной рассказывал охотно и рисовал себя человеком честным, благородным: Ирину с ребенком приютил в своем доме и в своем сердце...

Однако поставленные Натальей Филипповной конкретные вопросы принудили Кривенко слезть с возведенного им себе пьедестала и рассказать, каким образом Ирина стала его женой.

Неприглядные поступки Кривенко характеризуют его как личность. Но они будут иметь очень незначительное влияние на определение судом меры наказания. Нет закона, который карал бы за подлость. Ну, что сделаешь Кривенко, скажем, за то, что уговорил Фитевку, чтобы выгнала Ирину с квартиры? Где та статья, по которой можно было бы наказывать его за слова «Дмитрия убили во время побега»? Что услышал от Ивана Дереша, то и сказал.

Откровенно рассказал, как перехватывал, читал и сжигал письма Балагура, адресованные Ирине; как продержал у себя письмо Ирины к Дмитрию, а потом вернул ей, написав на конверте: «Адресат не проживает».

Когда речь зашла о запросе адвоката, адресованном начальнику колонии, Кривенко заколебался, говорить правду или нет. Но наконец решил не признаваться, что оригинал он разорвал и выбросил, копию отдал Ирине, а спустя некоторое время сжег.

Не отрицал, что получал от почтальона денежные переводы, приходявшие Ирине от Балагура.

— Ну, брал, тратил и готов возместить убытки, то есть вернуть деньги. Пасульский изъясился у меня тысячу сто двадцать семь рублей двадцать копеек. Рассчитаюсь хоть сейчас...

Пока Наталья Филипповна заправляла в магнитофон новую ленту, Павла сверлила мысль: «О чем она еще будет спрашивать?»

— А что вы сделали с колхозными конями? — спросила Кушнирчук, снова включив магнитофон.

— Подошли. И я готов заплатить колхозу назначенную судом сумму.

Когда все вопросы о действиях, за которые Кривенко должен был нести моральную или материальную

ответственность, были выяснены, Наталья Филипповна спросила:

— Где в последний раз встречались с Дмитрием Балагуром?

Кривенко смахнул со лба холодный пот.

...Ему сразу вспомнились областные курсы, на которых повышал квалификацию. Комфортабельный автобус, шурша колесами, мчал со слушателями курсов за опытом в колхоз «Сияние». До сумерек знакомились с хозяйством, а потом собрались в сельской чайной поужинать. Шли разговоры о положении дел в передовом хозяйстве. Кривенко вышел во двор покурить и с глазу на глаз встретился... с Дмитрием Балагуром. На секунду замер. Потом отскочил в сторону. Бежать не хватило сил. В руке у Балагура блеснуло лезвие топорика и погасло. Кривенко сообразил: смертельный блеск. Он бросился в укрытие, которое попало на глаза, — в дровяной сарай. Балагур направился туда же. Сквозь широкие щели в пересохших досках от уличного фонаря в сарай пробивался слабый свет. Кривенко прилип к стене. «Он убьет меня! Убьет!» А Дмитрий не спеша, будто крадучись, подходил все ближе, ближе...

Давясь словами, Павел прошептал:

«Ты прости. Прости. Согрешил. Перед тобой, перед Ириной. Пожалей меня. Не карай. Что хочешь сделаю. Что пожелаешь дам. Опомнись, Дмитрий! Мы же друзья...»

Балагур беззвучно усмехнулся, медленно поднял топорик и занес его высоко над плечом, как лесоруб, который хочет с разгона вогнать топор в дерево.

Павел упал на колени, как от тяжелого удара, будто лезвие уже врезалось в его лысоватое темя. Потрогал голову: цела ли, — и опять залепетал:

«Прости, Дмитрий. Прости. Сдуру все это, сдуру. Каюсь. Прости меня. Не руби...»

Поспешно сунул руку в карман пиджака, вытащил кожаный кошелек, протянул Дмитрию. Но судорога свела локоть, и рука повисла в воздухе, похожая на какой-то крюк.

«На, бери. Целая сотня. Мне не жалко. Где-нибудь встретимся — еще дам. Век буду давать. Следы твои буду целовать. Сжался...»

Дамоклов меч все еще висел над Кривенко. Наконец Балагур опустил топорик, послунывил палец, попробовал лезвие.

«Вставай!»

Когда Павел поднялся на ноги, Балагур уже стоял у двери, держа топориче в вытянутой правой руке.

«Ну! — сказал он решительно. — Мы с тобой когда-то в борьбе и плавании соревновались. Помнишь? А сейчас вырвешь топор — живым останешься, нет — смерть!»

Не спеша Кривенко плюнул на ладонь. Он дергал, вырывал, крутил, а топор оставался в руках у Дмитрия, как в тисках.

«Берись обеими!» — недовольно сказал Балагур.

Обеими у Кривенко тоже ничего не вышло. Только сдвинул Дмитрия с места, и под его каблуком треснула дощечка от разбитого тарного ящика, брошенного кем-то под самый порог.

«Даю еще тридцать секунд», — спокойно сказал Балагур и не успел сосчитать до трех, как скрипучая дверь открылась, и Павел ужом выскользнул во двор...

— Вот знак, — показал Павел рубец на ладони. — Лезвием царапнул. Если бы не удрал, давно бы сгнил в сырой земле.

— После этого не встречались с Балагуром?

— Нет.

— Подумайте.

Кривенко поскреб темя, как бы помогая мысли вылущиться из твердой скорлупы воспоминаний. На самом деле он оттягивал время, потому что еще не решил: рассказывать или нет о том, как однажды Балагур следил за ним в областном центре. «А чего молчать, — решился он наконец, — не я его стерег, чтобы убить, а он меня».

— Балагура я заметил на автобусной остановке. Он стоял у киоска, делал вид, что читает газету, а на самом деле поверх нее зыркал на меня. Приближался вечер. Я испугался, сел в такси и через несколько минут оказался в центре города. В ресторане было полно народу. Я уселся в уголке у окна, посмотрел меню. Официант еще не успел подойти ко мне, а Дмитрий уже был за столиком возле дверей. Я понял: опасности не избежать. Он пил воду и не сводил с меня злобного взгляда, смотрел так, будто нанизывал на шпагу. Я решил шмыгнуть в буфет и выбраться из ресторана через кухонную дверь. Когда я открыл ее, Дмитрий стоял на ступенях, загородив мне путь. По моей просьбе меня заперли в подсобке, вызвали милицейский патруль.

«Тут один преступник готовится напасть на меня, — пояснил я. — Это Дмитрий Балагур. Он вернулся из заключения и хочет меня убить».

Милиционеры осмотрели двор ресторана, посветили фонариком в темных углах, заглянули в ближайшие переулки — нигде никого. Но не успел я ступить на перрон, Дмитрий словно сквозь асфальт пробился. «Что за напасть?» — подумал я. И если бы поблизости не стоял постовой, не знаю, чем бы все кончилось. Во всяком случае, не сидел бы я сейчас перед вами.

Как раз тронулся с места, набирая скорость, товарняк. Я прыгнул на подножку предпоследнего вагона и с облегчением вздохнул, убедившись, что Дмитрий не побежал за мной. Не успел. А может, побоялся прыгать на ходу.

— Вы убеждены, что Балагур намеревался убить вас?

— Без сомнения!

— Он мог сделать это в сарае.

— Но я же убежал.

— Балагур поставил условие — предложил вырвать топорик.

— Это он проверял, насколько крепки у меня нервы. А они у меня — во! — Кривенко выпрямил большой палец.

— Больше Балагур не преследовал вас?

— Не замечал... Но все возможно. За Ирину злобу на меня носит. А я тут при чем? Понравился ей, вот и хозяйствовали вместе. И дочка наша Марьянка от любви родилась.

— А вы Балагура не подстерегали?

Кривенко дернулся. Тихий, нахохлившийся, жалкий, он был похож на мокрую ворону. Прижал к груди смятую кепку, на запавших щеках проступил румянец.

— Честно говоря, я его боюсь.

— Турчаку же похвалялись: «Убью!»

Кривенко отрицательно покачал головой, лицо его сморщилось — настоящее квашеное яблоко из рассола.

— Это я так, для самоутешения, для поднятия настроения сказал.

— Куда вы дели нож, купленный в Карелии за тридцатку у охотника?

«Она все знает», — подумал Павел и сунул руку в пустой карман пиджака.

— Ножик я потерял.

— Где? Когда?

— Наверное, в Синевце, по дороге из ресторана на вокзал. Я пьяный был. Не помню. А может, забыл на столе — бутылку им открывал...

— Это ваш?

Увидев финку, Кривенко опустил руки на колени и застыл. Потом, откинувшись на спинку стула, сказал:

— Похож. Но на моем рукоятка была другая — больше светлой пластмассы.

— Так вы где-то забыли или потеряли свой нож?

— Не знаю... Он исчез...

В хрупкой тишине ровно жужжал магнитофон, наматывая на катушку ленту, фиксируя каждое слово, каждый шелест листа. Но не было пока весомых доказательств, которые помогли бы раскрыть преступление.

— Вас, Павел, видели в Синевце семнадцатого октября, когда был ранен Балагур...

— Не отрицаю. Был!..

— Прохаживались возле дома Ирины?

— Прошел мимо.

— И стояли?

— На миг остановился. Что же тут такого?

— Скажите, с кем встретились и о чем говорили?

Кривенко взялся рукой за подбородок, делая вид, что вспоминает близкий и одновременно такой далекий вечер. А Кушнирчук была уверена: Федор Шапка встретил в Синевце возле дома Ирины именно Павла Кривенко и разговаривал с ним.

— Я не припоминаю.

«Придется вызвать Федора Шапку на очную ставку», — подумала Наталья Филипповна.

— Во двор заходили? — спросила она.

— Там толпились люди, стоял милицейский автомобиль. Я понял: что-то случилось. И пошел себе.

— Куда?

— В ресторан.

— С какой целью посылали официанта к Ирине?

— Хотелось знать детально, что стряслось.

— И в больницу звонили, спрашивали о здоровье Балагура.

«Ей и это известно».

— Мне ответили, что еще идет операция.

Кривенко рассказал о своем пребывании в ресторане, пересказал уже известный Наталье Филипповне

разговор с Дюлой Балогом, описал ужин и проводы на вокзал.

— Если я сказал что-нибудь не так, то только потому, что глотнул лишнего, позабылось...

— Вы неуверенно говорили о ноже, и я не пойму, потеряли нож в ресторане или у вас его украли?.. Не сразу сказали, что стояли недалеко от места преступления. Не по собственной инициативе сознались, как посылали Дюлу Балого к Ирине... Кстати, с какой целью вы ехали к Ирине?

Кривенко изо всех сил старался изобразить на заросшем лице милую улыбку, но получился оскал.

— Не могу без нее жить...

И в тоне, каким он это сказал, чувствовалась фальшь. Не сумел Кривенко утаить и свою ненависть к Балагуру. Особенно это было заметно, когда рассказывал, как Дмитрий хотел убить его. Но пока что каждое его слово требовало тщательной проверки.

Под вечер прокурор познакомился с материалами следствия, допросил Кривенко и распорядился взять его под стражу и поместить в следственный изолятор.

На обшарпанных нарах Павел обхватил голову руками, уперся локтями в колени. «Дремлет», — подумал дежурный, закрывая маленькое окошко на обитой жестью двери. Но дремота обходила Павла — мысли роились и жалили, как пчелы. Зачем нужно было, вернувшись из Синевца, задерживаться у Дуськи? Почему сразу не убежал от Пасульского? Была же возможность! Еще там, в колхозе, когда вызвали в контору. «Ты баклуши бьешь, а нам лесоматериалы нужны!» Он спокойно ответил: «В назначенное время лес будет тут». Вошел Пасульский: «О! На ловца и зверь бежит!» И при всех сказал, будто Ирина требует алименты на дочь и придется Павлу ехать в Синевец.

«Если б я знал, Павел, — сказал председатель, — что ты уклоняешься от уплаты алиментов, я бы тебя на работу не взял».

Павел пропустил это мимо ушей. Спросил Пасульского: «Разве у Ирины есть претензии?» — «А ты считаешь, я на прогулку приехал?» Председатель добавил: «Любишь, Павел, смородину — люби и оскомину. Поезжай, утряси, что нужно, и возвращайся».

Пока Павел собирался в дорогу, Пасульский ждал

в конторе. «Вот когда нужно было бежать!» — горевал теперь он. Не сообразил. Почему? Не испугался вызова в Синевец, даже обрадовался: «Ирину увижу, поговорю с ней... Я и без суда согласен платить. Мы договоримся...»

Не испугала его и мысль о сгинувших по его вине колхозных конях. «Рассчитаюсь!» Достал из-под обивки диван-кровати спрятанные там деньги, сунул в карман — пригодятся. До самого Синевца пытался угадать, как встретит его Ирина. «Денег не пожалею. И сверхку этому, Митьке, трояк на конфеты кину... Ирина подберет...»

И ни о чем другом не думал. С верхней полки смотрел в окно вагона. Перед глазами плыли знакомые места, и чем ближе был Синевец, тем чаще билось сердце.

Пасульский закрыл журнал «Украина», вытащил бумаги из планшетки. А на Павла вдруг нашло: «Все. Пропал! Засудят... Я крал деньги...»

Не спеша спустился вниз. Брился, умывался, а в голове крутилось: «Лейтенант меня в тюрьму упечет... Не алименты, не дохлые кони причиной тому, что приехал за мной. Нужно спастись. Бежать!»

Из вагона выходил настороженный. «Если посадят в машину, удрать не удастся». На привокзальной площади участковый инспектор искал кого-то взглядом. Он даже остановился перед черной «Волгой». В ней не было шофера. Пасульский махнул рукой: «Пошли».

Вокзал остался позади, а Павлу все не верилось, что идут пешком. На тихой, темной улице он опомнился, метнулся было в ближайший подъезд, но лейтенант схватил его за воротник: «Стой!» Павел резким движением выхватил из кармана бритву (спрятал, когда брился), махнул Пасульскому по глазам и бросился бежать.

Участковый инспектор скорчился, застонал, стал хватать воздух широко открытым ртом.

Кривенко бежал к речке через широкий двор, заставленный полными и пустыми бочками. Всполошил ленивого пса, который вылез из темного угла. И сам испугался. На мгновение остановился. Опять побежал. Внизу шумела вода, шелестели вербовые кусты. «Туда. Скорее туда!» И тут раздался выстрел и крик: «Стой!»

Залаяли собаки. На выстрел прибежал патрульный милиционер...

«За что вы так жестоко обошлись с Пасульским?» — хмурилась Кушнирчук на допросе.

«Чтобы убежать!»

«От наказания не убежите. Придется ответить за телесные повреждения, причиненные представителю власти. Статью Уголовного кодекса я вам читала, с выводами медицинской экспертизы познакомила. Итак, признаете вину?»

«Частично...»

«Почему не полностью?»

«Если бы Пасульский не схватил меня, дал убежать, я бы его не тронул».

«Лейтенант исполнял служебный долг, а вы проявили дикую жестокость. Как оцениваете свой поступок?»

«Никак. И человек может стать зверем, чтобы выжить».

«Смертельная опасность вам не угрожала даже в такой мере, как тогда, когда Пасульский вас, маленького мальчика, снял с парома. Так вы его отблагодарили?»

Кривенко постучал кулаком по колену.

«Меня Пасульский спас, а отца застрелил».

«Экспертизой доказано, что ваш отец застрелился сам».

«Ваша экспертиза вам и служит».

«Эксперты служат закону и отвечают за свои выводы».

Кривенко сощурился.

«Я в это не верю».

«Дело ваше, — спокойно сказала Наталья Филипповна. — Так вы отрицаете нападение на участкового инспектора Пасульского?»

«Что было, то было, никуда не денешься», — покорно сказал Павел, словно надеялся в покорности найти шансы на спасение. А они, эти куцые шансы, обошли его...

Павел вскочил. Заходил по камере взад-вперед. Отойдет от стены с зарешеченным окошком и шагает к двери — ходить легче, чем лежать.

«Если б не Пасульский, может, и не докопались бы до фиктивных ведомостей. За то, что незаконно начислил и взял себе две тысячи двести рублей, будут судить. Жадность погубила...»

Защитником Павел решил взять знакомого адвоката, который писал запрос в исправительно-трудовую

колонию, разыскивая Балагура. Адвокат найдет копию запроса, процитирует и скажет: «Как видите, и тут подсудимый Кривенко проявил человечность, взял на себя заботы по розыску Балагура...»

10

Наталья Филипповна взяла с книжной полки блокнот, села к столу и задумалась.

Оплошность следователя или эксперта во время осмотра места происшествия трудно исправить: не добыл сегодня нужные доказательства — завтра поздно. Так случилось во дворе восьмого дома по Летней улице. Стало известно, что кто-то прятался за ствол ясеня. Необходимо было старательней, тщательней осмотреть показанное Калиной Касиян место, применив современные технические средства.

На следующий день после нападения на Балагура следователь пришла с экспертом к ясеню. Под ним играла стайка детей. Пенсионеры, опершись о ствол, обговаривали события вчерашнего вечера. Увидев старшего лейтенанта, умолкли. Наталья Филипповна поняла: искать теперь следы — зря тратить время. Во дворе на Летней улице розыскная собака оказалась бессильной, потому что преступник не подходил к жертве. И за недогляд, за упущение Кушнирчук всю вину берет на себя. Тут, как говорит майор Карпович, «не сработал головой, работай ногами». Но над чем работать? В каком направлении? Кажется, проверены все версии, все выяснено. Все ли?.. Тогда где же преступник? Сколько потрачено времени, энергии — и безрезультатно. И сама себя успокаивала: главное — сосредоточиться.

Кривенко, конечно, способен на самые неожиданные действия. Скажем, такое: уговаривает Фитевку, чтобы выгнала Ирину с квартиры, наперед зная: перейдет к нему. Кривенко поставил перед собой цель — вызвать у Балагура недоверие к жене. И добился своего. Известие об Ирининой «измене» дошло до колонии, пробудило у Дмитрия ревность, толкнуло на побег, добавило три года лишения свободы. И то, что Кривенко приблизительно в то время, когда совершилось преступление, был в ресторане, еще не доказательство его непричастности к нападению на Балагура.

Допустим, Павел сам не совершил преступления.

Зачем тогда послал к Ирине Дюлу Балога? Если он кого-то уговорил на бесчестный поступок, нужно выяснить — кого. Дюла за пол-литра бегал на Летнюю, а за определенную сумму мог и ранить Балагура. Деньги у Кривенко были: перед отъездом в Синевец взял из сберегательной кассы две тысячи. Двести семьдесят рублей получил зарплаты и отпускных. Во время обыска у него изъято тысяча сто двадцать семь рублей двадцать копеек. Куда же подевались тысяча сто сорок два рубля восемьдесят копеек? На дорогу и рестораны он столько не мог истратить. Из вещей ничего не купил. «Пропил — прогулял», — сказал Кривенко на допросе. Почувствовав, что соврал неубедительно, стал говорить, что часть денег у него украли, когда он напился до бесчувствия. Почему же тогда не украли все деньги?

Последнее время все настойчивей лезла в голову мысль, что Ирина знает, кто напал на Балагура, но почему-то не выдает преступника. Чувствует вину? Возможно. Но кому и почему нужна была смерть Балагура? Не ранение — смерть. Живым он остался благодаря счастливому случаю: нож не попал в сердце. Удар нанесен с большой силой. Конечно, не женской рукой. Бысыкало? Шапка? Кривенко? Дереш?.. Один из них или кто-то еще? Версия майора Карповича о том, что покушение на жизнь Балагура совершил кто-то из тех, кто был с ним в колонии, принудила начать дело чуть ли не сначала и открыла множество ниточек, которые пока что спутаны, и неизвестно, за какую тянуть, чтобы прийти к истине. Придется ждать, пока из колонии придет ответ на сделанный запрос.

А капитану Крыло все еще не давали покоя семнадцать разбросанных по городу телефонов-автоматов. Он убедился, что Любаву Родиславовну запугивали не из квартирному телефона. Непроверенными пока были три автомата в далеких, тихих уголках. Поехал к первому — вернулся ни с чем. Второй не работал: кто-то оторвал трубку. Третий находился у машиностроительного завода. И дежурный вахтер Топанка рассказал:

«Было тихо, спокойно в тот вечер, и если бы не токарь Петр Чиж, дежурство не запомнилось бы. Он под хмельком от телефонной будки чешет, из стороны в сторону — вот так — качается. И к проходной. Нельзя на территорию пьяному, говорю. А он мямлит: нужно.

Я, конечно, не пустил. Он побунтовал чуток, а потом: «Ча-ао, дед», — и пошел».

Что Петр Чиж пьяный болтался у проходной, сомнения не вызывало. Но звонил ли он Любаве Родиславовне? Майор Карпович прежде всего обратил внимание на лексикон Петра, на его «чао».

— А что, если дать Любаве Родиславовне возможность послушать Чижа? — предложил он.

— Вызвать его сюда? — спросил капитан.

Карпович внимательно смотрел на подчиненного.

— Нет. Принести его голос.

Капитан поехал выполнять задание, а Кушнирчук знакомилась с рапортом дежурного инспектора. Ночью украден «Запорожец». Его хозяин, инвалид Великой Отечественной войны Залинский, выглянув в окно, увидел свой автомобиль едущим по улице. Позвонил дежурному милиции, назвал номер. Через час преступника настигли на одном из перекрестков города. Откровенно говоря, его и преступником назвать трудно: пятнадцатилетнему мальчишке покататься захотелось. Придется заняться воспитанием.

Майор Карпович застал Наталью Филипповну в кабинете, весело поздоровался. Он был, как всегда, аккуратно причесан — волосок к волоску, собран, по-юношески подтянут. Протянул тоненькую записную книжку в коричневой обложке: «Одни адреса». На второй страничке фамилия Чижа помечена красным карандашом и тут же записан его адрес.

— Оpozнание по голосу уже проводили? — спросил майор, пододвигая стул.

— Борис легко узнал, а Любава Родиславовна высказалась неопределенно. По телефону она слышала похожий голос, а в подвале слегка шипящий.

— Запись на пленке чистая, — заметил Карпович.

— Чиж говорил в спокойной обстановке, в подвале же голос мог измениться от напряжения.

— А что с Иваном Дерешем?

— Он семнадцатого октября был у соседа на свадьбе, прогонял детей спать, сидел с музыкантами, танцевал с кумом — все время на глазах.

— И сознался, что хотел убить Балагура?

— Он, товарищ майор, психически болен. Получено заключение экспертизы.

— Что ж, Наталья Филипповна, займитесь Чижом. У него, как у того боба, есть свое черное пятнышко.

После освобождения из колонии Петр Чиж пошел работать на машиностроительный завод. «Иголку выточит», — с гордостью сказал начальник цеха. А тут вдруг подал заявление: прошу рассчитать... Куда собрался? Почему увольняется? Никто ничего не знает. Предложили отработать определенный законом срок. Чиж выказал неудовольствие: пусть, мол, кони вкалывают. Квартирует он у престарелой вдовы на Заводской улице. Хозяйка Шаринейна смирная. А гневается: «Что-то мастерит, гремит, стучит за закрытыми дверями — в голове трещит». Сначала она его ругала: «Спать не даешь». Петр на это: «Можешь жаловаться в аптеку». Каждый вечер повторяется одно и то же.

Громко зазвонил телефон, и Кушнирчук подняла трубку. Ей доложили:

— Пришла Шаринейна.

— Проводите ко мне, пожалуйста, — попросила она.

Перед Натальей Филипповной села худощавая женщина. На вылинявшей юбке давно отцвели мелкие полевые цветы, пожухли, как и маленькое личико Шаринейны, обрамленное седыми волосами, которые выбились из-под черной, слегка выбеленной солнцем и временем косынки.

— Вы не волнуйтесь, — успокаивая, сказала ей Кушнирчук, — я только спрошу вас о квартиранте. Как свидетеля.

— Мне о Петре ничегошеньки не известно. Он живет сам по себе, я — сама по себе.

— Расскажите, что знаете. Выдумывать ничего не нужно...

Петр Чиж поселился у нее осенью, почти три года назад. Сначала вовремя платил за квартиру и еду. Нужно — дров нарубит, воды принесет. Но так продолжалось недолго. Убедившись, что Шаринейна совсем одна (муж и двое сыновей с войны не вернулись, родственников нет), Чиж изменился. Притащится пьяный среди ночи: «Жрать, ведьма!» И хозяйке приходилось накрывать стол. Как-то не сдержалась: «Не платишь — ходи голодный. И квартиру освободи». Более страшной ночи Шаринейна не помнит. Прижал ее к кровати. Кончик финки коснулся посиневших губ, звякнул о металлические зубы. «Сдохнешь, и следа не останется!»

На коленях молила, чтобы дал дожить отпущенный век, и поклялась, что не заикнется о квартплате и кормить будет даром. Чиж не успокоился: «Деньги на стол!» Оставил старой три рубля. «На хлеб хватит, — сказал, — а там пенсия подбежит». До утра Шаринейна еще надеялась: проспится Петр, попросит прощения, вернет деньги. А он до света вышел из комнаты хмурый — ни дать ни взять буря. Шаринейна как раз надевала пальто. «Куда?» — спросил и пригрозил финкой. Старая и слова сказать не могла. А он: «В милицию собралась? Скорее в могилу ступишь!»

— Вот так и живу, как овца с волком, — закончила свой рассказ Шаринейна.

— И так долго молчали?

— Что было делать?

— К нам прийти.

Собралась она было как-то. Всю дорогу оглядывалась. Пред самым отделением откуда ни возьмись Чиж: «Марш домой!» Проводил как под конвоем. И запер в кладовке до утра. Освободил под расписку: «Претензий к Чижу, моему доброму квартиранту, не имею...» И две недели потом Шаринейна откашливала холодную ночь.

— К вам соседи не заходят? — спросила Наталья Филипповна.

— Было время, заглядывали. То соли занять, то сито, то горшочек брали на время. А теперь зачем ходить по соседям? У всех свое есть.

Ночь с семнадцатого на восемнадцатое октября Шаринейна помнила. Спокойная была ночь — квартирант не пришел ночевать. Вернулся только к обеду, около двенадцати. Пьяненький. Радостный. Сразу лёг спать.

Проснулся поздно, осушил бутылку — и его как ветром сдуло. Появился — уже третьи петухи пели. Подремал немного. А собираясь на работу, пробовал водкой отчистить что-то красное на рукаве. Но только размазал. «Отнесешь в химчистку», — приказал и бросил пиджак на стул.

— Вы отнесли пиджак?

— Приказал же...

— В какую химчистку?

— В центральную.

Пиджак нашли быстро — его как раз хотели нести в цех. «Хорошо, что успели», — довольно улыбалась Кушнирчук, изымая вещественное доказательство для

проведения экспертизы. Но и простым невооруженным взглядом она увидела: пятно на рукаве — след губной помады. Любава Родиславовна любила густо красить свои полные губы, и Чиж, должно быть, вымазался, таща ее в темноте в подвал. Если это так, у следствия весомое доказательство.

«Какие же вопросы поставить перед экспертизой?» — задумалась Наталья Филипповна, но из размышлений ее вывел капитан Крыло. Подошел и молча положил на стол финку. «Как она оказалась у капитана?» — удивилась Кушнирчук. Заглянула в ящик своего стола. Нож, каким был ранен Балагур, лежал на месте. А на столе — еще один.

— Где же вы его взяли?

Крыло устало присел. Он находился и настоялся до боли в спине. Только начало рассветать, как позвонили из нетесовского опытного лесничества: «Задержали браконьера, просим приехать».

Через двадцать минут мотоцикл капитана Крыло остановился в темно-зеленом еловом лесу около островерхого дома, похожего на сказочную избушку. В углу просторной конторы жался к стене краснощекий, с отвислым брюшком, в резиновых сапогах и брезентовой штормовке человек — низкорослый, будто приплюснутый, и настороженный, всем своим видом как бы вопрошающий: «Что со мной будет?»

«Степан Березовский!» — узнал его капитан.

Березовский старый холостяк. Ему пятьдесят первый год. Работает электриком в колхозе. Живет, как одинокий волк, в хатке. Родная мать оставила его и перебралась к подруге детства, своей ровеснице: им обоим перевалило за восемьдесят. Ушла от сына, потому что он отбирал пенсию и за один вечер оставлял ее в чайной. Младший сын, Никита, звал мать к себе в город — не пошла.

«Лучшую олениху убил», — пожаловался капитану лесничий. Рядом с охотничьим ружьем на столе лежала финка. «Очень похожа на ту, которой ранен Балагур, — подумал Крыло, взяв ее в руки. — Как она попала к браконьеру?»

Капитан поднял глаза на Степана.

«Откуда финка?»

«Брат подарил. Сказал, что купил у кого-то на работе за три червонца».

«Где работает брат?»

«В Синевце, на машиностроительном».

«Домашний адрес?»

Степан назвал адрес.

Никита был на заводе. Его вызвали в кабинет начальника цеха. На вопросы отвечал он неохотно: «Ну, купил на рынке. У кого? Не знаю. Заплатил тридцатку». Надеялся, что на этом допрос окончится. Капитан напомнил ему статью Уголовного кодекса об ответственности за незаконное ношение холодного оружия. Никита заколебался. Крыло спросил:

«Может быть, вы сами изготовили финку?»

«Купил», — закашлялся Никита.

«Кто видел?»

«Такой товар сбывается нос в нос, товарищ капитан».

Крыло предложил Никите пойти в милицию.

Еще чуть поколебавшись, тот выпалил: «У Чижа купил. У Петра Чижа. Он предостерегал, чтобы я никому не проговорился».

— Вот и все, — сказал Крыло Наталье Филипповне.

— Опять выходим на Чижа. — Кушнирчук перевела взгляд с одной финки на другую. — Без экспертизы видно: одних рук работа... Нужен Чиж. Немедленно. Я думаю, далеко убежать не успел.

Капитан Крыло устало поднялся.

— Будем искать...

11

Где только не побывал за день капитан: в ресторанах и столовых, на вокзалах и стоянках такси, в магазинах и буфетах, в клубах и на турбазах. Чиж словно сквозь землю провалился.

На помощь пришли дружинники с машиностроительного завода. Все они знают Чижа в лицо, а найти тоже не могут. Двое следят за домом Мухиной: Чиж любил забегать к ней. Но пока он там не появлялся. От группы, которая осталась у Шаринейны, тоже нет утешительных известий: «Не приходил». И в химчистку за пиджаком не явился. Куда же он пропал? Где его искать?

Правда, есть у Чижа одно тихое местечко, где можно спрятаться; — дача лаборантки с машиностроительного. Когда ремонтировал там отопительный котел, изготовил себе ключи от входной двери. Как-то хозяйка застала его на даче. «Проверяю работу котла», — объяснил он. «А как вы сюда попали?» — допытывалась хозяйка. «Дверь была открыта», — ответил Чиж так спокойно и убедительно, что она поверила. Но в следующий раз дверь была заперта изнутри. На диване и журнальном столике — явные следы пиршества. Он сразу же позвал хозяйку на кухню. Разговор был недолгий. «Я тут наломался, как вол, с вашим отоплением и имею право отдохнуть». Женщина протестовала, угрожала вызвать милицию. Чиж спокойно сказал: «Утром от дачи пепел останется, и виноватого не найдешь». От Петра можно всего ждать. Он отбывал наказание за поджог дома, хозяева которого не захотели отдать за него единственную дочку. Лаборантка вздохнула: «Ты хотя бы говори, когда идешь сюда...»

Наконец к вечеру капитан получил сообщение: «Кто-то крался на дачу, но почему-то повернул назад». Вполне возможно — Чиж. Догадался, что на даче засада, а может быть, и заметил. Он хоть и пугливый, как заяц, но хитрость у него лисья. В химчистку звонил где-то после обеда: «Готов пиджак?» Ему ответили: «Можете взять». Поблагодарил, но за пиджаком не пришел. Почему? Нарочно? Мол, ждите, а я подамся в другую сторону. Или где-то загулял — не до пиджака. Первое предположение наиболее вероятно. Удрал! Что же его насторожило, всполошило? Магнитофонная запись его голоса? Чиж о ней не знал. Даже не догадывался. Разговор состоялся служебный, тихий. Начальник отдела кадров уговаривал его остаться на заводе, забрать назад поданное заявление. Чиж обещал подумать.

Шаринейна со страху, может быть, и рассказала бы ему о разговоре в милиции, но Петр не приходил с тех пор домой. И на работу не явился.

В центре города Крыло неожиданно встретил Наталью Филипповну.

— Куда путь держите?

— Мухина крутится возле автовокзала. Не Петра ли ждет?

— Там наши дружинники дежурят и только что сообщили: у них все спокойно.

— Наверное, не знают Мухину в лицо, — сказала

Кушнирчук. — Она в скверике затаилась, сидит ждет.
— Так, может, и мне с вами? — Крыло пошел рядом с Натальей Филипповной.

Под полой его пиджака ожила рация.

— Пятый... Пятый... Я — Артур... Как слышите?

Крыло наклонил голову и будто Наталье Филипповне, а не в микрофон, тихо, но четко сказал:

— Пятый слушает.

— Объект в третьем квартале. Жду указаний.

На мгновение капитан задумался.

— Следите. Еду, — сказал наконец, уже отыскивая глазами машину.

— Теперь, наверное, мне придется с вами ехать, — предложила Кушнирчук.

— Займитесь Мухиной. Не исключена возможность, Чиж сядет в такси и махнет к ней.

На железнодорожном вокзале Крыло зашел в кабинет дежурного. До отправления скорого поезда осталось меньше минуты.

— Чиж только что сел в десятый вагон, — отрапортовал милиционер.

— Почему не задержали, когда брал билет? — с укором бросил капитан.

— Билет ему кто-то купил. Он тут не появлялся.

Поезд тронулся. Капитан схватил с вешалки форменную фуражку железнодорожника, накинул на себя плащ дежурного, прыгнул на подножку последнего вагона.

Молоденькая проводница, должно быть, приняла Крыло за какого-то начальника, пригласила к себе в купе.

— Спасибо, — сказал он и, подумав, что этого мало, чтобы проводница считала его железнодорожником, добавил: — Я сейчас до своего служебного доберусь.

В тамбуре соседнего вагона капитан остановился, раздумывая, что и как сделать. Поезд набрал скорость, оставляя позади загородные дачи с садами и виноградниками. Прежде всего нужно было добраться до десятого вагона и у проводника выяснить, до какой станции Чиж взял билет.

Крыло прошел один вагон, второй, третий...

«Остановлюсь в одиннадцатом и пошлю в десятый проводника», — решил он, переступая низкий порог. В этот момент дверь на другом конце вагона открылась, и капитан встретился взглядом с Чижом. Петр мгновенно

но узнал капитана, остановился. Расстояние между ними сокращалось медленно — двигался только Крыло. Чиж стоял в дверях, как в раме. И вдруг быстро скрылся в тамбуре.

А капитан задержался: женщина неожиданно выкатила из купе коляску с ребенком в проход. Этого хватило, чтобы Чиж успел открыть заранее приготовленным ключом входную дверь вагона...

В тамбуре бился встречный ветер, теребил плащ, срывал с капитана картуз. На подножке Крыло чувствовал себя как в самолете перед прыжком с парашютом. «Ну, как тебя учили в десанниках?» — сказал он себе и прыгнул в ночную темноту.

За поездом бежали красные огни, отдалялся стук колес, в испещренном звездами небе чинно плыл бледный месяц, обходя темные облака, которые наступали со всех сторон и брали в плен небесные светила.

Когда Крыло поднялся на ноги, сердце ошале-ло стучало в груди. Он только теперь сообразил, что несколько секунд назад рисковал жизнью. Но думать об этом было некогда. «Где Чиж? Куда он пойдет?»

Капитан расстегнул на плаще уцелевшую пуговицу, вытряс песок из ботинок, пощупал локоть, который сильно ударил при падении, — цел! — и отправился на поиски Чижа. Вспомнил о рации. До Синевца недалеко — должна взять. Нащупал микрофон, нажал кнопку.

Рация молчала. Крыло провел пальцами по проводу от микрофона. Обрыв. Ремонтировать некогда, каждая секунда решает судьбу успеха. Итак, надежда на помощь отпадает. «Разве мало тебя, капитан, тренировали, готовили к трудностям, — подбодрил себя Крыло. — А ну, вперед!» И широко зашагал по шпалам. Веял легкий ветерок. «А что, если Чиж разбился?» — пришла в голову мысль. Посмотрел вниз, где чернели кусты, кучки картофельной ботвы, и поблескивали колдобины с водой. Метров через двести остановился. Чиж выпрыгнул как раз напротив леска. В Синевец, конечно, вернуться не осмелится — понял, что за ним охотятся. Куда же направится? В лес? Выйдет на дорогу, чтобы воспользоваться попутным транспортом? Спрячется в поле?..

Впереди что-то мелькнуло. Крыло сошел с полотна. Осторожно продвигался вперед. Возле мелкого ручейка внимательно огляделся. Темное привидение, которое двигалось вдоль линии, изменило направление движе-

ния — пошло наискось к леску. За лесочком начинались уже загородные дачи.

«Если пойти по ручью наперерез, он попадет прямо в руки», — подумал Крыило.

Вербы прикрыли капитана. В ботинках хлюпала вода. Он не обращал на это внимания. Совсем забыл и об усталости. «Привидение» шло по полю. Лишь бы не потерять его из вида. Вот оно остановилось. Заметил преследователя? Нет-нет! Человек нагнулся и что-то поправил на ногах. Наверное, шнурки...

Приблизившись, Крыило увидел, что преследуемый хромает, налегая на правую сторону. «Должно быть, повредил ногу», — подумал капитан. Он наблюдал за беглецом, но не находил подходящего места, чтобы устроить засаду и неожиданно схватить Чиж. Да-да, Чиж. Это он. К ручью почему-то не приближается, держится открытого пространства. Нужно менять тактику. Что придумать? Крыило засунул под куст фуражку и плащ, сгреб пальцами волосы, смахнул их на лоб, руки — в карманы и, тихо насвистывая, выбрался из тени верб.

Чиж остановился. Застыл на месте. Капитан шел прямо к нему.

Растерянность Чиж длилась до тех пор, пока Крыило не приблизился.

— Стой, стреляю! — выкрикнул Чиж.

В руках его что-то блеснуло. «Неужели вооружен каким-то самопалом? Осторожно, капитан!»

До Чиж оставалось пять-шесть метров, как раз столько, чтобы тому не промахнуться, но слишком много для прыжка, к которому готовился Крыило. Он сделал еще шаг.

— Не подходи, выстрелю!

Чиж попятился.

«Ножом целит», — подумал капитан, осторожно делая еще шаг вперед. И тут прозвучал выстрел.

Крыило успел резко качнуться в сторону — пуля жикнула, зацепив полу пиджака. Чиж не шутил.

Капитан Крыило, как и большинство работников уголовного розыска, был тренированным самбистом, имел второй спортивный разряд по боксу, занимался вольной борьбой. Он не чувствовал страха, хотя понимал, что может означать для него второй выстрел.

— Брось игрушку, Петр, я стреляю лучше тебя.

И сделал еще шаг.

— Убью! — не своим голосом рявкнул Чиж.

Теперь между ними была полоса — грузовик бы проскочил, никого не зацепив. Для машины расстояние достаточное, для прыжка — слишком большое.

— Что тебе нужно? — Петр качнул оружием.

— Я мирно шел, а ты поднял стрельбу, — сказал капитан лишь бы выиграть время, незаметно передвигая ноги по лежалой, мокрой от росы траве.

— Иди, куда собрался.

— А ты — пулю в затылок?

Капитан еще немного продвинулся вперед.

— Боишься?

— Жить хочу...

За спиной Чижа что-то звякнуло. На миг он отвел взгляд от капитана. Стремительный прыжок, удар — и Чиж на земле. Еще одно резкое движение — и оружие выбито с такой силой, что хрустнуло запястье.

Пока Крыло искал самопал, Петр неожиданно поднялся, выхватил руку из кармана, кляцнула металлическая пружина и из сжатого кулака выскочил клинок. Они ударили почти одновременно: Чиж ножом в грудь, но капитан нырнул по-боксерски и носком ботинка — ниже пояса... Потом, перехватив руку с ножом, он оторвал Чижа от земли и бросил его к своим ногам, как при чистой победе на борцовском ковре.

Чиж застонал.

Капитан, подсвечивая себе спичками, соединял оборванный провод рации. На это ушло минуты три.

— Второй, второй! Я пятый. Прием...

— Пятый, я второй. Слушаю.

Крыло назвал координаты.

Где-то часа через два Петр Чиж сидел на допросе.

— Куда вы бежали? — спрашивала Наталья Филипповна.

— В поезде захотелось покачаться.

— С огнестрельным и холодным оружием?..

— Без самопала не убьешь зверя, без ножа не отрежешь хлеба.

Чиж вел себя нагло. У него был билет до Ленинграда. Кто его там ждет? Дружки по колонии? Для них изготовил он самопал и финку? Готовятся к новому преступлению? Не захотел Чиж жить честно, и опять дорога его поворачивает в тюрьму.

— Где вас задержал капитан Крыло?

— Задержал? Ха-ха!.. Ему очень повезло, потому что у меня был один-единственный патрон. Иначе вы имели бы труп, а я волю-волюшку.

— Вас все равно поймали бы.

— У меня уже были бы патроны.

— В Ленинград вы за патронами собрались?

— Напрасно пытаетесь — не скажу.

Что ж, выяснят и без него. Крыло и Карпович занимаются этим вопросом. Скоро должны быть результаты. Тогда начнется другой разговор.

— Постарайтесь вспомнить, где вы были семнадцатого октября?

— На работе. В табеле отмечено. Полторы нормы дал. Как сейчас помню. Еще и мастер похвалил: молодец, Петр. Можете спросить, уточнить.

— Меня интересует ночь на восемнадцатое.

— Так бы и спрашивали. Я думал, день... Могу и о ночи рассказать. Что вас интересует?

— Каждый шаг с того времени, как кончили смену.

— Шагов я сделал много. Неужели милицию и это интересует?

— Не тяните время, гражданин. Советую говорить правду.

— Разрешите закурить.

Чиж жадно затянулся. К разговору вернуться не спешил: теперь торопиться ему некуда.

— Ну, пришел на квартиру...

И опять замолчал.

— Дальше.

— В кино ходил.

— С кем?

Петр потер нос и чмокнул.

— С Катькой Мухиной.

Протокол допроса Мухиной уже лежал перед Натальей Филипповной. Чиж пришел к приятельнице около двух часов ночи, лег, не раздеваясь, и учинил настоящий допрос. «Где вечер провела?» — «В кино». — «Одна?» — «С подругой». — «Билеты не выбросила?» — «В сумке». Петр помолчал, а потом предупредил: «В кино ты ходила со мной! Если кто-нибудь спросит, так и скажешь: с Петром. Билеты спрячь — могут пригодиться». — «Для чего?» — «Так нужно!»

— В каком кинотеатре и какой фильм смотрели?

Чиж назвал кинотеатр и фильм, который там шел.

— О чем же картина? — попросила уточнить следователь.

— Сходите посмотрите.

Нет-нет. Чиж не допустил ошибки. Он знал сюжет фильма из пересказа Кати. Мог бы повторить его. Но заметил (следователь нарочно выложила) изъяты у Мухиной билеты, и это сбilo его с толку. «Катку успели допросить. Что она сказала? Не раскололась ли?» — лихорадочно думал он.

— Так вот что, — помахала билетами Кушнирчук. — В кино Мухина ходила с подругой. Это доказано. Можем еще провести очную ставку. Ваша приятельница напомним, что пришли вы к ней около двух часов ночи и уговаривали ее засвидетельствовать, будто были в кино вместе.

Короткий окурок обжег Чижу пальцы. Со злостью он раздавил его в пепельнице, не отрывая взгляда от раскрытого окна. Нагнулся вперед, как бегун на старте. Наталья Филипповна закрыла окно и заперла его. Чиж вздохнул, словно перед носом у него сомкнулись райские ворота. Оглянулся на дверь — милиционер. Не убежать...

— Нет у меня, — сказал, — никакого алиби. Оно мне и не нужно. Вы, конечно, не поверите, но я не вру. К Мухиной пришел пьяный. Ничего не помню. Может, и наговорил глупостей...

— К Мухиной откуда пришли?

Ответил после продолжительного молчания:

— Я проснулся в кустах. Подумал, что вокруг лес. Ан нет — городской парк. Оттуда и приплелся к Мухиной. Но про алиби и речи не было...

— Где вы отбывали наказание за поджог?

— В тюрьме, — с иронией произнес Чиж.

После повторного вопроса назвал все-таки место нахождения исправительно-трудовой колонии, о которой Наталья Филипповна наслушалась от Балагура, Дереша, Гурья, откуда получила ответ на запрос с пометкой: «Срочно».

— Как вы вели себя в колонии?

— Хорошо. Работал как все. Соблюдал режим...

— И пробовали бежать, — добавила Наталья Филипповна то, о чем как раз подумал Петр.

— Докажите! — вызывающе поднял он голову.

— Это уже сделано. А вы скажите, с кем и почему дрались в колонии?

— Ни с кем.

Кушнирчук напомнила о стычке с Балагуром, о выбитых зубах. Рассказала и о том, как Дмитрий привез Чижа в колонию после попытки бежать.

— Это он, Балагур, напал на меня в лесосеке, избил, — медленно говорил Петр, стараясь, чтобы это звучало как можно убедительней.

— И о вашем побеге ни Сизову, ни Железобетону не сказал?

Чиж согнулся и молчал. Он заметил на бумаге, нарочно положенной Натальей Филипповной на край стола, подпись капитана Сизова. «Повысили, — подумал он. — А тогда был лейтенантом». И понял, что эта бумага — ответ из колонии на посланный запрос.

— Почему молчите?

— Я свой срок отбыл. От звонка до звонка, — удрученно и медленно, будто считал слова, выговорил Чиж и добавил: — Балагур сам смазал пятки салом, а на меня наговорил.

— Кто еще с вами отбывал наказание и теперь проживает в нашем районе?

Назвал Ивана Дереша и принялся рассказывать, как он ошпарил Балагура, а потом Балагур — Дереша. Не забыл и о том, что Иван угрожал отомстить Дмитрию за увечье.

— Кто еще был с вами?

Опять долго молчал. Наталье Филипповне пришлось самой назвать Вадима Гурея, которого Чиж почему-то «забыл»; но, услышав его имя, «вспомнил».

— Когда встречались с Гуреем?

Чиж уклонился от конкретного ответа. Где-то когда-то встретил Гурея случайно и не придавал этому значения.

— Это было не историческое событие в моей жизни.

— Зато встреча состоялась всего пять дней назад. О чем вы разговаривали с Вадимом?

— Поболтали о прошлом и разошлись.

— О Балагуре вспоминали.

Не вопросительно, утвердительно прозвучали слова следователя, и Петр, наполовину сознаваясь, сказал:

— Что-то было...

— Не «что-то», а Гурей назвал вам адрес Ирины Лукашук, советовал семнадцатого октября встретиться с Дмитрием в Синевце.

— Не слышал, не помню такого.

— Допустим.

Наталья Филипповна достала из ящика стола нож.

— Узнаете?

Чиж явно ждал этого, но с подозрением глянул на следователя, потом внимательно, словно пытался узнать давнего знакомого, рассматривал нож и ковырял длинным ногтем в усах.

— Я ножи продал.

Судя по выражению его лица, Чиж сказал не то, что думал.

— Кому, когда? — наступала Кушнирчук.

— Кому? — переспросил Петр. — Имя не спрашивал, в паспорт не заглядывал. Могу ответить на вопрос: когда? Зимой прошлого года. Точнее — в декабре. У охотничьего магазина.

— За сколько?

— По три червонца за штуку.

Статья Уголовного кодекса Украинской ССР об ответственности за незаконное ношение, изготовление, хранение, сбыт огнестрельного или холодного оружия не испугала Петра.

— Готов отсидеть, а может, обойдется исправительными работами или штрафом... Мудрый судья судить не торопится.

«Он согласен отсидеть срок, но не за нападение на Балагура», — поняла Наталья Филипповна и отодвинула штору в углу рядом с сейфом. На широкой изрезанной толстой доске белел нарисованный мелом силуэт человека. Доску, как вещественное доказательство, изъяли во время обыска на квартире Шаринейны.

— Что это?

— Доска, — ответил Чиж насмешливо и нарочито резко.

— Для чего?

— Силу ножей пробовать.

— Разве для этого нужен контур человека? — пожала плечами Кушнирчук.

— Не стирать же, если кто-то нарисовал, — нехотя ответил Чиж. — Это мне не помеха.

— Где взяли доску и мел.

— На стройке валялись.

— Познакомьтесь, — Кушнирчук протянула Петру лист бумаги.

— Эксперт ошибся. Я не рисовал, — покачал он всем телом из стороны в сторону.

— Каким ножом бросали в доску?

— Обоими...

— Отведите, — приказала Кушнирчук конвоиру. — А вам, — сказала она Чижу, — советую хорошо подумать, взвесить все, ведь правда, как масло, выплывет наверх, а наказание и хромая догонит виновного.

В камере Чиж не находил себе места, зыркал на квадрат окошка, изучающе рассматривал петли на двери, нажимал каблуком на каждую доску пола, ходил из угла в угол. Наконец лег. Положил ногу на ногу, закинул руки на затылок. Но сосредоточиться не мог. Мысли толкались, как футболисты на штрафной площадке при подаче углового. Перед глазами мелькали фигуры Балагура, Сизова и Железобетона, Любавы Родиславовны и Бориса, Гурья и Березовского, а напоследок, как по приглашению, явилась и Шаринейна.

Как же их много! И каждый что-то наговорил следователю.

«Не признаюсь! Я не охламон!»

Накануне майор Карпович вернул Наталье Филипповне план следственных действий по уголовному делу.

— Здравствуйте, — встретила ее утром на лестнице Любава Родиславовна. — Вызывали меня?

— Сейчас я приглашу вас.

Борис наблюдал с тротуара, словно боялся подойти ближе.

Минут через десять Любава Родиславовна уже вслушивалась в голоса разных людей. И среди них отметила голос Чижа.

— Да его и по телефону узнала, и на магнитофонной ленте, — растянула она в улыбке полные накрашенные губы. — А живой голос — это легко...

На очной ставке, будто приговор выносила, изрекла:

— Не выпускайте его на свободу, он и так половину здоровья у меня отнял.

Показания Любавы Родиславовны, что ее запугивали в подвале, подтвердили эксперты: по химическому составу помада на пиджаке Чижа совпадает с помадой, которой она пользуется.

— Я французской крашусь. За десятку взяла. Мне привезли, — пояснила Любава Родиславовна.

— Тебе что, по специальному заказу помаду делали? — с ненавистью сказал Чиж. — Теперь все штука-

турятся. Я не одну обнимал. Может, и ты где-то под пьяную руку попала.

— Довольно, — оборвала его Наталья Филипповна, отпустила Бысыкало и пригласила в кабинет деда То-панку.

Чиж удивился: «А этого зачем принесло?»

Вахтер коротко рассказал, как пьяный Петр рвался на завод, как звонил из автомата, что возле проходной. Именно в это время и слышала Любава Родиславовна угрозы по телефону.

— Ты, старый, меня за ногу назад не тащи — надорвешься, — погрозил ему кулаком Чиж.

Потом Борис Бысыкало видел близко твердые ком-ли Петровых рук, оплетенных синими веревками жил. Вспомнил острое прикосновение финки — кровь отлила от лица и онемели пальцы на руках.

— Он запугивал меня, — сказал Борис.

Чиж язвительно оскалился.

Показания Вадима Гурей слушал молча. Ну, отбывал наказание, потому что спалил хату Стрибака с арабским ковром на стене и вторым арабским на паркете. В зятя его не захотели. Дочку не пожелал отдать Стрибак — куркуль! Денег — куры не клевали. Сам смотрел цветной телевизор, гонял на мотоцикле (легковую жалел: дорога с выбоинами), а попросишь рубль — фигуру из трех пальцев получишь. «Заработай, как я», — говорил в забегаловке при всех. На что Чиж, затаив злобу, ничего не отвечал. А среди ночи в селе ударил колокол: пожар! Еще не дотлели стены, стреляя искрами в темноту, а Чижа уже допрашивал следователь. До сих пор понять не может, как это его так быстро поймали? Ну, словом, Гурей говорит правду. Правда и то, что Балагур выбил Петру зубы на лесосеке. Чиж даже махал головой, молча подтверждая показания Вадима. Не понравилось только, что Гурей подробно описал, как советовал Петру поискать Балагура у Ирины в день рождения.

— Ты, Вадим, плетешь что-то, — перебил он Гурей. — Подумай. Ты, наверное, глотнул тогда лишнего. Я такого совета не помню, не слышал. И семнадцатого, выходит, на Летней не был. Подумай...

— Я сказал правду, — прибавил Гурей и вышел.

С появлением в кабинете Березовского Чиж приободрился: «Никита мой друг. Финку сам выпросил.

Не сознается». Но Никита сразу сказал, у кого, где, когда и за сколько купил нож.

Чиж в замешательстве выкрикнул:

— Пусть сознается, как зарезал Балагура! Пусть сознается, если финку купил! Она не для того, чтобы хлеб резать!

— Продал, не выкручивайся, — спокойно сказал Никита, подписывая протокол.

Шаринейна долго не осмеливалась сесть. Наконец отодвинула стул подальше и уселась боком к квартиранту. На вопросы отвечала тихо и все время поглядывала на согнутую фигуру Петра. Она узнала иссеченную доску с белой тенью человека.

— Слышала, как по вечерам ударял об нее нож.

— Бреешь!

— Я и пиджак носила в химчистку.

— Брежня!

Следователю пришлось утихомиривать Чижа.

Чтобы Шаринейна рассказала про отнятые деньги и приставленную ко рту финку, Кушнирчук пришлось задать много дополнительных вопросов.

Майор Карпович вызвал Наталью Филипповну к себе.

— Вот куда спешил наш Чижик.

И включил магнитофон.

Из Ленинграда сообщали, что какой-то Недобоков, отбывший наказание за ограбление кассы, готовясь совершить нападение на инкассатора, раздобыл патроны и ждал соучастника (имя его и место проживания пока установить не удалось), который должен привезти оружие.

— Наш Чиж! — сказала Кушнирчук.

— Он, — подтвердил капитан Крыло.

— Вы так быстро связались с Ленинградом. Я не могла и надеяться на это...

— Мы сообщили ленинградцам о задержании Чижа. Они благодарили, ведь с ног сбились, разыскивая соучастника Недобокова. Даже не сразу поверили, что он в Синевце гнезвился.

Вошел эксперт.

— Вот наши выводы: финские ножи изготовлены одним и тем же лицом из материалов, часть которых найдена в комнате Петра Чижа. Его руками сделан и

самопал: на рабочем месте найден кусок цевки, из которой выточен ствол.

Наталья Филипповна поблагодарила эксперта.

— Вы куда-то спешите? — спросил Карпович.

— Хочу провести следственный эксперимент.

Во дворе восьмого дома по Летней улице остановилась оперативная машина. Не успели вывести из нее Чижа, а жители дома уже появились на балконах, глядели в окна. Тетка Феня выбежала во двор, прислонилась к холодной водосточной трубе: оттуда все было видно. Ирина остановилась рядом, прижала к себе детей. Она ждала: из машины выйдет Павел Кривенко. Ее приглашали на очную ставку с ним. Павел отрицал нападение на Балагура, а она не верила ни одному его слову, узнав, что семнадцатого октября он был в Синевце.

— Выведите, — приказала Кушнирчук.

Конвоиры стали у дверцы.

— Выходите!

— А? — будто проснулся Чиж.

К ясеню шел как не на своих ногах: они не сгибались в коленях, шаркали по листве, будто на ногах, а не на руках были стальные наручники. Возле «Москвича» встряхнул гривой волос. Если б не стража, сорвался бы и бежал куда глаза глядят. Остановился на том месте, откуда целился в спину Балагура. Смотрел на камень, возле которого Борис по его требованию выбросил букет.

— Рассказывайте и показывайте, как совершили нападение на Дмитрия Балагура, как перед этим запугивали Бориса Бысыкало, — твердо сказала Наталья Филипповна.

Чиж весь как-то осел, словно старый гриб-дождевик под ступней, согнулся.

Прохладный ветерок обвевал людей, что собрались во дворе.

От дома смотрели на происходящее объективы киноаппарата, и он размеренно стрекотал.

Тронулась с места и лента портативного магнитофона.

Петр Чиж давал показания...

Перевод с украинского Г. Ашаниной

Иван КИРИЙ

**ДЕЛО
ИРИНЫ ГАЙ**

Говорят, неожиданные встречи с друзьями и знакомыми чаще всего происходят на вокзалах и в поездах. Не знаю, кто и когда это сказал, но доля правды в этом все-таки есть.

С Евгением Трястовским мы не виделись лет пятнадцать. Как закончили университет и разъехались по назначению, так ни разу и не встречались, поскольку не были большими друзьями. Просто жили в одном общежитии, играли в сборной университета по волейболу. Играл Евгений всегда азартно, был мастером гасить мячи. Учился он на юрфаке. После окончания направлен на работу в прокуратуру какого-то сельского района. Не то в Полтавскую, не то в Винницкую область.

И вот через полтора десятка лет встретился я с ним в Киеве, а вернее — в поезде Киев — Одесса. Зашел в купе тринадцатого вагона и глазам не поверил: он или не он, Женька Трястовский? Возле окна сидел худощавый, скромно одетый, средних лет человек с небольшой залысиной и заметной сединой в волосах. Он махал кому-то рукой на перроне. Занятый прощанием, на мое «добрый вечер» не обратил внимания. Лишь когда поезд тронулся, я поздоровался с Трястовским во второй раз, заметив, что нехорошо забывать старых знакомых.

— Извините, — виновато захлопал он темными ресницами. — Но не могу вспомнить, кто вы.

Пришлось напомнить. Евгений сразу обрадовался. Обнялись мы, поцеловались.

Первым засыпал его вопросами я: где он? куда едет? как вообще дела? как здоровье? имеет ли тещу?

Евгений громко рассмеялся.

— Ты что, поменял профессию?

— Почему? — удивился я.

— Сразу так много вопросов иногда задают у нас в следственных органах, — весело пояснил Евгений.

И добавил: — Неопытные работники, конечно, новички, как это было когда-то и со мной.

— А теперь ты уже с опытом? — я дружелюбно подмигнул ему.

— Да есть немного, — усмехнулся Евгений. — Имеешь дело со старшим следователем городской прокуратуры.

Потом узнал, что мой друг уже несколько лет живет и работает в Киеве, давно женился, есть дочка-восьмиклассница. А сейчас едет в командировку в Одессу.

Я искренне обрадовался нашей встрече. Иметь такого попутчика! Ведь я тоже ехал в Одессу. Только не в командировку.

Один мой знакомый журналист сдал мне на целый месяц дачу за городом, над самым морем. Там я собирался немного отдохнуть и заодно поработать.

— Хочешь, поживи со мной, пока будешь в командировке, — предложил я Евгению. — Чего будешь ютиться в гостинице? Вместе веселее. Да и море — от дачи рукой подать.

— И правда! — не раздумывая, согласился Евгений. — Ночевать над морем — это же здорово! — Но потом вдруг пристально посмотрел на меня: — погоди. А чего это ты, друг мой, едешь отдыхать один, без семьи?

Я объяснил: еду не только отдыхать, но и дописать новую повесть.

Евгений вдруг оживился, большие светло-серые глаза загорелись:

— А хочешь, я подарю тебе сюжет для повести? Интересная получится повесть, ей-богу! Только не сейчас, после ужина. А то я так торопился, что не успел перекусить. Жена мне полный портфель провизии собрала.

В купе мы были пока одни, никто не мешал, и я согласился.

За ужином вспоминали студенческую жизнь. Потом Евгений приступил к обещанному сюжету:

— Одна женщина совершила преступление и по закону должна была понести наказание. Но, если принять во внимание ее материнские чувства, преступление это вроде бы реабилитирует женщину. Вот и разберись тут...

Меня заинтересовал этот случай, и я попросил Евгения рассказать подробно.

— Не торопись, история долгая, хватит на всю ночь, — ответил Евгений.

Мы пили чай, выходили в тамбур курить, и, хотя меня разбирало нетерпение, я больше не напоминал Трястовскому о его обещании. Ждал. А он, наверное, обдумывал, как и с чего начать рассказ. Или просто имел профессиональную выдержку.

Наконец начал:

— Прежде всего прошу тебя, если соберешься писать, измени имена главных действующих лиц этой истории. Этого требуют весомые аргументы. А впрочем... лучше изменю их я, чтоб тебе не ломать голову. Итак...

2

Месяца полтора назад вызвал меня прокурор. И, как часто пишут в приключенческих романах, сообщил, что есть одно срочное дело, которое надо довести до конца. Начинал его следователь из линейного отделения милиции станции Киев-Пассажирский, но вошел в конфликт с подследственной. Она написала на него жалобу. Назначили другого следователя, но тот вдруг заболел и лег на операцию. Вот начальник отделения и обратился к нам за помощью. Начато дело у них, а мне надо продолжить его.

На следующий день я отправился в линейное отделение милиции и, выражаясь юридической терминологией, принял дело к исполнению. Находилось оно в начальной стадии, состояло из нескольких документов, аккуратно, в хронологическом порядке подшитых в папке.

Эти документы свидетельствовали, что буфетчица вокзального ресторана Ирина Степановна Гай за сравнительно короткий срок, от ревизии до ревизии, допустила растрату государственных денег — пять тысяч рублей. Как объяснила Гай, деньги она истратила на личные нужды, хотела вскоре возратить их, но не успела. На основании акта ревизии, докладной ревизора и признания буфетчицей совершенного преступления первый следователь получил санкцию на ее арест. Второй следователь не успел ничего сделать, и мне надо было завершить дело, начиная его почти с нуля.

Первое, что я решил сделать, — познакомиться с буфетчицей Гай, послушать ее, посмотреть, что она за че-

ловек, и в какой-то мере выявить особенности ее характера. В нашей работе это очень важно.

Когда ее привели в следственную камеру, я был приятно удивлен. Передо мной стояла среднего роста, не по годам стройная (а ведь ей за сорок), красивая женщина. Особенно привлекали ее глаза — большие, карие и до наивности открытые. И выражение чуть бледного, но нежного, без единой морщинки лица тоже было по-детски наивным. Глядя на эту женщину, невозможно было поверить, что она может совершить что-то плохое.

Попросил Гай сесть, отрекомендовался, сказал, что я ее новый следователь, буду вести дело до конца.

— Что ж, ведите, — не то наигранно, не то на самом деле равнодушно ответила Гай. — Только не тяните, передавайте быстрее в суд.

— Ну, до суда еще далеко, — разочаровал я ее. — Мы должны во всем детально разобраться, проверить, уточнить, доказать вашу вину и уж потом передавать дело в суд.

— А чего там долго разбираться, — обреченно вздохнула Гай. — Деньги я взяла? Взяла. Виновна? Признаю — виновна. Какие еще вам нужны доказательства? Судите — и все!

Я снова объяснил, что все не так просто, как кажется, что согласно нашему советскому законодательству признание обвиняемым своей вины само по себе не может быть достаточным доказательством его виновности. Оно должно быть подтверждено совокупностью других доказательств, какие есть в деле, и только тогда его можно принять во внимание при вынесении обвинения.

— Говорите, что вам от меня еще нужно, — подняла на меня глаза Гай, и в них я уже не увидел излучавшейся несколько минут назад доброты. Глаза стали холодными и злыми.

Я деликатно стал разъяснять, что такая категоричность может ей же самой навредить. В обязанности следствия входит установление первопричин совершения преступления, субъективных и объективных сторон. В данном случае следствию небезразлично, куда были истрачены присвоенные ею деньги.

— Давайте с этого и начнем, — предложил я. — На что вы тратили деньги, которые взяли в кассе?

— Так, на всякие пустяки, — ответила холодно.

— Например? — допытывался я.

— Разве мало у женщин капризов? Купила дорогие импортные вещи, золотые часы, перстни. Не отказывала себе в сладостях, всегда после работы ездила домой на такси...

На вопрос, как реагировал на приобретение импортных вещей муж, ответила, что он ей никогда ни в чем не перечил, ее гардеробом не интересовался, и вообще — семейным бюджетом целиком распоряжалась она.

По тону ответов, по тому, как Гай избегала моего взгляда, я понял — говорит неправду, и, чтобы не портить дальше наших отношений, решил прекратить допрос. Знакомство состоялось, разведка боем — тоже, теперь надо было зайти в тыл «противника», разузнать, что у него там творится.

Сославшись на важное совещание, я попрощался с Гай, пообещав вызвать ее через несколько дней.

На следующий день получил санкцию прокурора на обыск квартиры Гай, хотя и считал эту акцию уже запоздалой. Но какая-то надежда теплилась. Я не верил, что, имея такие деньги, Гай не покупала дорогих вещей для квартиры, скажем, хрустальную люстру или что-нибудь из импортной мебели. В данном случае могла пересилить женская психология: у соседей есть, а мы что, хуже?

Ошибся я. Обыск развеял мое подозрение. Семья Гай жила скромно, квартира была обставлена в пределах необходимого. Лишней мебели или особенно дорогой не имела. Скромным был и гардероб хозяйки. И что интересно — среди ее личных вещей не было ни одной импортной. А те вещи, что мы описали на случай конфискации, по свидетельству мужа, научного работника Виталия Ивановича Гая, были куплены с его ведома и при непосредственном участии. На некоторые из них сохранились документы. Например, остался паспорт на золотые часы «Заря», чеки на кулон с рубинами и перстень из золота, которые Гай подарил жене на Восьмое марта и день рождения в прошедшие два года. Еще, по свидетельству Гая, Ирина Степановна купила на свои сбережения пианино «Украина» и подарила его на день рождения дочке. Супруги Гай имели двух детей-близнецов — сына и дочку. Сын учился на первом курсе сельскохозяйственной академии, а дочка — педагогического института. Обыск мы делали в первой половине дня, когда их не было дома.

Среди бумаг у Ирины Гай мое внимание привлекла квитанция на денежный перевод на сумму триста рублей, отправленных ею в Одессу. Деньги адресованы какой-то Сормовой. Я поинтересовался, кто такая Сормова. Гай объяснил, что это его родная тетка, которой они периодически помогают материально.

Однако я решил изъять эту квитанцию, чтобы выяснить у подследственной, какие деньги она посылала родственнице — краденые или из личных сбережений.

В тот же день вечером я подвел первые итоги своей работы по делу Ирины Гай, проанализировал их. Вывод из этого анализа напрашивался такой: бывшая буфетчица, а ныне растратчица, подследственная Ирина Гай — женщина своеобразная, чувствительная, немного сентиментальная. Вину свою признает, но что-то скрывает, боится сказать правду. Или хитрит, хотя хитрость ее примитивна. Наверное, первое.

Таким образом, товарищ Трястовский, сказал я себе, действуйте энергичней, настойчивей, смелее берите бога за бороду. Вы обещали Гай вызвать ее в ближайшие дни, а вызовите раньше. Выясните все с одесской теткой, проверьте наличие сберегательных книжек на имя Гай в Киеве и Одессе, возможность хранения дорогих вещей подследственной у друзей и знакомых — и устройте ей психологический допрос. Несоответствия в показаниях будут наверняка.

Так я и сделал.

Из трех проведенных мной проверок две последние версии быстро отпали. Подследственная Ирина Гай имела лишь одну сберегательную книжку в Киеве, на которой было сто двадцать пять рублей. Родственников в самом городе и очень близких знакомых, у которых могла бы припрятать дорогие вещи, не имела. Но меня заинтересовало другое: за два месяца до растраты Гай сняла со сберкнижки три тысячи рублей. Зачем? И куда их дела? При обыске крупной суммы денег в квартире мы не нашли.

Неувязка вышла и с одесской теткой — Анастасией Павловной Сормовой. По ее свидетельству, которое мне передали одесские коллеги, выходило, что Гай возвратила ей давний долг. Сама же Гай сказала, что деньги выслала по просьбе мужа. Но тот объяснил мне во время обыска — деньги Анастасии Павловне послала жена, видимо, забыв сказать ему об этом.

Вот тут я и ухватился за кончик ниточки и на оче-

редном допросе привел Гай противоречивые показания мужа и тетки.

Она слегка растерялась и, помолчав, объяснила: одолжила у тетки триста рублей, когда гостила у нее в прошлом году.

— Зачем же вам понадобилась такая сумма? — поинтересовался я.

Гай, не задумываясь, ответила:

— Не помню, что-то купила импортное с рук. Кажется, какую-то кофту.

Я тут же заметил: во время обыска у нее на квартире не было найдено ни одной импортной женской вещи. Куда же они делись?

— Сносились, значит, и я их выбросила, — пожалала плечами Гай.

Я ей другое опровержение — показания мужа, что его жена никогда никаких импортных вещей не покупала, носит и обувь и одежду отечественную, шьет на заказ.

— Как же это понять, Ирина Степановна? Куда же вы тогда потратили деньги? Те, что взяли в буфете, и те три тысячи, что сняли со сберегательной книжки? — спросил и не свожу с нее глаз, жду, что скажет на это.

Молчала, уставившись взглядом в пол, минуту, другую, наверное, собиралась с мыслями. А потом вдруг закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Не могу, не могу вам этого сказать! Что хотите делайте — не скажу! — выкрикнула сквозь слезы. — Слышите? Не скажу!

Еле успокоил, отправил в камеру, а сам принялся размышлять. Что с ней случилось? Обманывала меня, давая ложные сведения? И не только меня, а и мужа, который до сих пор не хочет верить в растрату. Значит, у нее в душе произошел перелом, заговорила совесть?

Что ж, решил: поживем — увидим, как она поведет себя дальше, какие еще даст показания...

— Тебе еще не надоело слушать? — вдруг обратился ко мне Евгений. — А то мне кажется, я скучно рассказываю.

— Нет-нет, — возразил я. — Наоборот, интересно. Евгений рассмеялся.

— Ну, это ты, чтоб меня не обидеть. Рассказчик я, сам знаю, никудышный. Тороплюсь, забегаю вперед,

повторяюсь. Но ты не обращай внимания, тебе же главное — уловить суть, как шло развитие событий. Так я понимаю?

— Правильно, — заверил я. — Рассказывай дальше.

— А может, на сегодня хватит, будем спать? Смотри, уже ночь за окном, — решил, наверное, подразнить меня Евгений.

За окном купе и правда уже давно плыла теплая весенняя ночь, подмаргивала нам серебряными мохнатыми звездами, будто приглашая ко сну. Но спать не хотелось, и я попросил Евгения продолжить рассказ.

— Хорошо, — согласился он. — Тогда слушай дальше.

...Поразмыслив, я отправился к прокурору. К своему, Ивану Анастасьевичу. Доложить о сделанном, рассказать о странном поведении Гай на последнем допросе. Хотелось услышать мнение по этому поводу более опытного человека, послушать его совета. Ведь до того, как стать прокурором города, Иван Анастасьевич был народным судьей, много лет работал следователем, возглавляя целый отдел. Так что опыта у него предостаточно.

Он меня внимательно выслушал и посоветовал пока что не беспокоить подследственную — пускай успокоится, а мне тем временем поговорить со всеми ее товарищами по работе, поинтересоваться у соседей, не замечал ли кто за ней увлечения каким-нибудь мужчиной. Женщины в таком возрасте иногда влюбляются, как в семнадцать, и теряют голову. Во имя этой последней любви готовы на все, часто доходят до абсурда. Может, тут именно такой вариант: необходимость тратить деньги на любовника.

Предположение Ивана Анастасьевича было убедительным. Такое с Гай могло произойти. Женщина она красивая, ни работой, ни домашними заботами не перегружена, муж — научный работник, внимания ей уделял мало. Познакомилась с залетным, влюбилась, и пошло...

Ухватившись за этот вариант, я стал его, как говорят у нас, раскручивать. Поехал на вокзал и по очереди переговаривал со всеми работавшими с Гай буфетчицами, с официантками ресторана. Безрезультатно. Никто из них даже не заикнулся о том, что у нее мог быть с кем-то роман. Все в один голос возражали: это отпадает, Ирина Степановна — женщина порядочная,

верна семье, уважает мужа, любит своих детей. К слову, это отмечалось и в характеристике с работы, приобретенной к делу.

Таким образом, выходило, что наше с прокурором предположение было явно необоснованным. Что ж, в следственной практике такое бывает, и довольно часто.

Снова пошел к Ивану Анастасьевичу, снова строили версии, что заставило Гай, такую порядочную, добросовестную, авторитетную женщину, пойти на преступление, и куда она могла истратить деньги.

После долгих размышлений решили проверить, не стала ли Гай жертвой какой-то секты и не вносила ли деньги туда.

Прежде всего я поговорил на эту тему с ее мужем Виталием Ивановичем. Он категорически возразил: ничего подобного за женой не замечал, она далека от всяких верований.

Все же я проверил все зарегистрированные сектантские общины города. Ни в одной из них Гай не состояла.

Снова решил поговорить с ней. Она была приветлива, спросила меня, почему так долго не вызывал. Я сослался на большую занятость и, в свою очередь, поинтересовался: разве у нее есть для меня что-то новое?

— Есть, — стараясь показать хорошее настроение, сказала она. — Хочу признаться вам, куда дела деньги. Тогда я разнервничалась, раскричалась, что ничего не скажу, но за эти дни все обдумала и решила: зря это, надо все рассказать. Но хочу вначале заручиться вашим словом, что о моем признании никогда не узнают в семье.

Меня это удивило и насторожило одновременно. Что еще надумала эта женщина? Зачем ей мое слово?

Заверил, что материалы следствия сохраняются в тайне.

Гай тут же поинтересовалась:

— А если дело дойдет до суда?

Объяснил: можно требовать закрытого судебного заседания.

— Хорошо, тогда слушайте, — вздохнула она, выдержав паузу. И поведала мне такое, что я уж никак не ожидал от нее услышать. Поскольку два дня назад сам допускал подобную версию, и возможность ее опровергли близкие Гай люди.

Чуть больше года назад Гай задержалась допоздна

на работе и, чтобы побыстрее добраться домой, взяла тут же, возле вокзала, такси. Вместе с ней в машину сел средних лет симпатичный мужчина, объяснив, что он только с поезда и тоже торопится. Выяснилось, ехать им в одном направлении. По дороге шутили, смеялись, говорили о разных пустяках. На своей улице Гай расплатилась с водителем и вышла из машины. За ней вышел и мужчина, отпустив такси. Она спросила, зачем он это сделал, ведь — ему ехать дальше. Ответил: тут, мол, недалеко, дойдет и пешком, ему приятно еще несколько минут побыть с ней. Это, конечно, понравилось ей, но посоветовала ему быстрее идти к жене, которая, наверное, заждалась его. Но он не послушал совета и, взяв ее за руку, спросил, когда и где они встретятся. Она хотела вырвать руку, но не решилась. Однако сказала, что не к лицу приставать на улице к чужим женщинам. Это мужчину не смутило, он продолжал умолять о свидании, пронзая ее своими черными, сверкающими глазами и привораживая белозубой улыбкой. Ох, эти черные глаза, эта улыбка! Она не устояла перед ними и назвала номер рабочего телефона — пускай позвонит, тогда и договорятся. Думала, не позвонит.

Но он позвонил. На следующий же день, в конце смены. Сказал, будет ждать возле вокзала в такси.

С вокзала они поехали в ресторан «Столичный», там у него знакомый администратор. Сидели за отдельным столиком в углу зала. Танцевали. Он был веселый, предупредительный, говорил ей красивые, нежные слова.

С этого началось, а потом покатило и покатило колесо с горы да в самую пропасть. Обеды и вечера в ресторанах, прогулки по Днепру, катание по Киеву и за город на такси требовали затрат. Однажды увидела, как он, расплачиваясь за такси, отдал последнюю трешку, и ей стало неудобно. На следующее свидание взяла из выручки сто рублей, и за вечер их как не бывало. Он, правда, возражал, чтобы она платила, но не категорично. Во второй раз воспринял это как должное. А вскоре дошло до того, что, договариваясь о встрече, напоминал о деньгах, поскольку у него, мол, финансовый кризис. И она не могла ему отказать, потому что влюбилась до беспамятства, все готова была для него сделать. Не отказала и когда попросил у нее в первый раз триста рублей, и во второй. Не возражала, когда

предложил снять отдельную однокомнатную квартиру для встреч, которую тоже оплачивала она. Сто рублей в месяц. Совершенно рассудок потеряла. И вот теперь настал час расплаты...

Я спросил ее, куда она дела три тысячи рублей, которые сняла со сберегательной книжки.

— Взяла, чтобы покрыть растрату, но у меня их украли в трамвае. Теперь судите, я все рассказала, — она тяжело вздохнула и смолкла.

Некоторое время молчал и я, пораженный ее словами. Молчал и думал: верить или не верить? Рассказывала вроде откровенно, даже с подробностями. Все логично, все в пределах возможного. Но где-то там, в глубине души, на самом ее донышке, шевелился червячок недоверия. Что-то мне казалось в ее рассказе сомнительным, чего-то она не договаривала. Скажем, ни разу не назвала своего любовника по имени, кто он по профессии. И словом не обмолвилась о своей боязни перед мужем. Ведь свободно разъезжать с любовником по Киеву, танцевать с ним в ресторанах, приходить домой поздно — это все не так просто. Хотя, говорят, женщина, когда захочет, и черта обманет.

Решил все эти свои сомнения сразу рассеять.

— Хорошо, — обратился к Гай. — Все, что вы сообщили, можно проверить. Все это могло с вами случиться. Однако ваш рассказ требует многих уточнений, подтверждений. Назовите свидетелей.

Она заерзала на стуле, вытерла пот со лба. На меня старалась не смотреть.

— Понимаете, — выдавила из себя, — это же дело интимное, какие тут уж свидетели.

Я объяснил ей, что в каждом деле бывают свидетели, а в любовном — и подавно.

— Первейшим свидетелем может быть ваш любовник. Назовите его фамилию, имя, отчество, адрес.

— Нет, нет! — подскочила она на стуле. — Его я вам не назову! Ни за что! Он тут ни при чем! Я сама во всем виновата. Сама и отвечать буду!

Стал объяснять, что без свидетелей нам никак не обойтись, хочет она этого или нет. Ни одно следствие без них не обходится.

Но она не захотела и слушать, снова расплакалась, жалуясь на свою горькую долю. Потом заявила, что никаких показаний больше давать не будет.

И снова я ушел ни с чем...

— Трудная, очень трудная у вас работа, — перебил я Евгения. — Мне кажется, я бы никогда не смог работать следователем.

Евгений усмехнулся.

— Ничего сложного нет. Просто надо иметь железное терпение, выдержку и не падать духом. И они со временем приходят. Все это, как говорят, дело наживное. Так вот слушай, что было дальше...

...Ни на второй, ни на третий день Гай не дала никаких новых показаний, стояла на варианте с любовником, и баста. Назвать же его категорически отказывалась.

Что делать?

Решил сам разыскать того любовника и свидетелей, которые видели Гай с ним. Взял ее фото с фотографиями еще двух женщин и отправился в ресторан «Столичный», где, как Гай уверяла, они впервые провели вечер. Показал фото всем официантам и администраторам. Напрасно. Никто из них не узнал ее. Два дня потратил на поиски таксистов, больше года обслуживающих вокзал. Ни один из них Гай не подвозил, хотя некоторые водители знали ее, видели за прилавком буфета.

Итак, что? Все выдумала? С какой целью? Выгораживает кого-то? Но кого?

Вот такие вопросы заставили меня проверить, не было ли раньше у других буфетчиц, с которыми работала Гай, растрат. Может, подумал, они делят между собой украденные деньги и поклялись, если кто из них попадется — других не выдавать, брать все на себя.

Проверил: растрата Гай была первой за много лет.

После этого созрело новое решение: пойти и поговорить о возможности супружеской измены Гай с ее мужем, Виталием Ивановичем. Как мужчина с женщиной. Хотя и говорят, что муж узнает об измене своей жены последним, но все же узнает. Если в рассказе Ирины Гай есть хоть частица правды, то Виталий Иванович интуитивно должен был почувствовать это, заподозрить ее на какой-нибудь мелочи. Пускай он ей доверял, не обращал на это внимания, но мне должен признаться — в интересах дела. Скажу осторожно: не обижайтесь, мол, но в жизни все может быть. Вы ведь и до сих пор не верите, что ваша жена допустила растрату, а она же все-таки допустила, и сама от этого не отказывается. Почему же не может быть, что она изменяла вам, тратила деньги на амурные дела?

Вот так себя настроив, отправился к Гаю домой. «Человек он умный, поймет все правильно», — думал я по дороге.

Встретил меня Гай дружелюбно, пригласил к себе в кабинет. И я сразу открыл ему цель своего визита, сказал, что к нему привело.

Гай долго молчал, раздумывая. Потом встал, прошелся по комнате. Наконец остановился передо мной и, сдерживая волнение, сказал:

— Я хорошо понимаю вас, ваши обязанности. И допускаю — такое могло с женой случиться. Но, поверьте, я не имею оснований ее в этом заподозрить. Мы живем с ней больше двадцати лет, и эти годы были для меня счастливым временем настоящего семейного благополучия. Ирина искренна со мной, она честная, любящая жена и мать. Нет, я не имею морального права подтвердить ваши предположения. Такое, как и случай с растратой, не укладывается в моей голове.

У него вдруг задрожали губы, часто-часто заморгали за стеклами очков веки. Он извинился и отвернулся.

Мне стало жаль его. А что, если жена, которую он так обожает, все же сказала правду?

Когда я собирался уходить, Виталий Иванович, взяв себя в руки, попросил дать разрешение на свидание с Ириной. Я пообещал, надеясь, что, может быть, это свидание положительно повлияет на Гай и она на очередном допросе будет вести себя умнее, пересилит свое упрямство.

Но вышло наоборот. После свидания с мужем моя подследственная еще сильнее замкнулась в себе, не отвечала на мои вопросы, заявив, что она вину свою признает, добавить ничего больше не может и готова предстать перед судом.

Больше всего я ругал себя за то, что разрешил Гаю свидание с женой. Стал думать, что это он, Гай, научил ее, как вести себя дальше. Или сам до этого дошел, или с кем-то проконсультировался. Вот так сентиментальный интеллигент! А она, почти святая, тонкой души женщина! Так обмануть меня, юриста, следователя с почти пятнадцатилетним стажем. Я не мог себе этого простить, осуждал себя.

Но осуждай или не осуждай, а дело Гай о растрате государственных денег надо вести к финалу.

Идти снова за советом к своему прокурору, Ивану Анастасьевичу, я, честно говоря, постеснялся. До каких

пор чужим умом жить? Что значит — не нашел подхода к подследственной, не смог вызвать ее на откровенность, искреннее признание? Ведь это же не матерый рецидивист, который прошел огонь, воду и медные трубы.

И я начал искать нужный подход, думать, чем и как можно расковать замкнутость Гай, где та граница, переступив которую она откроет свою душу. Начал анализировать, сопоставлять собранные факты, противоречивые показания подследственной, ее поведение на допросах. Вспомнилось, как она избегала моего взгляда, как неумело, словно стыдясь, отвечала на вопросы, говорила чаще общими фразами и, главное, не пыталась выгораживать себя, оправдаться, и в первом, и во втором случае признавая свою вину. Все это можно было отнести в ее пользу, это свидетельствовало о том, что человек она не лишенный совести. Но то, что Гай совершила преступление, присвоила государственные деньги и не хочет признаться, куда их дела, на что истратила, отрицало первое утверждение — значит, в совести ее появилась трещина. Так чего же больше, что в данном случае перевесило?

Я решил отдать предпочтение первому варианту. Итак, Гай — женщина, с которой еще можно говорить о человеческом достоинстве, о долге человека перед коллективом, семьей, самим собой, а в целом — перед обществом. Мораль, может, и высокая, но вполне понятная.

Это был мой первый анализ. Из него вытекал второй, порожденный первым. В чем он заключался?

Из поведения Гай и на первом и на втором допросах — внутренняя сдержанность, неуверенные ответы — я сделал вывод: все она мне врала. Причем неумело, непродуманно. Это подтверждалось моей проверкой обеих ее показаний. Например, заявление о том, что деньги истрачены на приобретение дорогих импортных вещей. Таких в личном гардеробе Гай во время обыска не обнаружено. Ее показание о любовнике тоже вызывало сомнение. Если бы он на самом деле был, то, пережив один позор — растрату денег, она пережила бы и другой — измену мужу. Назвала бы фамилию любовника, тем более, что я заверил ее в сохранении тайны. Несмотря на то, что после свидания Гая с женой моя симпатия к нему несколько поблекла, я все же верил в его заверение относительно порядочности жены. В ее

пользу были и показания сотрудников и соседей о том, что она не из тех женщин, которые любят пофлиртовать с чужими мужчинами. Уж кто-нибудь, да заметил бы, ведь шила в мешке не утаишь. Женщина она заметная, и ее вспомнили бы или таксисты, или в ресторане «Столичный».

Тут было что-то иное. Но что?

Голова распухла от мыслей, а придумать, какую правду скрывает Гай не только от меня, следователя, но и от мужа и детей, не мог.

Казалось, я попал в тупик, из которого не выйти. И неожиданно — мысль. Простая, как мир: дети. Почему Гай ни разу в наших беседах не вспомнила о своих детях? Хотя бы одним словом, хотя бы намеком. Будто их у нее и не было. Стыдно? Не хочет лишний раз травмировать душу? Да никуда от этого не денешься. Материнское чувство в любой ситуации берет верх.

Вот за это-то я и ухватился, как утопающий за соломинку, решил опровергнуть все предшествующие показания Гай убедительными доказательствами, а заодно поговорить с нею о детях, призвать ради сына и дочери к рассудительности.

Продумав в деталях предстоящую беседу, я заготовил несколько новых вопросов и отправился к Гай.

На сей раз она встретила меня сдержанно, все время, пока говорил, молчала. Ни словом не отозвалась и когда закончил. Наблюдая за ней, я подумал: «Игнорирует или размышляет над моими доказательствами?» Может, раздумывала, поскольку выглядела не равнодушной, а напряженной, сосредоточенной. Я решил, что это как раз тот момент, когда мне надо брать быка за рога: она колеблется, не может мне ни возразить, ни выдвинуть контрдоводы.

Выдержав паузу, я спросил:

— Вы не возражаете против моих доказательств, что и первое, и второе ваше признание — выдумка?

Гай не ответила.

Тогда я задал ей другой вопрос:

— Скажите, Ирина Степановна, кого из своих детей вы больше любите — сына или дочь?

Наверное, любых вопросов ожидала она от меня, только не этого. Ее словно поразило током или обдало холодным ветром. Она содрогнулась, выпрямилась на стуле и впервые за время встречи подняла на меня свои большие, грустные, но красивые и в печали глаза.

— Простите, а зачем это вам? — вымолвила чуть слышно.

— Хорошие они у вас. Видел их, переживают за вас, ведь взрослые уже. Думают, наверное: и зачем матери понадобились эти деньги?

И лед тронулся. Гай внимательно, с укором снова взглянула на меня, и из глаз ее покатились слезы. Она не всхлипывала, не голосила, как это делают другие. Просто сидела напротив меня и тихо плакала.

Я не стал ее успокаивать, не предлагал выпить воды. Это было бы лишним. Молчал и ждал.

А она продолжала плакать, не вытирая слез. Слезы катились по щекам, падали на кофту, на полные руки, что неподвижно лежали на коленях.

Наконец вытерлась кончиком косынки, накинутой на плечи, извинилась и заговорила:

— Сегодня мне очень тяжело. Придите завтра, и я вам все расскажу. И поверьте — на этот раз чистую правду...

Евгений смолк, глянул в окно купе.

— Интересно, где мы сейчас едем? — спросил не то меня, не то себя.

За окном чернела ночь, где-то в самой ее глубине сверкнули и погасли несколько электрических огней — может, в поле работали тракторы, — и снова темень непроглядная, и однообразный перестук колес на стыках рельсов, и покачивание вагона.

— Зачем тебе знать, где мы едем? — заметил я. — Рассказывай дальше.

— Что, заинтриговал? — спросил он. — Подожди, дальше будет еще интереснее.

Но в тот вечер Евгений больше ничего не рассказал, поскольку за окном неожиданно засияли огни какой-то станции, поезд остановился и в наше купе вошли два пассажира. Началось знакомство, завязался разговор, и Евгений подмигнул мне: «Дорасскажу завтра утром».

Я понимал его, он не хотел говорить об этом дальше при посторонних. А может, и устал, рассказывая.

3

Утром, наскоро позавтракав, мы, чтобы не мешать соседям по купе, вышли в коридор вагона, и там, стоя у окна, Евгений продолжил свой рассказ.

— ...Честно говоря, я не очень верил в то, что на сей

раз Гай выложит, как она пообещала, правду. Но какая-то надежда теплилась. Мое напоминание о детях, наверное, разбредило ей душу, задело в ней именно ту струну, какой я до сих пор не касался.

На встречу со мной она пришла спокойной. В глазах таилась печаль. Наверное, многое за ночь пережила, передумала.

— Я обещала вам вчера и говорю сегодня: на этот раз расскажу истинную правду, — произнесла тихим, ровным голосом, заняв свое обычное место на стуле напротив моего стола. — То, что до сих пор говорила о себе, — ложь, за которую мне стыдно.

Я ответил, что буду рад услышать от нее правдивое признание, и приготовился слушать.

Закончив в родном селе восемь классов, отправила документы в Одесский торговый техникум. Получила вызов и на первом же экзамене провалилась. В село, конечно, не вернулась, поступила на курсы продавцов. Закончила их и стала работать в овощном магазине. Сперва жила на частной квартире, а потом получила место в общежитии. Жила не тужила. Работа нетяжелая, вечерами танцы, кино, концерты, в выходные дни — пляж. Для сельской дивчины — не жизнь, а сказка.

Через год или чуть меньше познакомилась с парнем, студентом сельскохозяйственного института. Подружились. Он был старше ее на пять лет. Искренне привязалась к нему, полюбила. Признался в любви и он. Решили пожениться. Зарегистрировались на другой же день после его выпускного вечера. Виталий Гай получил назначение в большой зерносовхоз Николаевской области, и они сразу поехали туда.

Жили хорошо, мирно, счастливо. Он работал агрономом, она — в совхозной конторе учетчицей.

Но прошел год, другой, пошел третий, а семья у них не увеличивалась, не было детей. Мужа, днем и ночью занятого работой, это как-то не волновало, а она всполошилась: в чем же дело? Осмелилась как-то сказать об этом мужу, а он усмехнулся: не переживай, мол, будут еще у нас дети.

Но беспокойство у нее не проходило. Особенно задумывалась над этим весной и в жатву, когда муж допоздна задерживался в поле. Как ей тогда не хватало детей! Вместо того чтобы сидеть у окна и высматривать мужа, она занималась бы дочкой или сыном, кормила

бы, укладывала спать, рассказывала на сон сказки, как когда-то рассказывала ей мать. И вообще, как было бы приятно слышать в квартире звонкий детский смех.

После долгих раздумий она тайком от мужа поехала в районную больницу и записалась на прием к гинекологу. Пожилая женщина внимательно выслушала ее, еще внимательней обследовала и сказала, ничего не скрывая:

— Дочь моя, детей у тебя не будет.

Это был удар в самое сердце. Она в слезы.

— И ничего нельзя сделать? — спросила врача с отчаянием в голосе.

— Нет, доченька, — развела руками гинеколог. — Ничего.

Не поверила. Через месяц отпросилась на несколько дней с работы, сказала: надо съездить к родителям, а сама поехала в Одессу. Остановилась там у одинокой тетки мужа Анастасии Павловны Сормовой. Нашла хорошего гинеколога, пошла на прием.

Тот же диагноз.

Грустная, убитая горем, возвратилась домой. Значит, ей никогда не быть матерью, не испытать материнского счастья. А как же муж посмотрит на это? Может, дойдет до развода? Зачем она ему такая? Нет, нет! Она его слишком любила, чтобы допустить развод.

Решила пока молчать. Еще молодые, проживут без детей, а там как получится.

Мужа пока это дело не очень волновало. Тем более что он ударился в науку: занимался селекционными опытами, готовился к поступлению в заочную аспирантуру. Дети ему в какой-то степени даже помешали бы.

Шло время. Она стала потихоньку забывать о своем горе, смирилась с ним. Как и раньше, работала в конторе, не отказывалась от общественной работы, выходила на субботники и воскресники, всегда находила себе какие-то дела дома.

Однажды возвратился домой муж и сказал несмело, что ему, как молодому специалисту, предложили поехать на год поработать за границу. Но одному, без семьи. Что делать? Как, мол, ты на это смотришь?

Она сперва расстроилась от такой неожиданности, а потом у нее молниеносно сработал сметливый женский ум: а что, если?.. Это же чудесный случай! Пускай едет! За этот год так можно все организовать, что комар носа не подточит.

Выдержав паузу, сказала, что тоже хотела бы пожить за границей, но если таковы условия — пускай едет сам. Это ему на пользу, а она будет ждать, год — не так уж и много.

Муж был ей очень благодарен за такое решение, ведь думал, что жена не позволит ехать одному.

И вот он уехал, а она стала настойчиво обдумывать свой план, рожденный в голове в связи с его неожиданным отъездом. Через месяц или полтора, когда все было окончательно решено, поделилась с мужем радостью, написала в письме, что она в положении.

Он, конечно, ответил, что очень рад и счастлив, называл ее наинежнейшими словами, просил беречься, советовал, если надо, бросить работу.

Итак, начало хорошо продуманного плана было сделано, и она стала выполнять его дальше. Пустила среди женщин конторы слух, что беременна. А чтобы выглядеть в подобающем виде, через определенное время стала повязывать на животе специально пошитый пояс.

Через полгода подала заявление об увольнении, мотивируя тем, что поедет рожать к родителям, хотя на самом деле боялась разоблачения своей лжебеременности. Ведь там, в совхозе, к ней могли и соседи, и знакомые неожиданно нагрянуть, да и на учет в поликлинику пора было становиться.

Рассчиталась и уехала. Но уехала, конечно, не к родителям, а опять в Одессу. Нашла хозяйку, у которой когда-то жила, и попросилась пожить на квартире три месяца. Сказала, что приехала на курсы переподготовки... Деньги уплатила вперед.

После этого написала мужу, что она, как он ей и советовал, бросила работу, приехала в Одессу, устроилась на старую квартиру (к его тетке, Анастасии Павловне, не пошла, чтобы не утруждать старушку своими хлопотами), прикрепилась к поликлинике и под присмотром врача ожидает потомства. Так что пусть он не беспокоится, все будет хорошо.

Сама же тем временем в справочном бюро узнала адреса всех Домов ребенка и по очереди объехала их, расспрашивала, какие у них правила, чтобы взять ребенка.

Правила всюду были одинаковы: ребенка можно взять, оформив все, как необходимо, соответствующими документами.

Это ей не подходило, и она занялась поисками дру-

гих путей, возлагая надежду на деньги. Муж оставил ей немалую сумму.

В Доме ребенка на улице Канатной она познакомилась с его заведующей, молодой, красивой женщиной. Рассказала ей о своей горе и попросила помочь. Пообещала хорошо заплатить. Заведующая от денег категорически отказалась, но пообещала помочь. У них, мол, случается, когда молодые матери, несмотрительные девчонки, легкомысленно отказываются от детей, и с ними можно договориться.

Она навещивалась на Канатную каждые два-три дня. Так прошел месяц, другой, заведующая разводила руками — ждите. Гай начала волноваться: казалось, все срывалось.

И вот наконец заведующая встретила ее улыбкой: — Танцуйте, вам повезло. Нашлась-таки мамаша, но... У нее двойня. Мальчик и девочка. Хорошенькие, а она, дурочка, отказывается. Говорит, если бы хоть один ребенок, а так кто ее с двумя детьми возьмет? И родители ей этого не простят, из дома выгонят, проклянут.

Услышав такое, Гай, конечно, расстроилась. Двое — ей тоже страшно, на двоих она никак не рассчитывала.

А заведующая подбадривала:

— Да вы не бойтесь, справитесь. Сперва будет трудно, а потом привыкнете. В вашем положении это как раз и хорошо, будет основание больше не рожать, — и хитро усмехнулась. — Двое есть, и хватит. Тем более, что это мечта многих родителей — иметь сына и дочку. Решайтесь — такое редко случается.

Быстро взвесила все «за» и «против». И правда, живут они неплохо, материально обеспечены. Вот и заведующая верно говорит: один ребенок — не ребенок. Двое — то, что надо. Еще как по заказу — мальчик и девочка. Лучшего и желать нельзя.

Махнула рукой — пусть будет.

В тот же день заведующая познакомила ее с матерью детей. Та была рослой, симпатичной девчонкой, которой только исполнилось девятнадцать. Как раз такой возраст, когда полно ветра и танцев в голове. Вот и дотанцевалась с каким-то солдатом. Звали ее, кажется, Марией, а фамилию она не помнит: какая-то непривычная, молдавская. Родила детей месяц назад, но лежала с ними в больнице — роды были тяжелыми, и ее продержали, пока подправила здоровье. Теперь вот сда-

ла их сюда, в Дом ребенка. Детки здоровы, но... зачем они ей в девятнадцать лет? Она же еще и на свете не пожила.

Услышав такое от горе-матери, Гай решила взять детей немедленно. Но заведующая велела им прийти после обеда: кого-то не было в регистратуре, чтобы выдать документы на детей.

Пришли. Заведующая взяла у матери заявление о том, что она забирает детей, наложила резолюцию. В регистратуре записали в толстой книге: такого-то числа, в такое-то время выданы матери двое ее детей, мальчик и девочка, здоровыми, с полным комплектом белья, — а также возвращено свидетельство больницы с датой рождения детей, которое тут хранилось.

На прощание заведующая проконсультировала Гай, как и чем искусственно кормить детей, пожелала счастья и добра.

В сквере, за Домом ребенка, Мария передала Гай близнецов, тоже пожелала всего наилучшего и быстро пошла по аллее, словно от кого-то убегая. А Гай осталась стоять с двумя белыми свертками на обеих руках, не зная, в какую сторону идти, чтобы побыстрее добраться до стоянки такси. План ее дальше был такой: поехать к тетке мужа Анастасии Павловне с сюрпризом — вот, мол, родила вам двух внучат, принимайте на временный постой.

Поразмыслив, решила свернуть налево, откуда слышались гроыхание трамваев и шум машин. Поправила на руках детей, что мирно спали в белоснежных свертках, и пошла по дорожке. Но не прошла и десяти шагов, как услышала за собой поспешное цоканье женских каблуков. Оглянулась и... в груди похолодело: к ней спешила Мария. «Неужели передумала?» — испугалась. А та догнала ее и, отдышавшись, протянула белый, вчетверо сложенный лист бумаги.

— Простите, я забыла отдать вам свидетельство о рождении, — кивнула на детей. — Уже выходя из сквера, вспомнила. Думала, не догоню вас.

У Гай отлегло на душе, она облегченно вздохнула. — Спасибо.

И они снова разошлись в противоположные концы сквера.

Гай уже приближалась к выходу, как вдруг снова услышала за собой торопливые шаги. Но на этот раз не мелкие, женские, а тяжелые, мужские. Оглядываться

не стала, мало ли кто может за ней идти. Взяла вправо, чтобы дать дорогу. Но тот, кто шел за ней, очевидно, не собирался обгонять, окликнул негромко:

— Женщина, подождите!

К ней подошел среднего роста еще молодой человек, круглолицый, русый, чуб волнами, словно завитой, хорошо одет.

— Здравствуйте, и давайте присядем, — показал на скамейку, напротив которой они остановились. — Я с вами хочу поговорить.

Гай насторожилась.

— О чем нам говорить? Я вас не знаю.

Молодой человек усмехнулся, сверкнув золотой коронкой на одном из верхних передних зубов.

— Вот я и предлагаю познакомиться, а потом скажу, что хочу от вас. Садитесь, садитесь, не бойтесь. Я вас не укушу. Ведь вы с детками, — показал глазами на ее руки.

Хорошо зная одесских проходимцев, Гай наотрез отказалась садиться с неизвестным и, повернувшись, хотела идти дальше. Но золотозубый оказался не из тех, кто отступает после первой неудачи. Он легонько взял ее за локоть и тихим голосом пояснил, что хочет она того или нет, а сесть и выслушать его обязана. Кроме того, ей пора отдохнуть, поскольку, наверное, у нее уже заболели руки, держа этих крошек.

Улица была недалеко, по тротуару в обе стороны шли люди, и она решилась сесть, поскольку и вправду у нее заболели руки. Да и заинтересовалась, что же, в конце концов, скажет ей этот нахал.

Он не заставил себя долго ждать. Не назвав своего имени и фамилии, сразу сообщил, что детки, которых она взяла от молодой и неразумной матери, — это кровные, то есть он их законный отец. И если она хочет стать мамой, то должна немедленно, сейчас же, дать ему две тысячи рублей, и он тогда помашет ручкой и пожелает доброго здоровья, а детки пускай растут большими и будут такими умными, как их папа.

«Шантажирует, — мелькнуло у нее в голове. — Видел, как Мария передавала детей, и решил на этом заработать».

— А если не дам? — глянула на него сурово.

— Вам же будет хуже, мадам, — ответил он спокойно. — Ваш секрет раскроется, о нем узнают родственники, соседи, знакомые. А детям как будет, когда

они со временем узнают, каким путем вы их приобрели? Думаю, за это мало дать мне две тысячи. Но я не скряга. По тысяче за ребенка. Ну как, договорились?

Это было невероятное нахальство! Как он обо всем узнал? Откуда?

Решила проверить, спросила.

Он скупно усмехнулся, снова блеснув золотой коронкой.

— Мадам, я все о вас знаю, всю вашу биографию. Так что не теряйте времени, гоните деньги. Иначе я позову милиционера и заявлю, что вы украли моих детей. Все у вас полетит вверх тормашками, поимеете кучу неприятностей. А зачем они вам?

Он был прав, этот проходимец и шантажист.

Решила согласиться. Но у нее не было двух тысяч. Только полторы. Сказала ему об этом.

— Не беда, — ответил. — Давайте полторы, а завтра, в это же время, принесете сюда же пятьсот — и у меня к вам никаких претензий.

Деньги он не пересчитывал, сунул их во внутренний карман пиджака, раскланялся и пошел к выходу из сквера...

— Он что, правда о ней все знал, этот проходимец? — перебил я Евгения. — Откуда?

— Понимаю твое возмущение, — ответил Евгений, — но должен тебя разочаровать: об этом, как ты говоришь, проходимце я пока что ничего не знаю. Не знает и Гай, хотя он принес ей немало горя. Не будем забегать вперед, слушай, как развивались события дальше, а то я не успею рассказать тебе эту историю до Одессы.

...Итак, оставшись в сквере на скамейке с двумя детьми, обиженной и ограбленной среди бела дня, Гай растерялась, не знала, что делать, куда деться. Первой была мысль — как можно быстрее уехать из Одессы, чтобы снова не попасть на глаза этому шантажисту. Но куда? К родителям? Боялась, что надо будет объяснять все о детях. Домой в совхоз? Раннее возвращение могло вызвать подозрения. Если бы хоть не двойня! Да и ехать ей, собственно говоря, было не на что. Все деньги отдала, еще и завтра надо донести пятьсот рублей, чтоб и правда не наделал неприятностей.

Таким образом, выход у нее был один — ехать к тетке Анастасии. Она и посоветует, и поможет. И деньги у нее надо одолжить, с тем нахалом рассчитаться, и

на дорогу, и детям что-нибудь приобрести. Коляску двухместную купить, а то тяжело двойню на руках носить.

Так поразмыслив, она набрала в кошельке несколько рублей и поспешила на поиски такси, поскольку один из близнецов начал плакать.

Неожиданное появление ее у тетки, да еще с двумя детьми, было громом среди ясного дня. Тетка от радости — в слезы, и расспрашивать: как и что? А потом упрекать: почему не написала, что тут, в городе, лежала в больнице? Она бы и проведала, и забрала бы. Разве ж это мыслимо, с двумя детками одной через весь город ехать?

Еле успокоила, заверила, что все хорошо, ничего страшного, просто не хотела беспокоить, ведь и так задаст ей теперь хлопот. Хорошо, что та по наивности своей верила каждому ее слову.

Пользуясь этой доверчивостью и любовью тетки, она попросила ее одолжить деньги, необходимые якобы на подарки медсестрам, нянечкам, врачам роддома за прекрасный уход.

В условленный час Гай встретила в сквере с тем проходимцем, отдала ему остальные пятьсот рублей.

— Вы поступили разумно, мадам, — похвалил он ее, пряча деньги, снова не пересчитав. — Желаю вам счастья, — и поспешно исчез.

У Гай начались новые проблемы: она боялась, как бы чего не случилось с детками от искусственного кормления. Тетке сказала, что у нее после родов исчезло молоко. Но все обошлось, близнецы чувствовали себя нормально.

Через месяц Гай возвратилась домой, а вскоре возвратился из заграникомандировки и муж. Был очень рад детям (еще в письмах об этом писал).

— Я же говорил, что будут у нас дети! И видишь, сразу двое! Это же здорово! Молодчина, Ирочка!

А она размышляла над новой проблемой: как записать деток, узаконить. Ведь у нее не было документа, что она родила их там-то и там-то такого-то числа, месяца и года. Тут же справку, какую ей отдала Мария, порвала еще в Одессе, чтобы случайно не попала на глаза тетке Анастасии.

Был единственный выход — взять такую справку в своей участковой больнице. Объяснить: потеряла, мол, ту несчастную бумажку, не ехать же ради нее в Одессу.

Выбрав момент, осторожно сказала об этом мужу. Он поддержал ее.

— Не ломай себе голову, я с заведующим больницей все устрою.

И конечно, устроил. Детей зарегистрировали в сельсовете, назвав их Сережей и Аленкой, получили свидетельства о рождении, и, как говорят, делу конец.

Прошло пять лет. Гай так привыкла к детям, так полюбила их, что они и вправду казались ей родными. И те неприятности, которые довелось ради них пережить, постепенно забывались, казались кошмарным сном. Хотя нет, ее не раз ночами, да и днем, когда оставалась в квартире одна, мучили сомнения, что она обманывает мужа. Смотрела на детей и плакала. Не решала признаться Виталию, но тут же и отбрасывала эту мысль: а что, если не простит? Зачем ему чужие дети и она, неспособная иметь своих. И это сдерживало ее, Ирина откладывала свое признание.

Дети ходили в совхозный детсадик, она, как и раньше, работала в конторе, муж стал главным агрономом. Достаток, мир и согласие царили в их семье. И вдруг снова нагрянула беда...

Однажды, когда муж был в командировке, к ней домой явился тот самый одесский проходимец, которому она заплатила за детей и которого уже выбросила из своей памяти.

— Добрый день, мадам, — вежливо поздоровался он с порога, извинился за беспокойство и объяснил, что его привели к ней большие затруднения: ему позарез нужны деньги. Он понимает, что это с его стороны нахальство, но ему больше не к кому обратиться. Кстати, как там детки? Живы-здоровы? Он и так знал, что им у мадам Ирины будет хорошо. Пусть большими растут, а она должна быстренько найти для него три тысячи. За пять лет, что прошли после первой их встречи, это не так уж и много.

Услышав такое, она обомлела.

— Да как вы смеете? — спросила дрожащим голосом. — Как вам не стыдно ни за что вымогать такие деньги?

Он расплылся в усмешке, сверкнув коронкой.

— Не преувеличивайте, мадам. Я не граблю, прошу свое. Помните, в Одессе я вам говорил, что беру мало. Теперь пришло время доплаты. Дети этого стоят. И не проявляйте эмоций, берегите нервную систему.

— Вы же проходимец!

На него это не подействовало.

— Каждому свое, мадам, — сказал спокойно и тут же добавил: — Я тороплюсь, поторопитесь и вы, пожалуйста.

Деваться было некуда. Часть денег нашлась дома, а остальное пришлось снять в сберегательной кассе.

Когда отдавала деньги, попросила больше ее не беспокоить. Взывала к его совести.

Усмехнулся проходимец, сказал, что постарается, еще раз пожелал ей и деткам доброго здоровья, попрощался и ушел.

Тогда-то Гай и потеряла покой. Этот нахал стал ей сниться. У нее теперь не было уверенности, что в какой-то день он не заявится снова к ней и не станет вымогать деньги. И тогда она, вопреки себе, против своей воли стала экономить деньги, откладывать каждый лишний рубль на сберкнижку, чтобы иметь какой-то запас. Делала это тайком от мужа и все время не переставала думать, как избавиться от этого одесского проходимца.

После долгих раздумий она однажды завела разговор с мужем, не пора ли им куда-нибудь переехать: засиделись они тут, надоело. Да и для него никакой перспективы, хоть и в аспирантуре учиться.

— Но куда? — не стал возражать муж.

Он любил ее и всегда был готов сделать для нее все, что она скажет. А после того, как «родила» сына и дочку — тем более.

Выдержав паузу, сказала:

— Хорошо бы поближе к Киеву.

Через год они оказались в Буче, под Киевом, там жил старый приятель Гая, который дал им приют. Муж устроился на работу в Киеве, она в Буче на станции — кассиршей. Заработки у обоих были скромнее, чем там, в совхозе, но им хватало.

«Тут уж он меня не найдет», — думала Гай об одесском проходимце и снова стала понемногу забывать о нем.

А дети тем временем уже подросли, ходили в школу, неплохо учились, радуя родителей. Чем старше они становились, тем больше ответственности чувствовала Гай за них, проявляла еще большую заботу, крепче любила.

Сергей и Аленка отвечали ей не меньшей любовью, и Гай не раз мысленно отмечала, что она все-таки сча-

стлива и должна быть благодарна своей судьбе. И на работе, и дома была всегда веселой и жизнерадостной. Если бы кто понаблюдал за ней со стороны, сложилось бы мнение, что у этой женщины никогда не было неприятностей, она не знает, что такое грусть и слезы.

Но неприятности и дальше преследовали ее. Заканчивался третий год их пребывания в Буче, как однажды этот проходимец появился у нее. Подстерег, когда возвращалась с работы домой, и в той же манере сказал:

— Прошу прощения, мадам, снова обстоятельства сложились так, что я вынужден обратиться к вам. Понимаю — с моей стороны это уже большое свинство, но... ничего не могу поделать, каждый исходит из своих интересов. Короче говоря, приготовьте мне на завтра пять тысяч, и пускай наши детки будут здоровы. Деньги держите при себе, я найду момент подойти к вам. Только не вздумайте кому-нибудь говорить обо мне. Понятно?

— Но вы же обещали... — попробовала Гай уговорить его.

Но он был неумолим.

— Говорю же вам — обстоятельства. До свидания...

Своих пяти тысяч у Гай не набралось, и она кинулась занимать деньги у знакомых.

Назавтра, улучив момент, когда возле кассы не было людей, одессит заглянул к ней в окошечко.

— Добрый день, мадам. Я весь к вашим услугам, — и воровато оглянулся.

Она поняла — боится, и решила на этот раз пригрозить.

— Если вы не дадите слово, что это в последний раз, я заявлю о вас в милицию.

Тот елеяно усмехнулся в ответ.

— С вашей стороны это будет очень неразумно, мадам. Во-первых, вы не сможете ничего доказать, поскольку не имеете ни одного свидетеля. Во-вторых, это совсем не в ваших интересах, ведь раскроется секрет с детьми, и кто знает, как на это посмотрит ваш муж. И в-третьих, никакого слова я вам дать не могу, поскольку не знаю, как сложится дальнейшая моя судьба. Но ваше пожелание буду иметь в виду. А теперь деньги, быстренько! — и протянул в окошечко руку.

Проводив его взглядом к выходу, она заплакала: поняла, что на всю жизнь попала во власть этого нахала, что он еще не раз придет к ней вымогать деньги и она

покорно будет отдавать их. Одолжит, продаст все свое добро, а отдавать будет...

Предчувствие не обмануло ее. Он снова пришел к ней, но на этот раз через значительно больший промежуток времени. Через пять лет, когда Гай уже получили квартиру в Киеве, когда Сергей и Аленка стали студентами, а Виталий Иванович — кандидатом сельскохозяйственных наук.

Она работала буфетчицей ресторана на вокзале Киев-Пассажирский. Муж настаивал, чтобы бросила работу, отдохнула, но она не соглашалась. Пока дети не получат образование, будет работать. К тому же надо тайком откладывать деньги для очередного визита шантажиста.

Пришел одессит прямо на квартиру, когда была дома одна. Вначале даже не узнала. Постарел, осунулся. Очень старили его усы. Как всегда, начал с извинения и с того, что пусть она ему поверит — это его последний визит. На сей раз он, мол, дает слово джентльмена, что больше никогда не побеспокоит ее, у него все же есть совесть. Но в последний раз она должна дать немного больше, чем до сих пор... Десять тысяч. В последний раз.

— Нет, вы все-таки человек без сердца! — возмутилась Гай. — Говорите о совести, а ее у вас и капли нет! Усмехнулся, сверкнув золотой коронкой.

— Я же вас заверил, мадам, что это в последний раз. И совесть у меня есть. И о том, что вы деньги не печатаете, знаю. Поэтому и не требую от вас двадцати или пятнадцати тысяч, а лишь десять. Вполне реально, исходя из ваших условий. Если вы сейчас не имеете такой суммы, найдите половину, остаток я подожду. Думаю, за месяц-полтора вы организуете еще пять тысяч, а я приеду и заберу. Кстати, как детки? Уже студенты? Вот видите, как у вас все хорошо сложилось. Живете в Киеве, детки учатся в вузах, муж — кандидат наук. И вы неплохо устроились, — подморгнул. — Нет-нет, десять тысяч вам под силу, мадам. Значит, договорились?

Гай решила поторговаться.

— Десять тысяч не дам, такой суммы у меня нет, — заявила твердо. — Дам пять, и напишите расписку, что это в последний раз, я вам больше не верю!

— Да меня, мадам, друзья засмеют, когда узнают, что я начал раздавать расписки. Только слово джентль-

мена! — И посерьезнел. — А что касается пяти тысяч, то это, поверьте мне, мало. Но если у вас с финансами и правда туго, я могу немного поступиться — восемь тысяч. И то лишь из уважения к вам, мадам.

Может, проходимец взвесил, что, если Гай упрется, то он может и ничего не получить.

Она стояла на своем.

— Пять тысяч и расписку.

Тогда он пошел в наступление:

— Мадам, я знаю, где работает ваш муж, и через полчаса буду у него...

— Но, поверьте, у меня и в самом деле нет такой суммы, — чуть не сквозь слезы проговорила она.

После долгих пререканий Гай все же согласилась на восемь тысяч, а он еще раз дал слово чести, что это в последний раз, что больше не побеспокоит ее.

Три тысячи рублей у нее были дома, сняла перед этим со сберкнижки — собиралась купить наконец новую мебель. Гай отдала их, а остальное пообещала выдать через два месяца, хотя где их возьмет, не знала.

Вот эта история и толкнула ее на преступление, заставила запустить руку в государственную кассу. Шантажист приехал за деньгами ровно через два месяца. А первая же ревизия обнаружила недостачу, которую Гай не смогла скрыть, и, как говорят, час расплаты настал.

Евгений смолк, перевел взгляд на окно, за которым замелькали дачные домики в садах, линии электропередачи, стены новостроек, высокие краны над ними.

Начинался пригород. Поезд прибыл в Одессу.

4

Уже вечером, накупавшись в море и отдохнув с дороги, я спросил Евгения:

— Значит, в третий раз ты ей поверил?

— А ты знаешь — поверил, что наконец она рассказала всю правду.

— Ее, конечно, за растрату судили? И сколько же дали? — поинтересовался я.

— Нет, до суда еще далеко, — ответил Евгений.

Меня это удивило.

— Как так далеко?

— Вот так. Ведь следствие еще не закончилось. Именно по делу Гай я и приехал в Одессу. Надо все,

что она мне рассказала, проверить, подтвердить свидетельскими показаниями людей, причастных к ее делу, документами. А может, и экспертизой, как это пришлось уже сделать в Киеве.

Я вопросительно посмотрел на Евгения: не говори, мол, загадками.

Он прошелся по комнате.

— Не понимаешь? Ну так слушай дальше, ведь на том, где я остановился, дело Ирины Гай не закончилось. Оно, собственно, еще продолжается.

...Рассказав свою историю с детьми, с одесситом-шантажистом и растратой государственных денег, Гай еще раз заверила меня, что это сушая правда, что она готова поклясться. Я попросил ее изложить свой рассказ на бумаге. Написала и подписалась, одновременно пояснив, что ее предыдущие показания ложные и она от них отказывается.

Как я уже сказал тебе — поверил Гай, но закон требует: проверить, подтвердить показания подследственного. Начал с того, что решил отправить Гай на гинекологическое обследование, которое бы засвидетельствовало — рожала она детей или нет, а если не детоспособна, то почему. Деликатно, чтобы не обидеть, сказал ей об этом. Не стала возражать, наоборот — сразу согласилась.

Но представь себе мое положение, когда гинеколог специализированной клинической больницы, куда была направлена Гай, документально заверила, что та рожала детей.

Гай в слезы:

— Что же теперь будет, Евгений Владимирович?

Я тоже расстроился. И правда, как быть?

На другой день поехал к районному прокурору и уговорил его вынести постановление о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы. Прокурор согласился, отметив в постановлении: поручить проведение экспертизы Киевскому областному бюро судмедэкспертиз.

Экспертиза была проведена через неделю под наблюдением доктора медицинских наук, заведующей гинекологическим отделением и установила, что Гай Ирина Степановна, такого-то года рождения, физически здорова, детей не рожала и не может рожать.

Первая гора с моих плеч свалилась. Подколов документ судмедэкспертизы к последнему письменному признанию Гай в деле, я просидел в своем кабинете целый

вечер. Записал в рабочем блокноте множество вопросов, которые должен решить в Одессе, и отбыл в командировку, которая началась встречей с тобой. Вот теперь пока что все, — закончил Евгений. — Вопросы будут?..

В первую очередь я поинтересовался шантажистом. Ведь его надо немедленно разыскать и судить. Сколько он задал горя бедной женщине?

— А если Гай придумала его? — остудил мой запал Евгений. — Нет, я пока что буду искать подтверждение достоверности того, как она приобрела детей, проверю другие ее показания.

— Но ведь прошло же столько лет, — выразил я сомнение. — Удастся ли все подтвердить?

— Если я этого не сумею сделать, грош мне цена как следователю, — дружески похлопал меня по плечу Евгений и предложил сходить искупаться перед сном.

Вечернее море было тихое, ласковое, прогретая за день солнцем вода такой приятной, что мы барахтались в ней больше часа, не хотелось выходить.

Спать легли поздно. Евгений уснул сразу, а я еще долго думал о сложной судьбе неведомой мне Ирины Гай, над тем — виновна она или нет в том, что совершила. С одной стороны, виновна, дважды нарушила закон, с другой... совершила добро, стала неродным детям родной матерью, вырастила их, воспитала. Ведь кто знает, как бы сложилась их жизнь, если бы остались без матери в Доме ребенка.

Все же удивительно переплелись здесь понятия добра и зла, преступность и гуманность.

5

На другой день Евгений возвратился из города поздно вечером. Был усталый, не в настроении. Я заметил это сразу и не стал расспрашивать, как дела, ждал — расскажет сам.

И он не заставил себя долго ждать. Сразу после ужина, стоя на пороге веранды, пожаловался:

— Неудачный у меня сегодня день, почти ничего не сделал из запланированного.

Неудачи начались с самого утра. Поехал в городскую прокуратуру доложить о своем прибытии и начале работы в городе, но... прокурор отбыл в срочную командировку.

Не было и заместителя прокурора, вызвали в горком партии. Поговорив несколько минут с симпатичной секретаршей, он решил взяться за дело без благословения прокурора.

По свидетельству Гай, Дом ребенка, из которого она взяла детей, находился на улице Канатной. Поехал туда, а от того дома уже и следа не осталось. Вместо него высился новый, девятиэтажный. Он расспрашивать, куда же переехал Дом ребенка. Выяснилось — в новый район, на улицу Зодчих.

Отправился туда, нашел. Но появились новые сложности — весь персонал Дома ребенка сменился, и никто ничего не мог ему рассказать. Решил найти бывшую заведующую, которая должна была помнить историю с близнецами. И не только помнить, а и помочь найти документы, которые подтвердят правдивость рассказа Гай. Взял адрес, поехал, а ее... нет дома. Только завтра вернется из отпуска.

— Так вот и приехал ни с чем, — громко вздохнул Евгений.

Мне стало жаль его, и я неожиданно для себя предложил:

— А знаешь что? Возьми меня своим помощником.

— Зачем тебе такие хлопоты? — удивился Евгений. — Пиши себе, купайся в море...

Но я загорелся своей идеей и стал переубеждать его, доказывать, что мне интересно и полезно увидеть собственными глазами, как работает следователь.

Евгений скупно усмехнулся.

— Что ж, если хочешь — поедem завтра к бывшей заведующей Домом ребенка, будешь у меня в роли практиканта. Но предупреждаю: в мой разговор не вмешиваться, ничему не удивляться, многозначительных взглядов на меня не бросать. Малейшая неуместность во время допроса свидетеля может насторожить, свернуть его не в ту сторону.

Я пообещал, что буду молчать, как рыба.

6

Дверь нам открыла еще не старая, статная женщина в пестром длинном халате. Красивая прическа, лицо чистое, без единой морщины. На левой щеке небольшая родинка.

— Я вас слушаю, — смерила нас пристальным взглядом прищуренных зеленоватых глаз.

Евгений представился ей, показал удостоверение и попросил разрешения войти: мы, мол, ненадолго, просто нужно, чтобы вы помогли в одном добром деле.

Женщина отступила с порога и, стараясь быть вежливой (я хорошо это заметил), пригласила:

— Заходите, пожалуйста.

А еще я заметил, когда Евгений назвался следователем, как в глазах женщины, где-то в самой их глубине, промелькнула тень страха.

Щелкнув дверным английским замком, женщина извинилась, что не может пригласить нас в комнату — у нее там неубрано, только вчера возвратилась из отпуска, и повела нас в кухню.

Кухня была светлая, просторная, с диваном под глухой стеной и большим круглым столом посередине, вокруг которого стояли четыре мягких стула.

— Садитесь, — предложила нам хозяйка и села сама. — По какому делу вы ко мне?

Евгений глянул мельком в мою сторону, что означало — не забывай о нашей договоренности, и тут же пояснил:

— Случилось это давно, около двадцати лет назад, а точнее, девятнадцать с половиной. Вы, Валентина Прохоровна, работали тогда заведующей Домом ребенка на Канатной, и с вашей помощью одна молодая женщина, Ирина Гай, которая сама не могла рожать детей, взяла их у другой, которая родила двух близнецов, мальчика и девочку, но отказалась от них. Теперь же, через много лет, настоящая мать разыскала их и через суд хочет восстановить свое право, то есть лишить права материнства Гай, которая вырастила детей. Вы, конечно, помните это и подтвердите письменно, что такой факт имел место?

Услышав, чего от нее хотят, Валентина Прохоровна сразу утратила к нам интерес, вперила свой взгляд в занавешенное дорогим тюлем окно и глухо сказала:

— Очень сожалею, но должна вас разочаровать. Такого факта я не могу подтвердить.

— Забыли или что-то другое? — поинтересовался Евгений.

— Нет, не забыла, — отрицательно покачала головой Валентина Прохоровна. — Просто его не было и не могло быть, такого факта. У нас все делалось по зако-

ну, оформлялось документами. Если же кто-то и делал что-то за стенами Дома ребенка, нас это не касалось.

«Вот тебе и на, — мелькнуло у меня в голове. — Вот и первая неудача».

Но Евгения этот ответ Валентины Прохоровны не смутил.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Не было, так не было. Тогда скажите, пожалуйста, а где хранятся документы Дома ребенка тех лет?

Валентина Прохоровна недовольно посмотрела сперва на меня, потом на Евгения, словно спрашивая: и надо вам ради этого беспокоить меня? Но все же ответила, скорее из вежливости:

— В архиве. Еще при мне все документы тех лет сдали в областной архив.

— Спасибо вам, — поднялся из-за стола Евгений. — Извините за беспокойство.

Я тоже поднялся и стал извиняться.

— Пожалуйста, пожалуйста, — скупое усмехнулась нам Валентина Прохоровна. — Я понимаю, служба. — И провела нас до дверей.

Выходя, я увидел в коридоре временную телефонную проводку, которая сквозь стеклянные декоративные двери была введена в прихожую.

— Где она работает, что ей вопреки техническим возможностям подключен телефон в этом районе новостройки? — поинтересовался я у Евгения на улице.

— Врачом-педиатром в районной больнице, — ответил Евгений и тут же похвалил меня: — А ты, брат, молодец, наблюдательный. А что еще тебе бросилось в глаза?

Я похвастался, что заметил испуг в глазах Валентины Прохоровны, когда он представился следователем.

Евгений остался довольным мною.

— Что ж, значит, я не даром взял тебя в практиканты! Кстати, я тоже заметил страх в ее глазах, и ты, наверное, обратил внимание — по-другому объяснил, зачем нам нужно ее свидетельство. Пусть она не знает правды об Ирине Гай.

Меня заинтересовало, зачем он так сделал.

— Извини, но это пока что мое предположение, и я не могу о нем говорить, — ответил Евгений.

— Хорошо, — согласился я и тут же спросил: — Как же мы установим фамилию той, настоящей матери, откуда она, где теперь?

Евгений пояснил, что это для нас не проблема. Пойдем в областной архив, и нам найдут дело о близнецах из Дома ребенка на Канатной. А в деле должны быть все данные о матери. И адрес тоже, на то время, конечно. Если же адреса нет, то есть запись, в какой больнице города она родила детей. Там адрес должен быть наверняка.

Через несколько минут мы сели в троллейбус и поехали в областной архив.

7

Вечером мы пили на веранде чай и подводили итоги своей работы за день.

В областном архиве нам сравнительно быстро нашли дело детей-близнецов, принятых в июле 1961 года в Дом ребенка на Канатной от матери-одиночки, фамилия которой и правда, как сказала Гай, была молдавской — Георгице, но не Мария, а София, по отчеству Яновна. В деле оказалось два ее заявления: одно с просьбой принять детей в Дом ребенка, а другое — вернуть. На втором заявлении стояла резолюция бывшей заведующей: «Разрешаю» и подпись «Домрина». Еще была в деле запись о том, что Георгице С. Я. родила близнецов в родильном отделении третьей городской больницы в 1961 году, шестого июня.

Мы попросили работников архива найти документы третьей больницы за тот год. Нашли книгу регистрации родильного отделения, в которой были данные Георгице. Разнорабочая железнодорожного вокзала, проживала в общежитии по улице Ковальской, двадцать, комната пять. Родила впервые. Выписалась здоровой, дети — тоже.

Дальше нам нужно было найти личное дело Георгице по месту работы, в котором обязательно отмечено, где она родилась. Ведь если она и осталась жить в Одессе, наверное, поменяла фамилию, выйдя замуж, и поиски усложнятся. Зная же адрес ее родителей, найти Софию Георгице не представлялось сложным.

В областном архиве нам сказали, что управление железной дороги имеет свой архив, и личное дело Георгице должно храниться в нем.

Сняв копию заявлений Георгице в Доме ребенка и выписав все ее данные, мы отправились в архив при управлении железной дороги.

Но оказалось, он в этот день не работал, и нам пришлось перенести посещение архива на завтра. Мы поехали на дачу.

— Ничего, — успокаивал не столько себя, сколько меня, Евгений. — Хорошо и то, что мы добыли. Началось, можно сказать, сделано, хоть закрадывается у меня сомнение, что и в этом, третьем признании Гай что-то нечисто.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался я.

— Давай поразмышляем, — предложил Евгений. — Запомнив адрес Дома ребенка, другие мелкие подробности, она забыла фамилию заведующей, самой матери детей, имя. Разве ей не интересно было знать, кто она, эта мать, откуда?

Тут я ему возразил.

— Молодая была, неопытная. Да и делалось это тайком, поспешно.

— А как же с врачом? — поднял на меня глаза Евгений. — Сам же слышал, что сказала: такого она в своей работе допустить не могла, то есть не пособничала Гай в незаконном присвоении детей.

— Может, просто боится или не хочет впутываться в это дело, — высказал я предположение.

— Почему? — спросил Евгений. — Ведь Гай утверждает, что деньги она от нее за услуги не взяла. Бояться ей нечего.

Правда, выходит так. Чего ей бояться? Но и зачем Гай надо было все выдумывать?

Нет, дальше я был бессилён мыслить логически, сказал, что, по-моему, обманывает врач Домрина.

— Докажи! — потребовал Евгений.

— Просто подсказывает интуиция, — ответил.

Евгений допил чай, поставил пустую чашку на стол.

— Интуицию, брат, к делу не подошьешь. Нужны факты, документально подтвержденные. Мне тоже эта Валентина Прохоровна не понравилась, но...

Я поинтересовался, какая у нее семья.

— Никакой, — ответил Евгений. — Незамужем. Живет, как видел, одна. Квартира кооперативная, модница, ежегодно ездит на курорт, несколько раз была в туристических поездках за границей.

— Откуда у тебя такая информация? — удивился я.

— Профессиональная привычка, — подморгнул мне

Евгений. Выясняя в Доме ребенка адрес Домриной, одновременно поинтересовался и ее семейным положением, спросил у нынешней заведующей, не ревнивый ли у Валентины Прохоровны муж, чтоб не иметь, мол, неприятностей. Она и выложила все, что знает о своей предшественнице. Женщины, брат, всегда любят, когда их о чем-то необыденном расспрашивают мужчины.

В этом, конечно, нельзя было возразить Евгению, и я спросил, чем же ему не понравилась Домрина.

— Нечестностью, — сразу ответил он. — Еще взглянув на нее с порога, я понял: будет врать. А ведь наверняка помнит Гай. И ту же Георгице. И наверняка она их свела. Чувствую — нам с нею еще придется встретиться.

— Ты же интуицию отмечаешь, — подколот я Евгения.

Но он не обиделся.

— Потому и молчу об этом, пока не подтверждаю все фактами.

Я был рад случайной встрече с Евгением, интересный он человек. И работа у него интересная. Познавать человеческие характеры, раскрывать их, бороться со злом и отстаивать справедливость, как вот в данном случае с Ириной Гай. Мне хотелось хоть немного перенять от него этого умения, узнать кое-что из техники ведения следствия, может, когда-нибудь пригодится...

Раз уж речь зашла об интуиции, заодно поинтересовался у Евгения, как часто она подтверждается в его следственной практике.

— Трудно сказать, — после паузы ответил Евгений. — Случалось, что я ошибался, подводила она меня. Это зависит от многих факторов, порождающих интуитивное чувство. Иногда от какой-то мелочи: движения, слова, взгляда человека, с которым ты разговариваешь. Иногда при логическом анализе событий и фактов, собранных тобой. Да ты, я вижу, серьезно увлекся следовательской работой! Если так, скажи мне, что мы должны делать завтра после посещения архива железной дороги?

— Шутишь? — рассмеялся я. — Ты же об этом сам говорил. Как только выясним, откуда родом эта Георгице, сразу едем туда и от родителей узнаем, где она сейчас.

Евгений согласился.

— Хорошо. Приехали в такое-то село такого-то района, а родителей Георгице там нет. Выехали жить на целину или куда-то в другое место переселились. Да и живы ли они? Что тогда?

Я не ожидал такого поворота дела и вначале растерялся, а потом стукнул по лбу.

— Нет, не так, — возразил себе. — Выяснив, откуда родом Георгице, через милицию сделаем запрос — живут или не живут там ее родители, и тогда уже...

— Почти правильно, — похвалил Евгений. — Если родители ее на месте, нам скажут, где живет их дочь, и завтра же мы будем иметь адрес Софии Георгице. Не так ли? Нам туда не надо ехать, тревожить пожилых людей. А вот к ней самой поедem. Если же она в Одессе — еще лучше, хотя я в этом сомневаюсь.

— Почему?

— Очень просто, — ответил Евгений. — То, что она совершила, — преступление, а преступник всегда старается скрыться подальше. Логика подсказывает — избавившись от детей, она тоже убежала из города. От позора, от любопытства подруг — а где же дети? В конце концов, от себя самой. А ты как думаешь?

— Вполне резонно, — согласился я.

— Тогда давай отдыхать, — предложил Евгений. — Может, завтра утром придет какая-то новая мысль, недаром же говорят: утро вечера мудренее. Возражений нет?

Мы ночевали вторую ночь над морем.

8

Воистину жизнь человеческая не обходится без неожиданностей и приключений. Если бы мне перед отъездом в Одессу кто сказал, что из нее я поеду в Молдавию, я бы рассмеялся. Зачем? Что мне там делать? А вышло — поехал. Разве не странно?

Итак, на второй день вечером у нас был адрес Софии Георгице, по мужу — Унгур. Как только Евгений получил телеграммой от прокурора Киева разрешение выехать в Молдавию, мы сразу же поехали в далекое, почти у самой румынской границы, молдавское село Элишканы, в котором она жила с мужем и детьми.

Адрес Софии Унгур дал нам ее младший брат Константин Георгице, водитель автобуса одного из одесских

автопарков. Узнав из личного дела Софии, которое мы нашли в архиве управления железной дороги, откуда она родом, через милицию послали туда запрос. Ответ пришел немедленно: такая-то в селе не проживает, родители ее умерли, младший брат проживает в Одессе. Нашли брата и у него взяли адрес сестры. О том, были ли у нее до замужества дети, он не знал.

...В Элишканах мы, как и надлежит, явились в сельский Совет, белый двухэтажный дом посреди села, в котором на первом этаже была контора совхоза. Отрекомендовавшись председателю сельсовета, симпатичной, средних лет женщине, сказали, по какому мы делу, попросили рассказать все о Софии Унгур.

— А что о ней рассказывать? — посмотрела на нас черными глазами председатель сельсовета. — Женщина как женщина. Живет у нас больше пятнадцати лет, с тех пор как привез ее сюда муж. Работает в совхозе на разных работах. Скромная, работающая. В семье мир и покой. Муж — механизатор. Тоже работающий и скромный. Имеют двоих детей, мальчика и девочку. Живут в достатке.

Начали совещаться, как лучше встретиться с Софией, чтобы о нашем с ней разговоре не узнал муж, да и никто из посторонних, даже работники сельсовета. Так как село есть село, какой-то неверный слух разнесется по нему с молниеносной скоростью и обрастет такими подробностями, что и предположить невозможно. Итак, пригласить Софию в сельсовет? Нет. В контору? Тоже нет. Это сразу вызовет подозрение: зачем? О чем там с тобой разговаривали приезжие? Надо было сделать это как-то неофициально. Тогда председатель сельсовета предложила такой план: отрекомендовать нас уполномоченными из райцентра по проверке работы клуба и библиотеки, заглянуть на часок туда, а потом пойти к ней домой. Она живет на одной улице с Унгурами, даже неподалеку, пригласит Софию по какому-то делу к себе, и мы с ней поговорим.

План был реальным, и мы с Евгением согласились.

Сказав секретарю сельсовета, что к ним прибыли товарищи из района по вопросу культпросветработы на селе и она будет занята с ними, председатель повела нас в сельский клуб, показала библиотеку, а потом мы зашли к ней домой.

Пока умылись и немного отдохнули с дороги, пришла

София Унгур. Председатель сельсовета завела ее к нам в комнату, сказала, что вот эти товарищи, мол, хотят с ней поговорить, а она тем временем отлучится.

Несмотря на свой возраст, а ей уже было почти сорок, София, как и Гай, выглядела моложе. Высокая, стройная. Тугие щеки пламенели румянцем, а на полных губах словно выступал сок черешни. Нос небольшой, ровный, с тонкими лепестками ноздрей. Глаза темные, блестящие. Брови и косы — словно смоляные.

Признаться, я даже растерялся, когда увидел ее, не мог поверить в то, что эта красавица могла когда-то проявить такое бессердечие. Ведь говорят: красивы люди внешне — красивы и душой.

Наверное, красота этой женщины поразила и Евгения, потому что он тоже сперва словно растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Софию и, когда она села на краешек дивана, объяснил ей, кто мы и откуда.

Трудно сказать, или догадалась Ингур сразу, по какому мы делу, или просто на нее нагнало страха слово «следователь», но румянец на ее щеках исчез, и погас тот блеск, та страстность, которые излучали ее глаза минуту назад.

Евгений тоже заметил это сразу и поспешил ее успокоить:

— Не волнуйтесь, София Яновна, наш приезд вам ничем не грозит. Мы просто хотим кое о чем у вас расспросить.

— Нет, нет, я ничего, — смутилась она. — Я... спрашивайте...

Чтобы женщина не боялась и не замкнулась в себе, Евгений предварительно заверил, что наш разговор с ней сохранится в строгой тайне, потому ей следует быть с нами откровенной.

Я записал их разговор почти дословно. Вот он, в вопросах и ответах.

— Вы жили в Одессе?

— Жила.

— Как долго? Когда? Где работали и жили? Расскажите поподробней.

— Приехав в Одессу в августе пятьдесят восьмого года, устроилась на канатный завод, снимала комнату неподалеку от завода. Поработала больше года и бро-

сила. Работа тяжелая, а заработки маленькие. Пошла в строительно-монтажное управление. На строительстве, говорили, и заработать можно, и общежитие есть. Но так только говорили. В начале шестидесятого рассчиталась и там, пошла разнорабочей на железнодорожный вокзал. Там сразу дали место в общежитии — на Ковальской улице, двадцать. Где-то в феврале шестьдесят третьего года познакомилась с шофером Петром Унгуром. Понравились друг другу и в мае того же года решили пожениться. После свадьбы сняли квартиру, но жить было материально тяжело, и решили поехать к нему домой, вот в это село, где живем и сейчас.

— Дети у вас есть?

— Двое. Мальчик и девочка.

— А раньше были? Кроме этих двоих?

В ответ — молчание.

— Так были или нет?

После паузы:

— Были.

Унгур с грустью и болью в глазах посмотрела на Евгения. Он понял ее и снова стал успокаивать.

— Не бойтесь говорить. Мы же договорились — ваш рассказ останется тайной.

— В шестьдесят первом году, в начале июня, в Одессе я родила двойню, мальчика и девочку. В третьей городской больнице. Очень переживала, плакала, ведь была еще совсем молодая. И отца боялась, он у меня строгий, за малейшую провинность бил. А этого бы не простил. Выписалась из больницы, а куда идти с детьми — не знаю. В общежитие — стыдно перед подругами, да и кто меня примет там с двумя малышами. Решила податься в Дом ребенка, сдать их туда. Думала — временно. Сдала в третий, на Канатной улице. Неделю или больше ходила кормить. Но в какой-то день заведующая, фамилию не помню, а зовут Валентина Прохоровна, сказала, если я не буду забирать детей, то есть одна женщина, которая хочет взять, так отдай, мол, ей. Я подумала и решила отдать. Ведь и родителей боялась, и того, что никто с двойней не возьмет замуж. Написала заявление, забрала и тут же, неподалеку от дома, в сквере отдала детей молодой женщине. Кто она, откуда, фамилия — не знаю. Мне тогда было все равно — лишь бы скорей ношу с рук. Дура была. Каюсь теперь. Где сейчас дети — не знаю. Тешу себя надеж-

дой, что попали они в добрые руки, выросли уже, живут счастливо.

— Муж ваш знает об этом?

— Нет. Я ему не призналась. Сами понимаете...

— А вам давала та женщина деньги за детей?

— Нет, что вы! Сохрани господь! Да я бы и не взяла.

— А заведующей Домом ребенка, Валентине Прохоровне, она могла дать? За услуги, так сказать. Как вы думаете?

— Не знаю. Но думаю, что нет. Она запомнилась мне порядочной женщиной.

— А теперь скажите, кто был отцом тех ваших детей?

— Он был военный. Старшина, сверхсрочник. Познакомилась с ним на танцах. Хорошо танцевал, остроумным был, красивым. Понравился, и я... доверилась ему. А когда сказала, что забеременела, он испугался, признался, что женат, советовал сделать аборт. Я побоялась и родила. Он же, пока я была в больнице, демобилизовался и уехал домой.

— Вы знаете его фамилию, адрес?

— Знаю. Малинин, Сергей Васильевич. Село Маяки Белявского района Одесской области.

— После того вы с ним не виделись, не переписывались?

— Нет.

— Какой он из себя? Брюнет, блондин? Какой рост? Особые приметы?

— Среднего роста. Худощавый, лицо продолговатое, красивое. Светлый, синеглазый.

— Вставных зубов или коронок не имел?

— Нет. Зубы красивые, ровные.

— После того как выписались с детьми из больницы и сдали их в Дом ребенка, вы возвратились в общежитие?

— Конечно.

— А как объяснили девочкам, с которыми жили в одной комнате, куда подевали детей? Ведь они знали, что вы легли в больницу рожать?

— Знали. Я им соврала, сказала, что ребенок, один, был недоношенным, родился квелым и через несколько дней умер.

— Они вас не приходили навещать в больницу?

— Нет, я им не разрешила.

— Значит, они вам поверили?

— Поверили.

— Фамилии и адреса их помните?

— Фамилии помню. Одна — Елена Григорьевна Приходько, другая — Екатерина Васильевна Шкребтий. Адреса забыла. Знаю, что обе из Одесской области. Еще помню — Елена дружила с солдатом Сашей Ивановым, из той же части, что и Малинин. Где сейчас те девочки, не знаю.

— Скажите, пожалуйста, за эти годы вы хоть раз вспоминали о тех своих детях? Где они? Что с ними?

Ответила не сразу. Низко склонила голову, всхлинула.

— Думала, вспоминала. Не раз. И сейчас вспоминаю, мучит совесть. Но сами понимаете мое положение...

Евгений посочувствовал ей:

— Понимаю. Двое вас, безрассудных, мучитесь теперь совестью. Да вам легче, а у той, другой, беда.

Унгур вопросительно посмотрела на него.

— Что с ней? Скажите.

Я взглянул на Евгения: скажет или нет?

Рассказал. Всю драматическую историю Ирины Гай.

Унгур слушала внимательно, время от времени смахивая с глаз слезы. А когда Евгений закончил, спросила: не может ли она чем-то помочь той бедной женщине?

— Вы уже ей помогли своим признанием, — ответил Евгений. — Больше ничего не надо.

Она вытерла глаза, вздохнула и снова взглянула на Евгения:

— А дети как? Они ничего об этом не знают?

— Не знают, — ответил Евгений. — Просто переживают за мать очень, любят ее.

— Как бы хоть издали увидеть их? Так хочется, — едва слышно прошептала Унгур.

Евгений сказал, что делать этого не следует, пускай все будет так, как было до сих пор, и поблагодарил ее за беседу.

Тяжело поднялась женщина с краешка дивана, поправила на голове косынку.

— Мне можно идти?

— Можно, — кивнул Евгений.

Дошла до дверей, взялась за ручку, оглянулась.

— Разрешите вас попросить? — обратилась к Евгению.

— Пожалуйста.

Облизнула языком пересохшие губы.

— Вы, конечно, увидите Ирину. Передайте ей от меня большую благодарность. За детей. Пожелайте доброго здоровья и всего наилучшего. Думаю, суд будет к ней справедливым. До свидания. — Рывком открыла дверь и вышла.

Я стоял посередине комнаты, тронутый последними словами этой женщины, и думал, какой тяжелый камень унесла она в душе после нашего разговора. И будет нести еще долго. До конца жизни.

9

Через два дня мы были в селе Маяки и встретились с Сергеем Малининым. Работал он в местном совхозе механиком, был женат, имел детей. Годы, конечно, уже наложили на него свой отпечаток, но выглядел еще молодцевато, имел приятный мягкий голос, говорил быстро, бодро. Такие говоруны нравятся женщинам. Но когда Евгений спросил его, помнит ли он Софию Георгице, куда и подевалась его бодрость: сразу сник, лицо посерело.

— Что, подала на алименты? — спросил с тревогой. Евгений рассмеялся.

— Не беспокойтесь, это вам не грозит. Дети уже взрослые.

— Почему дети? — удивился Малинин.

— Разве вы не знаете, что София Георгице родила от вас двойню, мальчика и девочку? — спросил Евгений.

— Не знал. Я думал — один ребенок.

Евгений продолжал допрос.

— Вы советовали Георгице сделать аборт, когда она сказала вам, что беременна?

— Советовал.

— А когда легла в больницу рожать, быстренько подали рапорт и демобилизовались?

— Да.

— Значит, нашкодили — и в кусты?

— Ну, — замялся Малинин, — сами понимаете... Я же был женат, уже имел ребенка...

— Я-то понимаю, а вот понимаете ли вы подлость своего поступка?

— С кем не случилось в молодости...

— Итак, вы не отрицаете своих интимных связей с Софией Георгице в Одессе и того, что она родила детей от вас?

— Куда же деться, раз вы знаете. Но, если не секрет, разрешите спросить — зачем это вам через столько лет?

Евгений уклонился от прямого ответа.

— В нашей практике бывает, что мы интересуемся событиями и фактами значительно большей давности.

Малинин попытался доверчиво улыбнуться, но это вышло у него неуклюже и неприятно.

— Да я... понимаете, и не боюсь вроде, однако не хотелось, чтобы в селе узнали, не говоря уже о жене...

— Не волнуйтесь, наш разговор останется в тайне, так что это не повредит вам ни в работе, ни в семейной жизни, — успокоил его Евгений.

Когда Малинин вышел, виновато попрощавшись, я спросил Евгения, почему он не сказал ничего об Ирине Гай и о Софии.

Евгений равнодушно махнул рукой.

— Это ему не нужно. Эгоист. Думает только о себе, дрожит за свою шкуру.

Я не стал спорить. У моего приятеля был опыт, наметанный глаз и еще, как говорят, нюх на людей. Мне тоже, по правде, не понравился этот Малинин. Даже не поинтересовался, что с детьми, где они.

Словно читая мои мысли, Евгений сказал:

— Жаль, что нашим законодательством не предусмотрено за такие поступки сурово наказывать мужчин. Я бы этого Малинина и сегодня поставил перед судом.

Однако, что бы там ни было, а этот Малинин, как и София Унгур, свидетельствовали в пользу Ирины Гай, и это меня успокаивало.

— Не торопись радоваться, — заметил Евгений, когда я ему сказал об этом. — Их показания еще могут быть опровергнуты другими неожиданными свидетелями. Впереди еще много работы.

В тот же день мы выехали обратно в Одессу.

Утром Евгений сказал мне:

— Вижу, ты со мной ничего не напишешь. Так что оставайся, пожалуй, дома и работай, а я поеду в город сам.

— Ни в коем случае! — запротестовал я. — Поедем вместе!

Еще вечером Евгений разработал такой план: найти хотя бы одну из тех девчат, что жили в общежитии с Софией Георгице, встретиться и поговорить с теткой Гай Анастасией Павловной Сормовой, к которой пришла с детьми и почти месяц прожила Ирина.

— Тогда быстро собирайся и пошли! — скомандовал Евгений, хотя я уже стоял одетый.

С теткой Гай было легко, Евгений знал ее адрес, а вот найти девчат из общежития представлялось сложнее. Их или давно уже не было в Одессе, или вышли замуж и поменяли фамилии.

— А зачем тебе, в конце концов, те девчата? — спросил я Евгения по дороге к трамваю. — Что они тебе могут подтвердить? Ведь София им соврала, что родила ребенка и он умер.

— Вот именно это пусть и подтвердят, — ответил Евгений. — И еще пускай подтвердят личность Малинина. Он же приходил к ним в общежитие, и они его должны знать. Каждое свидетельство людей заинтересованных надо подтвердить свидетельством людей посторонних.

Через час мы были возле городского управления внутренних дел, и Евгений исчез за его массивной дверью. Там он должен был договориться о поиске Елены Приходько и Екатерины Шкребтий. А пока их будут искать, мы поедем к тетке Гай, послушаем, что она расскажет о своей любимице Ирине.

Пробыл Евгений в городском управлении недолго, минут двадцать, и мы отправились на улицу Пролетарскую, сорок один, к Сормовой.

Это была уже старая, немощная бабуса. Но не из таких, что с годами становятся равнодушными к своей внешности, обстановке в квартире. Анастасия Павловна, еще довоенный фармацевт, в небольшой однокомнатной квартире поддерживала идеальный порядок.

Встретила нас Сормова приветливо, сразу предложи-

ла сесть, пододвинула к столу крепкие деревянные стулья с гнутыми спинками и ножками.

— Садитесь, а я сейчас согрею чай, — сказала она громко, направляясь на кухню.

Я хотел было возразить, но Евгений остановил меня: пускай, неудобно отказывать старому человеку в гостеприимстве. Да и потом, за чашкой чая, откровенней становится разговор.

Чайник закипел быстро. Евгений попросил Анастасию Павловну выслушать его внимательно, ответить на вопросы, а уж затем он расскажет, что интересует его.

— Я сразу поняла, что-то случилось, — сказала старушка. — Рассказывайте. — Она села на табурет возле Евгения и наставила на него левое ухо, пояснив, что плохо слышит.

Когда Евгений закончил рассказывать, Анастасия Павловна не заплакала, как я ожидал, а сокрушенно вздохнула и громко заговорила:

— Вот оно, значит, как! Я еще тогда замечала — что-то не то с детками у Ириночки. Не было у нее того материнского чувства к ним, какое появляется у женщин после родов. И то, что нет у нее молока, показалось мне странным. И одолженные деньги, которые она отнесла кому-то на второй день.

— Простите, Анастасия Павловна, — перебил ее Евгений. — А Ирина отдала вам те деньги, что тогда одолжила?

— Отдала. А как же. Все отдала, до копеечки.

— И еще после того одалживала? — поинтересовался Евгений.

Анастасия Павловна кивнула головой.

— Одалживала, и не раз. И тоже возвращала. Не скоро, правда, но возвращала.

Евгений достал из портфеля квитанцию, найденную во время обыска квартиры Гай.

— Эти тоже вы получили?

Анастасия Павловна приблизила к глазам очки и подтвердила.

— Тогда рассказывайте, пожалуйста, дальше, — попросил Евгений.

Старушка перевела дыхание, выдержала паузу, наверное вспоминая, на чем остановилась, и снова стала рассказывать:

— Замечала я, что Ирина все время вроде бы чего-то остерегается. С детьми во двор выходила редко, а когда, бывало, и выйдет, то на полчаса — и в квартиру. Я никак не могла взять в толк: с чего бы это? Думала, молодая еще, стыдится, или, может быть, оттого, что забот мне прибавляет. А оно, видишь, отчего...

— Анастасия Павловна, — наклонился к ней Евгений, — а вы не помните, к вам никогда не приходил мужчина, о котором рассказала нам Ирина? Он мог выдавать себя за слесаря, электрика, сантехника.

Старушка сморщила в задумчивости лоб, прищурила маленькие, в сетке морщинок, когда-то красивые светло-синие глаза.

— Нет, не помню. — А потом, смотря куда-то поверх наших голов, печально закончила: — Подумать только, как все нехорошо сложилось. Это ж ее теперь будут судить, Ирину? И сколько ей дадут? — резко повернулась к Евгению.

Тот смущенно пожал плечами:

— Не знаю, не могу сказать. Но, думаю, суд рассмотрит ее дело очень объективно, с позиций высокого гуманизма.

— Что ж, как будет, так и будет, — скорбно вздохнула Анастасия Павловна, и тут же вдруг лицо ее словно озарило солнцем, она даже выпрямилась на табуретке. — Подождите! — воскликнула и схватила сухой, с синими прожилками рукой Евгения за плечо. — Я вспомнила! Вспомнила!

От неожиданности восклицания и я и Евгений даже вздрогнули.

— Что вы вспомнили, Анастасия Павловна? — спросил ее Евгений.

Старушка вся светилась радостью.

— Вспомнила, как расспрашивал меня один, где живет Виталий. Это было после того, как они переехали из совхоза под Киев. Пришел, сказал, что учились вместе в институте, переписывались, послал ему письмо, а оно возвратилось с надписью «Адресат выбыл». Так не знаю ли я нового адреса Виталия.

У Евгения даже глаза загорелись.

— Как он выглядит, не вспомните?

Ободренная своим воспоминанием, Анастасия Павловна живо продолжала:

— Вежливый, круглолицый, не старый еще. И глав-

ное — с золотой коронкой. Как улыбнется — всю видно.

Евгений не отрывал от старушки глаз.

— И вы ему, конечно, дали адрес Виталия Ивановича?

Анастасия Павловна развела руками.

— Конечно, дала. Однокурсник ведь.

Дальше Евгений спросил, не назвал ли однокурсник ей свою фамилию.

— Нет, — ответила.

— А как он вас нашел? Не говорил?

— Сказал, что был у меня как-то с Виталием еще студентом. А тут приехал в Одессу в командировку и решил зайти.

— Был ли он на самом деле тогда у вас, не помните?

— Не припомню. Виталий приходил с товарищами не раз. Угощала их чем бог послал. Иногда и ночевали. Узнать же теперь кого-то из них, сами понимаете, не смогла бы.

— А если бы увидели того, что приходил за адресом, с коронкой, узнали бы?

— Узнала.

— А на фотографии? — допытывался Евгений.

— Тоже, — заверила Анастасия Павловна.

— Может, у нас такая необходимость появится, так мы к вам обязательно обратимся, — предупредил Евгений старушку.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответила она. — Я, если надо, и на суде это засвидетельствовать смогу.

От Анастасии Павловны я вышел довольным, в хорошем настроении.

— Это же какая удача! — сказал на улице Евгению.

Однако он не поддержал моей радости.

— Об удаче еще рано говорить. Где она? В чем ты ее увидел?

— Ну как же? — удивился я. — Показания Гай и Анастасии Павловны относительно того типа сходятся!

— Сегодня сходятся, а завтра или послезавтра могут не сойтись, — услышал в ответ.

Я не понимал Евгения.

— То есть как?

— А так, — объяснил он мне, — что у старухи склероз. Разве ты не заметил? Сегодня она припомнила, а завтра может сказать: я такого не помню.

— Ты всегда все ставишь под сомнение, — укорил я Евгения. — Выбираешь худший вариант.

— Такова моя профессия — сомневаться, — взял меня под руку Евгений. — У нас, брат, будто в той поговорке: доверяй, но проверяй. Давай-ка теперь подумаем над одним важным вопросом. По словам Ирины Гай и Анастасии Павловны, тот шантажист, который вымогал у Ирины деньги, и тот неизвестный, что выдал себя за однокурсника ее мужа, — одно и то же лицо. Не так ли?

— Да, — согласился я.

— Тогда развивай логично эту мысль дальше.

Наверное, увидев, как я задумался, он подмигнул мне весело:

— Что, не можешь сразу? Ладно, даю тебе час, пока доедем до городского управления внутренних дел и я разузнаю данные о девушках.

Мы поехали в милицию.

Конечно, ни по дороге, ни за те несколько минут, которые Евгений провел в городской милиции, я ничего логического не развил и попросил подождать до вечера.

Евгений не стал возражать.

— Ладно, а теперь поедem на улицу Пролетарскую, тридцать семь, к Приходько Елене Григорьевне. Она работает там в ателье. Шкребтий Екатерины Васильевны — такой в Одессе нет. Может, изменила фамилию, а может, выехала. Но нам достаточно и Приходько.

В связи с поисками этих девушек я вдруг подумал, что Евгений забыл разыскать еще одного свидетеля — ту женщину, у которой Ирина Гай останавливалась на квартире, приехав в Одессу за детьми.

Сказал об этом ему. Но оказалось — плохо я подумал о своем товарище. Он интересовался и ею, но той уже нет, умерла несколько лет назад.

Вскоре мы были в ателье на улице Пролетарской. Попросили заведующего, низенького лысого человека, позвать в его кабинет мастера Елену Приходько.

— Будет сделано, — угодливо пообещал заведующий, и не успели мы оглянуться, как уже возвратился, пропустив вперед себя русую симпатичную женщину.

— Прошу вас, знакомьтесь, это и есть наш лучший мастер Елена Григорьевна Приходько. Поговорите, а я сейчас, — и прикрыл за собой дверь. Сообразительный.

Приходько вначале смутилась, окинула нас удивлен-

ным взглядом, словно спрашивая, что все это означает, кто вы такие и о чем с вами говорить. А когда поняла — смущение и подозрительность куда и подевались, стала вспоминать.

Да, Софию Георгице она помнит, жила с ней в одной комнате. Красавица была, от ребят на танцах отбоя не было. Да и не только на танцах. И дотанцевалась, ребеночка родила. Правда, умер ребенок. Кто сказал? Сама сказала, возвратившись из больницы. От кого? Ухаживал там за ней один старшина. Светловолосый такой, симпатичный. Кажется, Сергеем звали. Фамилия? Не то Малюгин, не то Малютин. Может, и Малинин. Да, да, Малинин, она теперь вспомнила. А говорун какой! Потом выяснилось, что он женат. Был ли у меня парень? Был, а как же. Сашей звали. Крепко дружили с ним, но... не суждено, как говорится... Еще кто с нами в комнате жил? Екатерина Шкребтий. У той был из какого-то училища парень, она всегда с ним от нас пряталась. Странная какая-то.

Сколько прожили вместе? Года три, кажется, если не больше. Первой ушла от нас София. Года через два после родов нашла себе молдаванина, вышла замуж и перешла с ним на квартиру. Затем Катя уехала домой. Последней из общежития ушла я. Собственно, меня выселили, как только поступила на курсы кройки и шитья. Общежитие-то ведомственное, железнодорожное. Вот и все. Может, что-то забыла — спрашивайте. Не знаю ли, где София? В Молдавию, наверное, уехала с мужем. Говорила как-то при встрече, что именно туда собирается. Больше после того не виделись. Как реагировал ее старшина на то, что она забеременела? Рассказывала София — требовал сделать аборт, признался, что у него семья. А как легла она в больницу, быстро демобилизовался и бросился к жене. Вот такой хлюст!

Вопросов у Евгения больше не было, он попросил Елену подписать показания, поблагодарил и отпустил.

— Что можно сказать об этой женщине, кроме того, что она рассказала о себе сама? — спросил он меня, когда Приходько вышла.

Впечатление у меня о ней уже сложилось, и я ответил сразу:

— Вдовушка или старая дева. Немного завистливая. Равнодушная. Даже не поинтересовалась судьбой Софии. Любит поговорить, но за дело не болеет.

Евгений остался доволен ответом.

— Правильно. Вижу, ты продолжаешь делать успехи. А теперь...

— Поедем домой — и в море, — закончил я.

— Принимается единогласно, — сложил бумаги в портфель Евгений. — А то я уже изнемогаю от жары.

День и правда стоял такой жаркий, что даже в тени нечем было дышать.

После купания Евгений предложил мне высказать соображения по поводу личности шантажиста Ирины Гай и неизвестного, что приходил к Анастасии Павловне.

Я сделал такой вывод: этому ловкачу откуда-то стало известно все про Ирину Гай, то есть кто она и откуда. Получив от нее большую сумму денег первый раз, он понял, что женщина она слабовольная, и имел это в виду на случай трудных времен. Наверное, такие времена наступили для него через пять лет, и он, зная адрес, поехал к Гай в совхоз и путем шантажа снова заполучил нужную ему сумму денег. Во второй раз ее там не застал, но расспрашивать, куда она уехала, из осторожности побоялся. Обратят внимание, приметят. И он вспомнил о тетке Гай. Старую женщину обмануть легко. От нее и узнал о переезде семьи Гай в Бучу и там снова шантажировал Ирину.

— Логика железная, — согласился Евгений. — Беру тебя официально своим помощником. На общественных началах, конечно, — рассмеялся. — Но с условием, если ты, представив себя следователем, расскажешь мне сейчас, как поведешь следствие дальше.

Мне показалось это делом простым. Собранные свидетельские показания подтверждали, что последнее признание Ирины Гай — правдивое. Значит, расследование ее дела на этот раз надо закончить и перейти к поискам шустрого одессита с золотой коронкой.

Евгений помолчал, пересыпая белый песок с ладони на ладонь.

— Нет, друг мой, — сказал наконец, — тут ты немного ошибаешься. Чтобы окончательно подтвердить ее показания, надо еще собрать некоторые данные, скажем, проверить достоверность факта со справкой о рождении детей в совхозной больнице, регистрацию их в сельском Совете. Может, выплывут в ходе этого расследования еще некоторые подробности, стоящие внимания. Может, найдутся такие люди, которые случайно видели в совхозе этого одессита, когда приезжал к Ири-

не за деньгами. Потом надо будет обязательно встретиться с Гай, еще раз уточнить внешность шантажиста, его собые приметы — может, она вспомнит что-то интересное из их встреч, — и тогда уже переключаться на его поиски.

— Как ты думаешь, он в Одессе? — спросил я Евгения.

— Кто знает. А вот третья личность, причастная к этому делу, наверное, тут. Нутром чувствую...

Я порывался спросить, что это за третья личность, но сдержался, зная правило Евгения не высказывать всех своих предположений.

На следующий день Евгений поехал в Николаевскую область, в зерносовхоз «Колос». Меня он отговорил ехать, сославшись на то, что ничего интересного там не будет, а мне, мол, пора уже заняться делом, ради которого я приехал в Одессу. Он собирался вернуться сюда дня через два-три и, как «опытного детектива», привлечь меня к поискам проходимца с золотой коронкой.

Но я не послушал Евгения, не стал заниматься делом, из-за которого приехал. Отложил на потом. А начал писать эту повесть. Под свежим впечатлением. По свежим следам.

11

Вернулся Евгений в Одессу не через два-три дня, как обещал, а через неделю, в хорошем настроении.

— Ну, как ты тут, доктор Ватсон, соскучился по своему учителю? Показывай, что сделал, а то не получишь никакой информации и на операцию «Золотая коронка» не возьму.

— Давай ты рассказывай, что там и как, а то выгодно без права поселения в одесских гостиницах, будешь на пляже ночевать, — ответил я шуткой на шутку.

— Что ж, условия суровые, придется поступиться, — сдался Евгений. — Слушай. В совхозе «Колос» все подтвердилось. Нашлись врач, который выдал Гай свидетельство о рождении близнецов, председатель сельсовета и секретарь, которые зарегистрировали их. Все трое уже пенсионеры. Собственно, то, что рассказала Ирина Гай, — правда. Об одессите с золотой коронкой никаких данных. Никто ничего не слышал, не видел. С этим я и поехал в Киев.

— Так ты, значит?.. — вырвалось у меня.

— Не перебивай, — остановил меня Евгений. —

После анализа собранных материалов и консультации с прокурором я встретился с Ириной Гай, уточнил кое-что. Потом с ней работал художник-портретист и по ее описанию сделал два портрета шантажиста. Один, каким она увидела его впервые в Одессе, молодым, и другой — в последний раз, постаревшим, с усами. Когда она подтвердила их схожесть, с помощью фоторобота изготовили фотокарточки, с которыми я и приехал. Хочешь посмотреть?

— Конечно, показывай, — даже заерзал я на стуле.

Евгений достал из портфеля две фотокарточки размером с почтовую открытку и подал мне.

Я принялся разглядывать.

С первой на меня взглянули слегка прищуренные, лукавые глаза молодого человека с правильными чертами лица, строгим прямым носом, полными, полуоткрытыми губами, в уголках которых затаилась ехидная усмешка. На подбородке проглядывалась ямочка. Уши не большие и не маленькие, немного приплюснуты к голове. Чуб густой, кудрявый, аккуратно зачесан назад.

На другом снимке этот же человек выглядел значительно солидней — некоторую суровость придавали ему усы. Но то, что это был один и тот же человек, мог сказать каждый, кто бы ни сличил обе фотографии.

— Что же дальше?

— А как вы сами думаете, товарищ добровольный помощник следователя?

Я подумал и ответил:

— Как мне известно из детективных романов, фотокарточки раздаются работникам милиции, и те ведут поиски.

Евгений остался доволен ответом.

— Молодец, почти так. И пока его будут искать, мы тоже найдем себе дело. С завтрашнего дня.

— Надо показать фотокарточки Анастасии Павловне, — подсказал я.

— Нет, ты все-таки станешь у меня настоящим следователем, — снова пошутил Евгений.

Анастасии Павловне Сормовой Евгений предложил для опознания четыре фотокарточки. Две, сделанные фотороботом со слов Ирины Гай, и две, на которых были другие люди.

Старушка долго, с пристрастием разглядывала каждую. Через очки и без них, на расстоянии вытянутой руки и совсем близко, прищуривая глаза и широко раскрывая их. Крутила портреты так и эдак и наконец сказала:

— Вот этот. Вроде и похож и не похож, — кивнула на портрет воображаемого шантажиста без усов. — Вроде он.

Евгению это, я видел, не понравилось, и он сказал старушке:

— Нет, так нельзя, Анастасия Павловна. Нам надо знать наверняка: похож или не похож, он или не он.

Старушка пожевала сухими губами, глянула на нас обоих по очереди поверх очков.

— Вот если бы вы привели его живого, я бы сразу сказала.

— А вы присмотритесь еще раз повнимательней, напрягите память, — вежливо попросил Евгений.

Анастасия Павловна сняла очки, протерла стекла и снова взяла фотокарточки в руки.

Мы с Евгением молча следили за ней и ждали, что она скажет на этот раз. Если снова ответит так двухзначно, значит, поиски шантажиста усложнятся. А впрочем, подумал я, старушка могла уже и забыть, ведь видела его давно.

На этот раз она рассматривала фотокарточки дольше. Закрывала на портретах ладонью то лоб, то бороду, то глаза и что-то шептала про себя.

Наконец положила портреты на стол.

— Все-таки этого я видела. Он приходил ко мне за адресом Виталия. Только лоб у него немного больше и более выпуклый, и эти, как их, виски немного длинней. На уровне мочки уха, — показала.

— Бакенбарды, — поправил ее Евгений.

— Пусть будет и так, — согласилась Анастасия Павловна. И прибавила: — Но когда найдете его, обязательно покажите мне. Я ему в глаза скажу, кто он.

— Конечно, покажем, а как же, — пообещал Евгений и вновь обратился к ней: — Анастасия Павловна, не смогли бы вы сейчас поехать с нами в милицию? Там есть художник, он с вашего рассказа подправит портрет этого гражданина, — показал на фотокарточку. — Сделает его таким, как вы сейчас рассказали, и

это облегчит нам дальнейшие поиски. Займет это немного времени, и домой вас привезут машиной.

Старушка не надеялась на такой поворот дела и сперва замялась, а потом подумала-подумала и согласилась.

— Ладно, поеду, вот только переоденусь.

Мы подождали ее на улице и минут через десять были в городском управлении.

Работа по усовершенствованию портрета ловкого одессита и правда длилась недолго. Художник-портретист по рассказу Анастасии Павловны дорисовал ему бакенбарды, сделал более высоким и выпуклым лоб. И еще старушка припомнила, что у него были неодинаковые брови. Левая как-то больше выгибалась, чем правая.

— Вот теперь совсем похож, — заверила старушка. — Как живой. Теперь уж найдете обязательно.

Но словно сглазила. Прошел день, второй, третий, пятый. Одесская милиция молчала.

Прошла еще неделя. Никаких сигналов.

Евгений собрался ехать в Киев, где его ждало завершение дела Ирины Гай.

Я поинтересовался, как же оно будет завершено, если не нашли главного виновника этого дела.

— А его будут судить отдельно, — ответил Евгений. — С Ириной же все ясно. Или найдем проходимца-одессита сегодня, или через год — все равно она виновата, украла государственные деньги.

— Но при каких обстоятельствах, — вырвалось у меня.

— Закон есть закон, друг мой, — развел руками Евгений. — Он для всех одинаков. А определить меру наказания согласно ему уже дело народного суда.

Я это знал и сам, но мне было жаль женщину, которая должна была предстать перед судом из-за какого-то проходимца, совершив такой благородный поступок, защищая свое доброе имя, своих ставших родными детей.

Евгений уехал, а я остался еще на несколько дней. Планировал хотя бы немного наверстать упущенное, потрудиться, но работа почему-то не шла, и я больше пропадал на пляже, отлеживался на песке, подолгу плавал в море. И все это время думал, не нашли ли еще того «гражданина», который потерял совесть и честь,

человеческое достоинство, который спекулировал на чужом горе.

Наверное, именно это настроение и выбило меня из рабочего ритма.

По договоренности с сотрудниками городского управления внутренних дел, которые занимались поисками шантажиста, я каждый вечер звонил им по телефону, спрашивал — как? — и каждый раз они отвечали мне так же коротко: «Не нашли».

Однако я верил, что его все-таки найдут, и с надеждой в душе и незаконченной рукописью этой повести в чемодане тоже поехал домой.

13

Недели через три после моего возвращения из Одессы в народном суде заслушивалось дело Ирины Гай. По ее просьбе было оно закрытым, но Евгений переговорил с Гай, и она дала согласие на мое присутствие в зале. Вот тогда я впервые и увидел ее. Как и рассказывал Евгений, была она женщиной красивой. Особенно поражали глаза. Большие, карие, они хотя и таили в себе печаль, но больше излучали искренность и теплоту, доверие и расположение.

Мы сидели с Евгением за небольшим столиком, недалеко от адвоката, и внимательно следили за подсудимой. Вела она себя спокойно, отвечала на вопросы судьи, народных заседателей, прокурора и адвоката конкретно, исчерпывающе. Когда же судья предоставил ей последнее слово, Гай, видно было, немного заволновалась. Хрустнула пальцами рук, закусилла нижнюю губу, но, взглянув в нашу сторону, вернее, на Евгения, успокоилась и обратилась к суду:

— Свою вину я полностью признаю. То, что взяла государственные деньги — преступление, которое я глубоко осознаю и готова понести за него наказание. Если суд учтет те обстоятельства, в какие я попала, когда решилась на это преступление, — буду ему сердечно признательна. И еще раз прошу — позаботьтесь о том, чтобы дети и дальше считали нас с Виталием, — взглянула на мужа, что одиноко сидел на стуле в пустом первом ряду, — своими родителями. — Тяжело вздохнула и села. Наверное, боялась расплакаться.

И все же расплакалась. После того, как судья зачитал приговор. А приговор был таким: учитывая чисто-сердечное признание Гай Ирины Степановны, то, что она совершила преступление впервые в жизни и раскаялась, определить ей меру наказания — полтора года лишения свободы с отбытием срока в колонии общего режима.

Виталий Иванович Гай стал утешать жену:

— Не плачь, Ирочка, не плачь. Не надо. Все будет хорошо, все будет хорошо. Не плачь...

Их слезы, наверное, были слезами горя и радости. Горя, потому что должны расстаться на полтора года, а радости — что суд, взвесив все «за» и «против» в деле Ирины, в какой-то степени защитил ее женские, материнские чувства.

Глядя на этих двух симпатичных, уже немолодых людей, что, не стыдясь, плакали на глазах у членов суда, прокурора, адвоката, нас с Евгением, я искренне, по-человечески позавидовал им. Они влюбленно смотрели друг другу в глаза, утешали друг друга, верили друг другу.

В те волнующие минуты вспомнился мне рассказ Евгения, когда он после проверки последнего показания Гай решил, с ее согласия, сообщить все Виталию Ивановичу. Вызвал к себе и в ее присутствии рассказал. С подробностями, все как было. И подтвердил собранными доказательствами.

Муж выслушал следователя внимательно и, взволнованный, повернулся к молчаливой, не менее взволнованной жене.

— Это все правда, Ира?

— Правда, Витя, — всхлипнула она.

Виталий Иванович бросился к жене, обняв, стал целовать лоб, лицо.

— Ирочка моя, Ирочка, — шептал. — Какое же ты у меня неразумное дитя! Боялась... Да я тебя никогда, слышишь, никогда не разлюблю и не брошу...

Евгений говорил, что эта сцена взволновала, растрогала его до глубины души.

То же самое переживал и я, наблюдая за супругами Гай в суде. Переживал и верил, что любовь — это наивысшее счастье в жизни, она облагораживает человека, делает его добрым. И еще думал — как хорошо, если бы это высокое благородное чувство жило и побеждало в каждом человеке.

Прошло полгода.

Как-то поздно вечером мне позвонил Евгений.

— Привет! Пишешь?

— Пишу!

— А как с повестью об Ирине Гай?

— Лежит.

— Не хочешь выдумывать окончание? Ждешь реального?

— Жду.

— Тогда, кажется, ты дождался. Только что мне позвонили из Одессы — нашли наконец того шантажиста.

— Да что ты говоришь?

— То, что слышишь. Я завтра же еду. Если хочешь — поедem вместе.

— Конечно, хочу, заказывай билет и на меня. Но скажи хотя бы в двух словах — как его нашли?

— Расскажу при встрече.

Я не стал настаивать, поняв неуместность своей просьбы.

Вечером следующего дня, как и несколько месяцев назад, мы с Евгением ехали в вагоне поезда Киев — Одесса, и он рассказывал мне, как нашли шантажиста Гай.

...Один из работников уголовного розыска Одесского городского управления внутренних дел, майор, пошел в выходной день в театр послушать оперу, главную партию в которой исполнял его друг детства, известный певец, народный артист республики. Как это бывает в больших городах, виделись друзья редко, и перед началом представления майор решил зайти к другу в гримерную. Зашел, а его друг, уже переодетый, сидел в кресле перед зеркалом, и на него накладывал грим средних лет лысый человек, который показался майору очень на кого-то похожим. Майор напряг память и вспомнил: на того шантажиста по делу Гай!

Пока друг гримировался, майор сидел на стуле в углу комнаты и наблюдал за гримером. Он видел его в профиль и анфас, когда тот поворачивался, и сравнивал с изображением на фотокарточках. Сходство большое, но... Но тот, на фотокарточках, был с роскошным чубом и на одной с усами, а этот — с лысиной во всю голову и без усов. И еще во рту у него не было

никакой золотой коронки. А вот говорил он так, как рассказывала о нем Гай, — быстро, витиевато, заискивающе.

Выходила, собственно говоря, ерунда. Похож и не похож. Он и не он.

Когда с гримом было покончено, актер поблагодарил гримера и попросил зайти снова перед самым началом спектакля, намекнув, что ему надо поговорить с другом.

Как только за гримером закрылась дверь, майор начал расспрашивать о нем у актера.

— А что такое? — удивился тот.

Майор объяснил, но друг только рассмеялся в ответ:

— Ох уж эта милиция! А меня ты случайно ни в чем не подозреваешь?

Посмеялись уже вдвоем, поговорили, и майор пошел слушать оперу.

Назавтра же в отделе кадров театра он узнал все, что его интересовало о гримере, взял из личного дела фотокарточку, чтобы сверить с теми, что были у них. Эксперты подтвердили схожесть личностей на фото.

Там же, в городском управлении внутренних дел, родилась и версия о том, что гример театра Игорь Владиславович Елкин, собираясь на встречу с Ириной Гай и Анастасией Павловной, мог надевать на свою лысую голову парик и украшать себя усами. Когда на фото Елкина, взятого из личного дела, художник дорисовал чуб и усы, тот еще больше стал похож на шантажиста, описанного Гай. Наверное, собираясь «на дело», Елкин мог надевать на зуб и искусственную золотую коронку...

— С согласия руководства управления я принял решение вызвать Елкина, — завершил рассказ Евгений. — Доведем дело до конца? — подмигнул мне весело.

— Доведем! — уверенно ответил я, хотя не представлял, чем могу помочь в этом деле.

До нашего приезда в Одессу майор с удивительной фамилией Вечера, который нашел гримера Елкина, собрал о нем новые данные. Так, например, он установил, что тот за соответствующую мзду снабжал артистов театра дефицитными и импортными вещами, любил встречать в порту зарубежные суда с туристами, посидеть в обществе красивых женщин в ресторане, имел под Одессой дачу и новенькую голубую «Ладу».

— Это уже о многом говорит, — сказал Евгений

после информации майора. — Какая у него семья? Какая квартира?

Жил Елкин в центре города, на Дерибасовской, квартира добротная, трехкомнатная. Семья из четырех человек. Он, жена и двое взрослых детей, сын и дочка. Жена домохозяйка, дети — оба студенты университета.

— Любовница? — поинтересовался Евгений.

— Уточняем, — ответил майор. — Есть данные, что не одна. Это его слабость.

Евгений, многозначительно поглядев на меня, попросил Вечерю:

— Обратите, пожалуйста, внимание на такую фамилию: Домрина Валентина Прохоровна. Врач-педиатр.

Майор, молодой, энергичный человек с заметным шрамом на правом виске, достал из бокового кармана небольшую записную книжечку, полистал ее и, отыскав нужную страничку, сделал запись.

— Хорошо, — пообещал он. — Проверим. Данные будут сегодня вечером.

Как только майор вышел, я сразу спросил:

— Ты думаешь, Домрина?..

Евгений не дослушал меня.

— Да, думаю, что она соучастница этого Елкина. Что шантаж Ирины Гай — их общая работа. Такая мысль пришла мне еще летом, во время встречи и беседы с Домриной. Но тогда говорить об этом было еще рано. Теперь время настало.

— Значит, это и было твоим предположением? — спросил я.

— Да. Оно и в Киеве не давало мне покоя.

Затем я поинтересовался, как Евгений думает разоблачить Елкина. Ведь он опытный карась, сразу на крючок не зацепится, наверняка будет выкручиваться, выскользывать из рук.

Евгений достал из папки чистый лист бумаги, из бокового кармана — шариковую ручку, положил перед собой на столе.

— А вот над этим давай и помозгуем вдвоем. Подумаем и составим детальный план нашей работы. По пунктам, с подробностями выработаем для допроса основные вопросы.

Засидевшись за этим планом, мы не успели и оглянуться, как за окнами гостиницы загорелись вечерние огни.

Я сразу узнал его, едва только он переступил порог кабинета. Словно мы с ним были хорошо знакомы, но давно не виделись. Единственное, что настораживало, — это блестящая, во всю голову, лысина, о которой не знали ни Ирина Гай, ни Анастасия Павловна Сормова. Он приходил к ним с роскошным кучерявым чубом. Все же остальное: глаза, брови, нос, губы, уши — было абсолютно идентично на обеих фотокарточках, что лежали в столе Евгения.

— Добрый день, — живо поздоровался он приятным голосом. — Я Елкин Игорь Владиславович. Меня попросили зайти к товарищу Трястовскому.

— Трястовский — это я, — кивнул ему Евгений. — Садитесь, пожалуйста, — и показал на стул напротив стола.

Елкин сел и сразу поинтересовался:

— По какому делу я вам понадобился? Чем могу быть полезен?

— Дело очень серьезное, Игорь Владиславович, — ответил Евгений. — Нам надо, чтобы вы помогли опознать одного человека, к которому у нас большой интерес.

Я внимательно смотрел на Елкина. Не сводил с него взгляда и Евгений. А он — никакой реакции. Лицо спокойное, не дрогнул ни один нерв, даже ресницами не моргнул. «Хорошую школу прошел в театре, — отметил я. — Настоящий артист, хоть на сцену выпускай».

— Что ж, если смогу — помогу, — ответил. — Почему в добром деле и не помочь? Где он, тот человек?

Евгений достал из ящика стола несколько фотокарточек мужчин, среди которых была и та с чубом, что сделал фоторобот. Подал Елкину.

— Вот посмотрите на эти фотографии и скажите, кого вы знаете.

Елкин взял фотографии, внимательно посмотрел на каждую и положил их перед Евгением на стол.

— К сожалению, никого.

— А вот на этих? — Евгений подал ему второй комплект фотографий, среди которых было натуральное фото Елкина.

Развернув фотографии веером, словно карты, Елкин сразу же увидел свое фото и расплылся в усмешке.

— Шутите? Так это же я! Но откуда у вас мое фото?

Евгений словно не услышал его вопроса и переспросил:

— Итак, на фотографии вы?

— Конечно, — продолжал ухмыляться Елкин. — Только не понимаю...

Но Евгений не дал ему договорить и снова показал снимок фоторобота из первого комплекта.

— А это кто?

Елкин взглянул на него, покрутил головой и еще больше расплылся в улыбке.

— Чудеса! Этот человек немного похож на меня. Однако я его не знаю.

Теперь улыбнулся Евгений.

— Вот это действительно чудеса. Вы сами себя не узнали.

— Я вас не понимаю, — погасил улыбку Елкин и часто-часто заморгал ресницами.

— А что тут понимать? На той фотографии тоже вы. Только в парике.

Елкин демонстративно откинулся на спинку стула.

— Я никогда не носил парика, — возразил он. — Зачем? С какой целью?

— Об этом расскажете нам попозже, — ответил Евгений. — А сейчас, если вы отрицаете свою личность на этой фотографии, — взял снимок Елкина с чубом на голове, — мы проведем опознание. У нас есть люди, которые подтвердят, что видели вас именно с шевелюрой.

— Знаете, мне это не нравится! — Лицо Елкина стало сердитым, побагровело. — За кого вы меня принимаете? Я протестую, буду жаловаться!

— Пожалуйста, жалуйтесь, это ваше право. — В голосе Евгения чувствовались спокойствие и выдержка. — А мы воспользуемся своим правом — проверить и доказать, что на этом фото тоже вы, — потряс он фотографией в руке.

Елкин не хотел поступиться.

— Вы меня оскорбляете!

— Ни в коем случае, — возразил Евгений. — Это предусмотрено законом.

— Законом, законом, — продолжал возмущаться Елкин. — Почему вы не верите честным людям? Гово-

рю же вам — на одной фотографии я, а на другой — нет. На ней — похожий на меня человек.

— И все же опознание мы проведем. Оно нам необходимо, — настаивал на своем Евгений.

И как ни не хотел Елкин, как ни противился — опознание состоялось.

Заранее привезенная в управление майором Вечерей, Анастасия Павловна Сормова в присутствии понятых сразу же узнала Елкина.

Его посадили посредине четырех приглашенных на эту процедуру мужчин, и она без колебаний показала на него пальцем.

— Вот этот. Ему я давала адрес Виталия.

Елкин заерзал на стуле, воскликнул:

— Прекратите балаган! Это шантаж! Я никогда не видел этой старухи! Я требую!..

Его начали успокаивать, снова пригласили в кабинет.

Евгений подал воды, но он отказался.

— Я не нервничаю! Я возмущен! Я требую объяснений!

— Вот теперь мы вам объясним, что к чему, — пообещал Евгений. — Теперь можно. Садитесь, пожалуйста, и слушайте внимательно. И прошу не перебивать, вести себя спокойно, так как дело чрезвычайно серьезное, криком вы ничего не добьетесь, уверяю вас.

— Ладно, — пообещал Елкин.

Слушал он действительно внимательно, вперив глаза в одну точку на полу. Мне показалось, что он ни разу не моргнул ресницами, что лицо его окаменело, что он даже не дышал. Я позавидовал его выдержке. «Словно железный человек, — подумал. — Только что возмущался, кричал, краснел от крика, а теперь — как статуя».

Когда же Евгений закончил рассказывать и спросил, что он может на это ответить, Елкин, словно очнувшись ото сна, — повернул к нему лицо, тут же улыбнулся и ответил:

— То, что это сказочка о соломенном бычке. Никакой женщины с близнецами я не знаю, никогда никаких денег ни от кого не вымогал и больше разговаривать на эту тему не хочу.

— В таком случае мы вас задержим до полного выяснения вопроса, — спокойно сказал Евгений, пряча папку с бумагами в стол.

Елкина это, наверное, серьезно испугало, и он не выдержал, повысил голос, сильно побагровев.

— Не имеете права! Постановление прокурора у вас есть?

— У нас есть еще и другое право — задержать вас по подозрению в совершении преступления, — объяснил ему Евгений. — Доказательств для этого имеется достаточно.

Елкин уже совсем утратил такую, казалось, железную выдержку.

— Это произвол! Меня ждут в театре! Позовите своего начальника!

Пришел майор Вечера, начал разъяснять, что следователь действует правильно и ему, Елкину, надо подчиниться порядку. Потом вызвал двоих милиционеров, и те отвели гримера в изолятор временного содержания.

Я спросил, что же Евгений думает делать дальше.

— Что-то будем делать. — Евгений встал из-за стола, прошелся по кабинету. — Может, у вас, товарищ майор, будут какие-то предложения?

Майор был опытным работником и ответил не задумываясь:

— Вы больше знаете это дело, и потому у вас должно быть и больше вариантов. А на мой взгляд, надо, наверное, показать этого гримера той женщине, которую он шантажировал, чтобы окончательно прижать его к стенке. Она его видела несколько раз и, конечно, запомнила больше, нежели старушка.

— Да, — согласился Евгений. — Я это имею в виду. А тем временем нам надо немедленно, сегодня же, произвести обыск на квартире, на даче Елкина и в гримерной театра. Может, найдем парик, каким он пользовался, и коронку, которую надевал на зуб.

Однако ни в театре, ни на квартире, ни на даче Елкина парика и искусственной коронки не обнаружили, хотя обыск был проведен самым тщательным образом. В театре работникам милиции даже помогал друг майора Вечери, известный певец, потому что на фотографии он узнал парик, которым пользовался Елкин. Тот же парик в одной опере надевал и он.

Что же было делать? Евгений доложил о неудаче прокурору города, с которым согласовывал обыск.

— Плохо искали, — ответит тот по телефону. — Ищите дальше.

Но и повторный обыск не дал ничего. И тогда Евгений вспомнил — они же совсем забыли про машину Елкина.

В машине-то и нашли парик и искусственную коронку, сделанную под золото.

Через три дня по просьбе Евгения была доставлена в Одессу Ирина Гай, и она тоже сразу опознала Елкина.

Однако упрямый гример продолжал упорствовать.

— Я не знаю этой женщины, впервые ее вижу. Она меня с кем-то путает! Разве мало похожих между собой людей?

Тогда Евгений достал из стола парик и коронку и положил на край стола перед Елкиным.

— Узнаете? Или, может, будете доказывать, что тоже впервые их видите?

Елкин исподлобья обреченно взглянул на Евгения, потом на Гай, и я понял — сдастся. Дальше отказываться бессмысленно.

Так и случилось.

Шумно вздохнув, он отвернулся от всех нас и глухо произнес:

— Не буду. Все, о чем рассказала эта женщина, — кивнул в сторону Ирины Гай, — правда.

— Какой же вы негодяй! — сказала она ему гневно. — А наверное, и сам отец, у самого дети есть!

Евгений поспешил успокоить Гай и, чтобы она не расплакалась, поблагодарил за помощь, а потом приказал конвоиру увести ее.

Гай еще раз гневно взглянула на поникшего около стола Елкина и, кивнув нам с Евгением на прощанье, вышла.

— Продолжайте, — обратился Евгений к гримеру.

— Что? — Тот очнулся словно ото сна. Лицо его за эти несколько минут после признания осунулось, стало землистым, под глазами легли сине-черные тени. Недавнюю напыщенность словно рукой сняло.

— Расскажите все, как было, — потребовал Евгений. — Как вы узнали о Гай, о том, что она будет брать детей? От кого? Где и когда?

Елкин сокрушенно покивал лысой головой.

— Все, как было... Все началось с нее... Это она подбила, — произнес тихо. И замолчал.

— Вы имеет в виду Домрину? — спросил Евгений.

Елкина словно кто окатил холодной водой. Он

вздрагнул и вперился в Евгения широко открытыми глазами.

— Вы... вы знаете о ней?

— Представьте себе — знаем, — подтвердил Евгений. — И не только о ней. Итак, рассказывайте.

...Познакомился он с ней давно, более двадцати лет назад. Она была молодой, симпатичной. Влюбился.

Начались тайные встречи (потому что он уже был женат), счастливые вечера, а иногда и вместе проведенные ночи.

Соответственно были и дорогие подарки возлюбленной, давал ей и деньги — на так называемые мелкие расходы.

Постепенно появлялись новые требования. Как-то Домрина сказала, что неплохо было бы ей вступить в кооператив и иметь свою квартиру. Он пообещал, что уладит это дело. Но возникла проблема денег — надо было вносить за квартиру первый взнос. И тут уже она проявила инициативу, предложила способ, как их легко раздобыть. Половину этого плана должна была осуществить она, а половину, решающую, он. Она нашла детей для Гай, а он, шантажируя, содрал с нее две тысячи рублей, которые Домрина через день внесла за кооперативную квартиру. Шло время, и однажды она намекнула — квартиру надо заново обставить, да еще и импортной мебелью. И тогда поехал Елкин к Гай в Николаевскую область взять денег у нее. Чего только не сделаешь для любимой женщины! Взял, обставили квартиру.

Но нет границ потребностям подобных людей. Запало Елкину в душу, что совсем было бы неплохо иметь где-то подальше от города, но, конечно, над морем, дачку. Ездить туда по выходным дням на отдых — когда с семьей, когда с возлюбленной. Кроме Домриной, у Игоря Владиславовича завелось еще две. Однако посоветовался он по поводу дачи именно с ней, с Валентиной Прохоровной. Она одобрила этот план, и поехал Игорь Владиславович снова к Гай, но... Ее уже там, в совхозе, к сожалению, не было. Выехала. Куда — не стал расспрашивать, решил узнать об этом у Сормовой, о которой знал. Он еще тогда проследил, куда добралась с детьми Ирина Гай, и у соседей навел о старушке все справки. Доверчивая Анастасия Павловна дала

адрес, и Елкин нашел Гай в Буче. Взятых у нее денег оказалось мало, пришлось немного доложить из других прибылей, и дача была куплена.

Но на дачу надо же чем-то ездить. Автобусом и попутными машинами неудобно. Да и не тот эффект, на дачу — и автобусом. Можно, правда, морем, на рейсовом катере, но тоже не то. Не к лицу как-то с любимой женщиной толкаться в толпе людей. Да и опасно, глядишь, еще на знакомого наткнешься. Лучше всего ездить на дачу машиной. И поставил Игорь Владиславович себе цель — приобрести машину. Однако не торопился, дабы не привлекать к себе излишнего внимания.

Стал распространять среди знакомых слухи, что собирает деньги, экономит каждую копейку, мечтая купить какой-нибудь там «Запорожец». Несколько позже встал на очередь, поступил на курсы шоферов-любителей. И ровно через пять лет после приобретения дачи, когда в кармане уже были водительские права и подошла очередь получать машину, опять отправился вымогать деньги у Гай. В Буче ее уже не было, сказали — переехала в Киев. Взял в справочном бюро адрес, нашел. Плакала, умоляла — нет денег. Но он сказал — надо! И пообещал, что в последний раз. Действительно, он бы ее больше не тревожил. Но вышло так, что потревожили его самого. Дачей он хоть немного да попользовался, а вот на машине не успел наездиться.

— И вы считаете, что вам крупно не повезло? — не воздержался от иронии Евгений.

Елкин или не нашел, что ответить, или просто не захотел отвечать. Промолчал.

Тогда Евгений сказал ему, что подлость его двойная, что он Ирине Гай нанес не только материальный, но и моральный ущерб: из-за него она сейчас отбывает наказание в колонии.

— Как?.. — не понял Елкин.

— А вот так, — ответил Евгений и объяснил, что привело женщину на скамью подсудимых.

Елкин выдержал паузу и только потом изрек:

— Жаль, конечно, что так случилось.

— Для нее — жаль, а для вас — нет, — подправил его следователь. — Для вас такой конец вполне закономерен. Запомните, Елкин, мудрую народную по-

говорку: берет волк — возьмут и волка. Вы думали, всю жизнь будете так легко жить за счет других?

Елкин не оправдывался, наверное, осознал, что сел на мель крепко и надолго.

— И, наконец, еще несколько вопросов к вам, — произнес после длительной паузы Евгений. — Полгода назад, занимаясь делом Гай, я был в Одессе и встречался с Домриной, допрашивал ее как свидетеля о близнецах. Она вам говорила об этом?

— Говорила, — буркнул.

— И это вас не насторожило?

— Она высказывала тревогу, но мне это показалось несущественным. Ведь речь шла не о нас, а о претензиях родной матери к названной. Я убедил ее, и она успокоилась.

— Вы и до сих пор с ней в хороших отношениях, поддерживаете интимные связи?

— Последнее время, месяца два, не встречались, хотя она часто звонила мне на работу.

— И последний вопрос. Домрина звонила вам всегда только на работу?

— Да.

Евгений вызвал конвоира и приказал отправить Елкина в следственный изолятор.

Григор не спеша поднялся со стула, так же не спеша пошел к двери. Сутулый, усталый, сломленный.

Из последних вопросов Евгения к нему я понял: на очереди — допрос Домриной.

16

Домрина, как ее и вызывали, пришла ровно в десять часов утра. Строгая, собранная, как и надлежит женщине ее лет, в меру накрашена, в меру надушена. По выражению лица было видно, что настроена она воинственно: у нее, мол, неотложная работа, а тут вызывают. Однако поздоровалась вежливо, иронически пошутив, не опоздала ли случайно.

— Нет, нет, — ответил Евгений. — Если бы все были так точны, как вы. Садитесь, пожалуйста, и извините, что потревожили.

Я видел, вернее — догадывался, что, сказав Домриной эти вежливые слова, Евгений лихорадочно думал: «Знает или не знает она об аресте Елкина?» Только что перед ее приходом мы об этом говорили, и Евгений на-

вел справку в театре: не звонили гримеру за эти дни какие-либо женщины? Оттуда ответили — нет. Итак, если Домрина не знает, где сейчас ее любовник, — один вопрос, если же знает — другой.

— Зачем же я вам понадобилась опять? — важно усевшись на стул, поинтересовалась Домрина. — Неужели дело о тех близнецах и до сих пор не закончилось?

— И да и нет, — уклончиво ответил Евгений. — К этому делу, как выяснилось, причастен один симпатичный молодой человек. Вот вам фото, — достал из папки фотографию Елкина в парике. — Посмотрите внимательно и скажите, не знаете ли вы его случайно?

Домрина несмело взяла фотографию и, взглянув на нее, сразу растерялась, побледнела, но тут же взяла себя в руки, выдержала паузу и ответила:

— К сожалению, должна вас разочаровать. Этого человека я не знаю, не видела никогда. — И положила фотографию на краешек стола.

Евгений, не давая ей опомниться, подал другое фото Елкина — в натуре, лысого.

— А этого?

Я заметил, как на этот раз Домрина растерялась еще сильнее, заморгала наклеенными ресницами, крепко сжала полные, покрашенные губы. Видимо, она не надеялась на такой поворот дела.

— Этого тоже не знаю, — отрицательно качнула головой. А потом прибавила: — Хотя они вроде и похожи.

Ей, конечно, некуда было деться: сказав «а», надо было говорить и «б».

Евгений же на этот ее ответ отреагировал скупой улыбкой.

— Что же вы, Валентина Прохоровна, не узнаете своих хороших знакомых? Да ведь это же Игорь Владиславович!

Домрина уже, наверное, все поняла, но решила твердо стоять на своем.

— Какой еще Игорь Владиславович? У меня нет такого знакомого!

— Игорь Владиславович Елкин, гример оперного театра, — объяснил ей Евгений, — с которым вы дружите двадцать лет и активно занимались шантажом Ирины Гай. На ее деньги построили себе кооперативную квартиру, купили импортную мебель...

Дальше Домрина не выдержала, прервала Евгения истерическим криком:

— Прекратите, прекратите! Вы не имеете права меня оскорблять! Я честная, порядочная женщина! Меня уважают в коллективе! Я буду на вас жаловаться!..

Евгений не останавливал ее, не стал успокаивать. Терпеливо ждал, пока пройдет вспышка истерики.

Наконец Домрина затихла, слышалось только тяжелое дыхание.

Евгений подал ей стакан воды.

Молча взяла, выпила.

— А теперь послушайте меня дальше, — произнес Евгений тихо, убедительно. — Припоминаете наш с вами разговор летом? Тогда я вам ничего подобного не сказал. Спросил, что меня интересовало. Вы ответили. Я вам поверил, и мы распрощались Так?

— Так, — кивнула головой.

— Теперь же дело приняло другой поворот. Теперь у меня есть факты, свидетельствующие, что в тот раз, летом, вы сказали неправду, что детей-близнецов Ирины Гай, если можно так выразиться, организовали вы, а заодно подговорили вашего хорошего знакомого Игоря Владиславовича Елкина путем шантажа брать у нее большие суммы денег и тратить их на вас и на себя. Об этом он сам рассказал вчера вечером в этом кабинете, сидя на том же стуле, на котором сидите сейчас вы. Вот его показания, почитайте, — и протянул ей протокол допроса Елкина.

Домрина не взяла его в руки, отказалась читать.

— Это поклев! Я не знаю никакого Елкина! Думаете, если я одинокая, так все обо мне можно говорить! Я буду на вас жаловаться, подам в суд!

Евгений прервал ее:

— Значит, вы все отрицаете?

— Отрицаю и буду отрицать! — Домрина явно вызвала в себе злость. — Обо мне еще никто подобного не говорил.

Евгений сочувственно развел руками.

— Мне тоже неприятно об этом говорить, но что поделаешь. Вы врач и должны меня понять. Врач, пока не поставит диагноз, не говорит больному, какая у него болезнь. Мы, следователи, тоже, пока не проверим факты, не говорим человеку, что он совершил преступление. Если же вы и сейчас все отрицаете, попробуем убедить

вас давним, проверенным способом. Подождите одну минуту.

Он встал из-за стола и вышел. Мы с Домриной остались вдвоем. Она вздохнула устало и хотела, наверное, о чем-то спросить, так как повернулась ко мне лицом, но не успела — вошел Евгений.

— Сейчас, — бросил ей, направляясь к столу. — Сейчас все станет на место, чтобы вы не возмущались, не кричали, будто на вас возводят поклеп.

Я догадался, что он решил сделать, и приготовился наблюдать, какую реакцию вызовет это у Домриной.

Она тоже, наверное, ощутила что-то неприятное и только посматривала на нас с Евгением холодными глазами. С него на меня, с меня на него. Словно хотела загипнотизировать нас.

Но вот отворилась дверь, и, держа руки за спиной, порог переступил Елкин. В помятом костюме, расхристанной сорочке, заросший рыжей щетиной. Куда подевались за эти дни его наглость, показная интеллигентность.

Взглянув на него, Домрина в первое мгновение хотела было что-то сказать, но спохватилась, да так и окаменела с полуоткрытым ртом и широко раскрытыми глазами.

Евгений пригласил Елкина сесть на свободный около стола стул напротив Домриной и, когда тот сел, обратился к ней:

— А что вы теперь скажете, Домрина? Будете отрицать, утверждать, что не знаете этого гражданина, не верите, что он во всем сознался?

— Верю, теперь верю, — зло прошептала Домрина и уставилась на Елкина. — Так вот каково твое слово, негодяй, твоя клятва! Клялся, божился, что в случае чего возьмешь все на себя, обо мне не проговоришься и словом, а коснулось дела, так все вылетело из головы! Клялся в любви, а любил, как волк козу! Загубил мою молодость, мою жизнь! Так тебе и надо! Я теперь тоже молчать не буду, расскажу, чем ты еще занимался, чтобы судили тебя сурово, чтобы ты из тюрьмы и не вернулся!

Елкина этот поток слов явно возмутил, потому что у него даже лысина покраснела.

— Ну ты, говори, да не заговаривайся! — буркнул ей.

— А ты мне рот не закрывай! — повысила голос Домрина. — Хватит, натерпелась!

Это, по-видимому, и было как раз тем пределом, до какого Евгений решил допустить их в перебранке между собой.

Все стало понятным — Домрина с головой выдала себя.

И следовательно своевременно постучал шариковой ручкой по пустому стакану на столе.

— Граждане, хватит пререкаться! Не забывайте, где вы находитесь.

Домрина и Елкин сразу же замолчали, словно воды в рот набрали, и демонстративно отвернулись друг от друга...

Когда мы с Евгением остались в кабинете вдвоем, он задумчиво сказал:

— Вот и конец делу Ирины Гай. Жизнь, как видишь, поставила все точки над «и».

*Перевод с украинского
Н. Бурлак*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Леонид Залата
ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Соловьи для фонотеки	6
За Русалочьей скалой	22
Возвращение Панина	37
Водолазки	57
Происшествие у виадука	81
Операция «Пряжа»	98
Конец фирмы	118
Стеклянные глаза	135
Тайник	152
Верить людям	170

Василий Кохан

МЕСТЬ	193
-----------------	-----

Иван Кирий

ДЕЛО ИРИНЫ ГАЙ	307
--------------------------	-----

**Волчьи ягоды: Сборник. Пер. с укр. — М.: Мол.
В 68 гвардия, 1986. — 381 с. — (Стрела).**

В пер.: 1 р. 50 к. 100 000 экз.

В сборник вошли приключенские произведения украинских писателей, рассказывающие о нелегком труде сотрудников наших правоохранительных органов — уголовного розыска, прокуратуры и БХСС. На конкретных делах прослеживается их бескомпромиссная и зачастую опасная для жизни борьба со всякого рода преступниками и расхитителями социалистической собственности. В своей повседневной работе милиция опирается на всемерную поддержку и помощь со стороны советских людей, которые активно выступают за искоренение зла в жизни нашего общества.

В $\frac{4702010200-287}{078(02)-86}$ 201-86

ББК 84Ук7

ИБ № 4692

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Редактор **В. Миронов**

Рецензенты **И. Карабутенко, Ю. Саенко**

Художник **Л. Белов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Т. Шельдова**

Корректоры: **Т. Крысанова, Л. Четыркина, Е. Сахарова**

Сдано в набор 19.06.86. Подписано в печать 09.10.86.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-
отт. 20,58. Учетно-изд. л. 21,2. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 50 к.
Зак. 1344.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1986 ГОДУ В СЕРИИ «СТРЕЛА» ВЫШЛИ КНИГИ:

Голубев А. Д. МИР БЕЗ МИЛОСЕРДИЯ. Романы.
Иванов Ю. Н. РЕЙС ТУДА И ОБРАТНО. Повесть.
Исарова Л. Т. НА ПОРОГЕ СУДЬБЫ. Роман.
Левин М. И. ТАЙНА ОРЛИНОЙ СОПКИ. Повести.
Обручев В. А. ЗА ТАЙНАМИ ПЛУТОНА. Сборник.
Оганесов Н. С. ИГРАЕМ В «СПРИНТ». Повести.
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ-86». Сборник.
Псурцев Н. Е. БЕЗ ЗЛОГО УМЫСЛА. Повесть.
Семенов Ю. С. ПСЕВДОНИМ. Повесть.
«В ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ». Сборник.
Тухтабаев Х. ЗОЛОТОЙ ВЫКУП. Роман.

В 1987 ГОДУ В СЕРИИ «СТРЕЛА» ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Безуглов А. А. ПРЕСТУПНИКИ. Роман.
Комов А. К., Веденеев В. В. ПРЕМЬЕРА БЕЗ
РЕПЕТИЦИЙ. Повесть.
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ-87». Сборник.
Сизов Н. Т. НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ. Сборник.
«СРОЧНО, СЕКРЕТНО, ДРАКОНУ...». Сборник.
«ФЕВРАЛЬСКОЕ «КВАДРО». Сборник.
Финько О. А. ЖИВОЙ СМЕРТИ НЕ ИЩЕТ. Повесть.
Хруцкий Э. А. АРХИВ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ. По-
весть.
Чебакин Е. В. ЧАС ДВУЛИКОГО. Роман.
Шестаков П. А. ОСТАНОВКА. Повести.
Юзефович Л. А. КЛУБ ЭСПЕРО. Повести.

Scan Kreyder - 14.01.2016
STERLITAMAK

1 р. 50 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ